

Мария Гинзбург Черный ангел

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2805735
«Мария Гинзбург «Черный ангел».»: Ленинградское издательство; Санкт-Петербург;
2012
ISBN 978-5-9942-0962-2

Аннотация

Отишумела, отгремела Третья мировая. Инопланетяне успешно изгнаны с Земли. Карл Шмеллинг скучает в своем роскошном замке над Волховом. В руки Шмеллингу попадает некий артефакт, похожий на старинную книгу. И это действительно оказывается учебник — учебник для сверхчеловека. Но за все в мире нужно платить. За познания — печалью, а за способность проходить сквозь стены, читать мысли и видеть в темноте — жизнями других людей. Карл Шмеллинг превращается в энергетического вампира; отныне он обречен убивать людей, чтобы поддерживать собственное существование. Он превращает в сверхчеловека и свою возлюбленную, Брюнгильду Покатикамень. Ревнивый муж организует против любовников новый крестовый поход, а тут в Новгород прибывает настоящий владелец книги...

Мария Гинзбург ЧЕРНЫЙ АНГЕЛ

Автор выражает искреннюю признательность Елене Первушиной

Was it really such a loathsome idea? Would he rather die than change me? I felt like I'd been kicked in the stomach.

Stephenie Meyer. New moon

Почему эта мысль внушает ему такое отвращение? Почему он согласен умереть, только бы не вводить меня в свой круг? Я расценивала это как предательство...

Стефани Майер. Новолуние

Пролог

Собственно, он не желал ей зла.

Он просто увидел ее.

Подвал замка был завален трупами. Здесь погибли последние его защитники, и здесь дрались особенно отчаянно. Людей было мало. Все больше телкхассцы в мятых, покореженных скафандрах.

И когда за перевернутым пулеметом что-то шевельнулось, он чуть было не пристрелил ее. Много позже, в минуты отчаяния и слабости, он думал, что это было бы, пожалуй, наилучшим выходом из ситуации. В любом случае, это избавило бы его от множества проблем.

Но тогда он успел понять, что перед ним не телкхассец и не человек, не солдат. А женщина. Совсем юная, хрупкая, почти подросток. Обнаженная и окровавленная. У него не было женщины так давно, что еще немного — и он не понял бы, на что наткнулся.

Собственно, он желал не ее.

Он уже знал о перемирии. Он хотел снова почувствовать себя живым. Понять, что все это закончилось. Ощутить, что теперь все будет по-другому. Вспомнить мирную жизнь, когда люди овладевали друг другом не в забитых трупами подвалах, а на прекрасных романтических пляжах или хотя бы в уютных кроватках.

Все эти мысли и образы он нашел для себя потом, а тогда он ничего такого не думал. Он просто овладел ею, прижав к стене. Она сопротивлялась. Он ударил ее так сильно, что несколько мгновений после этого думал, что обладает мертвой.

Но ему тогда было уже все равно — пронзая собой живую или мертвую девушку.

Она оказалась живой.

Две главные улицы Нью Энда сливались и образовывали площадь. В центре ее стоял многорукий памятник, изъеденный коррозией. Ирвинг Тачстоун решил, что это Шива. Ирвинг прибыл в Нью Энд в сумерках, и с трудом нашел единственную гостиницу города. Она называлась «Кружка Бахуса» и располагалась сразу за памятником. Официанты уже ушли. Позднего гостя встретил сам хозяин гостиницы — Уллис Субалтерн. Он жил на третьем, верхнем здании.

— Нет, это не Шива, — сказал Субалтерн, сделав запись в гостевой книге. — Это Ктулху.

— Я видел много храмов, которые принадлежали самым разным богам, — заметил Ирвинг. — Но про Ктулху слышу впервые. Чему он покровительствует? Ремеслам, любви, войне?

Субалтерн подумал.

— Он чем-то похож на Шиву. Но самое главное в этом боге, что однажды Ктулху проснется и восстанет, — ответил он наконец. — Наш город основали люди, потерявшие свою родину. А она была великой страной. И горожане верят, что однажды и их родина возродится. Только никто не признается в этом. Нью Энд основали ученые, очень высокообразованные люди. Они стесняются верить. Если ты спросишь, они скажут тебе, что эта статуя — всего лишь шутка.

Субалтерн протянул Ирвингу ключи. Тот поблагодарил и поднялся в номер. Комната порадовала Тачстоуна ценой за ночь, а кровать — свежим бельем и отсутствием клопов. Ирвинг отлично выспался.

Утром Ирвинг спустился к завтраку в общий зал. Верный рюкзак он нес в руке. Ирвинг не собирался задерживаться в Нью Энде, городе, где горожане слишком образованы, чтобы открыто поклоняться собственному богу. Тачстоуну предстояло проделать еще очень длинный путь.

На одной из стен Ирвинг заметил картину. Бородатый рыцарь на белом коне пронзал копьем кого-то явно азиатского вида. Столик, стоявший под этой картиной, казался очень уютным. Но Тачстоун присел за другой, который стоял у большого, во всю стену, окна. Ирвинг взял у приветливой официантки кофе с булочками и салат. Хозяин гостиницы тоже был на ногах, несмотря на ранний час. Субалтерн стоял около раскрытой двери своего заведения и курил, глядя на площадь.

Утренний воздух был прохладным и чистым, небо — синим, каким бывает только в горах, горы — черными, а ледники на них — белыми и искристыми. В целом, вид вполне годился для туристической открытки. Ирвинг подумал, что на вокзале они наверняка продаются. «Надо будет послать открытку Лоту», решил он и отхлебнул кофе.

Пустующая площадь постепенно заполнялась народом. Ирвинг вспомнил, что сегодня воскресенье. Первыми пришли торговцы, а затем появились прелюбопытные люди.

В основном это были молодые парни, ровесники Тачстоуна. Носили они короткие балахоны оранжевого, желтого или синего цветов. Покрой был одинаков, и это наводило на мысль об униформе. На груди у некоторых Ирвинг разглядел золотые шнуры, завязанные двойным узлом. Тачстоун знал, что это означает. Все эти парни были дважды рожденными — или считали себя такими.

Дважды рожденные молодцы ходили между только что воздвигнутыми тентами, рассматривали товары, смеялись, и дружески переговариваясь со встречными. Из-за одежды парней можно было принять за послушников буддистских монастырей, которыми изобиловала округа. Но, к удивлению Ирвинга, черты лиц у большинства из них оказались вполне европейскими. Тачстоун заметил даже юного негра, черного, как сапог.

— Надо же, — пробормотал он.

— Вы не знаете, кто это такие? — спросил Ирвинг у Субалтерна.

— Знаю, — ответил Уллис. — Это ребятишки из соседних монастырей. У них сегодня перерыв в занятиях. Они спускаются в город погулять.

Ирвинг снова задумчиво посмотрел на бродивших по площади юношей. Почему-то они вызвали в нем неприятное чувство. Опустошив тарелку с салатом, Тачстоун понял причину. Эти парни совершенно явно не голодали, в отличие от двух третей населения Земли. На лице Ирвинга появилась мечтательное выражение. Впрочем, оно быстро сменилось гримасой презрения. Уллис, с интересом наблюдавший за гостем, понимающе хмыкнул.

— И не менее пятнадцати секунд ему казалось, что неплохо было бы дремать, нежиться на солнце и курить от восхода до заката... жирной свиньей среди жирных свиней¹, — сказал Субалтерн.

— Как вы это верно подметили, — вежливо сказал Ирвинг.

Хозяин гостиницы верно прочел его мысли.

— Какие-то они... необычные, эти ребята, — закончил Тачстоун.

Уллис пожал плечами.

— Совершенно обычные, ребятишки как ребятишки, — сказал он. — А вот учителя у них — необыкновенные.

Ирвингу хотелось еще поговорить с Субалтерном, расспросить про необыкновенных учителей. Но Уллис уже докурил. Он выкинул окурочек в урну в виде стоявшей на хвосте рыбы с разинутой пастью и двинулся на площадь. А между тем обычные ребятишки, у которых были необыкновенные учителя, уже сами шли к «Кружке Бахуса». Ирвинг

¹ Киплинг, «Погоня за чудом», пер. Пушешникова, под ред. М.Назаренко

поморщился. Он почти допил свой кофе, но ему не хотелось уходить. А уйти теперь, совершенно очевидно, пришлось бы. Тачстоун направился к стойке, чтобы расплатиться. Вошедшие устраивались за столиком — тем самым, под картиной. Они говорили между собой на английском. Но это уже не удивило Ирвинга.

— Привет, Катарина! — сказал один из парней, подходя к стойке.

Он был блондином с классическими арийскими чертами лица. Ряса буддиста смотрелась на нем странно. Ирвингу его лицо показалось смутно знакомым. Официантка улыбнулась парню, как старому приятелю:

— Здравствуй, хулиган. Как всегда?

— Ну да.

Катарина выставила на прилавок поднос, взяла чистую кружку и принялась качать в нее пиво. Ирвинг обернулся, чтобы уйти, и задел хулигана рюкзаком.

— Эй, поаккуратнее, — сказал тот.

— Извините, — холодно сказал Ирвинг.

— «Извините» в карман не положишь, — ответил парень.

Ирвинг медленно повернулся к нему, засовывая руку за пазуху.

— А будешь вежливым, так и в штаны не наложишь, — процедил он сквозь зубы.

— Ха, Дэтвинг, это ты! — радостно воскликнул парень. — Крыло, старик, откуда ты здесь?

В этот момент Ирвинг тоже узнал его. Да и не так уж много людей, знавших боевое прозвище Ирвинга — «Смертельное крыло», — были еще живы.

— Привет, Крэк, — проворчал он и опустил руку.

— Пойдем, посидишь с нами! — предложил Крэк.

Его фамилия была Джонс. Впрочем, Ирвинг подозревал, что Крэк взял себе эту фамилию, чтобы иметь хоть какую-нибудь.

Ирвинг охотно согласился. Все складывалось как нельзя удачнее.

— Катарина, еще одно пиво! — воскликнул Крэк.

Когда они подошли к столику, Крэк представил Ирвинга остальным как своего старого боевого товарища. Один из новых друзей Крэка оказался тем самым негром, которого Ирвинг заметил еще на площади. Его звали Аниксом. Третьего члена компании звали О Ли Синь. Он был единственным, чей наряд хорошо сочетался с разрезом глаз. Рядом с молодым китайцем на столе лежала книга. Ирвинг несколько мгновений разглядывал ее, не в силах отвести глаз.

Она была в кованом окладе с тяжелой застежкой. Старинный умелец изобразил на обложке стальное дерево. Его обвивал дракон. На одной из ветвей висело яблоко. Листочки покрывала зеленая эмаль. Яблоко изображал очень красиво ограненный черный блестящий камень.

— Что это? — спросил Тачстоун.

— Это учебник, — ответил Крэк рассеянно. — О Ли принес его мне. Книга редкая. Мы учимся по ней по очереди. Не забыть бы ее здесь.

Друзья уселись. Катарина принесла пиво.

— Ну, рассказывай, — произнес Крэк. — Как ты тут оказался?

— Кто ты? Откуда ты? Куда ты идешь? — добавил Аникс и почему-то засмеялся.

— Да я брата нашел, — ответил Ирвинг. — Он в России. Вот, еду к нему.

Аникс перестал смеяться. Посерьезнел и Крэк.

— Да ну? — сказал он недоверчиво.

— Ну да, — ответил Ирвинг. — Эта, как ее... Организация Объединенных Наций — ну, синие каски. Помнишь, мы вместе с ними Калькутту брали?

— Помню, — ответил Крэк и отхлебнул из кружки.

— У них сейчас акция — «Родные адреса» называется, — пояснил Ирвинг. — Все, кто потерялся во время войны, подают туда свои данные.

— Настоящую фамилию значит, надо, — отстраненно заметил Крэк.

Ирвинг понял, что не ошибся в своих предположениях. Своей настоящей фамилии Джонс просто не знал. Это частенько случалось в те времена.

— Если ты ее помнишь, — согласился Ирвинг. — И место рождения. ДНК можно, если не помнишь совсем ничего.

— И что, ты сообщил свои данные? — спросил О Ли.

Он говорил на английском чисто, без того мяукающего акцента, который Тачстоун так ненавидел, и услышав который, ему всегда хотелось вытащить из-за пазухи то, что у него там было.

— Куда их подают-то, данные эти? — спросил Аникс.

— Я в английское посольство в Катманду зашел, — сказал Ирвинг. — Мне паспорт надо было новый, у меня старый истек. Там и узнал про это, там и анкету заполнил.

Крэк вздохнул:

— Тебе-то они дадут паспорт.

Ирвинг понимающе развел руками.

— А вам может быть тоже амнистия какая вышла, ты бы разузнал, — ответил он. — Ребят из тридцать четвертой вон всех амнистировали.

— Так их осталось человек двадцать всего, наверное, — заметил Крэк.

— А где твой брат, говоришь? — спросил Аникс.

— В России, — ответил Ирвинг. — Они под конец войны там какой-то регион захватили, да так и остались.

— Кто — они? — спросил Крэк.

— Ну, он дивизией командовал, — ответил Тачстоун. — Союзнической. Лот меня на семнадцать лет старше, он был уже взрослый, когда все это началось. Да и Лот кадровый военный был, какую-то академию кончал даже. Помогали телкхассцев из русской столицы выбить, а потом... вот...

— Понятно, — ответил Крэк.

— Большой регион? — спросил О Ли.

— Почти две Бельгии, брат говорит, — ответил Ирвинг.

— Да уж, — сказал О Ли. — Вам повезло.

— Холодно там, в России этой, — поморщился негр.

— Зато две Бельгии, — возразил О Ли.

Даже Ирвингу собственная история казалась чем-то невероятным. Сказкой с хорошим концом, каких никогда не случается в действительности. И только сейчас, поведав ее этим малознакомым ребятам, Тачстоун окончательно поверил, что это все — правда. Что он едет к брату, и они будут жить мирной жизнью. И у них будет не только дом, но и кусок земли. Пусть даже покрытый лесом. Но это будут сосенки и ясени, а не осточертевшие джунгли. Лот писал, что Ирвингу обязательно надо будет доучиться. Хотя бы в школе, для начала.

Тачстоун допил пиво.

— Ладно, — сказал он и встал. — Спасибо, ребята. Я пойду, мне на автовокзал пора.

— Я тебя провожу, — сказал Крэк.

— А можно нам тоже? — спросил Аникс.

Крэк посмотрел на Ирвинга. Вряд ли ему хотелось делиться своей сказкой с каким-то черномазым, и еще меньше — с косоглазым, и Крэк это отлично понимал. Но Ирвинг вдруг подумал, что ведь дом когда-то был у каждого из них...

А брат, оттяпавшего себе кусок земли размером с две Бельгии, был только у него. И провожая его, каждый из троих парней мог на миг стать им — Ирвингом Тачстоуном.

Счастливым парнем, для которого война закончилась и который возвращается домой.

— Ну, пойдёмте, — согласился Ирвинг.

Крэк расплатился за пиво сразу. Им не пришлось звать Катарину и ждать, пока она подойдет. Парни вышли на улицу.

На столе осталось лишь четыре пустые кружки, на стенках которых засыхала пена.

Приемная главы Новгородской области казалась мрачноватой из-за дубовых панелей, которыми были обшиты стены. Но отец Пётр видел хороший знак в том, что руководитель пригласил его домой, а не в кабинет в Доме советов.

Отец Пётр был представительным мужчиной. Он носил густую черную бороду лопатой и квадратные очки в позолоченной оправе. Тот факт, что настоятелю Деревяницкого монастыря немногим более тридцати, в глаза обычному наблюдателю не бросался.

Неделю назад отец Пётр принес главе области рукопись. Настоятель хотел издать ее на средства монастыря и распространить среди паствы, дабы укрепить ее дух. Цель этого предварительного ознакомления была проста и логична — получение высочайшего одобрения. В наилучшем варианте, администрация области даже частично оплатила бы издание книги. Но и отказ, сопровождаемый запретом на публикацию, не следовало исключать среди возможного развития событий. Речь в той рукописи шла о событиях столь же достоверных, сколь и щекотливых.

Улыбчивый секретарь принес Петру чашку горячего кофе, чтобы гость согрелся после морозной улицы. Настоятель опустошил чашку и обильно вспотел.

Отец Пётр сидел в одиночестве, нервничал и ждал.

Житие св. Ирвинга Хутынского. Фрагмент 1. Одержанье

... Нет книги, которая была бы написана без помощи дьявола.
Андрэ Жид.

Перед глазами Ирвинга проскочила светлая искорка — и исчезла в вечернем сером небе. Ирвинг озадаченно проводил ее глазами. Вдруг небеса наполнились багровым светом. Растрепанные полосы перьевых облаков закрутились медленно и величаво. Затем сложились в алую спираль, уходящую немыслимо высоко в небо. Ирвинг сплюнул и скрестил пальцы.

Он хотел окликнуть Карла — зрелище того стоило — но так и не раскрыл рта.

При получении российского гражданства Ирвингу удалось сохранить свое имя, поскольку не нашлось аналогов, близких по звучанию. А вот фамилия «Тачстоун» превратилась в «Покатикамень» — чудовищное сочетание звуков, которое Ирвинг смог освоить только после полугода тренировок. Карлу повезло больше. Закон о натурализации сделал из Карла Фридриха Шмеллинга всего лишь *Карла Фридриховича Шмелина*. Вопреки ожиданиям, которые накладывало подобное имя на его обладателя, Карл совершенно не походил на настоящего арийца. Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Шмеллинг родился в Аргентине, и мать его была креолкой.

Карл сидел на подножке своей машины, судорожно вцепившись в древний фолиант. Правильные, хотя и несколько жесткие черты лица Карла были искажены такой неприятной жадностью, что Ирвингу стало жутковато. Он снова посмотрел в небо. Удивительный мираж уже исчез, сменившись низкими грозовыми тучами.

Ирвинг по старой рейнджерской привычке посмотрел себе под ноги. На пыльной проселочной дороге перед антикварной лавкой, из которой друзья только что вышли, он заметил светлячка странной формы. Как только Ирвинг взял жучка в руки, свечение исчезло. Жук оказался черной кованой застежкой старинной книги. Карл, очевидно, нетерпеливо сорвал ее.

— Дэтвинг, ты не хочешь порулить? — спросил Карл, по-прежнему не поднимая головы от книги. — Все равно к Лоту собирались ехать.

В другое время Ирвинг обрадовался бы такому предложению. Хоть раз оказаться за рулем черной акулopodobной красавицы Карла мечтал каждый житель Новгорода от трех до семидесяти трех лет. Впрочем, Ирвинг не собирался отказываться и сейчас. «Ладно, потом отдам», подумал о застежке он. — «Ему, похоже, не очень-то надо». Ирвинг засунул застежку в карман черных джинсов, обошел машину Карла и сел за руль. Услышав рев заведенного мотора, Карл взобрался в салон. Магнитная дверца автоматически бесшумно

захлопнулась.

— Спасибо, Винг, — сказал Карл из глубины сиденья с подогревом.

Ирвинг рванул с места так, что их обоих вжало в кресла. Карл даже ухом не повел.

Ирвинг выехал на шоссе, соединявшее Хутынь с Деревяницами. Начался дождь, намечавшийся с утра. Ирвинг включил дворники, но и не подумал сбросить скорость. Карл Шмелин руководил областной таможней. Никто не мог миновать его замок, построенный на опорах старого моста через Волхов. Лотар Покатикамень, фактический глава области, был лучшим другом Шмелина; а брат главы области сидел сейчас за рулем.

Так что ничего удивительного в том, что, заведя черную красавицу Шмелина, водители поспешно сворачивали в проселки, не было.

Глава Новгородской области любил дуб как материал, и стол в его кабинете был сделан из этого же благородного дерева, как и панели в приемной. Сейчас на покрытой лаком темной столешнице лежала пухлая рукопись. Холодный шалун-ветерок, заглянувший в открытое окно, весело взъерошил ее странички. Стало видно название, написанное старославянскими буквами со всякими излишними загогулинами на первом листе: «Житие святого Ирвинга Хутынского».

Ветерок полетел дальше, унося с собой терпкий запах табака.

Руководитель Новгородской области сидел на подоконнике и курил. Пепел он стряхивал в медную пепельницу в виде ящерицы. Он любил свежий воздух. Этот декабрь выдался удивительно холодным. По ночам бывало до минус пяти градусов по Цельсию. Да и сейчас, днем, было не меньше трех градусов мороза. Таких холодов не могли припомнить даже старожилы. Однако глава Новгородской области предпочел надеть свитер потолще и открыть окно, а не сидеть в уютной духоте.

Он вспомнил, что скоро должен придти брат с женой. Надо будет показать рукопись и им. Или не стоит напоминать о тех событиях?

Он болтал ногой и вспоминал.

— Нет, — сказал он вслух. Негромко, но решительно. — Не так все было.

А было — так.

1

Кинжал был подарочным, но отнюдь не декоративным. Карл слушал, как Брюн разговаривает по телефону в соседней комнате. От нечего делать Шмеллинг вертел оружие в руках. Клинок был хорошо уравновешен, лезвие — острым. Рукоятка в виде орла с яблоком в лапах выглядела претенциозно, но в руке лежала удобно. Именно это и было главным для оружия, на взгляд Карла. *«От рабочих краснознаменного новгородского производственного объединения „Азот“ уважаемому Лотару Покатикамню»*, прочел он гравировку на клинке.

Карл взял из вазы персик и принялся чистить его кинжалом. Сок тек по рукам.

— Да, Лот, — говорила Брюн. — Конечно, соскучилась. Скажи Даше, я купила ей доску-леталку, как она просила... Да. Да. Жду. Целую.

Карл доел персик и вымыл руки в ванной. Когда он вернулся, Брюн уже была в спальне. Невысокая кудрявая брюнетка в шелковом халатике, туго перепоясанном алым шнуром, сидела на кровати и смотрела на него. Карл знал, что она видит.

В свое время Шмеллингу довелось довольно далеко пройти по «лестнице в небо». Карл выжил. И даже не превратился в пускающего слюни идиота. А такой удел был уготован многим из тех, кто ощутил на себе воздействие страшного оружия, изобретенного Эриком Химмельзоном. Изменения, произошедшие с Карлом, встречались реже. Но достаточно часто, чтобы врачи придумали для них классификацию. Они осторожно называли это мутацией по классу «нетопырь». Уродливые зачатки крыльев Шмеллингу удалили еще в полевом госпитале. Брюн любила гладить шрамы на спине. Карла они немного раздражали.

Шрамы походили на те, что оставила бы граната, взорвись она позади Шмеллинга. Карла бесила мысль, что кто-то может подумать — он повернулся к врагу спиной. Но заострившиеся кончики ушей в госпитале трогать не стали. На слух новая форма ушной раковины если и влияла, то положительным образом. Врачам же и без того хватало работы. Карлу сначала было некогда. Потом Шмеллинг обнаружил, что его острые уши нравятся женщинам определенного склада. Брюн они, как выяснилось, тоже нравились. За месяц, что Лот с дочкой и своим братом провел на берегу теплого моря, Брюн успела раз двадцать сказать Карлу, что он похож на эльфа. На тэлери, опоздавшего на последний корабль в Валинор.

До войны, пока Заповедник не накрыло защитным полем и он не стал недостижим для людей, стать эльфом стоило безумно дорого. В те времена у Карла не было таких денег. Да и Шмеллингу никогда не хотелось бежать. Ни от себя, ни от жизни, какой бы она не оказалась.

— Ну что, поговорила? — спросил Карл.

Брюн кивнула.

— Ирвинг ногу наколол, наступил на морского ежа. Даша скучает, — рассеянно ответила она. — Завтра в десять утра они будут здесь.

Брюн взяла сигарету из лежавшей на столике пачки. Карл машинальным жестом дал ей прикурить. Брюн Тачстоун, в девичестве Суетина, наклонилась над пламенем.

— Мне уйти? — спросил Карл.

— Как хочешь, — ответила она безразлично.

Брюн поняла, что переиграла, что это прозвучало слишком манерно. Но изменить уже ничего было нельзя. Сломанная сигарета полетала в одну сторону, зажигалка — в другую. Карл схватил Брюн. Он поднялся с кровати так быстро, что здесь лучше подошло бы слово, которым характеризуют ветер или волны — «взметнулся». Однако Брюн успела понять, что он хочет сделать. Брюн схватила кинжал с тумбочки.

Карл прижал Брюн к стене. Она уперлась кинжалом ему в грудь. Карл улыбнулся, сжал ее руку своей. Брюн подумала, что он хочет сжать ее кисть так сильно, чтобы ей стало больно, заставить выпустить оружие. Брюн стиснула претенциозную ручку с орлом еще сильнее. Карл начал медленно придвигаться к ней. Кинжал пропорол кожу, и струйка крови побежала по груди. Брюн ахнула и попыталась выпустить кинжал, но было поздно. Карл прижимался к ней, и клинок все глубже входил в его тело. Прямо напротив сердца; а длины кинжала хватило бы, чтобы достать и самое сердце. Брюн не так уж часто приходилось бить людей ножом в грудь. Перепуганной и взволнованной женщине не хватило опыта, чтобы заметить — Карл ловко развернул ее кисть и двигает клинок не вглубь, а вдоль ребер. Кинжал рассекал лишь кожу и верхний слой мышц — довольно болезненно, но практически безопасно.

— Прекрати, — сдавленно произнесла Брюн. — Прекрати!

Она хотела оттолкнуть его, но он был сильнее. Карл принялся целовать ее в шею, резко, почти кусая.

— Убей меня, — сказал он. — Да, я виноват. Да, я заслужил это.

— Нет, — сказала Брюн. — Хватит!

Но он не давал ей выпустить кинжал, и прижимался все ближе. Горячее и липкое уже текло и по ее груди.

— Ты же этого хочешь, — сказал Карл.

Дыхание Шмеллинга стало прерывистым. Но вдыхать глубоко он не хотел. Карл боялся все же ненароком пробить плевру. Тогда было бы не избежать внутреннего кровотечения.

— Нет! — закричала Брюн.

— Хочешь. Но ты хочешь, чтобы это сделал Лот. Зачем впутывать его в наши маленькие дела? Давай покончим с этим, как начали — только вдвоем...

Карл рванулся вперед. Со стороны это выглядело так, словно он насадил себя на лезвие. Но кинжал скользнул по боку. Лезвие воткнулось в предплечье Шмеллинга и остановилось. Брюн удалось отпихнуть Карла и отбросить кинжал.

— Перестань! — закричала она.

Карл стоял перед ней, обнаженный, окровавленный. Глаза его были мутными от боли. Он вряд ли ее видел. Брюн шагнула вперед и толкнула его в грудь. Карл покачнулся. Тут он понял, чего она хочет. Карл сделал несколько шагов назад. Он наткнулся на край кровати и опустился на нее.

— Или так, — сказал Карл.

Потолок в спальне Тачстоунов, оказывается, по периметру подсвечивали незаметные лампы. Лепные рельефы и виньетки с цветами занимали почти все свободное место. Цветы были, кажется, даже раскрашены.

— Я тебе уже говорил, что твоя милая головка чудесно смотрится на фоне потолка? — спросил Карл.

Брюн шевельнулась.

— Мы тут все запачкали, — сказал Карл.

— Твоя рана, — пробормотала она и хотела соскользнуть с него.

Но Карл положил руку ей на спину и не дал сделать этого.

— Ааа, ерунда, — ответил он.

Потом тихонько и очень аккуратно, чтобы не причинить себе боли, засмеялся и сказал:

— Хотя это было забавно. Я мог кончить и умереть одновременно.

— Тебе надо вызвать врача, — пробормотала Брюн. — Я позвоню Андрею Ивановичу...

На этот раз Карл отпустил ее, но сказал:

— Не надо. Я сам доеду. Только подай мне одежду.

И все же он радовался, что одеваться придется в темноте. В голове гудело от слабости. Брюн не пошла провожать его. У самой двери Карл вдруг понял, что это не шум в ушах, а тихие всхлипывания Брюн. Карл остановился. Он не знал, что сказать, но и уйти просто так не мог.

— Ты любишь его больше, чем меня, — сказала Брюн.

— Успокойся, — сказал Карл. — Я никого не люблю. Но что будет с тобой, если мы оба погибнем?

Машину Карл не отогнал в гараж, а бросил прямо у веранды. Сейчас Шмеллинг немало порадовался своей небрежности. Упав на сиденье водителя, он завел мотор. Рубашка на груди уже намокла. Карл подумал о том, что ткань присохнет к коже, и поморщился. Он пошарил в бардачке. Армейскую алюминиевую флягу, в которой в старые времена был спирт, а теперь — коньяк, Шмеллинг нашел сразу. Ее пришлось поставить на торпеду, потому что двигать Карл мог только одной рукой.

Шепотом, едва шевеля губами, чтобы не сделать себе еще больнее,

а кровь все текла

выбрасывая из себя невообразимую смесь испанских, немецких, английских и русских ругательств, Карл рылся в бардачке, пока не обнаружил там шелковый носовой платок с причудливой монограммой, в которую сплетались две буквы. Одна из них, как и следовало ожидать, была стилизованной К,

а кровь все текла

а вторую не смог бы разобрать и ведущий криминалист-графолог области. Но Карл знал, что это русская «П». Приторный запах духов «Sweety», вполне оправдывающих свое название, жутко модных в этом сезоне, которые он, скорее всего,

а кровь все текла

сам и подарил владелице платка, ударил ему в нос. Изрыгнув многоэтажное проклятие, Карл с неподдельной брезгливостью исследовал платок. После некоторых сомнений он все же решил

а кровь все текла и текла

что платок все-таки достаточно чист, чтобы воспользоваться им. Да и размера он был такого, что впору не сморкаться, а надевать на голову наподобие банданы. Но повязывать его

себе на голову Карл не собирался. Не собирался и сморкаться. Шмеллинг плеснул коньяк на платок и протер себе грудь. В глазах тоже прояснилось — боль привела его в чувство.

Карл снял с пояса телефон и набрал номер.

— Эрик? Это Карл. Не разбудил?

— Нет, — сухо ответили в трубке. — Сколько раз я просил вас, Карл, не называть меня этим именем.

— О, простите, Андрей Иванович, — ответил Шмеллинг.

— Что у вас стряслось?

— Так, ничего. Пустячок. Но мне все-таки захотелось спросить у вас совета, как у профессионала.

— Ну да, полтретьего ночи — самое время для милых пустячков, — прокомментировал собеседник. — Подъезжайте в клинику.

Карл хотел глотнуть коньяку, но потом передумал. Все-таки не стоило исключать возможность того, что кинжал проделал небольшую дырочку и в плевре. «Вольво» Карла медленно двинулась по подъездной дорожке прочь от дома Тачстоунов.

Жалел Шмеллинг только об одном.

Кинжал, подаренный рабочими Лоту, мог быть чуточку более декоративным.

Лена Кравчук была изящной девушкой лет двадцати. Когда она шла по коридору из класса в класс, это смотрелось, как фигура легкого и веселого танца. Исполненная мастером. Впрочем, болтушкой-хохотушкой, этаким обаяшкой, она не была. Лена была девушкой серьезной и спокойной. Когда она улыбалась, глядя на Ирвинга своими серыми глазами, у него теплело в груди. Класс состоял всего из двенадцати человек, а девушек среди них было трое. Это были дочери руководителей Маревского, Боровичского и Демянского районов Новгородской области. Главы остальных районов прислали своих сыновей, когда Лот собрал уцелевших университетских преподавателей и открыл частную школу. Его целью было дать образование Ирвингу, который перестал посещать школу после пятого класса. Однако Лот, со свойственной ему практичностью, сообразил, как можно воспользоваться этим для укрепления своей власти над областью. Ирвинг знал, что Лот видит в нем своего преемника. Даше недавно исполнилось одиннадцать. Лот очень любил дочку. Но смешно было бы думать, что он передал бы дочери власть над регионом, когда придет время. На юге области, за Ильменем, находился район, власть в котором после войны захватили женщины. Иначе, чем «ковырялками» Лот их не называл. Насколько было известно Ирвингу, когда дочери исполнилось пять, Лот просил Брюн родить ему сына. Но жена отказалась. Брюн не захотела портить фигуру.

И тогда Лот подал свои данные в «Родные адреса». Шанс на то, что его младший брат выжил в чудовищной мясорубке третьей мировой войны, в которую плавно перетекла общемировая война с инопланетянами, и которая перемолола страны и континенты, было мало. Но больше Лоту было не на кого надеяться.

Руководители районов тоже были в курсе, с кем им придется решать вопросы в самом скором времени. Их сыновья были посланы в Новгород и в качестве заложников, гарантирующих верность отцов, но и в то же время и с целью сформировать костяк элиты области.

— Сейчас они повинуются мне, потому что у каждого моего бывшего солдата в кладовой стоит импульсная винтовка, и он очень хорошо умеет ею пользоваться, — говорил Лот. — Но никогда не надо брать силой то, что можно взять лаской. Пусть русские любят тебя. Тогда они будут тебе верны. Ну, а дети моих солдат будут верны тебе в любом случае.

Боровичи были самым восточным районом области. Там находился завод огнеупоров, принадлежавший отцу Лены. Оттуда происходили родом самые лихие бандиты. При мифических коммунистах в Боровичах находилась исправительная колония. Освободившись, люди обычно не уезжали далеко. Многим было и некуда ехать. При республике Новгородской областью даже владел один из боровичских кланов. Все это Ирвинг понимал

тоже.

Однако он не сказал Лене о готовящейся поездке на юг, повинаясь смутному предчувствию. Ирвинг уточнил только, есть ли у его подруги загранпаспорт. Оказалось, что он имелся в наличии. Когда за три дня до отъезда Брюн свалилась с тяжелым гриппом, и стало ясно, что она не поедет, Ирвинг очень обрадовался своей прозорливости. Они собирались взять с собой и Лену тоже, но брать девушку с собой, когда Брюн болеет, означало обидеть Брюн. Если бы Лена уже была готова к отъезду и раздражала бы себя мыслями о пляжах Анапы, то узнав, что ее оставляют, жутко обиделась бы. А так Ирвинг просто позвонил ей и сказал, что они уезжают отдыхать с братом, вернутся через две недели. Лена предложила любовнику после возвращения посетить санаторий в Боровичах.

— У нас и аквапарк есть, — сказала она. — А ближе к началу занятий вместе вернемся в Новгород.

— А, ты хочешь, чтобы я побывал в вашем санатории — для сравнения, — усмехнулся тогда Ирвинг. — Хорошо.

Но хотела Лена не только этого.

После двух лет ухаживаний, встреч, яркого секса и любовных признаний уже пора было и познакомиться с родителями. С Лотом Ирвинг познакомил подругу во время весенних каникул. Теперь Лена хотела представить возлюбленного своему отцу. Ирвинг, в общем, не имел ничего против. Он знал, что Лена будет хорошей женой. Но все же была в этом какая-то неизбежность. В глубине душе это бесило Ирвинга.

И вот теперь он собирался в Боровичи. Ирвинг рылся в шкафу, разыскивая свой старый рюкзак, с которым приехал к Лоту три года назад. На тахте, покрытой коричневым покрывалом с фиолетовыми разводами, лежали стопочкой вещи, которые Ирвинг собирался взять с собой. На столике рядом, в красивом пакете лежал подарок для Лены, которые Ирвинг купил в Анапе. Это была кожаная маска, изображавшая полускрытое красным шарфом лицо женщины. Шарф развевался под ветром. Помимо этого, Ирвинг приобрел два ярких шелковых платка. Надо было что-то подарить и матери возлюбленной.

Рюкзак обнаружился в самом дальнем углу шкафа. Ирвинг вытащил его. Некоторое время он сидел на ковре — фиолетовом с коричневыми разводами. Обстановку в комнате брата Лота создала Брюн, которая вроде и не училась нигде, а дала бы фору любому дизайнеру. Ирвинг с умилением разглядывал рюкзак. Потрепанный, впитавший пыль тысяч дорог, долгое время — единственный друг и спутник Ирвинга. Клапан на кармане давно оторвался и был заменен липучкой. Ирвинг вспомнил, как покупал ее. Вспомнил самого себя в магазине швейных принадлежностей. Нелепого в своем поношенном камуфляже в царстве органзы, парчи и атласа. Как пришивал разные части ленты на края кармана. Как тихонько ругался себе под нос, когда по неумению колол пальцы иглой.

Однако рюкзак был слишком тяжелым для того, чтобы быть пустым. Ирвинг заглянул внутрь. Стальной дракон с обложки старинной книги подмигнул ему тусклым глазом. Несколько мгновений Ирвинг смотрел на книгу, не понимая, что это такое.

А потом вспомнил.

— Черт, — сказал он.

Казалось невероятным, что Ирвинг не заметил книги во время путешествия. Не ощутил ее тяжести. Ни разу не задел рукой острого стального края, когда доставал из рюкзака деньги или провизию, или же искал записную книжку. Но еще более неясным был ответ на вопрос, как учебник из буддистского монастыря вообще попал к Ирвингу?

Ирвинг помнил, что книга понравилась ему. Во всяком случае, возбудила его воображение. Но Ирвинг мог поклясться, что не брал ее. Он был убийцей, но не вором. Мысль о том, что Крэк подкинул ему книгу в сумку, была еще более нелепой. Джонсу предстояло пройти курс обучения по этой книге. Именно для этой цели негр с труднопроизносимым именем, которое Ирвинг уже позабыл, и принес ее Крэку. Джонс еще боялся забыть учебник в баре. Наверняка Крэку тогда влетело за то, что он потерял такую редкую и дорогую книгу.

Края обложки соединялись кованой застежкой. Ирвинг аккуратно и осторожно потянул за нее. Застежка отошла неожиданно легко. А вот украшенную стальными завитушками обложку Ирвинг приподнял с некоторым усилием. Цвет страниц рукописи удивил его. По красному пергаменту ровными рядами, как солдаты на параде, шли причудливые черные буквы. Глаза читателя должны были здорово уставать от такого сочетания. Ирвинг принялся разглядывать украшенную разноцветной виньеткой первую букву. Перед его глазами вспыхнул золотисто-оранжевый фейерверк. Ирвинга отбросило назад. Он ударился затылком о ковер и чуть было не потерял сознание.

Ирвинг смотрел в потолок, перерезанный пополам лентой с люминофорами. Изображение плыло, двоилось. Зеленоватая осветительная лента превращалась в кружки и запятые. Мягкий голос нашептывал ему что-то. Но Ирвинг не знал этого языка. Наваждение прошло так же внезапно, как началось.

Ирвинг сел, провел рукой по лбу.

— А не передается ли бешенство через иглы морских ежей? — произнес он вслух.

Почему-то Ирвингу захотелось услышать собственный голос. И то, как он звучал, удовлетворило парня. Ирвинг окончательно успокоился. Резкая смена климата, часовых поясов, да плюс перелет — этого вполне хватит, чтобы начать слышать голоса в голове.

Ирвинг решил подарить книгу Карлу. Он знал, что до войны Шмеллинг был историком — археологом или что-то в этом роде. Карл собирал старинные книги. Все в области знали об этом увлечении Шмеллинга и часто и охотно пополняли его коллекцию. Но сейчас, насколько знал Ирвинг, самым старым в коллекции Карла был роман «Овод» 1950 года издания.

Учебнику, которому на глаз было не меньше пятисот лет, Карл должен был очень обрадоваться.

Это был конец северного июля. Сумерки стали прохладны. Лот и Карл сидели на веранде после ужина и традиционной чашки горячего шоколада, одного из «фирменных» угощений Брюн. Мужчины курили. Наличествовали все необходимые для уюта предметы — стулья, плетенные из соломки, белоснежная кружевная салфетка на круглом столе. Но Карлу почему-то не было уютно, а даже наоборот.

Наверное, все дело было во взгляде Лота.

Тот искоса поглядывал на своего заместителя, но молчал, словно ожидая, что Карл сам начнет разговор. Наконец Лот спросил:

— Тебя пытались убить, пока нас не было?

— С чего ты взял? — удивился тот, уже все поняв.

«Надеюсь, у меня получилось достаточно натурально», подумал Карл.

— Карл, я же вижу, как ты двигаешься, — ответил Лот. — Тебя недавно ранили в грудь.

— Ты ошибаешься.

— Карл, это не игрушки, — сказал Лот. — Если на тебя покушались, это нужно расследовать. Это же не частное дело. Ты — военный глава области. Мне как главе региона потребовать, чтобы ты разделся?

Карл долго молчал.

— Ну? — спросил Лот почти гневно.

— Никто на меня не покушался, — произнес Карл. — Я мазохист, Лот.

На лице Лота появилось выражение такого искреннего непонимания, что Карл несколько секунд думал, что друг не знает этого слова. Но Лот знал.

— Ах вот как, — пробормотал он.

— Да.

— Но ты мог бы сказать своему мальчику, чтобы он был осторожнее! — решительно произнес Лот.

Карл поперхнулся дымом.

— Какому... мальчику? — спросил он.

— Послушай, я совсем не хочу тебя обидеть, — ответил Лот. — Я помню, нам в академии рассказывали на уроках истории. В древности они были хорошими воинами и стойко дрались. Например, при Фермопилах...

— Лот, — перебил его Карл. — Мазохист и гей — это не одно и то же.

На этот раз Лот покраснел.

— А почему ты тогда не женишься? — сказал он, чтобы сгладить неловкость.

Карл пожал плечами.

— Не знаю, — сказал он. — Мне кажется, то, чего женщины хотят от меня... слишком просто.

— А чего бы ты хотел от женщины? Кроме того, чтобы она, значит... — спросил Лот и снова покраснел. — Ну извини меня, я перепутал!

— Забудь, — усмехнулся Карл. — А чего бы я хотел... Чтобы не сильно приставала и чтобы можно было поговорить о чем-нибудь интересном. Но о чем я могу поговорить? О штурме Пскова в пятидесятом году? Так это будет ей неинтересно. Еще я могу поговорить о полноизменяемых и неполноизменяемых корнях в санскрите. Но это уже точно никто не будет слушать.

Знатоки этого древнего языка во время войны были на вес золота. Лот знал, что Карл работал переводчиком у иррипан. Если язык захватчиков-телкхассцев оказался совершенно чужд земным языкам, то язык дипломатов из Галактической Примирительной Комиссии имел много общего с санскритом. Иррипане и не скрывали, что уже вступали в контакт с цивилизацией Земли именно в Индии, и оказали в свое время большое влияние на формирование культуры этого региона.

— Я тебя понял, — кивнул Лот. — А, кстати! Ирвинг хотел подарить тебе какую-то старинную буллу.

— Пойду, посмотрю, что за булла, — сказал Карл и поднялся. — Он у себя?

— Да, ждет тебя.

Детская в доме Покатикамня была большой, светлой комнатой. На полу Лот настелил ковровое покрытие с веселым рисунком. Паровозики бежали по прихотливо изогнутым железным дорогам. В засадах у скал их караулили индейцы. Ковбои пасли свои стада в бескрайних прериях. На обоях же скакали вверх и вниз по лианам обезьянки. В тени огромных листьев пальм скрывались носатые яркие попугаи. Под самым потолком зрели кокосы и бананы. В углу из зарослей выглядывала морда тигра — но не злая, а скорее лукавая. Зверь как бы приглашал: «Пойдем со мной!».

Над кроватью Даши висел балдахин из синего бархата с желтыми кистями. Резные столбики по углам кровати изображали препотешных лохматых собачек, стоящих на задних лапках. Ночник на столике рядом имел вид маленького зеленого бегемотика. В дальнем углу стоял простой, без всяких излишеств и украшений, письменный стол и стул. В шкафу над ним виднелись учебники. У противоположной стены находился шкаф. Его украшала затейливая резьба в виде завитушек и листьев, а так же цветов, пышных роз и скромных тюльпанов. Между цветами можно было заметить головы оленей с развесистыми рогами. Именно оленям, судя по всему, был адресован призыв лукавого тигра со стены напротив. По центру, так, что щель между створками дверей проходила прямо по центру фигуры, был вырезан человек в огромной шляпе, делавшей его похожим на гриб. Брюн говорила Даше, что это леший.

В общем и целом, с одного взгляда становилось ясно, что здесь живет маленькая принцесса, надежда и отрада своих родителей. Которую, однако, не только любят и балуют без памяти, но и воспитывают. Лот нашел среди жителей Новгорода бывших педагогов и попросил составить для Даши программу. Вот уже четыре года учителя ходили к Даше на дом. Лот щедро платил им за обучение. Узнав о таком расточительстве, отец Анатолий, скрепя сердце, предложил, чтобы Даша посещала церковно-приходскую школу при

монастыре — бесплатно. Она была единственным уцелевшим в Новгороде после войны учебным заведением младшего звена. В ней учили только мальчиков. Однако ради дочери главы области настоятель был готов сделать исключение. Но Лот вежливо отказался. Он не любил подчеркивать свой статус и редко требовал для себя каких-то исключений. Даже на работу, в Дом советов, располагавшийся в центре города, Лот ездил на обычной машине. У него не было ни кортежа, ни мигалок, которыми обычно пользовались чиновники Конфедерации. За что Лота, в общем-то, и любили в городе.

Да и какая может быть учеба у одной девочки в мальчишеском классе, Лот примерно представлял.

— Я хочу вырастить образованную леди, а не вертихвостку, у которой одни интрижки на уме, — сказал он тогда отцу Анатолию.

Настоятель был вынужден согласиться с Тачстоуном.

Но лишь один уголок казался уютным в этой огромной, яркой, наполненной игрушками комнате. Это было место между кроватью и старым резным шкафом. Если сесть здесь на пол, то можно было заметить, что бок шкафа — черный, обугленный. От находившейся там розы на длинном стебле сохранился лишь сам цветок. Все остальное слизнуло пламенем. Этот шкаф Брюн привезла из замка Быка. Раньше он стоял в ее комнате и чудом сохранился во время захватов замка.

Игрушек у Даши тоже хватало. Но больше огромных кукол с чудесными синими и карими глазами, так похожими на человеческие, с локонами из настоящих волос, сильнее индейцев из красной резины, в руки которых можно было вкладывать копья, мечи и луки, глубже чудовищных летающих ящеров и тигров из разноцветной пластмассы дочь Лота любила старенького мишку. В руках он держал розу, а на голове у него была корона такого же красного цвета. Лот, несколько смущаясь, признался, что прошел с ним всю войну. Мать прислала мишку в подарок на первое рождество, которое Лот встретил в Вооруженных силах Великобритании. Подарок казался не слишком подходящим для двадцатилетнего курсанта Королевской военной академии. Но мать написала, что это мишка — талисман. С ним дед Лота, Иоганн Штайнер, в свое время прошел весь Ирак — и вернулся без царапины. (Мать Лота был немкой, чем и объяснялось имя, которое носил ее сын. Она назвала сына в честь своего брата, Лотара Штайнера). После того, как графство Эссекс исчезло с лица Земли, мишка оказался единственной вещью, оставшейся у Лота на память о родных. Новгородские мастера подчистили дряхлую шкурку, набили мишку свежими опилками. Брюн сшила для медведя юбочку из алого шелка. Он всегда сидел на почетном месте — на кровати Даши, рядом с подушкой. Перед сном Даша обнимала его, шептала в его мягонькие мохнатенькие ушки свои немудреные детские тайны.

В центре комнаты стоял чемодан из фиолетового пластика. Он был открыт. В его пасти поблескивали зубчики стальной молнии. Оттуда же свешивались носки, платья, майки.

Дверь отворилась, и вошла Даша. Это была высокая для своего возраста, но довольно худенькая девочка. Волосы у нее были светлыми, того платинового оттенка, который говорит о том, что со временем они неизбежно потемнеют. Глаза у Даши были голубыми, как у матери, и такими же большими и выразительными, как у Лота. Но удивительное добродушие, написанное на ее круглом личике, было ее собственным. Ничем подобным никогда не обладало ни волевое лицо Лота, ни красивое лицо Брюн. На Даше были надеты темно-синие короткие шорты и легкая белая футболка с изображением симпатичных акул. Отец купил ее на курорте, вместе с другими подарками для дочери.

В руках Даша несла плетеную корзину для белья, за которой и ходила в ванную. Поставив ее на ковер, девочка ловким пинком повалила чемодан на бок. Он раскрылся окончательно, выплюнув на пол разноцветный поток одежды. Даша принялась сортировать его и складывать грязные вещи в корзину. Некоторые вещи — например, дождевик из зеленого брезента, из-за которого Лот называл Дашу своей лягушечкой — так и остался чистым, Даша не надевала его ни разу. Значит, и стирать его не требовалось.

В комнате появилась Брюн.

— Привет, — сказала она, разглядывая кучу одежды на полу. — Уже вещи разбираешь? Молодец. Заканчивай, пойдем обедать. Остальное потом доделаешь.

— Сейчас, мам, — сказала Даша.

Девочка поднялась с пола, подошла к резному шкафу и повесила туда дождевик и платье из желтой органзы.

— Тебе понравилось на юге? — спросила Брюн. — Тебе там было хорошо?

— Очень! — бодро воскликнула Даша.

Смутная тень скользнула по лицу матери. Это был неправильный ответ. Но Даша этого не поняла, а Брюн не могла признаться себе в этом.

— Пойдем, — повторила Брюн. — Я приготовила рагу — твоё любимое.

— А в отеле на обед подавали жареных осьминогов. Ты не представляешь, мама, как это вкусно! — сказала Даша.

Она выудила из кармана чемодана плоскую рамку и приблизилась к матери.

— Это маленький фотоальбом, — сказала Даша. — Папа купил. Смотри.

Она нажала плоскую кнопку на боку рамки. Снимок со смеющейся Дашей сменился изображением девочки на фоне белых скал и яркого неба. Брюн с интересом разглядывала снимки, которые дочь прокручивала перед ней. Вот Даша, а по бокам, как два гиганта-телохранителя, застыли Лот с Ирвингом; вот дочь несется вниз по трубе с водой и хохочет.

— А это что? — изумилась Брюн.

— А это такой надувной айсберг, — сказала Даша. — Видишь, хваталки? По ним забираешься наверх и прыгаешь в воду. Очень весело.

— А я вот никогда никуда не ездила, — вздохнула Брюн.

— Еще съездишь, — великодушно сказала Даша. — В следующем году я буду уже большая, и можно будет оставить меня с дядей Ирвингом. А вы с папой съездите вдвоем, отдохнете от меня.

Брюн усмехнулась:

— А в этот раз, значит, вы с папой отдыхали от меня?

Даша уже ее не слушала. Девочка выбрала тот снимок, где она была запечатлена с отцом и дядей. Альбом можно было использовать и в качестве рамки с набором сменных фотографий. Даша поставила рамку на стол, рядом с танцовщицей из разноцветного стекла. Юбка фигурки взметнулась так, словно она танцевала в языках пламени. Девочка обернулась к матери и хотела ее обнять. Брюн сделала вид, что не заметила и не поняла ее жеста, ловко увернулась и вышла из комнаты. Даша нахмурилась, но тут же забыла и об этом. Она покинула детскую вслед за матерью. Даша беспечно сбежала по лестнице, оказавшись в кухне раньше Брюн.

Жизнь была прекрасна, отдых удался, родители ее любили.

Что еще нужно для счастья в одиннадцать лет?

Карл вздохнул. Так вздыхает ребенок, первый раз увидевший бабочку, и женщина при виде платья своей мечты в витрине. Шмеллинг держал книгу в руках так, словно она была кубком из тончайшего хрусталя, который мог треснуть от неосторожного взгляда. Ирвинг, довольно улыбаясь, смотрел на друга.

— Похоже на Серебряный Кодекс, — сказал Карл. — Пергамент красный. Хотя нет, буквы черные... Но встречаются и золотые.

— На каком языке был написан тот кодекс? — спросил Ирвинг.

— На готском, — ответил Карл. — Епископ Ульфилас, то есть Волчонок, перевел для готы Евангелие и создал письменность для целого народа.

— Ты знаешь готский? — спросил Ирвинг.

— Этот язык давно мертв. Как и те, кто говорил на нем.

— Я имел в виду, если эта книга написана на готском, то скорее всего она и есть Серебряный кодекс епископа Волчонка, — пояснил Ирвинг.

— Нет, — сказал Карл. — Этого языка я не знаю, но это не готский. Очень похоже на

санскрит. Ты прав. Это не Серебряный кодекс. Впрочем, можно было сразу догадаться. На обложке Серебряного кодекса изображены два ангела, несущие зеркало, и мужчина с книгой в руках. А здесь — дракон и дерево...

Шмеллинг оторвался наконец от книги и взглянул на Ирвинга.

— Я, разумеется, не могу спросить тебя, где ты раздобыл эту инкунабулу?

Ирвинг мучительно покраснел.

— Она из Непала, — сказал Тачстоун. — Ты говоришь, санскрит. По-моему, это язык древних индусов, разве не так?

Карл кивнул.

— Ну вот, возможно ее сделали в Индии. А потом перевезли в Непал, — сказал Ирвинг.

— Все возможно, — согласился Карл. — Огромное спасибо тебе. Я тебе что-нибудь должен?

Ирвинг махнул рукой.

— Ты не представляешь ее ценности, — сказал Карл. — Это очень дорогая вещь. Мне будет неловко, если...

— За ней может придти законный владелец, — перебил его Ирвинг. — Вот с ним и поговоришь.

— Ах вот как, — сказал Карл. — И как он может выглядеть?

— Как монах-буддист с нордической внешностью.

— Да, при таких приметах ошибиться сложно, — хмыкнул Шмеллинг. — Хорошо, я буду иметь в виду.

Он попрощался с Ирвингом и вышел, сунув книгу под мышку. Ирвинг представил себе, как Карл мчится домой на своей черной «вольво», уединяется в комнате на самом верху башенки и жадно вчитывается в малопонятные, потускневшие от времени знаки, а в окно заглядывает любопытная горгулья с водостока...

Ирвинг усмехнулся. Приятно делать приятное приятным людям; но он открыл этот процесс для себя очень недавно. Что-то тускло блеснуло на ковре. Ирвинг наклонился и увидел, что это застёжка от книги. Инкунабулы, как назвал ее Карл. Наверное, она отлетела, когда Ирвинг открыл книгу. А он и не заметил этого из-за накатившей дурноты.

Ирвинг выбежал в коридор и столкнулся с Брюн. Жена брата стояла у высокого, во всю стену окна и любовалась видом на ночной лес.

— Ты не видела Карла? — спросил Ирвинг.

Брюн молча ткнула рукой в стекло. Ирвинг услышал рёв мотора. Карл отъезжал от жилища Тачстоуна.

— Что-то случилось? — спросила она.

— Я подарил ему старинную книгу, а застёжку от нее забыл отдать, — сокрушенно произнес Ирвинг.

— Какая интересная книга — на застёжках, — заметила Брюн. — Ну, гнаться за Карлом, чтобы отдать ее, уже не стоит. Заглянешь к нему завтра утром, когда поедешь в Боровичи. Сделаешь крюк, так не пешком же.

— Да, ты пожалуй права, — согласился Ирвинг. — Я так и поступлю.

Брюн улыбнулась:

— А сейчас пора спать. Тебе завтра предстоит длинная дорога. Принести тебе чашку горячего шоколада? Выпить перед сном, успокоиться?

— О, вот это сейчас будет в самый раз, — улыбнулся в ответ Ирвинг.

Теплая, уютная Брюн, немного смешная и добрая, относилась к нему почти что с материнской заботой. Хотя по возрасту он годился ей, скорее, в младшие братья. Ирвинг очень любил и уважал ее. Брюн казалась ему воплощением женственности. Ирвинг немного завидовал Лоту.

Брюн направилась в кухню. Ирвинг вернулся в комнату.

«Действительно, отдам завтра», решил Ирвинг и засунул застёжку в карман своих черных джинсов.

Но завтра он ее не отдал. Ирвинг проспал. Брат одолжил ему флаер. Зарядка батареи обходилась недешево, но Лот мог себе это позволить. Ирвинг вскочил во флаер и вылетел из Новгорода в спешке, позабыв обо всем. Кованая застежка старинной инкунабулы умчалась в Боровичи вместе с ним.

Она была очень удобной овальной формы и совершенно не чувствовалась в кармане черных джинсов.

Давным-давно, еще при царском режиме, на истоке Волхва хотели построить железнодорожный мост. Однако дело ограничилось возведением пяти массивных опор из каменных блоков — «быков». Еще успели сделать насыпь для дороги по обоим берегам реки. Коммунисты, владевшие этой землей после Романовых, сделали дорогу, идущую по левому берегу. Одним из развлечений новгородской молодежи в демократической России было забираться на того «быка», что стоял на суше.

Федор Суетин, фактически владевший Новгородской областью с 2028 по 2053 год, построил замок на быках, или, как его скоро стали называть в городе — замок Быка. Здание явилось результатом изящного технологического решения. Его автором был один из последних профессиональных мостостроителей — Денис Щемелинин. Так же замок Быка стал последним заказом, который Щемелинин выполнил в России. Следующим его детищем был печально известный Поющий мост через Персидский залив, построенный по заказу США. Поющий мост соединил север ОАЭ и иранский город Бендер-Аббас, стоящий на берегу Ормузского пролива. Мост был уничтожен телкхассцами при налете в 2048 году.

Старые опоры на истоке Волхова, порядком подмытые водой и подточенные весенним льдом, укрепили и добавили несколько новых. Ширина реки в этом месте равнялась двумстам девяноста двум метрам. Пяти опор хватило бы, чтобы выдержать вес железнодорожных путей и паровозиков начала прошлого века. Но для замка это было маловато. Затем на опоры моста дополнительно установили тавровые железобетонные, предварительно напряженные балки и объединили их между собой, тем самым создав прочное основание будущего замка. Сам мост состоял из ажурных металлических ферм. В самом высоком месте они достигали десяти метров (считая от верхней точки старинных опор). Строитель придавал им стрельчатую форму. Когда скелет будущего замка еще был обнажен, было совершенно очевидно, что любимым мостом Щемелинина был мост Дружбы, что соединяет Китай и Северную Корею. На металлические ребра нарастили мясо пенобетона. Сверху настелили крышу, и получилось вполне пригодное для жизни здание.

На первом, самом нижнем этаже находились механизмы подъема массивной решетки, что перегораживала Волхов полностью. Опоры, являвшиеся самым уязвимым местом замка Быка, Щемелинин снабдил ледорезами. Суетин, опасавшийся совсем другого, опутал их системой датчиков, которые реагировали на движение и прикосновение. Однако Суетин не очень-то доверял технике. На уровне двух метров над водой на опорах были устроены места для часовых. На верхушках трех башенок Суетин устроил огневые точки. На средней из них стояла зенитка, на двух крайних владелец замка обошелся пулеметными гнездами. Внутреннее пространство в башенках было разделено на три этажа, в прилегающих к ним частях постройки — на два. В остальной части замок Быка был одноэтажным. Он имел автономную систему энергоснабжения и отопления, которая полностью не отключалась никогда. От серо-свинцовых вод Волхова несло холодом и сыростью даже самым жарким летом.

Внутри было довольно уютно. Единственная проблема заключалась том, что ширина здания равнялась всего пятнадцати метрам. Как известно, прямоугольную комнату сложнее обставить мебелью, чтобы было комфортно. За исключением складских помещений замок Быка был поделен легкими перегородками на небольшие квадратные комнатки. В узких окнах замка можно было увидеть разноцветные витражи, большей частью состоящие из абстрактных фигур. Однако на окнах той башенки, где, как догадался Карл, жили дети Суетина, на окнах красовались изображения чудесных деревьев, зверей и звезд. Жилище

Федора Суетина и его команды сообщалось с суши при помощи двух небольших мостов, которые всегда поднимались на ночь. У левого берега Волхова был сооружен шлюз, при желании легко превращавшийся в сухой док. За определенную плату люди Суетина оказывали услуги по ремонту и переоснастке кораблей. Судя по тому, как часто торговцы обращались к людям Карла с аналогичной просьбой, бывший владелец замка был знатным мастером.

В отделке здания отчетливо чувствовалось дыхание неоготического стиля, вошедшего в моду после создания Заповедника. Суетин не поскупился. Скульпторы усадили бронзовых химер на водостоках и горгулий на изломах крыш. Чудовищные морды глядели из виньеток над окнами. Та башенка, которую Карл про себя считал детской, была отделана в более мягком стиле. Здесь преобладали растительные и геометрические мотивы. Над замком Быка гордо реял флаг. Однако это был не трехцветный флаг республики. Федор легко мог придумать собственный герб, и водрузить штандарт над своим замком на манер средневековых феодалов. Но Суетин не стал этого делать. Он установил флаг с гербом Новгорода, где фигурировали медведи, рыбы и трон.

Щемелинин окрестил свое детище «строительным Франкенштейном», очевидно имея в виду соединение частей от разных объектов — дома и моста — в одном проекте. Льстивые журналисты из местной газеты сравнивали это фантастическое сооружение с Вашингтонским кафедральным собором. Недоброжелатели шипели про колосса на глиняных ногах. Карлу его новое жилище напомнило Замок Безумия, принадлежавший графине Кармилле из мультфильма «Жажда крови», который Шмеллинг смотрел в детстве. Главным героем мультфильма был сын вампира и человеческой женщины, охотник на вампиров со звучным и коротким именем «Ди». Лот, ужасно напоминавший белокурого вампира Майера из того же мультфильма, поселился на Торговой стороне рядом с другим мостом — Колмовским.

Была у замка и тайна, которую Карл обнаружил только на пятый год своего владения им. Помимо зенитной установки, в центральной башенке был спрятан восьмиместный грузовой флаер. У Суетина была большая семья. Кроме трех сыновей, имелись и две дочери. Теперь имена четверых из пяти детей Суетина них были высечены на памятнике, что стоял на ближайшем кладбище, чуть ниже имени отца. Карл еще во время установки плиты обратил внимание, что имена всех детей Федора начинались на букву «А»: Антон, Александра, Андрей и Алексей. Отчество Суетина тоже начиналось на «А» — он был Алексеевич. Здесь совершенно явно просматривалась традиция.

Батарея флаера была заряжена. Суетин мог покинуть свой замок в любой момент. Зарядки хватило бы, чтобы облететь всю Землю. К тому времени Карл уже понял, почему Брюн отказалась хоронить остальных членов клана на городском кладбище. Страшно было даже представить, что сделали бы люди, которых Суетин систематически грабил и от которых отгораживался подъемными мостами и пулеметами, с его прахом. Однако законченным подонком он все же не был. Увидев в небе над Ильменем корабль телкхассцев, Суетин не запрыгнул в свой флаер и не бросил область на растерзание космическим захватчикам. Вместо этого он расстрелял корабль телкхассцев из зенитки, хотя не мог не понимать, что уцелевшие инопланетяне атакуют его. Так и произошло. В ожесточенном бою телкхассцы вырезали защитников замка Быка.

Части, которыми командовали Карл и Лот, в этот момент двигались в сторону Санкт-Петербурга на казенных угнанных флаерах. Батареи заряжались не так давно. Зарядки должно было хватить на дорогу до северной столицы Конфедерации. После развала Московского фронта в связи с заключением перемирия, Лот решил вернуться в Англию. Ему самому было некуда возвращаться. Графство Эссекс ушло под воду во время войны после очередной бомбежки. Но его люди, англичане, которыми он командовал, не хотели оставаться в России. Шмеллинг находился в похожей ситуации. Германия вошла в состав Заповедника целиком и теперь была скрыта от истекающего кровью мира плотным защитным коконом. Немцы из разведроты лишились места, куда можно было бы вернуться.

Их родина превратилась в ожившую сказку — и отторгла тех своих детей, у кого не хватило денег заплатить за превращение в эльфа или орка. Шмеллинг предложил своим людям пересечь в Санкт-Петербурге на корабль и направиться в Америку. Сам он бы родом из немцев, осевших в Аргентине после второй мировой войны. Карл надеялся, что его и его людей приветливо встретят в крепости изгнанников.

Но до Санкт-Петербурга немцы не добрались.

Карл первым успел придти на берег Волхова и захватил замок Быка. Телкхассцы были измотаны предыдущей битвой. Шмеллинг и его люди рассудили, что нет никакого смысла тащиться до Америки, когда удача сама идет в руки. Если на доходы от контроля над рекой Суетин смог построить замок, то уж восемьдесят человек, оставшиеся от немецкой разведроты, как-нибудь прожили бы на эти деньги.

Лот со своей дивизией появился чуть позже. Было совершенно очевидно, что его осенила похожая идея. Но увы, к раздаче слонов он опоздал. Карл тем временем обнаружил документы, из которых явствовало, что Суетину принадлежал химический завод, при котором, собственно, и существовал Новгород. После нескольких весьма напряженных дней Карл разрешил ситуацию, отдав Лоту Брюн. Шмеллинг нашел единственную уцелевшую наследницу Суетина в подвале замка, на остывающих телах землян и инопланетян. Девушка была в таком шоке, что первые несколько дней даже не могла говорить. Когда к ней вернулся дар речи, оказалось, что она владеет не только русским, но и английским языком. Дочь Суетина играла в банде отца роль переводчика при общении с иностранными торговцами. Это было как нельзя кстати; ни Карл, ни Лот русским не владели. Знание же русского было совершенно необходимо для обоих — ведь они решили остаться здесь. Брюн обучила и Карла, и Лота.

Лот женился на Брюн и стал таким образом совладельцем завода и города.

Карл отдал левую часть замка своим людям, оставив себе ту самую «детскую» башенку. Впрочем, совсем уж детской она не была. На первом этаже находилась роскошная спальня с огромной кроватью из вишни. Изголовье было отделано золотом. Карл решил, что это спальня самого Суетина. Туда Шмеллинг приводил женщин. Они неизменно оставались в восторге от обстановки, кровати и искусства самого Карла. Правда, к восторгам по поводу последнего пункта Карл относился довольно насмешливо. Шмеллинг был достаточно циничен, чтобы понимать, что является самым выгодным женихом области, и небезосновательно сомневался в искренности похвал. Да и комната ему не очень нравилась. На огромной кровати Суетина Карл чувствовал себя мальчиком-с-пальчик в гостях у великана.

Суетину было легче — он пришел на берега Волхова уже с подругой.

Когда Карл был один, он спал в небольшой комнатке под самой крышей башни. Шмеллинг предполагал, что она принадлежала одному из сыновей Суетина. Карл сменил мебель в комнате, порядком испорченную во время двойного штурма, и обосновался там. Шмеллинг оставил только книги, потрепанные томики с обугленными краями и отверстиями от шальных пуль. «Овод» и «Человек, который смеется», изданные в 1950 году, а так же «Отважная охотница», что была на десять лет младше жертвы компрачиков и сурового революционера, дали начало коллекции старинных книг Шмеллинга.

В тот вечер Карл долго сидел на подоконнике и курил, глядя на реку и Кремль вдалеке. Бронзовая горгулья, устроившаяся на подоконнике рядом с ним, то же смотрела вдаль черными обсидиановыми глазами и молчала. Именно за то Карл и любил ее, единственную верную спутницу всех своих ночей. В отличие от живых женщин, которые не давали ему спать, горгулья охраняла сон своего господина.

Поскольку иррипане из Галактической Примирительной Комиссии для общения с землянами использовали язык, имевший много общего с санскритом, то переводчики в основном были из Индии. Карл, тоже работавший с инопланетянами, пристрастился к индийским сигаретам Navy-Cut. Знакомый торговец табаком привозил их Шмеллингу специально, на заказ, в красивых жестяных коробках в стиле Старой Доброй Англии. Карлу

хотелось погрузиться в книгу, которую ему подарил Ирвинг. Но Шмеллинг уже был опытным ценителем и не торопился. Помимо наслаждения обладанием, существует и наслаждение предвкушения. Книга лежала на столе за спиной Карла. Там же, на краю, примостилась лампа с наипыютнейшим абажуром.

Карл докурил, закрыл окно. Вставил в розетку фумигатор, заранее заряженный смертоносной для комаров ароматической пластинкой. Крохотные кровопийцы были сущим бичом Новгорода и окрестностей. Город стоял посреди болот, которых полностью не смогли осушить и распахать даже коммунисты — фанатичные сторонники мелиорации и прочих экспериментов над климатом.

Карл открыл книгу. Он задел пальцами за колючие штырьки, с которых Ирвинг сорвал застежку. На указательном и среднем пальцах выступили капельки крови. Карл поморщился, бездумно облизал пальцы и принялся рассматривать черные буквы на красном фоне. Он попытался перелистнуть страницу, чтобы оценить сохранность инкунабулы. Возможно, остальные страницы были повреждены. Но выяснить это ему не удалось.

Карл глухо застонал и схватился руками за голову. Шмеллинг вскочил со стула, сделал несколько неверных шагов и рухнул на кровать.

Аквапарк построили в Боровичах незадолго до войны. Как и завод огнеупоров, как и все в городе, это заведение принадлежало отцу Лены. Ирвинг и Лена посещали аквапарк бесплатно, правда, приходилось делать это ночью. Развлекательный центр был открыт для посетителей до одиннадцати. Затем в нем меняли воду и убিরали. Лена и Ирвинг приходили к полуночи. Они проводили в бассейне два, а то и три часа. Лена заходила за Ирвингом в пансионат, или же парочка встречалась на площади перед аквапарком, у памятника покорителям космоса. Наплававшись, они возвращались в номер к Ирвингу или шли на самый поздний сеанс в местный кинотеатрик. Укладывался спать Ирвинг не раньше пяти, просыпался к часу дня.

Ирвингу нравилось входить в голубую воду бассейна, зная, что он делает это первым. Нравилось нестись по хитро закрученной трубе, вылетать из нее и плюхаться в воду, поднимая тучи брызг. Нравилось сидеть на бортике бассейна для малышей, смотреть, как бьет вода изо рта пластмассовой яркой змеи, свернувшейся кольцами на бортике. И мечтать ни о чем, спустив ноги в воду — она тут всегда была теплой, как парное молоко.

Нравилось заниматься сексом в круглой чаше с бурлящей водой. Лена называла ее джакузи. На самом деле это была часть бассейна, отгороженная стенкой высотой по грудь взрослому человеку и снабженная нагнетателями воздуха. Ирвинг никогда раньше не занимался сексом так много и с удовольствием. Ушла торопливость и ненасытность, сменившись изощренностью. Лена была мила и покорна. Ирвинг чувствовал, однако, что тупеет от наслаждения, растворяется в нем.

В тот вечер Ирвинг появился на площади перед аквапарком один, и на полчаса раньше обычного. Площадь уже была пуста. В Боровичах ложились спать рано. Фигуры покорителей космоса казались какими-то особенно мертвыми в синеватом свете фонаря. Сурово чернели впадины глаз на серебряных лицах космонавтов.

Ирвинг остановился у клумбы и закурил, рассматривая скульптурную группу. У красного гранитного постамента были отбиты углы. Космопроходцев было трое. Их могучие фигуры давали ясно понять, что дорога к звездам будет проложена благородным физическим трудом, а не протираанием штанов в кабинетах. Они стояли спина к спине. Из центра композиции на серебряной струе выхлопа поднималась ракета, похожая на толстенького треххвостого сперматозоида. Целилась она точно в зенит. Ирвинг вдруг заметил — возможно, потому, что впервые посмотрел на памятник внимательно — что один из этих троих женщина. Такая же могучая, как и ее товарищи, но, несомненно — женщина.

Из тени памятника вышел серый человек. Ирвинг вздрогнул, хотя рядом с космонавтами этот человек казался гномом — хилым, вырожденным потомком великанов.

— Точность — вежливость королей, — сказал серый человек.

— Вы принесли? — спросил Ирвинг.

Серый человек молча протянул ему картонную папочку с завязками. Ирвинг открыл, пролистал густо исписанные накладные. «Надо будет почитать», подумал он. — «Мне скоро надо будет самому разбираться в этом всем».

— Я в этом не разбираюсь, я вас уже предупреждал, — сказал Тачстоун вслух. — Но вы можете быть уверены, что тот, кому вы хотели их показать, их увидит.

— А я могу быть уверен в том, что кроме него и вас, никто не заглянет в эту папку? — спросил серый человек.

Ирвинг молча кивнул.

— Вы должны понимать, что в противном случае меня убьют, — произнес серый человек. — Поэтому и только поэтому я позволю себе назойливость, граничащую с бестактностью. Этих бумаг не коснется рука и некоей молодой особы, очаровательной, пылкой, умной...?

Ирвинг усмехнулся.

— Я вижу, что у вас принято вовлекать женщин в ваши дела, — сказал он, указывая на памятник.

Мягкий акцент уроженца Альбиона, которого до сих пор не было слышно в речи Тачстоуна, проступил так же явно, как кровь на белоснежном бинте повязки.

— Но у нас — не принято, — закончил Ирвинг.

— Спасибо, — ответил серый человек. — Я вас понял.

Он повернулся, чтобы идти. Он был так худосочен, что казалось — он не отбрасывает тени.

— Пойдите, — окликнул его Ирвинг.

Серый человек обернулся.

— А кто она? — кивнув на могучую женщину, покрашенную серебрянкой, спросил Ирвинг. — Как ее зовут, что она сделала?

Собеседник подслеповато прищурился.

— Я думаю, это Валентина Терешкова, — сказал он. — Первая женщина, слетавшая в космос.

— А я и не знал, что в космосе бывали и женщины, — заметил Ирвинг.

Серый человек попрощался и ушел. Ушла и его тень, которую Ирвинг наконец заметил. Она была такая же худосочная и полупрозрачная, как и ее обладатель.

Но если серый человек и не унаследовал богатырской стати своих предков, то их мужеством и стойкостью он обладал в полной мере.

Каникулы в Боровичах выходили чудесными и выглядели как внезапно сбывшаяся мечта, о которой Ирвинг и не подозревал. Днем они гуляли, ходили в гости к родителям Лены. А сегодня Иннокентий Романович пригласил Ирвинга на завод. Ирвингу случалось бывать на промышленных объектах и раньше. Обычно к моменту визита Тачстоуна они не являлись действующими и представляли собой груду развалин, inferнальных в своей технологичности. На работающем заводе Ирвинг оказался впервые. Он показался Тачстоуну филиалом ада на земле. Неугасимое адское пламя здесь деловитые черти использовали для выпечки силикатного кирпича. Случайно завернув не туда, куда надо, Ирвинг потерял сопровождающих и на какой-то краткий миг остался один. Из тени огромных механизмов выступил серый человек.

— Кравчук обманывает вашего брата, — сказал он. — Он производит больше кирпича, чем отчитывается. И продает его налево.

Ирвинг впервые оказался в такой ситуации. Но как поступают в таких случаях, он знал.

— Мне нужны доказательства ваших слов, — произнес Ирвинг.

— Приходите сегодня в полночь к памятнику покорителей космоса, — ответил серый человек. — Будьте один. Я очень многим рискую.

— Тогда давайте за полчаса до полуночи, — сказал Ирвинг. — В полночь у меня там уже назначена другая встреча. Что вы принесете, какие-то документы?

— Хорошо, встретимся в полдвенадцатого, — согласился серый человек. — Да, я принесу накладные.

Ирвинг покачал головой:

— Я в бухучете не разбираюсь. А в чем здесь ваш интерес, позвольте узнать?

— Рабочие завода надеются, что господин Покатикамень установит справедливую оплату и защитит нас от произвола этого кровососа, — сказал серый человек. — Ведь за неучтенный кирпич им не платят.

За спиной Ирвинга послышались шаги. Он обернулся и увидел Лену. Она искала своего возлюбленного. Девушка двигалась среди грохочущих механизмов с привычной грацией кошки, крадущейся по джунглям. Заметив Ирвинга, она улыбнулась.

— С кем ты здесь разговаривал? — спросила Лена.

Ирвинг посмотрел туда, где только что стоял серый человек. Но там никого не было.

— Тебе показалось, — сказал он.

— В таком шуме немудрено ошибиться, — согласилась Лена. — Пойдем. В конференц-зале уже и столы накрыли.

Течение медленно несло тяжело груженный катер мимо лохматого спящего леса и заливных лугов. Справа появилась несимметричная черная громада, особенно угрюмая в мягком свете луны. То были развалины какой-то церкви.

Антон весь подобрался. Пусть катером управлял штурман, но груз-то принадлежал ему. И он, Антон, договорился с белобрысым таможенником, что сегодня ночью решетка, перегораживающая Волхов, между седьмой и восьмой опорой поднимется. Владелец замка Быка, Карл Шмелин, не показывался своим людям на глаза уже третий день. И только поэтому белобрысый, которого Антон про себя презрительно звал Гансом, согласился. Жадность оказалась сильнее благоразумия и страха. «А говорят, только русские любят взятки», с неосознанной гордостью думал Антон.

Да, ему пришлось заплатить этому Гансу за то, что катер пройдет дальше без досмотра. И немало заплатить. Но дело того стоило.

Мост-замок, нелепое и чудовищное сооружение, был уже близко.

Ладони Отто слегка вспотели. Он чуть не сорвался из-за этого. В гнездо часового на опоре вела лесенка из железных скоб. Такой, без всякой страховки, ее сделал Суетин. Шмеллинг не стал ее менять. Карл не хотел, чтобы его люди производили впечатление жирных, зажавшихся паразитов. Каждый из бывших солдат дежурил на опоре по крайней мере раз в неделю. И это помогало согнать намечавшийся у многих жирок.

Отто же эти акробатические упражнения давались все сложнее и сложнее. А сегодня ему пришлось проделать этот путь трижды. Вечером Отто спустился в гнездо — сегодня был его черед дежурить. Дождавшись темноты, он вернулся в подвальный этаж замка Быка и включил подъемник. Механизм, слава богу, работал почти бесшумно. Затем Отто вернулся на свое место. Сжимая в одной руке инфракрасный бинокль, а в другой энергетическую винтовку, он принялся следить за рекой. Отто не намеревался держать проход открытым всю ночь. Слишком велик был риск. Ему даже думать не хотелось о том, что сделает с ним Карл, если узнает про невинные делишки Отто.

Так что тому русскому следовало поторапливаться.

А вот и он. Огни на катере погашены, но людей выдают тепловые контуры тел. Интересно все же, а что он везет?

Отто перевел бинокль на нижнюю часть судна. Там, в трюме, находился груз, который русский не захотел ему показывать.

В вышине, в небольшой комнатке под самой крышей башни, заворочался и открыл глаза тот, кто еще три дня назад был Карлом Шмеллингом.

Очень хотелось есть.

Он сел на кровати и с интересом прислушался.

У Отто заledenела спина. От массивной опоры веяло холодом и в самые жаркие ночи, которые были не такими уж частыми гостями в этом паршивом климате. Что уж говорить про сегодня. Весь день шел дождь, который прекратился только к вечеру — и то нехотя, будто делая одолжение. Отто, который сегодня стоял на досмотре, весь продрог. Вечером ему удалось согреться за сытным ужином, который приготовила Настя. Но внутреннего тепла хватило ненадолго.

Отто отложил бинокль, винтовку и полез в карман за фляжкой. Удобной, плоской фляжкой в холщовой обтяжке. Она осталась у него еще с тех времен, когда Отто был ефрейтором, а Карл Шмеллинг — капитаном. У бывшего разведчика возникло смутное чувство, что что-то не так, но он не смог определить причину. Отто с наслаждением приложился к фляжке. Затем любовно закрутил крышечку. Взгляд его упал на бетонное ограждение поста. Отто бессмысленно икнул.

Рядом с его тенью, кругленькой, смешной, на ограждении вольготно разлеглась еще одна тень. Длинная, узкая, и словно бы взлохмаченная.

Отто медленно обернулся. Он узнал того, кто, улыбаясь, стоял за его спиной. Ощутил мягкое, почти ласковое прикосновение к шее.

И ничего не стало.

Белобрысый взяточник сдержал слово — решетка оказалась поднята. Не до конца, но ровно настолько, чтобы катер пробрался под ней без всяких затруднений. Катер вошел под мост и оказался в глубокой, черной тени замка. Антон невольно глянул вверх. Откуда-то оттуда, из огромного осинового гнезда, прилепившегося к опоре, за ними наблюдал часовой. А, возможно, и не один.

Тихо плескалась вода, лаская и одновременно подтачивая опоры. В высоте над Антоном и невозмутимым штурманом проплыли острые зубья решетки. В лунном свете они казались более черными и чудовищными, чем на самом деле.

Антон глубоко вздохнул и улыбнулся. Полпути пройдено. До серебряной лунной дорожки, перерезавшей серую спину Волхова, было уже рукой подать.

Вдруг наверху кто-то вскрикнул. Коротко, но душераздирающе. Пальцы Антона впились в рубчатую рукоять пистолета, который всегда уютно дремал в правом кармане куртки. Антон снова посмотрел наверх. Он до боли в глазах вглядывался в черное дно замка, но так и не смог ничего различить. Что-то просвистело в воздухе и ударилось о палубу, покатилося...

Антон узнал белобрысого таможенника — точнее, его голову.

Антон рывком вытащил руку из кармана.

Что-то зашелестело, нежно, словно в темноте разворачивали штуку шелка. Катер выплыл из-под замка-моста. Палуба стала волшебной белой и чистой в свете луны. А в следующий миг на ней расплылась огромная черная клякса. Антон, оцепенев, смотрел, как чернота медленно собирается и сгущается в фигуру. Высокую, тощую, будто бы взлохмаченную. Полыхнули алым глаза.

Антон попятился, выставив перед собой руку с пистолетом. Существо улыбнулось. Зубы засияли отраженной белизной. А затем оно взметнулось, как смерч, как волна, и прокатилось по палубе. Антон водил рукой, пытаясь поймать его в прицел, но так и не смог этого сделать. Незванный гость был слишком быстрым. Загремело в трюме. Антон похолодел, поняв, что существо уже там.

Около груза, который никому нельзя было видеть.

В следующий миг существо снова оказалось на палубе. Под мышкой оно держало длинный узкий ящик, который Антон и его люди поднимали втроем. Существо оглянулось, как бы в поисках чего-то. Оно протянуло руку к Антону в международном жесте «дай».

Антон чуть надавил на курок.

— Голову ему отдайте, — раздался хриплый голос штурмана. — Ему голова нужна...

Существо снова улыбнулось. Такими зубами мог гордиться и саблезубый тигр.

Антон опустил взгляд. Голова незадачливого таможенника действительно закатилась ему под ноги. А он и не заметил, когда это случилось. Не сводя взгляда с гостя, Антон присел на корточки. Он поднял голову за волосы и кинул ее существу, словно мяч. Тот ловко поймал свободной рукой. Затем запрыгнул на борт. Оглянулся через плечо.

— В следующий раз, — прошелестело существо. — Это будет твоя.

И покачало головой, которую все еще держало в руке.

Чудовище побежало по воздуху, ловко перебирая ногами по ступенькам невидимой лестницы, что соединяла замок Быка и катер.

Когда по левому борту показался Кремль, штурман произнес:

— Это еще по-божески. Тут раньше сидел Суетин с бандой. Вот у него настоящий упырь был. Лапы, как у обезьяны, клыки вечно в крови...

Антон передернуло, но он промолчал. Без ящика груза была грош цена.

Штурман был прав. Надо было радоваться тому, что таможенник отпустил их живыми.

У каменной женщины были отбит нос и рука. Стена, на которой скульптор поселил эту женщину в незапамятные времена, поросла зеленым мхом. Невдалеке что-то зашкворчало, как яичница на сковородке. Именно так — огромная яичница на огромной сковороде. Бог жарил себе на завтрак полдюжины жизней. Если бы еще только знать, какой бог... Восьмирукий Вишну, застывший в вечном танце за спиной Ирвинга, не включал блюда из человечины в свое меню.

Ухнуло, земля под ногами подпрыгнула. Переулок в мертвом квартале давно брошенного города заволокло дымом. Мерзко завоняло горячей травой. Экран вспыхнул серебристым щитом на голове Ирвинга и снова исчез. Аккумуляторы были дохленькие. Максимум, что вытянул бы экран — еще пару залпов. Потом пришлось бы уходить. Ирвинг никогда не любил городской бой — изнурительную игру в кошки-мышки со смертью на узких улочках. Игру, в которой не бывает победителей. Это знали все наемники из отряда «Левая рука Будды». Это знали и красные кхмеры, загнавшие их в мертвый город Та-Пом — пригород Ангкора, одноразовой столицы. Слишком много смерти было вокруг, смерти и старой, давнешней, и свежей. Кровь пятнала древние камни, стекала по узорчатым барельефам. Наемники — все сплошь белые варвары — надеялись, что кхмеры не применят пиэрсу, этот галактический говномет, на территории памятника ЮНЕСКО. Увы, кхмеры то ли не знали о культурном значении города, то ли — скорее всего — им было все равно.

Лианы, толстые, как щупальца Ктулху, мирно покоились на крышах храмовых пристроек и величаво сползали на землю. Они оплетали богов, танцующих и ласкающих друг друга. Посреди улицы стояла скульптурная группа, выкрашенная серебрянкой — двое мужчин и женщина, воздевшие руки к небу, ракета, повисшая на алюминиевой струе выхлопа. Космические первопроходцы смотрелись в объятиях лиан чужероднее, чем выглядели бы в красных песках Марса. Лианы горели, и воняли, как ни странно, мясом. Свежей говядиной, пригоревшей на углях.

«Я хочу есть», понял Ирвинг. «Невыносимо хочу есть. Даже не есть, а жрать, хавать, рвать еду руками и глотать не прожевывая. Когда я ел в последний раз?»

сегодня вечером в ресторане санатория были котлетки квашеная капуста и пюре

«Так сразу и не вспомнить. А марш-бросок через джунгли с этими ублюдками на хвосте аппетита, ясно дело, не убавил. Они висят на нас, как консервная банка на собаке. Пока они с нами, мы слишком громко дребезжим, чтобы можно было незамеченными войти и раствориться в ...».

Снова захлюпала, забормотала пиэrsa. На голову Ирвингу посыпался песок и какая-то труха. Кто-то окликнул Тачстоуна. Ирвинг обернулся и увидел Крэка. На Джонсе уже не было буддистской рясы. Он переоделся поношенные джинсы и футболку.

— Извини, что отвлекаю, — сказал Крэк вежливо.

Время вдруг затаило дыхание. Ирвинг ощутил себя фигуркой персонажа в компьютерной игре, которая вдруг поняла, что вся местность вокруг — плоская картинка, а не объемный и живой мир. Ирвинг сообразил, что ему все это снится. Он вдруг осознал, что тоскует по тем дням. Горячим денькам, когда он еще не был господином Ирвингом Покатикамень, братом главы Новгородской области. А был просто Детвингом, Смертельным Крылом, наемником, преступником, убийцей... Никому не нужен, но и никому ничего не должен. Ирвинга захлестнула волна неожиданной грусти. На ее фоне радость, наслаждение и чувство бесконечной свободы, которое он испытывал во сне, стало еще более ярким, более терпким.

«А ведь не изменилось только одно», — подумал Ирвинг. — «Женщинам, как тогда, так и сейчас, от меня нужны только деньги. Но тогда это было более откровенно, более прямолинейно. Более честно».

— Я ее не брал, — опережая Крэка, произнес Ирвинг. — Твою... инкунабулу. Серебряный кодекс этот. Честное слово.

— Я знаю, — кивнул Крэк. И добавил серьезно:

— Она сама тебя выбрала. Эта книга — с характером. Она все еще у тебя?

— Я дал ее Карлу почитать, — ответил Ирвинг.

— Кто это — Карл?

— Глава таможни Новгородской области, — сказал Ирвинг. — Он живет в замке Быка.

— Давно ты отдал ему книгу?

— Дня три назад.

Крэк покачал головой. Затем дружески улыбнулся и сказал:

— Трое косоглазых прячутся в проеме вон той арки. Пиэrsa — у среднего.

— Спасибо, — сказал Ирвинг.

Крэк подмигнул ему и исчез.

Время снова задышало. Клубы дыма зашевелились. Заплясали язычки пламени на догорающих лианах. Ирвинг прижал к плечу винтовку. Он взгляделся в темноту арки сквозь инфракрасный прицел. Крэк не ошибся — желтомордых было трое. В руках у среднего мохнатился клубок чернильной тьмы. Пустота обвивала его щупальцами, похожими на хвостики кляксы. Двое других поддерживали симбионта. После двух мощных залпов он все еще находился в трансе.

Ирвинг открыл глаза. Вокруг было светло. Он поднялся с постели, такой уютной и чистой. Ирвинг увидел себя в зеркале. Он привык спать обнаженным, и сейчас на нем тоже была только пуля. В давние времена пулю носили на шее как оберег. Ведь зачем тому, у кого уже есть пуля, еще одна? С тех пор появилось много других способов убийства на расстоянии, но традиция осталась. Пулю, что сейчас висела на шее Ирвинга, он сам когда-то выковырял из своей ноги.

Только теперь пуля была оправлена в серебро — свинец раздражает кожу. Да и потертый шнурок сменила плоская серебряная цепочка.

Ирвинг задумчиво разглядывал свое отражение. Похлопал себя по едва наметившемуся животу.

— Жирной свиньей, — пробормотал он. — Среди жирных свиней...

Ирвинг хлопнул Лену по обнаженной спине. По крепкому телу прошел гулкий стон.

— Да ну Винг, — пробормотала Лена недовольно.

— Иди мойся, — сказал Ирвинг. — Мы ведь еще в кино собирались.

Лена поднялась с кровати.

— Мы с тобой прямо как упыри, — заметила она и взяла с кресла полотенце и халатик. — Живем ночной жизнью.

— Я так мечтаю увидеть рассвет. Сто лет его не видел... — трагичным голосом произнес Ирвинг.

Лена засмеялась и ушла в душ. Ирвинг слушал, как шумит вода, и думал о том, что бухучет оказался проще, чем ему казалось. Если бы Лот позвонил сейчас, это было бы идеально.

Но брат не звонил. Вернулась Лена. Она быстренько растерлась полотенцем и надела свое любимое шелковое платье. Оно было все в разноцветных разводах и до того узкое, что в него приходилось влезать, извиваясь подобно змее, которая пытается втиснуться в свою сброшенную кожу. После чего Ирвинг оставил ее в комнате одну и пошел мыться сам. Но он ничем не рисковал. Накладных в номере не было.

Ирвинг спрятал их в своем флаере, который разместил на стоянке позади пансионата. Днем за оградой часто толпились любопытные боровичане. Большинство из них никогда не видело флаера. Тем более, боевого. Лот не стал снимать с него пулемет. Флаер выглядел весьма грозно, даже несмотря на зиявшие пустоты гнезд, в которых раньше крепились ракеты. Лот использовал их еще до того, как осел в Новгороде.

Ирвинг услышал, как Лена включила фен и принялась сушить волосы, напевая какую-то песню. Он приглушил воду и прислушался. Ему нравилось, как она пела. Это была одна из тех странных русских песен про закат и воинов в разведке, смысла которых Ирвинг не мог понять, как ни старался:

— Все это дым, конечно дым, но день и ночь душа страдает...

Карл появился в комнате. Он не входил в нее и не влезал в окно. Он проявился в воздухе, как сгусток тьмы, как Чеширский Кот. Карл обтер губы — ему казалось, что они у него в чем-то соленом и густом. Хотя Шмеллинг знал, что ему только так кажется, удержаться от жеста он не смог.

Карл открыл книгу и снова принялся внимательно ее рассматривать. Шмеллинг заметил два тоненьких штырька, оставшиеся от сломанной застёжки. Это об них он и укололся. Тщательное изучение серебряных знаков на первой странице привело Карла к заключению, что хотя они и выглядят похожими на санскрит, запись представляет собой совершенно бессмысленный набор символов.

Карл попытался перелистнуть страницу, и тут обнаружилось, что это невозможно. В книге не было страниц как таковых. Сбоку их имитировала сложенная гармошкой кожа.

— Шайссе, — пробормотал Шмеллинг.

— Фу, как грубо, — осуждающе сказал чей-то тоненький голосок.

Карл вздрогнул и огляделся с безумным видом. Но в комнате, кроме него, никого не было. Когда Шмеллинг снова посмотрел на книгу, на пурпурном пергаменте обнаружилась фигурка. Ростом человек был со средний палец Карла. Он носил черную рубаху с серебряной каймой по рукавам, и такие же брюки. И был он рыжим, абсолютно, в высшей степени, которой может достичь этот цвет. Карлу вспомнилась его подруга, такая же огненно-рыжая, как и этот человек.

— Ну, привет, — сказал рыжий. Когда он задрал голову, стало видно, что глаза у него зеленые, как сочная трава. — Можешь звать меня Локи. Слушай, переложи книгу куда-нибудь повыше, голова затекает так на тебя смотреть.

Карл лег на кровать, поверх покрывала, сбитого за три дня беспокойного забытья. Шмеллинг пристроил книгу себе на грудь. Локи присел на край страницы, свесил ноги.

— Ты и правда бог? — спросил Карл.

После того, что он сам только что устроил, он не удивился бы положительному ответу. Но человек отрицательно покачал головой.

— Ты в Генштабе на компьютере работал, документы набирал. Помнишь, там были компьютерные помощники — забавная фигурка, котик, песик, или же живая скрепка? Вот я такая скрепка и есть. Сканирование твоего личного профиля привело к выводу, что к советам такого помощника ты прислушаешься с очень большой степенью вероятности.

— Помощник, значит, — задумчиво произнес Карл. — Что такое эта книга? Что со мной произошло?

— Этот объект, который кажется тебе книгой, является установочным модулем программы «Черный Эллорит». Модуль является первым, самым примитивным из энергетических модулей — паразитарным. Когда ты прикоснулся к книге, была взята проба твоего ДНК. Твой генокод был признан годным к активации, и программа была загружена и установлена.

— И я теперь всегда буду... паразитом?

— Насколько мне известно, это зависит от качества генетической комбинации и наличия обучающих программ. Твой генокод допускает использование более совершенных программ получения и переработки энергии. Однако в этой книге только одна сказка, и ты ее уже прочел.

— Очень жаль, — заметил Карл. — Количество вопросов за один сеанс ограничено?

Локи отрицательно покачал головой.

— Мне надо подумать, — сказал Шмеллинг.

— А я тогда пока разомну ноги, с твоего позволения, — откликнулся Локи.

Он легко вскочил на ноги и принялся разгуливать по странице, что-то негромко напевая.

— Эта программа — одноразовая? — спросил Карл. — Если тебя коснется еще кто-нибудь с подходящим генокодом, ты уже не сможешь наделить этими способностями и его?

— Нет, — ответил бог. — Программа может быть использована до пятидесяти раз, при наличии носителей нужной генетической комбинации.

— Эта генетическая предрасположенность, — способность черпать ресурсы из жизненных сил других людей, — она передается по наследству?

— Конечно, — кивнул Локи. — В соответствии с общими законами генетики. Это доминантная способность. Но количество генетических комбинаций очень велико. Из двух родных сестер одна может быть редкой уродиной, другая — писаной красавицей.

— А что я еще могу, кроме как летать, видеть сквозь стены и отрывать головы? — спросил Карл.

Локи радостно потер руки и снова уселся — на этот раз посредине странички, скрестив ноги по-турецки.

— Это долгая тема, — сказал он. — Ты будешь приятно удивлен. Я не только расскажу, но помогу тебе научиться пользоваться твоими новыми способностями. Сейчас, когда твой энергетический баланс высок, самый подходящий момент для этого. Что летать? Ты теперь можешь проходить сквозь стены, да и вообще оказываться там, где захочешь...

Локи подмигнул:

— В эротической сфере тоже имеется ряд приятных сюрпризов. Если ты сможешь найти себе подружку и инициировать ее с моей помощью... О!

Маленький рыжий человечек говорил, увлеченно размахивая ручками. Его огромная тень, протянувшаяся наискосок через всю стену, старательно повторяла все движения своего хозяина. Причудливая тень от взлохмаченной головы Карла напоминала курящийся вулкан. Она оставалась неподвижна. Карл очень внимательно слушал своего бога.

Далеко внизу холодная сонная вода струилась сквозь тяжелые ржавые решетки и лениво ласкала каменные бока опор.

Сначала Тачстоун сделал гостевую комнату в восточной башне. Но потом приехал Ирвинг, и та комната ему понравилась. Под новую гостевую переделали помещение в западном крыле. Брюн решила, что это будет Голубая комната. Все здесь, начиная от обоев и заканчивая ковром на полу, имело этот нежный цвет. Время задергивать тяжелые бархатные портьеры еще не пришло. Через окно струился неяркий свет. Нежное голубовато-серое сияние наполняло комнату.

Брюн вошла и направилась к стеллажу из стали и голубого толстого стекла. В руках жена Лота держала книгу с черно-синей обложкой. Книга была далеко не новой. Уголки обтрепались, на корешке виднелись белые заусеницы. Брюн поставила ее на место,

задвинула ее поглубже. Теперь книжка с мистичным названием «*Новолуние*» была почти незаметна между «*Шкатулкой секретов домохозяйки*» и «*Лучшими сказками мира*».

Брюн нашла эту книгу, когда ей было пятнадцать. И «Новолуние» было почти единственной вещью, которую она унесла с собой из отцовского дома.

Брюн решила задернуть портьеры. Она распустила бархатную ленту на левой из них, которой та собиралась на вбитое в стену железное кольцо. Брюн раздвинула портьеру на всю ширину. На миг женщина застыла между портьерой и окном, любуясь на черный лес, реку и прозрачное, неистово голубое небо. Край неба начинал сереть. Подкрадывались сумерки.

Брюн услышала шаги. Кто-то направлялся в комнату. Она обернулась, но выглядывать из-за портьеры не стала. Скорее всего, это был Лот. Супруги только что поругались.

Лот обнаружил в гараже мотоцикл, который Брюн купила в его отсутствие. Когда они пили вечерний шоколад на веранде, муж осведомился:

— Что это за кусок говна появился у нас в гараже?

— Это чертовски дорогой кусок говна, милый, — меланхолично ответила Брюн.

Лот, рассердившись, оттолкнул от себя кружку с такой силой, что шоколад расплескался по столу. Брюн машинально подумала, что надо сходить, взять тряпку и вытереть. Она поднялась с места. Но Лот не дал ей уйти.

— Так вот, значит, на что ты спускаешь мои деньги! — воскликнул он.

— Ну, а что такого, — ответила Брюн.

Ругаться ей хотелось не больше, чем напоминать, что завод, служивший источником состояния Лота, перешел к нему в качестве ее приданого, и деньги были в не меньшей степени ее, чем его.

— Покатаюсь немного по окрестностям, подумаешь, — продолжала Брюн. — Этот лес — наш до самых Деревяниц. Меня никто не увидит. Развеюсь немного.

— Да, ты видать сильно болела, пока меня не было. Не надо было тебя оставлять... Такое только в горячечном бреде можно придумать! Я не собираюсь учить тебя обращаться с этой штукой, — заявил муж. — Этак ты и на мне захочешь верхом прокатиться. Ты на самом деле об этом и думаешь, да? Не отпирайся, я знаю вашу женскую развратность...

Брюн поморщилась. Истинная причина гнева Лота была ей известна не хуже, чем ему самому. После возвращения Лота из Анапы супруги еще ни разу не занимались любовью. Лот подошел к ней с лаской еще в самый первый вечер. Брюн увернулась, сославшись на универсальную головную боль. На самом деле Лот стал ей противен. Брюн знала, что есть счастливые женщины, которые могут спать с двумя мужчинами одновременно. Но, к сожалению, выяснилось, что она сама не из таких. Брюн сама не знала, на что надеялась, упорно отказывая мужу в близости. Совершенно очевидно было, что Карл не будет продолжать их отношения.

— Я умею водить мотоцикл, — сказала Брюн. — В нашем доме, то есть в доме моего отца, все дети умели водить машину.

— Да, у вас там был самый настоящий цыганский табор, — ответил Лот. — Я думал, что ты давно отошла от всех этих старых привычек. Ан нет. На мотоциклах гоняться с утра до вечера — это мы горазды, а на столе прибрать некогда. Муж должен в грязи есть, как свинья.

Он в негодовании махнул рукой на разлитый шоколад. Брюн молча развернулась и пошла за тряпкой.

— Чтобы завтра же вернула мотоцикл в магазин, — сказал Лот. — Да я сам съезжу. Это не женская игрушка.

Брюн повернулась и сказала тихо, но очень отчетливо:

— Мотоцикл останется здесь.

Лот открыл было рот. Но взглянул на лицо жены и промолчал.

Наверное, теперь он искал ее, чтобы помириться. Но Брюн не хотелось с ним разговаривать. Она еще не отошла от ссоры. Брюн неподвижно застыла за портьерой. Она смутно надеялась, что Лот просто пришел за какой-нибудь книгой. Брюн решила переждать,

пока муж возьмет, что нужно, и уйдет.

Лот обнаружил в своем мобильнике сообщение от Ирвинга. Брат просил позвонить ему вечером. Послание было на родном языке братьев, английском. Хотя обычно они перебрасывались сообщениями на русском — уже привыкли. Лот и так не посвящал Брюн в свои дела. Однако сейчас следовало исключить даже возможность того, что жена нечаянно может услышать их разговор. Лот дождался, пока Брюн уйдет укладывать Дашу. Он направился в дальнее, западное крыло дома. Там никто не жил.

Лот вошел в гостевую — Голубую комнату, как ее называла Брюн. Тачстоун сел на обитый велюром диван и нажал двойку. Номер Ирвинга был у него на быстром наборе. После двух гудков в трубке раздался мягкий голос не Ирвинга, а его подруги, Лены:

— Здравствуй, Лот.

Несколько мгновений Лот не знал, что и ответить.

Подруга брата нравилась Лоту несколько больше, чем должна была бы. В ней чувствовалась энергия, которую до недавних пор Лот замечал и в Брюн. Но жена с возрастом успокоилась, обленилась, обабилась. Недавно Лена возмущенно рассказывала о том, что во Франции одно время правили не короли, а кардиналы — Ришелье и Мазарини — но оставались при этом в тени. Короли же лишь наслаждались теми выгодами, что несло им их положение. Лене задали такую тему для реферата по истории на лето, и она очень увлеклась, собирая материал.

— Я не понимаю одного, — с жаром говорила девушка Лоту. — Почему тот же Ришелье не устранил короля, почему не правил сам? Зачем быть вторым, если можно быть первым. И ты, по сути, и являешься первым?

Лот с трудом оторвался от созерцания дразняще скромного выреза ее кофточки. На левой груди у Лены была родинка. Последние несколько секунд Лот думал не о Ришелье и Мазарини, а о том, гладкая или шершавая будет эта коричневая точка, если коснуться ее языком.

Однако Лот слышал, о чем говорила Лена. Тачстоун покровительственно усмехнулся.

— И никогда не поймешь, — сказал он добродушно. — Власть — не для бабских мозгов. А этот Ришелье понимал, что есть традиции, освященные веками. Ему подчинялись. Но никто не признал бы его верховным правителем, даже если бы он этого захотел.

— Да ты сам как будто из средних веков вынырнул, — заметила Лена, зло прищурясь.

Лот расхохотался. Она его забавляла. Существо с такими длинными и мягкими светлыми волосами должно быть начисто лишено интеллекта, чтобы полагать — его смехотворные воззрения и идеи могут что-то значить, что-то изменить.

— Здравствуй, — сказал наконец Лот в телефонную трубку. — А Ирвинг где?

— В душе, — ответила Лена.

— А ты, значит, у него в гостях?

— Ну да.

Лот понял и то, о чем Лена не говорила. Ирвинг, как настоящий джентльмен, наверняка пропустил даму вперед. Лена только что вышла из душа. Может быть, она даже еще не успела одеться. Лот представил обнаженную Лену.

Полотенце соскользнуло на пол, когда она взяла телефон. Капли воды на гладкой коже блестят в рассеянном свете ночника. Длинные волосы, мокрые, как у русалки, рассыпались по плечам. Грудь, маленькая, упругая, с торчащими сосками, колыхается при дыхании. Родинка кажется черной.

Лот переключил мобильник на громкую связь и положил его на столик перед диваном.

— Как вам там отдыхается? — спросил он, расстегивая штаны.

— Да ничего так, — ответила Лена. — А у вас как дела?

У нее был очень приятный голос — низкий, грудной. В нем всегда слышался сладострастный стон, сдержанный в последнем усилии сдобности приличия. У Лены был милый дефект дикции, крохотный, почти незаметный — она чуть пришепetyвала. А

интонации у нее были плавные, с переливами.

— Нормально, — ответил Лот. — Карла что-то третий день не видно. Завтра в гости думаем зайти, поведать.

— А мы в бассейн ходим. По ночам, правда, — сообщила Лена. — Днем-то туда обычные люди ходят, за плату. Не мог же папа ради Ирвинга закрыть бассейн? Сейчас как раз собираемся. А еще... Да тебе это наверное не интересно, Лот.

— Инте...ресно, — задыхаясь, ответил он.

Лена продолжала. Кажется, она рассказывала про кино, в которое они вчера сходили с Ирвингом. Она смеялась, говорила: «представляешь, а он...». Движения рук Лота все убыстрялись. К финалу Лот и Лена подобрались одновременно, что очень редко случается.

— ... вот и все. Какая прелесть, правда? — сказала Лена.

Лот откинулся на спинку дивана. Лоб его блестел от выступившей испарины.

— Изумительно, — расслабленно ответил он.

Он отдышался, застегнул брюки.

— А, вот и Ирвинг, — весело сказала Лена. — Все, передаю трубку.

— Давай, — произнес Лот.

Он взял мобильник, снова переключил звук на микрофон и приложил к уху.

— How is it going? — осведомился Лот у брата. — No, I'm not sleepy.

Свободной рукой он достал из кармана брюк носовой платок и тщательно вытер им белое вязкое пятно на столике. Внезапно движения его руки замедлились.

— What? — переспросил он.

С лица Лота сошла расслабленность полностью удовлетворенного человека. Оно снова стало жесткой маской правителя и властелина. Образчики таких масок можно увидеть в любом музее. Такое же выражение навеки застыло на посмертных масках Калигулы, Нерона и других римских императоров.

Власть уродует одинаково.

— Go on, — процедил Лот сквозь зубы.

Потом он уже ничего не говорил. Только слушал и поблагодарил, оканчивая беседу. За это время совсем стемнело. Когда Лот вошел в комнату, одна половина окна была задернута, а во вторую вливался серенький свет. Но когда он нажал кнопку отбоя на мобильнике, обе половины окна были равно черны. Лот не терпел беспорядка. Он хотел задернуть и вторую штору («Вот где эта Брюн? Все витает в каких-то своих эмпиреях, окно толком и то не задернуть»). Но под влиянием полученных новостей Тачстоун позабыл об этом и просто вышел из комнаты.

Что-то негромко зашуршало. Из-за шторы появилась темная фигура.

У Брюн было лицо балерины, которая, выполнив сложный пируэт, приземлилась не на руки своего партнера, а на дощатый пол, пробила его и летит в черной пустоте навстречу распахнутой ржавой пасти нижней сцены. Ее никто в этот момент не видит, и уже можно не сдерживать себя.

Но и Брюн в этот момент никто не видел.

— Хочешь разговаривать с Лотом, звони ему со своего мобильного, — сухо сказал Ирвинг.

Он стоял посредине комнаты, обнаженный, и смотрел на Лену. Его светлые глаза потемнели от сдерживаемого гнева.

— Так ведь это он позвонил, — ответила озадаченная девушка. — Я его заболтала, чтобы он не положил трубку, пока ты в душе.

— Нужно было принести телефон ко мне в ванну! — рявкнул Ирвинг.

Губы Лены задрожали. Из глаз посыпались крупные, как горох, слёзы. Она закрыла лицо руками.

— Прости, — буркнул Ирвинг.

Он присел рядом, обнял ее за плечи.

— Ну перестань, — сказал он, и провел рукой по ее волосам.

Лена всхлипнула, глубоко вдохнула.

— Это был такой важный разговор? — ломаным голосом спросила она.

— Да.

Ирвинг подал ей салфетки, чтобы промакнуть лицо.

— И о чем вы говорили? Может быть, я тоже могу помочь? — успокоившись, сказала Лена.

Ирвинг улыбнулся и отрицательно покачал головой.

— У мужчин бывают свои дела, — сказал он. — Ну что, ты готова? Пойдем?

Лот знал, что выходные являются самым удачным временем для того, чтобы наносить визиты. По воскресеньям таможенники замка Быка отдыхали. Карл спустился к гостям довольно быстро. Даша даже не успела соскучиться и начать ковырять шелковые обои зала для приемов.

Шмеллинг то ли успел принарядиться, то ли так и расхаживал по дому в черных узких джинсах и белой рубашке с высоким воротником. Она выгодно подчеркивала его сходство с романтическим вампиром. Помимо вечной серебряной пули, которую Карл всегда носил на груди, Брюн заметила на его руке и серебряную печатку с какой-то руной. Это была фамильная драгоценность, которую Карлу удалось пронести через все невзгоды войны. Шмеллинг как-то раз признался, что однажды дела его были так плохи, что он всерьез подумывал продать печатку. Но к Брюн Карл приходил без перстня. Его вычурная форма мешала при ласках.

Выглядел Карл весьма бодро и свежо. Слухи о трехдневном запое, таким образом, не подтвердились.

— Чем обязан? — осведомился Карл у Лота после обмена приветствиями.

— Дай, думаем, заглянем по-соседски, — расплывчато ответил тот.

— Понятно, — хмыкнул Карл.

Шмеллинг сообразил, чего опасался Лот на самом деле, но постеснялся разговаривать об этом при жене и ребенке. Откровение Карла насчет его мазохистских наклонностей, видимо, произвело сильное впечатление на Тачстоуна.

— Чаю? — предложил Шмеллинг.

— Может, лучше все вместе прогуляемся до развалин? — сказала Брюн. — Погода сегодня чудесная. Учитель дал Даше задание на лето — подготовить доклад о каком-нибудь историческом объекте нашего города. Лето скоро кончится, а у нее еще ничего не готово.

— А чаю можно будет попить на обратном пути, — заметил Лот.

— Или так, — кивнул Карл.

Вся компания покинула замок. Лот замедлил шаги у своей машины, что стояла на большой асфальтированной площадке перед мостом. Но Шмеллинг совершенно очевидно собирался дойти до развалин пешком. Это было не так далеко — километра полтора. Но Лот, например, давно уже не гулял пешком без телохранителей. Карл же, как оказалось, был более беспечен или же более смел. Лот осознал, что если будет настаивать на том, чтобы проехать эти злополучные полтора километра на машине, то будет выглядеть нелепо и к тому же трусовато. Он промолчал и последовал за другом, женой и дочкой, чувствуя всей спиной прицел снайпера. Белая рубашка Карла была прекрасной мишенью, да и летняя синяя ветровка Лота — то же. Лоту хотелось сказать Карлу, что эта бравада может очень дорого обойтись им всем. Тачстоун решил подойти к этой щекотливой теме издалека. Когда вся компания спустилась с насыпи и углубилась в лес, он спросил Карла:

— Говорят, кто-то убил одного из твоих людей?

— Этот «кто-то» был я, — улыбнулся Карл.

— За что, ты конечно не расскажешь? — пробормотал озадаченный Лот.

— Этот парень взял мзду за провоз запрещенного груза и не поделился со мной, — ответил Шмеллинг.

Тачстоун засопел.

— И что за груз? — осведомился он.

— Ерунда, — ответил Карл. — Два ведра наноботов и ящик с электроникой, чтобы их запрограммировать.

— Но это же... — пробормотал Лот. — Этого же хватит на «зиккурат»!

Так называлась одна из разновидностей «лестниц в небо».

— Ну, «зиккурат» не «зиккурат», но на «пружину в коробке» точно хватило бы, — согласился Карл.

— И ты пропустил этот груз? — спросил Лот осторожно.

— Я не так глуп, как выгляжу, — ответил Карл меланхолично. Лот смутился. — Наноботы я оставил им, а контактный ящик забрал.

Лот перевел дух. Теоретически можно было подобрать электромагнитный ключ для общения с наноботами путем проб и ошибок. Но на практике не было известно ни одного такого случая.

За разговором они незаметно миновали заливной луг и добрались до руин церкви, некогда сложенной из красного кирпича. Она называлась церковью Благовещения на Городище. Храм был создан в 1103 году, перестроен в середине четырнадцатого века, стойко перенес шведскую оккупацию, но не выдержал немецкой во время второй мировой войны. Он был разбит артиллерийским огнем и после этого уже не был восстановлен. Коммунисты равнодушно относились к религиозным памятникам, а никакого хозяйственного назначения постройка не имела.

Больше всего руины походили на тот символ, которым в астрологии обозначается знак «Скорпион» — буква «m», где правый элемент чуть выше левого, и в дополнение имеется длинная завитушка хвостика. В качестве левого элемента в данном случае выступала апсида, к которой примыкал северо-восточный угол церкви со столбами и арками. В качестве высокого элемента можно было воспринять круглую башенку, в которой Карл подозревал остатки колокольни. Остальные стены церкви сохранились на высоту, чуть превышавшую человеческий рост. В одной из них находилась полукруглая ниша.

Перед развалинами имелись две ямы, разделенные кирпичной перегородкой. Пол в церкви был деревянным. Когда перекрытия сгнили, попасть внутрь развалин стало возможно лишь по остаткам каменной перегородки, которые зрительно и выполняли роль завитушки, идущей вниз.

Это было и все, что уцелело от великолепного храма, когда-то расписанного фресками в византийской манере, с папертью, колокольней и двумя приделами. На одной из стен висела изъеденная коррозией табличка. Из надписи на ней явствовало, что последние реставрационные работы (стыдливо названные «консервационными») проводились почти сто лет назад, в 1974 году. Результатом этих работ стали чудовищные железные штыри, торчавшие из стен апсиды и башенки. Упомянутый в табличке архитектор Красноречьев стянул ими распадающееся здание. За руинами, на том склоне холма, что сбегал к сонной, ленивой протоке, находилось небольшое кладбище.

Погода была действительно чудесная — солнечная, как на заказ. Даша принялась снимать развалины на фотоаппарат. Лот помогал ей выбрать ракурс и композицию. Карл и Брюн стояли в тени, у стены с табличкой, сообщавшей о консервационных работах.

Шмеллинг решил по-джентльменски развлечь Брюн разговором.

— Помнишь, ты рассказывала про Красную Руку? — произнес Карл.

Брюн как-то шутливо упомянула, что в жутком детском фольклоре русских немаловажную роль играла Красная Рука. Она прилетала по ночам и душила детей, а днем отдыхала на ближайшем кладбище. Это место можно было вычислить по надгробию из красного камня и фамилии обладателя этого надгробия — Красноруков.

Впрочем, в фамилии были возможны вариации.

Брюн кивнула.

— Мне кажется, этот архитектор Красноречьев вполне укладывается в ваш канон, —

заметил Карл, указывая на табличку.

Брюн слабо улыбнулась:

— Тогда эта развалина является вместилищем для Красной Руки гигантских размеров.

— Мы пойдем на кладбище, — сказала Даша.

— Сходите, — согласилась Брюн. — Заодно заглянете на могилу дедушки.

Супруги обменялись незаметными взглядами. Лот понял, что жена не хочет сейчас посещать могилу своих родственников. Брюн вообще вспоминала своих родителей и братьев с сестрами очень редко. Лот обнял Дашу за плечи и повел вниз по холму.

Карл и Брюн остались в раскаленных солнцем развалинах одни.

— Тебе понравилась книга, которую тебе подарил Ирвинг? — спросила Брюн.

Она понимала, что Карл старается не скомпрометировать ее, но это было невыносимо мучительно. Разговаривать о всяких светских пустяках, словно этот мужчина не расхаживал по ее спальне голым, словно они никогда не сплетались ногами и не шептались друг другу всяких глупостей в темноте. Но Карл держался так, как будто ничего такого между ними действительно не было. Брюн ничего не оставалось, как поддержать его манеру.

— О да, — кивнул Карл. — Она тоже про вампиров, как и твоя любимая.

Шмеллинг сказал это так же спокойно и просто, как про Красную Руку минуту назад. Но у Брюн сладко дрогнуло в груди. Чувство сообщничества, мимолетное и острое, на миг пронзило Брюн, и она была благодарна за это Карлу.

Брюн улыбнулась ему. Карл невозмутимо подмигнул ей в ответ.

В первый же день после отъезда Лота в приемный ящик в замке Быка гулко шлепнулся кроник. Карл решил, что это очередное послание от Полины — его давней и настойчивой любовницы. Шмеллинг поморщился, но взял коробок в руки.

«Коробками Кроника» назывались небольшие устройства в форме спичечного коробка, созданные для передачи личных посланий. Новый вид переписки был назван по фамилии русского изобретателя, создавшего технологию. Прочная коробочка казалась сделанной из пластика. Но стоило ее потрогать, и это ощущение пропадало бесследно. Кроники были псевдоживыми, квазибиологическими примитивными существами. Они питались энергией солнечного света подобно растениям. Рассчитаны кроники были на выполнение только одной функции — воспроизведение объемного звукового послания. Это необычное письмо мог увидеть только тот, чья ДНК была записана в памяти коробка. Образец считывался при прикосновении большого пальца адресата и только в том случае, если человек действительно хотел прочесть послание. Таким образом решилась проблема конфиденциальности переписки. По сравнению со старой доброй электронной почтой, которую мог взломать любой мало-мальски настойчивый хакер, это был просто прорыв. Никто, кроме адресата, не мог прочесть послание. Заставить открыть письмо силой было фактически невозможно. Также незаметно была решена проблема массовой неграмотности. И это явилось самым большим плюсом нововведения. Большая часть людей во всем мире уже не справлялась с премудростями грамматики родных языков. В течение последних войн основная масса населения не получала вообще никакого образования. Поскольку вырастить искусственную биомассу, обладавшую зачатками интеллекта, стало дешевле бумаги, коробки прикончили переписку от руки во всех более-менее развитых странах. Во всех крупных городах Конфедерации появилась пневматическая почта. Коробкам задавался адрес. По трубам инженерных коммуникаций, которых хватало в каждом городе, кроники достигали любого дома и квартиры. Существовали различные модификации коробков Кроника, на любой вкус. От дешевых одноразовых, распадавшихся сразу после использования, до мощных многоразовых, для записи двенадцати посланий и более, для просмотра их всей семьей.

В Новгороде кроники только-только начинали входить в моду.

Шмеллинг приложил большой палец к считывающей панели, имевшей вид условного черного опечатка пальца.

Однако Карл ошибся. Этот кроник ему послала не Полина.

Послание заключало в себе Брюн. Женщина полулежала в плетеном кресле. Из одежды на ней были только серебряные туфли и массивные серьги в ушах. Судя по легкости наряда, Брюн уже чудесным образом исцелилась от мучившего ее гриппа. Или же она ловко разыграла больную для того, чтобы остаться дома и ни на какие юга не ездить.

— Приходи вечером, — предложила крохотная копия Брюн.

И Карл пришел.

Он приходил и в последующие вечера, примерно в одно и то же время, то чуть пораньше, то чуть позже. Однажды Брюн не встретила Шмеллинга в шелковом халатике на голое тело, как это у них повелось. Карл прошелся по пустому дому в поисках Брюн. Шмеллинг обнаружил подругу на веранде. Брюн сидела на том самом плетеном стуле, что запомнился Карлу по лаконичному сообщению. Она куталась в плед в красно-зеленую клетку, с кистями, и читала толстую книгу в черной блестящей обложке. От времени лак на картоне пошел трещинами. Названия Карл разглядеть не смог. На высоком круглом столике перед Брюн стояла чашка с дымящимся шоколадом. Брюн время от времени брала ее, делала несколько глотков, перелистывала страницы. Она так увлеклась чтением, что совсем не замечала Карла, стоявшего в дверях.

— Про что книжка? — налюбовавшись ею, спросил он.

Брюн подняла глаза и наконец заметила Шмеллинга.

— Про вампиров, — ответила она.

— Тебе нравятся вампиры? — спросил Карл с интересом.

Брюн вспыхнула:

— И ничего смешного!

Карл понял, что она не на шутку рассердилась, и немало удивился этому. Впрочем, ссориться из-за такой ерунды он не собирался.

— Я думал, тебе эльфы больше нравятся, — сказал он примирительно.

Лиц Брюн смягчилось. Она не раз покусывала Карла за его удлиненные уши. То нежно, то резко, в зависимости от обстоятельств. И уже раз сто успела сказать Шмеллингу, что он вылитый эльф.

— На самом деле, здесь про другое, — произнесла Брюн. — Здесь про девушку, которая любила парня. А он тоже ее любил, а потом бросил...

Брюн замолчала.

— А она? — спросил Карл.

— Она? Она купила мотоцикл.

С мужской точки зрения, подобный логический переход все же был несколько резковат.

— Зачем? — уточнил Карл.

— Чтобы разбиться, — ответила Брюн.

Карл покачал головой:

— Это сильно.

Брюн поднялась с кресла. Широким движением сбросила плед, словно плащ. Карл не удивился бы, если бы оказалось, что под пледом ничего нет. Но Брюн была одета весьма основательно. На ней обнаружилось домашнее платье из синего трикотажа, целомудренное, спереди закрытое наглухо, с вырезом под горлышко и длинными рукавами, но безумно короткое.

Она подошла к нему поцеловала в шею, а затем запрыгнула на Карла, обхватив его ногами. Шмеллинг огляделся и донес ее до столика. Карл овладел Брюн там, раздев до технологического минимума. Столик очень сильно скрипел, мешая ему сосредоточиться. Зато Брюн не обращала никакого внимания на душераздирающий скрип столика. Прощальный стон, с которым чашка разлетелась на мелкие осколки, упав на мозаичный пол веранды, тоже прошел мимо ее сознания.

По форме птено шоколада походило на осьминога или телкхассца без скафандра.

Впрочем, инопланетные захватчики никогда и не скрывали, то ведут свое

происхождение от этих мудрых головоногих.

— Я тогда не спросил, — произнес Карл. — Ты хотела бы стать высшим существом? Жить вечно?

— То есть, стать вампиром? — переспросила Брюн.

— Ну, почти.

— Да, — усмехнулась она.

— Тогда приходи сегодня сюда в полночь, — сказал Карл так спокойно, словно просил за столом передать ему печенье. — Только Лоту не говори.

У Брюн вдруг пересохло во рту. Она облизала губы.

Солнечный полдень, веселый голосок Даши, звенящий в воздухе подобно серебряному колокольчику — они с отцом уже возвращались с кладбища — вдруг исчезли, отодвинулись. От Карла обычно пахло ароматными индийскими сигарами, к которым он привык на войне.

Но сейчас от Шмеллинга отчетливо повеяло луной, смертью и стылым мраком заброшенного храма.

— Разумеется, не скажу, — ответила Брюн.

— Я буду ждать, — сказал Карл.

2

Карл посмотрел на часы. Была ровно полночь. Если бы не четыре зеленых нуля на крохотном экранчике, можно было бы подумать, что сейчас полдень очень пасмурного дня. Шмеллинг стоял, привалившись к полуразрушенной колонне, и слушал, не раздастся ли урчание мотора. Карл не знал, на чем Брюн приедет на свидание, но точно знал, что она не придет пешком.

— Где же моя лягушонка в коробчонке скачет, — пробормотал Карл.

Шмеллинг расслабился, настроился на сканирование местности — и понял, что Брюн уже здесь. Видимо, Брюн заявила на свидание раньше, чем Карл. Она находилась на другом склоне холма. Карл даже знал, что она там делает.

Он вздохнул, выпрямился и исчез.

Растаял беззвучно и стремительно, как кусок сахара в сером некрепком чае сумерек.

Карл спустился с холма, следуя за почти разветрившимся запахом Брюн — «Кашарель» и теплая, соленая кровь.

На восточном склоне холма находилось небольшое кладбище. Здесь перестали хоронить давно, еще до войны. Но одно исключение десять лет назад все же сделали. Надгробие из серого камня, обозначавшее собой место упокоения Федора Суетина и его людей, стояло чуть в стороне от остальных могил.

Брюн провела кончиками пальцев по шероховатому камню, где были выбиты имена. Ей показалось, что рядом кто-то есть. Брюн обернулась. Карл стоял рядом и смотрел на нее. Она не слышала его шагов, и 'то окончательно укрепило ее предположения. На Карле были черные джинсы и такая же рубаша. Верхние три пуговицы были не застегнуты. Если бы сейчас стояла нормальная темная ночь, Карл оказался бы почти невидимым. Только светлая полоска серебряной цепочки с пулей поблескивала бы на груди. Но в северной белой ночи черного Карла было сложно не заметить. Он смотрел на Брюн с интересом и восхищением.

— Что, хороша? — спросила она.

На ней были черные кожаные штаны, такая же куртка в белых зигзагах молний и белая водолазка. На шее висела серебряная цепочка с красивой подвеской, которая чуть поблескивала.

— Ты похожа на моего дедушку на одной старой военной фотографии, — ответил Карл.

— Да, ты умеешь сказать комплимент, — пробормотала Брюн.

— Мне кажется, мы с тобой одеты в одном стиле и подходим друг другу, — сказал он тогда.

— Какие ты слова — то знаешь, — усмехнулась Брюн.

Карл не стал говорить ей, что прочел ее мысль. Вместо того Шмеллинг сказал:

— Ты приехала на мотоцикле?

Брюн кивнула.

— И давно ты его купила?

— Утром, перед тем, как мои вернулись.

Карл покачал головой.

— Я недостойн, право же.

— Не смей шутить с этим, — сказала Брюн холодно.

— Ладно. И где же он?

— Там, — Брюн махнула рукой.

— Что-то я не вижу.

— Я завалила его ветками, чтобы он в глаза не бросался.

— Да ты, однако, ас партизанской войны. Пойдем, — сказал Карл.

Они двинулись по узким дорожкам мимо витых оградок, вверх по склону холма.

— Чего я никогда не смогу понять, — сказал Карл. — Так это вашей страстной любви к заборам. Я слышал, одно время у вас заборы занимали большую часть пахотной земли. Но я не знал, что на кладбищах у вас то же самое. Мне доводилось бывать на кладбищах в разных странах. Манера огораживать свои два метра земли чугунной оградкой от соседей есть только здесь. Наверное, это как-то связано с загадкой вашей души и прочим менталитетом.

— Все очень просто, — ответила Брюн. — Могилы огораживают, чтобы вампиры по ночам не выходили. Вот у вас он встал ночью из могилы и пошел погулять, малых деток покусать. А у нас вышел, побродил внутри ограды, туда-сюда потыкался, выхода нет — ну, он и обратно спать лёг. Сколько народу осталось в живых благодаря этому нехитрому трюку!

Карл усмехнулся:

— Как видишь, на этот раз ваш чудодейственный метод не помог.

Он покосился на нее. Брюн спокойно и сосредоточенно смотрела себе под ноги и никак не отреагировала на его слова.

— Что еще тебя здесь удивляет? — спросила она.

— Никак не привыкну к этим вашим прозрачным ночам.

— Они называются «белые».

Карл покачал головой:

— Ночь должна быть черной.

— Ну, у нас все не как у людей...

Они проходили мимо длинной семейной могилы. За витой оградкой очень жизнерадостного голубого цвета можно было насчитать шесть крестов. Так же там разместились скамейка и столик, тоже выкрашенные в голубой цвет. Кроме того, внутри вполне хватило бы еще на одну могилу. Брюн замедлила шаги.

— А ты бы мог заняться сексом на кладбище?

— Ну и как ты себе это представляешь? — меланхолично осведомился Карл. — Что-то я не вижу ни одного креста, подходящего тебе по размеру, чтобы ты могла держаться.

— Так вон скамейка, — ответила Брюн.

— А тебе коленкам жестко не будет?

— А мы курточку подстелем.

Они открыли калитку и вошли. Брюн направилась к скамейке, на ходу решительно снимая курточку. Карл поймал ее за руку.

— Не так быстро, — сказал он.

Она удивленно посмотрела на него через плечо. Карл сел на скамейку и приглашающим жестом похлопал себя по коленям. Брюн смягчилась и пристроилась у него

коленях — боком к Карлу. Одной рукой она обняла его за плечи, а ноги поставила на скамейку. Рука Карла скользнула ей под куртку и почувствовалась на груди. Карл тихонько сжал сосок сквозь ткань. Брюн шумно выдохнула. Карл приподнял водолазку и принялся неторопливо водить пальцами по обнаженному животу и боку Брюн. Высвободив грудь подруги из лифчика, он стал целовать ее. Пальцы Брюн впились ему в плечо. Она откинулась на его руках, выгнулась дугой, чтобы Карлу не надо было так сильно наклоняться.

Свободной рукой Карл расстегнул ее брюки. Ощувив его горячую тяжелую руку в самом низу живота, Брюн застонала. Она провела рукой по шее Карла и почувствовала, как волна прошла по его телу. Он вонзил в нее пальцы, словно ствол бластера. Но выстрела опасаться не приходилось; это одновременно и разочаровывало, и давало чувство освобождения, терпкое и неистовое...

Когда Брюн пришла в себя, Карл курил и рассеянно смотрел на черную протоку у подножия холма. Она была словно змея с полосой серебра вдоль причудливо изогнутого хребта, что затаилась меж серыми клочьями снов. Уже по-настоящему стемнело. Брюн не видела лица Карла, только алую точку на конце сигареты, да чувствовала запах табака. Брюн откашлялась. Она хотела сказать, что на кладбище не курят. Но догадалась, что услышит в ответ, и промолчала. Шею чуть саднило. Радость и болезненное любопытство охватило ее. Брюн осторожно потрогала шею и не смогла сдержать разочарованного вздоха.

— Я думала, ты меня уже укусил, — сказала она.

— Я укусил.

— Я не об этом.

— Это будет выглядеть немного не так, — ответил Карл. — Но если инициация пройдет успешно, ты как бы... уснешь, дня на три. Я могу донести тебя до замка. Но не хочу, честно говоря.

— Тогда пойдем, конечно, — сказала Брюн и поднялась.

Карл встал. Прежде чем последовать за Брюн к выходу с кладбища, он бросил последний задумчивый взгляд на серый памятник, что стоял чуть в стороне от остальных могил. Камень все еще хранил прикосновение Брюн, ее запах.

Сильнее всего ее след ощущался на строчке

Сергей Васильев 17. 11. 2034

Это была дата рождения. Дата смерти — двадцать третье марта две тысячи пятьдесят третьего — была одна на всех. Ее указали в самом верху надписи, перед перечислением имен погибших.

Карл и Брюн вошли в развалины через полукруглую арку в рост человека. Обходить руины по холму было опасно. Можно было сломать ногу о наваленные там осколки и кирпичи, поросшие травой и потому незаметные даже днем. Стальные прутья, которыми скрепили остатки стен, торчали из них словно усы гигантского муравья, замурованного в камень. Выбравшись наружу через узкий проход, парочка двинулась по сделанной из кирпичей тропинке. Слева и справа зияли ямы. Брюн и Карл спустились по крутому склону холма и оказались на дороге. Они направились к замку. Дорога шла низинкой, под ногами захлюпало.

— А ведь ты не хотел заниматься сексом на кладбище, — сказала Брюн, когда они миновали черные и лохматые кусты.

— Не хотел, — согласился Карл.

— Почему?

— Брюн, детка, я в своей жизни убил больше людей, чем лежит там, на холме. Намного больше. И мне приходилось заниматься этим на остывающих телах. Ты прекрасно знаешь, что я это могу, — ответил он меланхолично.

Брюн передернуло, но она промолчала.

— Да и честно говоря, мне кажется неуважением к мертвым, — продолжал Карл. — Я

знаю, что им уже все равно. Но мне не все равно.

— И все же ты не отказал мне.

— Мне показалось, в этом было нечто от подростковых понтов. Важное для тебя, — рассеянно сказал он. — Мне это уже неактуально, но... Ребенок не сможет ходить, если не научится сидеть. Нельзя перепрыгнуть в развитии через ступеньку. Нельзя повзрослеть, не исполнив подростковых мечтаний.

Дорога нырнула в прибрежный лес. Стало совсем темно. Брюн не видела ни дороги, ни Карла. Но слышала его шаги и дыхание.

— Моя старшая сестра, Саша, была готкой, — помолчав, сказала Брюн. — Это такие... в общем, они носили все черное и собирались на кладбищах. Мы ведь жили здесь рядом. На этом кладбище было страшно круто собираться. Отец ругал ее за это, но она все равно сбегала. Иногда Саша брала меня с собой...

— Я догадываюсь, почему твой отец сердился, когда твоя сестра убегала на кладбище, — усмехнулся Карл. — Как это у вас называлось? Готиться?

Брюн тихо засмеялась и легонько пихнула его под ребра. Карл шутливо чуть толкнул ее в ответ. Они обнялись, как два борца. Карл прижал Брюн к себе, и они принялись целоваться. В вышине под ветром шумели ветви деревьев. Хотя самого Волхова не было видно, чувствовалось дыхание сонной реки, холодное и гнилое, как дыхание мертвеца, поднявшегося из могилы.

— Я совсем тебя не знаю, — сказал Карл.

— Не ты один, — довольно резко ответила Брюн.

— Но я пытаюсь узнать, — заметил он. — А Лот хочет сделать тебя такой, как хотелось бы ему. Лепит тебя, как глину. Да только ты — не глина. Разве не так?

— Так, — ответила Брюн, смягчившись. — Но я и сама себя не знаю, Карл. Я очень хорошо знаю, какой надо быть, какой вы все меня хотите видеть... но никогда я не задумывалась над тем, какая я. Какой я хочу быть. Мне надо было просто выжить.

— А теперь можно просто — жить, — сказал он.

Карл и Брюн двинулись дальше. Лес поредел. Забелела в темноте песчаная коса, что находилась у подножия насыпи. Дорога, проходившая по ней, вела в замок Быка. На берег спускались ступеньки бетонной лестницы. Ее сделал еще Федор Суетин. Ступеньки местами растрескались и даже выкрошились, но пользоваться лестницей все еще было можно. Они стали подниматься по лестнице. Карл придерживал Брюн под локоть, чтобы она не споткнулась на неровных ступеньках.

— Мне очень нравилась девушка, одна из подруг моей старшей сестры, — произнес Карл. — А я не очень-то пользовался популярностью из-за своей внешности, и жутко стеснялся.

— Но ты же красивый, — заметила Брюн слегка удивленно.

Карл хмыкнул:

— Видишь ли, там, где я родился, темноглазые и темноволосые люди не считались красивыми. Но это не важно. Однажды, когда родителей не было, сестра устроила вечеринку. Та девушка тоже была. Они выпили вина, развеселились, стали петь песни. Я понял, что пора действовать. Она как раз вышла на крыльцо. Я предложил ей покататься на мотоцикле. Доехать до Рио-Лимай, полюбоваться на ночную реку. Она была очень пьяна. Чтобы не упасть, ей приходилось держаться за перила. «Мы доедем до реки», принялась она рассуждать вслух. — «Там ты потребуешь, чтобы я тебе отдалась, иначе обратно ты меня не повезешь. Идти обратно пешком пятнадцать километров мне совсем не хочется. Придется отдаться тебе там, елозя жопой по грязному песку. Нет уж. Слезай с мотоцикла». Я слез, раздосадованный, что она меня раскусила, и что ничего не удалось. «Пойдем», сказала она. — «Займемся этим на мягкой и удобной кровати».

Брюн расхохоталась.

— И вы пошли?

Карл кивнул.

— Вот и хорошо, что так удачно получилось, — сказала она.

В темноте перед ними появилась освещенная стена замка. Над воротами горели фонари. Мост был опущен. Когда они шли по мосту, Брюн сказала:

— Карл, скажи мне правду... Если ничего не получится, я умру?

— Нет, — сказал он. — Но если хочешь, я сделаю так, что ты все забудешь.

— Не надо, — подумав, сказала Брюн. — Я хочу помнить все. Даже свои неудачи.

Карл указал Брюн на кровать. Брюн хотела было рассердиться, но потом сообразила, что он просто предлагает ей присесть. Она так и сделала, и с любопытством огляделась.

Брюн не бывала в родном доме с тех пор, как Карл и его люди отбили замок у телкхассцев. Они с Лотом иногда заходили в гости к Шмеллингу. Но дальше зала для приемов, столовой и кабинета супруги не продвигались.

— Это комната моей сестры Саши, я тебе как раз про нее и говорила, — сказала Брюн. — Как ты тут все переделал... Прямо не узнать.

— После того, как здание берут штурмом, в нем обычно делают ремонт, — ответил Карл. — Чаще всего капитальный, но иногда хватает и косметического. А этот дом взяли штурмом два раза подряд. Здесь косметическим было не отделаться.

Брюн сглотнула.

— Да-да, конечно, — пробормотала она.

Брюн перевела взгляд на старинную книгу в тяжелом кованом окладе, лежавшую на столе у изголовья кровати.

— Надо будет прикоснуться к ней, и все?

Карл кивнул. Он понял по ее лицу, что она колеблется, и решил подбодрить.

— Ты сразу поверила мне? — спросил Карл. — Что я смогу сделать тебя другой?

Брюн уставилась на него своими синими глазами.

— Не сразу, — призналась она. — Думала, мне не удастся покинуть дом или еще что-нибудь. Лот очень чутко спит. Но когда сегодня вечером он заснул как каменный... Вот тогда я и поверила.

— Он будет тебя искать, — сказал Карл задумчиво.

Было заметно, что эта мысль пришла ему в голову только сейчас.

— Я на всякий случай написала ему записку, — ответила Брюн.

— «Ты негодяй, я уйду к этому очаровашке Шмеллингу»? — предположил Карл.

Брюн прыснула:

— Да ну тебя. Я написала: «Нам надо пожить отдельно, уехала к подруге, которую ты не знаешь».

— Это ты хорошо придумала, — похвалил ее Карл.

Он взял книгу, открыл ее, и протянул Брюн.

— Всякая ненужная задержка подрывает боевой дух войск, — сказал Карл. — Давай.

Брюн облизнулась.

— Нужно коснуться какого-то определенного места или все равно?

— Я поцарапал палец об штырьки, вот эти, видишь? Но я не знаю, обязательно ли это.

Брюн поднесла палец к крохотным обломкам креплений, на которых не так давно находилась застежка. Приложила его к острию и решительно нажала. На кончике пальца выступила алая капля.

— А потом я слизал ее, — сказал Карл.

Брюн начала поднимать руку ко рту, но не успела донести палец до губ. Глаза ее закатились, и она упала на спину.

Карл довольно улыбнулся. Он нежно поцеловал Брюн. Затем снял с нее ботиночки и уложил подругу на кровать. Укрыв Брюн пледом, Карл направился к дверям.

Карл щелкнул выключателем, что находился на стене около двери.

— До встречи, мой милый вампир, — бросил он через плечо.

Некоторые люди, по наблюдениям Эрика, обладали потрясающей способностью вписываться в пейзаж. Его жена Марго одинаково органично смотрелась и на фоне исландских гейзеров, и среди русских березок. Возможно, он обращал на это внимание потому, что сам никогда не обладал этой способностью. Несмотря на все еще довольно приятную внешность, Эрик на любом фоне выглядел совершенно лишним, отчужденным объектом.

Карл Шмеллинг же относился к той же породе людей, что и Марго. Он стоял между стеллажами с книгами и непринужденно опирался спиной на косяк. Его коричневая рубашка казалась одетой специально в тон к ореховым полкам.

Эрик уже собирался уходить — было довольно поздно, ждать пациентов уже не имело смысла. Да и денек выдался тяжелый, что в принципе характерно для понедельников. Однако, заметив Карла, старый врач понял, что вряд ли успеет домой к ужину.

— Беспокоит старая рана или появилась новая? — исподлобья глядя на гостя, сухо спросил он.

Про себя Эрик досадовал и недоумевал, как же Карлу удалось просочиться в его кабинет незамеченным. Допустим, секретаршу, записывавшую клиентов на прием, он сам отпустил полчаса назад. Но как Шмеллинг ухитрился миновать дверь с колокольчиком так, что тот не издал ни звука? У Эрика был очень чуткий слух, и он мог поклясться, что колокольчик не тренькал после ухода Татьяны.

— Нет, все в порядке, благодарю. У меня другой вопрос, — ответил Карл. — А Лот не проводил генетическую экспертизу Эрики?

— Проводил.

— Она не его дочь, — спокойно произнес Карл.

— Не думаю, что вас это касается, — ответил Эрик.

Он знал, что раньше или позже Карл придет к нему с этим вопросом, но уже начал надеяться, что все обойдется. Не обошлось.

... Это был вечер — такой же серый летний вечер. Глаза Брюн опухли и покраснели от слез.

— Я умоляю вас, Андрей Иванович, — пресекающим голосом говорила она. — Вы же знаете, как относились к отцу в городе. Это все этот мерзкий поп! Он ненавидит меня за то, что отец отказался пропускать церковные товары без пошлины. Еще когда папа был жив, доставал нас хуже горькой редьки! А теперь отыгрывается на мне. Венчать отказывался, скотина! Три раза дату свадьбы переносили. Я думала, у меня выкидыш будет от всех этих нервов. Это он Лоту напел, сволочь, что ребенок не его... А он и уши развесил...

— Но ребенок действительно не его, — сказал Эрик.

— Не говорите Лоту! — взмолилась Брюн. — Он выгонит меня на улицу вместе с ребенком... Пожалейте хоть ее! Даша ни в чем ни виновата! Нам никто не подаст не то что руки, а заплесневелой краюхи хлеба. Мы погибнем... Ну что вы хотите? Я все сделаю, все!

Старый врач перехватил ее руки — Брюн намеревалась расстегнуть кофточку.

— Прекратите, — сказал он.

Эрик, при натурализации получивший имя Андрея Небеснова, был одним из немногих в Новгороде, кому Суетин не причинил зла. Наоборот — Федор относился к старому врачу с уважением и щедро платил ему. Небеснов обследовал и лечил всех его людей, включая жену и детей.

— Молекула ДНК не берет взятки, — продолжал Эрик. — Лот может перепроверить результаты в другой лаборатории, и тогда и мне достанется на орехи.

— Ну что вы говорите? — воскликнула Брюн. — Какой другой лаборатории? Тут на тысячу километров вокруг нет никого, кроме вас, кто умеет делать такие анализы. Не поедет же он в Тверь!

Эрик снял очки и принялся протирать их кусочком мягкой фланели.

— Это называется должностное преступление, — сказал старый врач. — То, к чему вы

меня склоняете. Я могу потерять работу.

— У меня есть еще немного акций завода, — ответила Брюн. — Они будут ваши.

Она полезла в сумочку, но Эрик махнул рукой.

— Не надо, — сказал он. — Черт с вами.

Брюн крепко обняла его.

— Я вам так благодарна! — произнесла она.

Эрик вяло попытался высвободиться.

— Я этого никогда не забуду, — сказала Брюн, отпуская его. — Вы сегодня спасли двоих людей.

— Идите уже, — пробормотал он. — Пока я не передумал.

— Ухожу, ухожу...

Она метнулась к двери — стремительная тень в голубом джинсовом сарафане со стразами.

Эрик опустил за свой стол. Неожиданный приступ великодушия и страх совершенно обессилили его.

— Но есть то, что меня касается, — сказал Шмеллинг. — Я хочу знать, не я ли отец Даши. Что тебе для этого нужно?

Эрик снял очки и некоторое время тщательно протирал линзы кусочком мягкой клетчатой фланели.

— Твой образец ДНК, — сообщил он наконец.

— Что я должен делать? — осведомился Карл. — Плюнуть в пробирку?

— Так тоже можно, но лучше сдать кровь, — ответил Эрик. — В слюне молекулы ДНК более разваленные.

— Хорошо, пусть будет кровь, — согласился Карл.

Эрик молча сделал приглашающий жест к столу. Пока Карл закатывал рукав, и пристраивал руку на резиновой подушечке, старый врач достал шприц. Привычным движением Эрик перехватил руку Карла резиновым жгутом на предплечье. Обычно после этого Эрик просил пациентов «поработать кулаком». Но сейчас ему не пришлось этого делать. Вены у Карла оказались просто идеальными.

— Образец ДНК Даши тебе разве не нужен? — спросил Карл, когда процедура была закончена.

Шмеллинг сидел, согнув руку и прижимая к ранке крохотную проспиртованную ватку.

— Нет, — ответил Эрик. — У меня сохранилось его описание.

Небеснов отвернулся к стеклянному шкафу и принялся греметь инструментами.

— Я тебе что-то должен? — осведомился Шмеллинг.

— Я хочу, чтобы ты ответил на некоторые мои вопросы, — не задумываясь, ответил Эрик.

Карл хмыкнул:

— Информация на информацию... Хорошо, будет по-твоему. Когда приду за ответом, тогда и поговорим.

Он поднялся и направился к выходу, но Эрик остановил его:

— погоди, еще не все.

Карл обернулся через плечо на полпути.

— Ты ведь не чистокровный немец, как я понимаю? — спросил врач.

— Какое это имеет значение? — резче, чем хотел, произнес Карл.

— Это необходимо для выбора эталонной популяции при вероятностных расчетах, — пояснил Небеснов.

— Отец — немец, мать — креолка, — сказал Шмеллинг. — Креолы — это раса, которая получилась при смешении испанцев и индейцев. Вряд ли у тебя есть такой эталонный материал.

— Есть справочники, — ответил на это Эрик.

— Когда будет готов ответ?

— Приходи через пять дней.

— До встречи, — вежливо сказал Карл и вышел из кабинета.

Эрик подождал некоторое время, однако колокольчик так и не звякнул. Старый врач направился в приемную. Но там никого не было. Только из открытого окна тянуло сыростью. В черноте падал дождь. Не летний ливень, веселый и яростный, что бегают по крышам в железных сапогах. А первый дождь осени — мелкий, холодный, что-то печально шепчущий.

Лаборатория Эрика находилась на самом верхнем этаже культурно-просветительского центра «Диалог». Здесь была самая дешевая арендная плата на всей Торговой стороне. Так что покинуть приемную через окно Карл не мог.

Однако, похоже, он поступил именно так.

Или попросту придержал колокольчик рукой, когда выходил.

Эрик накинул легкое летнее пальто, тщательно запер окна и двери и направился домой.

Утро пятницы выдалось привычно-сереньким. Но в легкости облаков чувствовалось обещание ясного дня. У карантинной пристани ожидало таможенного досмотра несколько судов. Здесь были еще крепкие пароходики типа «река-море», буксиры со связками барж и даже одно судно на воздушной подушке. На мостике каждого из них прогуливался капитан либо вахтенный. Все ждали появления таможенников. Каждый судовладелец надеялся, что еще сегодня удастся пройти досмотр. Среда всегда была самым горячим днем на неделе. В понедельник таможенники разбирались с теми грузами, которые застряли у замка с прошлой недели, а в четверг-пятницу торговцев, как правило, было не так много.

Фриц Бауэр закончил досмотр «Моргенштерна» (порт приписки — Гамбург, груз — электронные бытовые приборы, пункт назначения — Тверь). «Моргенштерн» проходил по Волхову впервые, и поэтому Фриц осмотрел его особенно тщательно. Хотя кораблик не вызвал у него особых подозрений. Обычный трудяга, с битыми морскими штормами невысокими бортами. Моряки сами и очень спокойно открывали все трюма и потаенные лючки. Фриц, у которого за время работы выработалось уже нечто вроде чутья, сразу понял: кораблик чист. Рыться в каютах по рундукам с грязным бельем, чтоб найти пару порножурналов, Бауэр считал ниже своего достоинства.

Он направился к следующему судну, что ожидало своей очереди — «Красе Кубани» (порт приписки — Одесса, груз — мука пшеничная, пункт назначения — Санкт-Петербург). Обычный транспортник на воздушной подушке. Такие уже лет тридцать мотаются по русским рекам и плесам, благо осадка низкая. Шустрят себе, гоняют комаров на болотах, везут срочные грузы. Так вот, например, владелец «Красы» развозил по городкам и деревенькам муку. Конструкция судна позволяла пришвартоваться абсолютно в любом месте, без всяких причалов и дебаркадеров.

Бывший разведчик спустился на пристань, шелестя белыми простынями деклараций, и столкнулся со своим начальником.

— Привет, Фриц, — сказал Карл. — Пройдусь-ка я с тобой сегодня.

Бауэр, как и все в замке, знал, что случилось с Отто. Фриц сохранил вид спокойный и невозмутимый. Хотя это стоило ему некоторых усилий. Если бы Бауэр не был лучшим игроком в покер среди обитателей замка Быка, вряд ли бы ему удалось скрыть ужас. Не потому, что он был в чем-то виноват. Фриц был педантом, и к тому же, слишком ленив для того, чтобы находить удовольствие в рискованных поступках. Но страшно было все равно.

До черных точек в глазах и липкого пота на затылке.

Фриц кивнул Карлу в знак приветствия.

— И зачем нам вообще нужна эта работа? — сказал он полушутливо.

— Чтобы не сойти с ума, — ответил Шмеллинг мрачно.

Бауэр не нашелся, что ответить на это.

— Свяжись с центральным постом, — сказал Карл. — Пусть пришлют двоих автоматчиков. Кто там сегодня дежурный? И пусть лопаты с собой возьмут.

Фриц потянул с пояса рацию.

— Сколько лопат им брать? — уточнил он.

— Четыре, — ответил Шмеллинг.

Бауэр переговорил с постом, и они отправились к «Красе Кубани».

Судно лежало на воде. Стальные нити швартовых концов связывали его с берегом. Даже в спокойном состоянии этот трудяга вызывал уважение. Не только огромными винтами на корме и гордо вынесенной вперед рубкой, но и самым внешним отличием от привычных корабельных силуэтов. На борту красовалась старая, еще времен республики маркировка «СВП-500». Карл и Фриц поднялись на «Красу» по стальным сходням, переброшенным через невысокий борт. Их уже встречал капитан — Саша Волков, старый знакомый Фрица.

— Добрый день, Фриц! — сказал Волков. — Рад Вас видеть, добро пожаловать на борт! Он заметил Шмеллинга.

— А вы, простите, не имею чести...? — осведомился Волков осторожно.

На Карле были только джинсы и черная футболка с красной надписью «Cocaïne» на груди. Надпись была стилизована под логотип Кока-Колы. Чуть выше, буквами помельче, было выведено: «Enjoy and die away». В общем, Шмеллинг выглядел совсем не так, как должен был выглядеть грозный владелец замка. Но Волков был тертым калачом и важных персон чуял издалека.

Карл усмехнулся.

— Это господин Шмеллинг, — представил начальника Бауэр.

— Вот как, — сказал Волков и продолжал очень любезно: — Раньше вы нас как-то не удостоивали личным посещением. Это временное усиление мер безопасности или вы нас подозреваете в чем?

Фриц оторопело уставился на него. Если бы интонация владельца «Красы Кубани» была бы чуток другой, слова прозвучали бы как откровенный вызов. Бауэр, который привык обращать внимание именно на смысл слов, а не на интонацию, с которой оные слова произносятся, так их и воспринял. Но Волков был сама вежливость и готовность услужить. Фриц покосился на Карла. Зрачки Шмеллинга полыхнули красным. Такими бывают глаза на непрофессионально сделанной фотографии. Учитывая, что радужка Карла была необыкновенно темного цвета, зрелище было жутковатое. Фриц потряс головой. Видение исчезло. Бауэр решил, что в глазах начальника отразилось встающее из-за облаков солнце.

— Нет, я не подозрителен, — в тон Волкову ответил Шмеллинг. — Иди, доставай героин. Выкладывай здесь, на палубе. И пусть твои люди помогут тебе.

Фриц оцепенел. Он ожидал, что Волков отшутится, но тот повернулся и сказал матросу:

— Открывай трюм.

Матрос подозвал себе на помощь товарища. Они вместе откинули крышку трюма. Он был единственным на корабле и занимал всю нижнюю палубу, от воздушных винтов до надстройки. Взглядам Шмеллинга и Бауэра предстали аккуратные ряды серых джутовых мешков. Фриц узнал обычную фасовку по пятьдесят килограмм. Муку развешивали так, чтобы мешок мог унести один человек. Матросы подняли из трюма и сложили на палубе несколько мешков. Волков аккуратно распорол грубые нитки, скреплявшие верх мешка. Затем засунул руку в мешок чуть не по плечо. Белое облако муки взметнулось над палубой, осыпав капитана и матросов. Чуть поодаль столпились остальные члены команды — механик, моторист и штурман, а так же совсем еще молоденький белобрысый парнишка. Он наблюдал за происходящим круглыми от ужаса глазами.

Волков извлек из мешка целлофановый пакет с таким же, неотличимым на вид белым порошком, и бросил на палубу.

— А вы что стоите? — рявкнул он на остальных.

Матросы, как заведенные, вытаскивали мешки на палубу и вскрывали их. Пакеты с наркотиками складывали на палубе, а мешки с мукой снова летели в трюм. Когда мешок ударялся о дно, вверх взлетало белое облако.

Карл пристроился на кнехте, уперся одной ногой в натянутые швартовые концы. Шмеллинг курил с самым безразличным видом, стряхивая пепел в воду. Карл отлично знал правила поведения на корабле, и был в курсе, что нельзя находиться там, где натянуты тросы. Но, видимо, решил, что там, где пренебрегают правилами перевозки, можно пренебречь и правилами безопасности. Фриц был далек от сентиментальности. Но и для Бауэра черная фигура начальника сейчас олицетворяла ангела смерти — в самом прямом смысле.

От Отто нашли только голову.

Треснувшую, как грецкий орех, по которому вкось ударили молотком.

Фриц несколько раз пошевелил губами, прежде чем ему удалось вытолкнуть звуки из горла. Воздух затвердел, как грильяж. Бауэр словно пытался отломать кусочек зубами.

«Краса Кубани» действительно могла пришвартоваться в любом, самом глухом и неудобном месте. И теперь стало ясно, что именно этой способностью судна на воздушной подушке Волков и пользовался.

— Собаки, — прохрипел Фриц. — У Суетина были собаки.

Прибирая трупы защитников после освобождения замка, немцы нашли среди людей несколько тел чудовищных собак. Эти создания больше походили на порождения горячечного бреда, чем на живых существ из плоти и крови. Брюн объяснила, что это был специально выведенный гибрид, созданный для защиты хозяина и поисков наркотиков. Звери бились вместе с людьми — следы огромных клыков обнаружились на телах многих телкхассцев — и погибли вместе со своими хозяевами.

— А у нас нет... — закончил Бауэр. — Я не знал, Карл, я не знал!

— Успокойся, — меланхолично ответил Карл. — Если бы ты знал, ты бы со мной уже не разговаривал.

Фриц сглотнул. Тем временем подошли автоматчики — Хайнц и Лео. В изумлении, смешанном с ужасом, они наблюдали за матросами, достающими наркотики. Команде Карла случалось обнаружить героин на досматриваемых судах. Но это было результатом либо наводки, либо тщательных поисков. Первый раз таможенникам довелось увидеть, как люди отдают наркотики сами. Подобное довелось увидеть в первый раз и многим закаленным морским волкам с соседних кораблей. Над пристанью висела вязкая, как джем, тишина. Были слышны только шаги матросов и глухие удары о палубу, куда матросы швыряли пакеты с героином. Кучка пакетиков медленно, но верно превращалась в гору.

— Высыпай в воду, — сказал Карл Волкову. — Мне эта дрянь не нужна.

— Слушаюсь, — пробормотал капитан.

Волков был бледен. Впрочем, возможно, причиной тому была мука, уже густо висящая в воздухе над «Красой Кубани». Двигаясь, словно кукла, капитан принялся методично вскрывать и высыпать за борт содержимое пакетиков. Героин оставлял белый след на кранцах. Вскоре к Волкову присоединились матросы. Извлечение тайного груза из мешков было окончено.

— Рыба, — словно во сне, прошептал Лео.

Карл покосился на него.

— Рыбу потравите, — повторил Лео, смущаясь.

Шмеллинг усмехнулся:

— Да какая тут рыба...

Карл был прав. После того, как в Ильмене затонул корабль телкхассцев, рыба в озере и реке практически исчезла. Что-то было в звездолете такое, что отравило воду. Хотя, если вдуматься, надо было радоваться тому, что это «что-то» не повлияло на жителей глубин таким образом, что берег полезли клыкастые кровожадные твари.

Облака, как и предвидел Фриц, медленно растаяли. Теперь оранжевый пятаяк солнца неторопливо катился по голубому небу. Мука уже покрывала матросов «Красы Кубани» с ног до головы. На их лицах она побурела от пота и склеилась в белые маски.

Волков высыпал в воду содержимое последнего пакета и сказал:

— Все готово, господин Шмеллинг.

Карл поднялся с кнехта.

— Отведете их в ближайший лес, — сказал Шмеллинг, обращаясь к Лео. — Пусть выкопают себе могилу. Там их и прикончите.

Лео вздрогнул и посмотрел на пару лопат, которые держал в руках. Автоматчик только сейчас понял их предназначение.

— Есть, господин капитан — хрипло ответил он.

Лео раздал лопаты команде «Красы Кубани», выстроившейся на палубе. А затем повел дулом автомата, висевшего у него груди. Люди принялись спускаться по стальным сходням на берег. Фриц бездумно рассматривал палубу — лишь бы не видеть обреченных на смерть людей.

— Господин Шмеллинг, — вдруг раздался голос.

Бауэр поднял глаза. Говоривший оказался рослым, жилистым мужчиной. Судя по промасленному синему комбинезону, это был моторист. А разноцветные наколки, покрывавшую всю видимую часть его тела, складывались в сагу о жестокой, бурной и полной приключений жизни.

— Отпустите его, — сказал моторист, указывая на парнишку.

Того самого, которого Фриц уже приметил ранее — юнгу с белыми вихрами.

— Он здесь ни при чем, — продолжал моторист. — Мы его в порту взяли вместо юнги заболевшего.

Карл молча повел рукой, подзывая парнишку к себе. Процессия спустилась с «Красы Кубани» все в той же гнетущей тишине. Первым двигался Хайнц, затем приговоренный экипаж судна с лопатами в руках, а замыкал строй Лео. Карл, Фриц и подросток последовали за ними. Матросы под конвоем автоматчиков покинули пристань. В воздухе раздалось негромкое, но очень отчетливое:

— Фашист!

Сразу за возгласом послышался удар во что-то мягкое. Затем прозвучал тот глухой хлопок, с которым человеческое тело встречается с железом палубы. Карл медленно повернулся. Вся эта прелестная комбинация звуков имела своим несомненным источником небольшой буксир, носивший загадочное имя «Теодор Крайслер». Буксир стоял сразу за кормой «Красы Кубани». «Груз — песок», механически вспомнил Бауэр.

Бывший разведчик родился во Франкфурте. После того, как Германия стала частью Заповедника, старинный город получил чудовищное, практически неприносимое имя Келенбороност. А вот Карл родился не в Старом свете, а в Новом. После Второй Мировой войны некоторым немцам пришлось бежать со своей родины, спасаясь от международного трибунала. К бывшим военным преступникам благосклонно отнеслись в Аргентине, где они и осели. В безлюдных горах они построили неприступную крепость и назвали ее Шербе — «осколок». Карл, как и многие потомки беженцев, уже не разделял их взглядов. Но и не очень афишировал свое происхождение. Мало приятного быть внуком беглого преступника. Однако прозвучавший упрек был неприятен даже Фрицу. Шмеллинга же он должен был вообще привести в бешенство.

Бауэр вздохнул. Теперь Лео и Хайнцу придется закапывать не четыре трупа, а минимум восемь. Экипаж буксира был невелик. Что с того, что смутьяну уже набили морду? Ведь свидетелями оскорбления были экипажи всех судов, дожидавшихся досмотра.

— Какие мы смелые! — растягивая слова, произнес Карл.

Белый, как героин, капитан «Теодора Крайслера» ответил ему так:

— Простите нас, господин Шмеллинг.

— Да, я фашист, — тихо сказал Карл. И продолжал, все повышая голос:

— И отец мой был фашистом. И дед, и прадед. Так что у меня особого выбора не было. Но ведь у вас — был. У вас же тут недавно была демократия. И что? Такую страну просрали!

Карл выразительно обвел рукой вокруг. Последние слова Шмеллинга прозвучали так оглушительно, что испугнули стаю чаек, мирно дремавшую на волнах. Птицы поднялись в

воздух с возмущенными криками.

— Вы совершенно правы, господин Шмеллинг, — сказал капитан «Теодора Крайслера».

— То-то же, — ответил Карл, и добавил, обращаясь к Фрицу: — Продолжай проверку.

Карл двинулся к замку. Белобрысый парнишка последовал за ним. Бауэр заметил, что юнга тихонько всхлипывает. Фриц покачал головой и направился к «Теодору Крайслеру». Карл покосился на своего спутника и спросил:

— Как тебя зовут?

— Илья, — ответил парнишка.

— Вот что, Илья, — сказал Карл. — Посидишь у меня в подвале дня два. Потом, может быть, отпущу. Ясно?

Парнишка кивнул, а потом, испугавшись, добавил:

— Ясно, господин Шмеллинг.

Они миновали сухой док и оказались на подъездной дорожке к замку. Фриц тем временем поднялся на борт «Теодора Крайслера».

— Лютует сильно господин Шмеллинг последнее время, — доверительным шепотом сказал капитан буксира после обмена привычными приветствиями.

В лесу раздался сухой треск автоматных очередей. Капитан вздрогнул.

— А что вы всякое дерьмо везете, запрещенное к перевозкам? — хмуро ответил Бауэр. — Не возите всякую дрянь, господин Карл и не будет лютовать.

— Конечно-конечно, — торопливо согласился собеседник. — У меня все в порядке. Вот, пожалуйста, проверяйте.

Эрик отпустил секретаршу Татьяну и запер дверь. Из чисто научного любопытства. И на этот раз Небеснову удалось заметить появление Карла — потому что он очень его ждал.

Шмеллинг медленно, как клякса с обратной стороны листа или как Чеширский кот перед Алисой, проступил в пустоте между стеллажами — в том же самом месте, где стоял в прошлый раз. Эрик шумно выдохнул. Карл понял, что замечен.

— Привет. Ты сделал то, о чем мы договаривались? — спросил он с таким видом, словно появиться из пустоты — самое обычное дело для мужчины средних лет.

Эрик сглотнул и произнес с трудом:

— Да. Садись.

Небеснов указал рукой на стул. Кожаную обивку отполировали до блеска бесчисленные задницы посетителей. Карл сделал несколько шагов и опустился на стул. Эрик следил за Шмеллингом с недоверчивой надеждой. Но, видимо, перемещение такой большой массы на столь малое расстояние нетрадиционным способом не оправдывало энергетических затрат.

— Я слушаю, — сказал Карл.

— Отец Даши — не вы, — сообщил врач.

Карл закинул ногу на ногу и сказал рассеянно:

— Я так и думал. Я даже знаю, кто.

— И кто же? — поинтересовался Эрик.

— Ну, мы оба знаем, что это не Лот, — заметил Карл. — Ее отец — русский из команды Суетина, Сергей Васильев.

— Васильев, Васильев... — пробормотал Эрик. — А! Упырь!

Небеснов хлопнул себя по лбу.

— Так вот почему у Даши была такая острая реакция на сульфониламиды! — воскликнул он. И добавил: — Пусть Брюн обязательно зайдет ко мне. Мне надо кое-что ей сказать, это очень важно.

— Скажи мне, — предложил Карл.

Эрик молча посмотрел на него.

— Возможно, Брюн уже никогда не сможет придти к тебе, — сказал Карл.

— Она умерла? — спросил Эрик осторожно.

— Я не знаю, — ответил Карл отстраненно.

Эрик покачал головой.

— У Васильева была порфирия, — сказал он. — Генетическое заболевание крови. Ген этой пакости доминантен. Так что скорее всего, у Даши она тоже есть.

— Это опасно? — спросил Карл. — В чем она выражается, эта порфирия?

— Да не очень, — ответил Эрик. — Надо меньше находиться на солнце и не жрать антибиотики горстями. А вообще, конечно, лечиться надо.

— Ты можешь ее вылечить?

Эрик снял очки и устало посмотрел на Шмеллинга. Без защиты стекол глаза его оказались большими и детскими.

— Карл, — сказал он, протирая линзы мягкой клетчатой фланелью. — Вы сколько классов закончили? Девять?

— Я закончил Университет Буэнос-Айреса, — меланхолично ответил Карл.

Рука Эрика остановилась на полпути.

— Я лингвист, — меланхолично продолжал Карл. — Изучал индоевропейские языки, в том числе и мертвые. На войне был переводчиком при разведуправлении Генштаба, потом — при иррипанах. Но я же не спрашиваю тебя о значении среднего залога в эпическом санскрите.

— Извините, — пробормотал Эрик.

— А, ладно, — беспечно махнул рукой Шмеллинг. — Я не первый раз сталкиваюсь с безграничной уверенностью технарей в том, что только вы вращаете Землю. Достало уже горькой редьки.

Эрик промолчал. Карл не замечал, что в его речи до сих пор был слышен голос того, кто учил Шмеллинга русскому языку.

— Так ты можешь вылечить Дашу? — спросил Карл.

— Генетические болезни не лечатся, — ответил старый врач.

— И что теперь? Она умрет?

— Мы все умрем, — вздохнул Эрик и надел очки. — Вылечить нельзя, но облегчить состояние больного можно. Даше нужно будет обследоваться. Единственное средство, которое я знаю — это противомаларийные лекарства. Хлорохин, гидроксихлорохин. Я лечил ее отца. Когда я встретился с Васильевым, он был в ужасном состоянии. Суетин держал его в подвале, при механизмах решетки. Это был очень сильный парень, добродушный, несмотря на свое уродство...

— Эта болезнь уродует человека? Как?

Эрик выдвинул ящик стола и долго рылся в нем. Затем протянул Карлу закатанную в пластик фотографию. Карл принялся с интересом ее рассматривать.

— Будь я чуть более суеверен, — заявил Шмеллинг. — Я бы сказал, что на фото самый настоящий вампир.

— Да, — кивнул Эрик. — Порфирию так и называют — «болезнью вампиров». Иногда порфирию считают результатом близкородственных браков. Существует мнение, что большая часть людей в румынских селах страдала ею. В малонаселенной местности раньше или позже все становятся родственниками, ведь выбор брачных партнеров невелик. Что и привело к созданию сказок о страшных трансильванских вампирах. У Васильева даже проявился оскал, который обычно наблюдается на самых поздних стадиях болезни. Причина этого в том, что кожа вокруг губ и десен высыхает и ужесточается. Результат — резцы обнажаются до десен.

— А чего у него зубы-то красные? Только что пообедал? — усмехнулся Карл.

— Это порфирин, давший название болезни. Гем крови представляет собой соединение двухвалентного железа с порфирином, и при этой болезни процесс синтеза нарушен. У больных кровь как бы *слишком* красная. Повышается содержание промежуточных порфиринов в крови и тканях. Порфирин является фотосенсибилизирующим веществом, и

поэтому кожа становится очень чувствительной к солнечному свету. Дело доходит до ожогов. Кроме того, порфирин откладывается на зубах. Они становятся красными или красновато-коричневыми, что вы и видите на фото. Более того, в процессе болезни деформируются сухожилия. Видите, у Васильева скрючены пальцы? Люди Суетина звали его Упырем. Суетин пользовался предрассудками в своих целях. Он говорил, что натравляет на контрабандистов своего Упыря, и никто не уходит живым.

В глазах Карла мелькнула какая-то мысль или воспоминание. Шмеллинг усмехнулся, но ничего не сказал.

— Я прописал Васильеву хлорохин, убедил отказаться от алкоголя. Через полгода он уже мог выходить на улицу в пасмурную погоду, — продолжал Эрик.

— Что-то не сходится, — заметил Карл. — Лот же только что возил Дашу на юг. Она должна была просто сгореть.

— Болезнь проявляется не сразу, — ответил Эрик. — Но, безусловно, повышенное ультрафиолетовое излучение могло только навредить девочке.

— Что ж, благодарю за столь ценные сведения, — сказал Карл. — Теперь твой черед спрашивать.

Эрик побарабанил пальцами по столу.

— Погоди, еще не все, — сказал он. — У тебя — ДНК не человека, Карл.

— Так это у меня давно, — лениво ответил Шмеллинг. — После «лестниц».

— Нет, — покачал головой Эрик. — ДНК, поврежденную «лестницами в небо», я видел. Это другое. Я боюсь, что у тебя синдром Эйхманна. Это...

— Я знаю, что это, — перебил его Карл.

— Я должен был догадаться, — медленно проговорил Эрик. — Так вот откуда ты меня знаешь!

Карл усмехнулся и кивнул.

— Было интересно почитать про человека, из-за которого погиб мой двоюродный брат, — сказал он. — В книжке была твоя фотография. А зрительная память у меня очень хорошая. Да и все остальное сходилось. Не стоило брать новое имя таким похожим на старое, господин Химмельзон. И Маргарите Анатольевне надо было хоть Мариной назваться, что ли.

— Эйхманн погиб не из-за меня, — сказал Эрик яростно. — Мне предлагали участие в этом проекте, но я отказался. Я уже понимал, к чему это приведет. Если бы твой брат не был столь мужественным и стойким человеком, Южную Америку точно бы уничтожило генетической пандемией. Это Реджи Бенсон согласился. А мозгов ему хватило — он всегда был умен, подлец.

— Какая разница, — пожал плечами Карл. — Ты был автором изначальной идеи.

Эрик промолчал.

— Но ты ошибаешься, — продолжал Карл хладнокровно. — Надо мной никто экспериментов не проводил. Ведро с серебристой грязью передо мной не ставили.

— Не всегда заражение проводится такими варварскими методами, — возразил Небеснов. — Тебе достаточно было коснуться вещи, обработанной специальным образом. Так, чтобы на ее поверхности находились наноботы. Ты себя хорошо чувствуешь? С тобой ничего странного не происходило последнее время? Ты — важная фигура в области. Даже Лот много выиграл бы, если бы ты превратился в, скажем, козла. Или волка.

— Но кто бы они ни были, твои мифические заговорщики, они должны знать, что на немцев этот вирус действует иначе, — лениво возразил Карл.

— Но не в ста процентах случаев, — сказал Эрик. — Из всего отряда Эйхманна только он один сохранил человеческий облик. И ты знаешь, что ты — заражен.

— Способ моего устранения указывает на тебя. Ты — единственный здесь специалист по таким штучкам, — задумчиво сказал Карл. — Захотелось повторить эксперимент, уже не в лабораторных условиях? Не устоял перед соблазном? Неугасимая тяга к познанию... Ты на это и рассчитывал, да? Что я останусь человеком, и ты сможешь меня... поисследовать? А

если я погибну или утрачу дар человеческой речи, это тебе тоже на руку. Я единственный знаю, кто ты на самом деле. Тебе это не нужно, правда ведь?

Эрик промолчал.

— Прости, — сказал Карл. — Но уж больно ловко все сходится.

— Вот таблетки, принимать надо раз в неделю, — ответил Эрик.

— Какие —нибудь побочные эффекты? — осведомился Карл.

— Никаких. И, может быть... я тебя все-таки поисследую?

— Я завещаю тебе свой труп, — заверил Карл. — Но не раньше.

Шмеллинг взял круглую коробочку, в которой что-то перекачивалось и шуршало. Он поднялся, чтобы покинуть кабинет.

— Я еще не задал свой вопрос, — произнес Эрик в широкую спину, обтянутую черной рубашкой.

— Подруга, про которую Лот не знает — это я, — ответил Карл, не оборачиваясь.

— Нет, я не об этом.

Карл остановился, оглянулся через плечо.

— Ты знаешь, кто я. Но я все еще здесь. Почему? — спросил Эрик. — Ты не хочешь отомстить? За двоюродного-то брата? Или сумма, которую предлагает за мою голову Гаагский трибунал, кажется тебе не заслуживающей интереса?

— Ну, что они сделают с тобой в Гааге? — поморщился Карл. — Повесят? Это не вернет погибших на «лестницах». Не сделает обратно людьми тех, кто выжил. От мертвого, от тебя не будет никакой пользы. А сейчас — есть. Болезнь вампиров, надо же, — Шмеллинг хмыкнул. — Да и насчет мести... не стоит уподобляться господу богу, я считаю.

Карл посмотрел Эрику прямо в глаза.

— У тебя ведь было двое сыновей, не так ли? Старшему сейчас было бы примерно столько же, сколько мне, а младшему — лет двадцать, как Ирвингу? Ну и где они? Малышка Неждана хороша, но ведь ее ты не будешь учить физике, правда? Да что там, она даже своей настоящей фамилии не знает.

Эрик молчал, опустил глаза и невыносимо страдая. Этот мерзавец был прав. Шмеллинг словно провел напильником по только что начавшей затягиваться ране.

— Чего я не ожидал встретить никогда, — произнес Небеснов хрипло. — Так это милосердия от нациста.

Карл засмеялся:

— Но ведь вы же **ариец**, господин Химмельзон.

Эрик, глубоко уязвленный, взбешенный и растроганный, поднял на него глаза. Но Карл уже исчезал — таял в воздухе, как Чеширский Кот. Только, в отличие от волшебного кота, последней от Шмеллинга осталась не улыбка, а пуля, которую он носил на серебряной цепочке. Несколько секунд цепочка и пуля поблескивали в воздухе.

Потом пропали и они.

Карл являлся представителем нации, чье название с давних пор является синонимом невозмутимости и выдержки. Поэтому, когда Брюн не проснулась ни вечером среды, ни утром в четверг, он оставался спокоен. Но к вечеру он все-таки немного занервничал. Карл хотел посоветоваться с Локи, нормально ли, что инициация длится так долго.

Но дух книги не отозвался.

Вечером пятницы Брюн оставалась так же бледна, холодна, и неподвижна, как вечером понедельника. Утешало одно. Если бы она была мертва, то уже налицо были бы признаки разложения. Однако их не было. Брюн казалась не мертвой, а словно бы высушенной, мумифицированной.

Однако Карл понял, что если не предпримет что-нибудь, то просто разнесет замок в тоске и тревоге. И он предпринял.

В тот миг, когда пятница стала субботой, Карл сидел на полу, прислонившись спиной к тахте с безучастной Брюн, и прихлебывал коньяк из горлышка бутылки. Там оставалось уж

меньше трети. Из динамиков стереосистемы с грохотом изливался Вагнер. Классика всегда успокаивала Карла, чего нельзя было сказать об остальных жителях замка и обывателях прибрежной деревеньки Шолохово. Все они тоже оказались в курсе перипетий нелегких трудовых будней дочерей Одина.

Когда бутылка опустела, Карл выкинул ее в утилизатор, выключил музыку и лег рядом с Брюн. Он обнял ее, поцеловал в волосы и заснул.

Карл открыл глаза и встретился с внимательным, оценивающим взглядом Брюн.

— Вот мне интересно, что ты со мной делал? — произнесла она.

Карл снял с нее руки и сел, свесив ноги с края тахты.

— Ничего из того, что ты думаешь, — ответил он, не глядя на нее. — Ты хочешь есть?

— Ужасно, — энергично ответила Брюн.

— Пойдем, — сказал Карл.

Ему не надо было объяснять, куда они идут. Брюн родилась и выросла в замке Быка. Они спустились в подвал и миновали пустующий зал. Здесь при Суетине размещалась силовая установка, которая приводила в действие подъемный механизм моста. Карл заменил устаревшую установку на более компактную и экономичную, после чего огромный зал освободился. Брюн заметила:

— Папа все собирался модернизировать подъемник, но руки не доходили. То одно, то другое, знаешь, как это бывает.

В ее голосе слышалось удовлетворение и одобрение хозяйственности Шмеллинга. Карл молча кивнул в ответ. Про себя он удивлялся неторопливости Брюн и тому, что она еще может разговаривать. Когда Карл пришел в себя после инициации, его сжигала такая жажда, что он даже не помнил, как оказался рядом с Отто и оторвал ему голову. После насыщения к Карлу пришли сила и ясность сознания, но ни мигом раньше.

А ведь инициация Брюн длилась на сорок восемь часов дольше, чем его собственная. Карл видел, что она изменилась. Теперь он воспринимал людей иначе. Они напоминали Карлу небрежно выструганных деревянных куколок — все, даже Брюн. До обращения она выглядела в глазах Шмеллинга как фигурка из липы, мягкой, светлой и ароматной. Лот был солдатиком, небрежно выструганным из сосны и аляповато раскрашенным.

Теперь Брюн выглядела как человек.

— А это что? — спросила Брюн с интересом.

Она заглянула в соседний зал через узкую дверь. В полутьме поблескивали стальные части какого-то механизма и тепло пульсировала накопительная батарея.

— Это еще одна... модернизация, — сказал Карл и взял ее под локоть.

Прежде чем Брюн успела толком разглядеть необычный механизм, Шмеллинг мягко, но настойчиво увлек подругу за собой.

Илья проснулся. Его будто вышвырнули грубым пинком из приятного, красивого, но неуловимо тревожного сна. Парень поежился, сел на жестком матрасе.

Илья был все в той же камере, с тем же ведром в углу. Оно было накрыто белой эмалированной крышкой. Но от вони это не спасало. В темноте на полу поблескивала опустошенная жестяная миска. Охранники исправно приносили еду два раза в день. Судя по качеству, она была с общей кухни замка. Илье она казалась не очень вкусной, но была довольно сытной. Чуть поодаль гротескными хлопьями снега белели пятна трех журналов, которые он за эти дни успел выучить наизусть — «За штурвалом», августовский выпуск прошлого года, журнал с sudoku, и «Плейбой», такой замусоленный, словно его прихватывал с собой в туалет еще сам Федор Суетин.

Лампочка под потолком не горела — значит, все еще была ночь.

Словом, ничего, вот совершенно ничего не могло объяснить ужаса, вдруг охватившего Илью. Он словно видел на черной стене электронные часы. Зловещие красные цифры мигали в обратном отсчете. Цифры секунд сменялись гораздо быстрее, чем на настоящих часах.

И оставалось пареньку не больше трех минут.

Илья услышал шаги, и голос в коридоре:

— Ну вот мы и пришли.

Этот голос он узнал бы из тысячи.

Илья стиснул кулаки и поднялся на ноги — навстречу Карлу и своей судьбе.

Дверь открылась. Полоса света из коридора рассекла темноту камеры. Илья увидел два силуэта. Высокий, словно взлохмаченный принадлежал, несомненно, Шмеллингу. Но кто стоял рядом с ним, невысокий, приятно мягких очертаний?

Илья прищурился, пытаясь разглядеть.

— Привет, — сказал Карл.

Шмеллинг ничуть не удивился, обнаружив узника не спящим.

— Помнишь, я обещал тебя отпустить? — спросил Карл.

У Ильи от неожиданности пересохло в горле. Он кивнул.

— Я тебя обманул, — сказал Карл печально. — Прости.

Шмеллинг отступил чуть в сторону. Илья ощутил нежный, чуть горьковатый запах духов.

Четыре огромных прямоугольных нуля вспыхнули и погасли.

— Это было угощение на первый раз, — сказал Карл. — Завтрак в постель, так скажем.

— Он выглядел, как розовый зефир, — произнесла Брюн мечтательно. — Как очень большой кусок очень напуганного розового зефира... И на вкус оказался таким же.

— Дальше будешь охотиться сама, — закончил Карл.

— Я думала, мы будем убивать только плохих, — сказала Брюн жалобно.

Карл отвернулся к стене. Плечи его заходили ходуном. Из груди Шмеллинга вырвались невнятные звуки.

— Карл? — осторожно спросила Брюн.

Она подлезла под рукой Шмеллинга и заглянула ему в лицо. Карл хохотал; по лицу его текли слёзы.

— Что с тобою?

— Я очень рад, что ты со мной, Брюн, — сказал Карл.

Шмеллинг еще раз нервно хохотнул — это прозвучало почти как стон — и окончательно успокоился.

— Очень, очень рад, — закончил он.

Брюн повеселела. Они двинулись обратно в комнату, где произошло обращение.

— Я тоже рада, что все получилось, — сказала Брюн. — Я думала, ты меня обманываешь и задумал что-то мерзкое. Что не стал ты никаким вампиром...

— Почему? — удивился Карл. — Разве я тебя когда-нибудь обманывал?

Брюн кивнула на его грудь. Там под расстегнутой рубашкой болталась пуля на цепочке.

— Твоя пуля из серебра, так ведь? — сказала Брюн. — А вампиры не могут носить серебро.

— Это все предрассудки. Которые не имеют отношения никакого отношения к нам, детям книги, — лениво ответил Карл.

Брюн расхохоталась и вернулась к прерванной мысли:

— Я думала, что будем есть преступников, приговоренных к казни, например.

— Я пробовал, — ответил Карл. — Видишь ли, дерьмовые люди... они и на вкус говно. Ими не наешься.

— Или тогда можно ведь не выпивать человека целиком, — продолжала размышлять вслух Брюн. — Лакомиться понемножку.

— Попробуй сделать так, — ответил Карл на это. — Если у тебя получится, научи меня.

Он толкнул дверь комнаты.

— Тебе нужно еще раз прикоснуться к книге, — сказал Карл. — Открой ее.

Брюн послушно присела на развороченную тахту. Она взяла в руки книгу в тяжелом стальной окладе. Брюн с заметным усилием подняла обложку, на которой был изображен дракон на развесистом дереве. Брюн вопросительно глянула на красный лист, испещренный непонятными черными знаками, потом на Карла. Тот смотрел на книгу, удивленно приподняв одну бровь. Брюн снова перевела глаза на книгу и ахнула от восхищения.

— Привет, красавица, — хриплым баском сказала крохотная девочка в платье как бы из растрепанных лепестков тигровой орхидеи.

— Здравствуй, Маленькая Разбойница! — восхищенно выдохнула Брюн.

— Я вижу, ты меня узнала, — усмехнулась девочка и подмигнула Карлу.

Глаза у нее были зеленые, как сочная трава.

— Вы тут посекретничайте, — сказал Карл. — Не буду мешать.

Шмеллинг вышел.

— Ты — дух этой книги? Демон, захвативший наши тела? — спросила Брюн.

— Да, и теперь твоя душа принадлежит силам Зла и Сатане, а после смерти ты будешь гореть в аду, — зловещим голосом ответила Маленькая Разбойница.

Брюн поморщилась.

— Ты говоришь, как отец Анатолий, — пробормотала она.

— На самом деле, мне не хотелось тебя разочаровывать, — призналась Маленькая Разбойница. — Но ты ошиблась. Я не демон.

— Но что ты тогда такое?

— Этот объект, который кажется тебе книгой, является установочным модулем программы «Черный Эллорит», — ответила Маленькая Разбойница. — Модуль является первым, самым примитивным из энергетических модулей — паразитарным. Когда ты прикоснулась к книге, была взята проба твоего ДНК. Твой генокод был признан годным к активации. Программа была загружена и установлена. А я — голос книги. Обучающий интерфейс должен быть дружелюбным. Путем сканирования твоего психопрофиля установлен твой любимый сказочный персонаж, и поэтому я сейчас имею такой вид. Ты можешь задавать любые вопросы, я отвечу. Потом перейдем к получению первых навыков пользования теми способностями, которыми ты теперь владеешь.

— А, — немного разочарованно сказала Брюн. — Ну ладно.

— Зато не придется гореть в аду, — напомнила Маленькая Разбойница.

— А он существует? — спросила Брюн.

— Я располагаю базовыми данными по всем ведущим мировым религиям, — сообщила Маленькая Разбойница. — Но не имею никаких сведений по поводу достоверности этих концепций. Однако, исходя из того факта, что все три версии противоречат друг другу, следует предположить, что ни одна из них не является верной. Ведь если бы бог существовал, информация о нем была бы идентична у самых разных народов. Так что, скорее всего, не существует и ада.

— Давай я положу тебя повыше, — сказала Брюн заботливо. — Тебе ведь неудобно задирать все время вверх голову. Шея затечет.

— Благодарствую, — усмехнулась Маленькая Разбойница.

Брюн положила книгу на столик у изголовья, а сама легла на бок, так, чтобы видеть свою наставницу.

— Можно тебя потрогать? — спросила она. — Я осторожно.

Маленькая Разбойница кивнула и подошла к краю страницы, чтобы Брюн не пришлось тянуть руку далеко. Брюн очень аккуратно коснулась крохотной фигурки одним пальцем. Маленькая Разбойница оказалась теплой, а платье — именно таким гладким и прохладным, каким его себе и представляла Брюн.

— Да ты настоящая! — воскликнула Брюн.

— Предлагаю поговорить о создании тактильных иллюзий, — ответила Маленькая Разбойница. — Это очень увлекательно и, помимо того, полезно. В данный момент, когда твой энергетический баланс высок, усвоение материала произойдет очень легко. Ты сама не

заметишь, как у тебя получится.

— Я не сомневаюсь, моя милая Маленькая Разбойница, — ответила Брюн ласково. — Но ответь мне, пожалуйста, на один вопрос. У нас с Карлом могут быть дети?

Крохотная девочка уселась на край листа, свесила ножки в оранжевых чулочках и принялась болтать ими.

— Да, — сказала она. — Скажу более — теперь у тебя не будет детей от обычных людей. Только от таких же, как Карл и ты сама, прошедших обучение по книге.

— А разве еще есть такие, как мы? — удивилась Брюн.

— Я знаю, что я не уникальна, — сообщила Маленькая Разбойница. — Было создано некоторое количество таких учебников. Разумно будет предположить, что все они были применены по назначению, и где-то есть такие же люди, как вы с Карлом — и мужчины, и женщины. Я помню, что по крайней мере еще одного мужчину я обучала.

Брюн приподнялась на локте.

— Кто он? Как его зовут?

Крохотная девчушка наклонила голову к плечу.

— Я могу только сказать, что он был другой расы, — ответила она, подумав. — Тебе ведь самой было бы неприятно, если бы я обсуждала тебя и Карла другими моими учениками, не так ли?

— Ты права, это нехорошо, — согласилась Брюн. — Ну что же, давай займемся тактильными иллюзиями.

Это было странное место. Справа гудела железная дорога. Сиял огнями вокзал, мигал рекламный щит, установленный рядом с бюстом Александра Невского. Слева находилась улица Ломоносова — с Дворцом Культуры Химиков, блочными многоэтажками, словно собранными из разноцветных кубиков, домами более современной постройки, с их башенками, эркерами и красными крышами похожие на многоквартирные замки, а так же онкологическим центром, поликлиникой и больницей.

Бульвар Юности начинался от ступенек подземного перехода под железнодорожными путями и заканчивался фигурой Кочетова из красного гранита, что стояла напротив Дворца Культуры Химиков. Сказать, что памятник сильно украшал собой улицу Ломоносова, было нельзя. Бульвар прорезал собой чахлый лесок. Он почти не изменился с тех пор, когда здесь гуляли только волки да медведи. Полуразваленные избушки, черневшие в лесу позади Карла, только усиливали ощущение провала во времени. Печально шумели на ветру чахлые ивы. От болота поднимался вечерний туман. Он наползал на асфальт бульвара, серебрился в свете фонарей, тихо и незаметно поглощал тяжелые бетонные скамейки. Красно-оранжевые бархатцы на газоне уже исчезли под его серым платком.

На полпути между вокзалом и улицей Ломоносова бульвар слово ломался пополам, поворачивая под острым углом. Слева к нему примыкала просторная асфальтированная площадка. Она имела два входа на бульвар и практически была не видна за кустами. Тем более, что фонарей на площадке не было. В дальней части асфальтового квадрата находилась облупленная бетонная скамейка. Ее перетаскили с бульвара подростки. Авторство поступка было очевидно из надписей, украшавших скамейку. Бутылки из-под пива и яркие пакеты из-под чипсов и сухариков равномерным слоем усеивали пространство вокруг.

Но в тот вечер скамейку облюбовали совсем не подростки. Брюн сидела на ее спинке — она по опыту знала, что спинка чище сиденья. Предусмотрительный Карл принес с собой пластиковый пакет и все же устроился на сиденье, традиционным способом.

— Ну как, — сказала Брюн. — Подходящее место для засады?

Карл запрокинул голову и выпустил струю дыма. Кое-где, в просветах между облаками, небо все еще было холодного, нестерпимо голубого цвета. Эта голубизна переходила в грязную серость и сменялась нежно-розовым в тех местах, где облака

подсвечивало закатное солнце. Словом, Гримшоу² пришел бы восторг от экстатической тревожности атмосферы.

— Нет, — сказал Карл. — Не подходящее.

Брюн обиженно поджала губки и уже хотела что-то сказать, но Карл закончил:

— Не подходящее, а идеальное, детка. Здесь роту можно спрятать, а не нас двоих.

Брюн улынулась.

Как ни мало искушен был Карл в подобных делах, он понимал, что охотиться рядом с домом не следует. Однако Шмеллинг очень плохо знал город. Он опасался удаляться от своего замка, чтобы не заблудиться. Карлу приходилось подкарауливать жертв вечерами в малолюдных переулках Торговой стороны. Но это было небезопасно. Карл был в курсе, сколько скучающих старушек и молодых мамаш смотрят в окно по вечерам.

— Кого будем приманивать? — спросил Шмеллинг. — Мужчину и женщину?

— Я как-то не испытываю желания убивать женщин, — сердито ответила Брюн.

— Какое удачное совпадение, — откликнулся Карл. — Я тоже. Значит, нам нужны двое мужчин.

— Мне хватит и подростка.

— Отлично, — сказал Карл. — Ну, слушай.

У Брюн новый способ познания реальности ассоциировался со зрением. Хотя, разумеется, он никак не был связан с глазами. Брюн иногда даже закрывала их, чтобы они не мешали **видеть**. У Карла же, видимо, более сильной оказалась акустическая составляющая дара. Когда Шмеллинг пользовался своими способностями, он ощущал это как крик. Вопль изливался словно бы прямо из груди Карла, минуя горло.

Брюн закрыла глаза. Карл поднялся и повернулся лицом к светящейся громаде вокзала. Она была ближе, да и людей на вокзале было в любом случае больше, чем на затихающей улице Ломоносова. Карл **закричал**. Брюн ощутила это как красные круги, расходящиеся в темноте. Такие круги расходятся по воде от брошенного в нее камешка. Круги становились все шире, вот они уже захлестнули бульвар, накрыли вокзал...

— Готово, — пробормотала Брюн, не разлепляя глаз. — Они идут.

Карл кивнул и изменил мощностю своего зова. Красные волны превратились в толстую красную линию. На конце она раздваивалась, связывая головы ночных путников с грудью Карла.

Егор поднял голову, словно прислушиваясь к чему-то. Затем перекинул тяжелую сумку с инструментом на другое плечо и сказал сыну:

— Мы тут задубеем, ждавши. Пойдем-ка, Данилка, пешком. Через вокзал.

После дня, проведенного за верстаком в мастерской, страсть как хотелось оказаться дома побыстрее. Егор, отец Данила, был владельцем салона ритуальных услуг. Он был резчиком по камню и специализировался на памятниках. Данил строгал гробы из сосен — белых, пахнущих смолой и солнцем. Младшая сестренка, Анютка, сидела на приеме клиентов, пока не забеременела.

Спрос на гробы вырос. Это было закономерным следствием приближающейся осени. Многие старые люди понимают, что им не пережить еще одной длинной полосы мрака, когда с черного неба сыплется бесконечный дождь, а черные глубокие лужи маслянисто сияют в свете фонарей. Говорили, что раньше землю в середине ноября укутывало ослепительное белое покрывало снега. Должно быть, это смотрелось нарядно. Да и переносить бесконечную темноту так было, наверное, легче.

Однако в последнюю неделю заказывали гробы и памятники для молодых мужчин.

— А тащить это все, — возразил Данил, указывая на сумку с инструментом.

Отец засмеялся:

² Английский художник, рисовавший готические пейзажи

— Дотащим. Пошли. Мать уже небось и пельмени сварила.

Данил кивнул, соглашаясь. Егор и Данил покинули остановку, миновали развалины автовокзала.

Дороги уже не были одной из главных бед России. По той просто причине, что за последние двадцать лет они просто исчезли. Во время войны было не до этого. А потом выяснилось, что на восстановление обветшавших трасс нет денег. Главная сложность заключалась в том, что теперь все дороги находились в ведении местных властей. Но трасса между городами не принадлежала никому, благодаря чему и разрушилась. И эта проблема существовала повсеместно. Все, что раньше везли огромными фурами и грузовиками, нынче, как и тысячу лет назад, доставляли по воде. Снова ожил старинный речной путь «из варяг в греки», на чем Федор Суетин и нажил свой капитал. Покатикамень, например, отремонтировал все дороги в Новгороде. Дороги в ближайшем Санкт-Петербурге тоже, по рассказам, содержались в образцовом порядке.

Но за чей счет ремонтировать, а по сути — создавать заново дорогу между городами — руководители никак не могли прийти к согласию. Шмеллинг не был заинтересован в существовании дороги. Покатикамень хотел бы снизить уровень влияния Шмеллинга на общегородские дела. Это явилось бы закономерным следствием существования альтернативного пути. Но принадлежавший Покатикамню химический завод давал слишком мало прибыли, чтобы заплатить за принятие нужного закона в Думе, законодательном собрании Санкт-Петербурга. Могущественное портовое лобби было несравненно богаче владельца какого-то захудалого городишки.

Вслед за сгнувшейся трассой исчезли и междугородние автобусы. А автовокзал остался. Его огородили щитами, затянули сеткой, чтобы не создавать уютное гнездо для бродяг и бандитов в самом центре города. Но все равно, ходить мимо него в сумерках было неприятно. За щитами что-то скреблось и шуршало.

Крысы, наверное.

Данил и Егор вышли на перрон. Железные дороги, в отличие от автомобильных, выжили за счет того, что железнодорожники превратились в замкнутый клан. Они чинили и содержали пути самостоятельно. Однако железнодорожное сообщение дышало на ладан — провозить по воде стало гораздо дешевле, хотя и медленнее. Но теперь никто так не гнался за временем, как в безумном, лихорадочном начале века. Мир все глубже погружался в патриархальную степенность, неторопливость и созерцательность.

Прозрачный козырек из стеклолита нависал над спуском в подземный переход подобно фантастическому коромыслу. Чернели полозья съезда для инвалидов. Вдруг Данил остановился.

— Батя, может, лучше все-таки на маршрутке поедem? — предложил он. — На Торговой стороне вон люди пропадают. Говорят, маньяк какой-то завелся.

— Теперь ты, — сказал Карл.

Брюн озадаченно шмыгнула носом.

— Да ты же вроде начал, ты и заканчивай, — сказала она неуверенно. — У тебя хорошо получается.

— Брюн, — сказал он. — Ты должна уметь охотиться сама. Сама себя кормить.

Карл затушил окурок, бросил его на землю и добавил очень спокойно:

— Меня могут убить, в конце концов. Тебя они пожалеют, ты все-таки своя... А меня — нет. Расстреляют из пулемета. И даже на серебре экономить не будут. Очень, очень грустно будет умирать, зная, что ты здесь голодаешь.

— Не пожалеют, — жестко усмехнулась Брюн. — Думаешь, отчего отец в замок над водой пошел? Ведь построить обычный дом было бы гораздо дешевле.

— Хорошо, — согласился Карл. — Нас обоих здесь ненавидят одинаково сильно. Что не может не радовать. Но если ты сейчас не позовешь того мужчину и подростка, мы останемся без ужина.

Брюн глубоко вздохнула. Зажмурилась.

Двое людей, остановившиеся перед спуском в подземный переход, казались ей черными жучками.

— Как ты это делаешь? — спросила Брюн хрипло.

Карл пожал плечами.

— Люди никогда не делали ничего подобного, — сказал он. — И слов для этого — нет. Я... кричу. Твоя Маленькая Бандитка должна была объяснить тебе, что делать.

— Да, но что ты кричишь? Просто «ааа» или что-то осмысленное?

— Ах вот ты о чем. *«Идите сюда, здесь будет покой и счастье»*. Примерно так.

Брюн представила себе бутылку водки. Клеенку веселой расцветки на столе. Маринованные огурцы в блюде с синей и золотой полосочками по ободку. Картошку в кастрюле, от которой валит вкусный пар. И селедочку, украшенную крупными полукольцами лука, в длинной, узкой хрустальной селедочнице.

Брюн закрутила образ радужной воронкой и ловко, как опытный убийца — отвертку, воткнула его в глаз мужчины. Словно червяка на крючок насаживала.

А затем осторожно и нежно потянула за торчащую из глаза радужную «леску», радуясь и удивляясь своей неожиданной удаче. Все получилось с первого раза.

«Парнишке будет нужно кое-что другое», подумала она.

Егор в раздумчивости покачал головой. Сумка с инструментом оказалась тяжелее, чем думалось. Да и тихий, как шепот далекого моря из ракушки, звон в ухе, который все нарастал и мешал думать, перестал докучать. Сын был прав. «Надо будет сердце проверить», подумал Егор. — «Ишь, давление как скачет — аж в ушах звенит к вечеру». Но в этот момент перед глазами его сверкнуло ослепительное видение, настолько прекрасное, что Егор даже толком не разобрал, что он видит. Осталось ощущение неземной красоты и тоски по мимолетности миража.

— Маньяков пусть бабы боятся, — сказал он. — Отобьемся, если что.

И тряхнул сумкой с инструментом. Данил хотел возразить. Но тут что-то сладко дрогнуло в его сердце. Неведомая истома мазнула по лицу и груди парня пушистой кисточкой. И показалось вдруг, что там, на сумрачной аллее, бредет, испуганно озираясь на встающие из болота тени, девушка в черных брюках и курточке с серебряными молниями. И будто подкрадывается к ней кто-то высокий, черный, и черный плащ его лаково блестит в свете фонарей...

Девушку надо было спасать, это было ясно.

Данил сделал шаг вперед. Ноги сами понесли его по лестнице вслед за отцом.

Егор с сыном прошли подземным переходом. Он был гулким и пустым, как холодильник перед получкой. Мужчины оказались на бульваре. На всей аллее они не встретили ни души, что впрочем, было неудивительно. Было тихо-тихо. Данил слышал, как скрипят подошвы ботинок отца при каждом шаге. Видение прекрасно незнакомки исчезло. Данил вдруг понял, что проголодался — есть хотелось прямо ужасно, так, что челюсти сводило в судороге. Он зашагал быстрее, представляя себе, как будет макать горячие пельмени в ароматную горчицу. Когда они приблизились к тому месту, где аллея резко поворачивала направо, Егор вдруг замедлил шаги. Данил тоже. Ноги словно налились свинцом. Голова загудела, веки стали слипаться.

— Что за... — пробормотал Егор и принялся ожесточенно тереть глаза.

Он увидел, что сын, шатаясь словно пьяный, сделал несколько шагов к кустам и вдруг исчез. Егор бросился за Данилом — насколько позволял воздух, ставший вдруг вязким, как мёд. Мужчина вспомнил, что за кустами есть площадка, за миг до того, как вылетел на нее.

Данил уже стоял перед полуразбитой скамейкой. Девушка, которая сидела на спинке скамейки, похабно разведя ноги, ласково улыбнулась парнишке.

Губы у девушки были алые, а лицо — очень бледное.

И в этот момент Данил понял, эхо чьего безумного голода отразилось в его мозгу.

Данил попятился. Но девушка уже встала на скамейке. Ее лицо оказалось вровень с лицом Данила — он был долговым парнем. Девушка прыгнула на него, как на своего любовника, как рысь прыгает на свою добычу. Она обхватила Данила ногами чуть выше бедер и прижалась своими губами ко его рту. Губы у нее оказались холодными, а вот живот — очень горячим. Данил почувствовал, как его член набухает и встает, и одновременно по телу разливается сладкая слабость. У него подогнулись ноги. Перед тем, как удариться затылком об асфальт, Данил еще успел подумать:

«Но почему не в шею?»

Егор видел, как деваха опрокинула сына на землю и впилась ему в лицо зубами. Он шагнул вперед, сжимая кулаки. Вдруг в голове загрохотало с такой силой, словно безумный звонарь бил в набат. Егор невольно обернулся в сторону источника звука — звон доносился слева. Он увидел высокого мужчину в черной рубаше. Она была расстегнута чуть ли не до пупа. На обнаженной груди поблескивала цепочка. Рукава рубашки кончались чуть ниже локтей, и Егор смог наметанным взглядом оценить мышцы противника. Перед ним стоял не судебный служака, целыми днями переключивший бумажки с места на место.

А такой же бывший солдат, как и сам Егор.

Егор зарычал, выдернул из сумки с инструментом молоток. Бросил бесполезную сумку под ноги.

Мужчина кинулся вперед, замахиваясь.

Его противник не двинулся с места. Только чуть наклонил голову набок. Глаза у него были такие же черные, как и рубаша. И словно бы эбонитовые. Ни проблеска не отражалось в его глазах, хоть и стоял он лицом к фонарям.

Егор замер с занесенной рукой. Он был не в силах отвести взгляда от этих мертвых черных глаз.

— Ну и? — меланхолично спросил мужчина. — До утра будем так стоять?

Егор попятился. Бросил молоток на асфальт, обхватил себя руками и зарыдал.

Последнее, что он ощутил, была тяжелая горячая ладонь. Она коснулась его затылка мягко, почти нежно. Словно утешая....

Брюн оторвалась от парнишки как раз вовремя, чтобы увидеть, как Карл расправляется со своей жертвой. Мужчина стоял на коленях, спиной к Шмеллингу, обхватив себя руками. Карл положил руку ему на макушку. В тот же миг лицо мужчины стало белым, как асбестовая маска. Брюн знала по опыту, что этого более чем достаточно.

— Хватит, Карл! — крикнула она. — Убери руку!

Карл ее услышал. Шмеллинг качнулся всем телом назад, пытаясь оторвать ладонь от головы мужчины. Но тщетно. Голова мужчины мотнулась назад вслед за рукой Карла, будто приклеенная. Лицо жертвы при этом вмялось внутрь, как резиновая маска.

В следующий миг все было кончено. Раздался негромкий хлопок. Брюн привычно зажмурилась, чтобы вспышкой ей не резануло по глазам. Когда она открыла их снова, на асфальте перед Карлом чернела небольшая вмятина. Больше от жертвы не осталось ничего — даже одежды.

Карл поднял молоток, выпавший из руки погибшего, засунул его в сумку. Неторопливо подошел к краю площадки. Шмеллинг широко размахнулся и метнул сумку в болото. Трясина утробно чавкнула, подобно огромной сытой лягушке.

Карл вернулся к скамейке. Парнишка, чьей энергией полакомилась Брюн, все еще лежал на асфальте. Он разбросал руки и ноги в стороны и напоминал морскую звезду, вытащенную на берег.

— Ты, кажется, хотела оставить ему жизнь? — осведомился Карл.

— Ну да, а что?

— Если он так проваливается еще минут пятнадцать, то подхватит... как это... пневмонию. И все твои гуманистические порывы окажутся бесполезными, — сообщил

Шмеллинг.

Брюн тихо ругнулась. Карл был прав. Она пристально уставилась на парнишку. Тот поднялся на ноги — резко, механически, как кукла, которую дернули за ниточки.

— Ты ему память стерла? — спросил Карл.

Брюн кивнула. Именно этим она и занималась, пока Карл избавлялся от следов, которые могли бы навести милицию на ненужные размышления. Память человека представлялась Брюн в виде красной ленточки, которая проходила через голову насквозь, как телеграфная лента через аппарат. Справа она ныряла в висок. Здесь она еще была ярко-алого, незамутненного цвета. Из левого виска ленточка выходила уже покрытая золотистым причудливым узором. Брюн отхватила от ленточки слева сантиметров пятнадцать. Затем подтянула из головы оборванный край и связала их вместе. Отрезанный кусок ленты к этому моменту уже растворился в воздухе. Он лишился той силы, что придавала ему материальность — личной энергии своего владельца.

Парнишка двинулся прочь от скамейки. Он шагал неестественно прямо и вряд ли видел, куда идет. Но в поворот вписался удивительно ловко. Парнишка покинул площадку. Брюн проводила его взглядом и присела рядом с Карлом. После насыщения всегда хотелось немного отдохнуть, не двигаться.

— Не грусти, — сказала Брюн и обняла его за плечи. — Мы еще раз попробуем. У тебя обязательно получится.

Карл отрицательно покачал головой:

— Нет. Это был уже четвертый, Брюн. Я обречен убивать. Я не могу довольствоваться малым.

— Может быть, дело в твоём генокоде? — предположила она.

Карл поморщился:

— Да нет, просто такой характер адский. Вот знаешь, иногда, чтобы избежать беременности, мужчина выходит из женщины за несколько мгновений до того, как кончит?

— Это называется прерванный половой акт, — кивнула Брюн.

— У меня так тоже никогда не получалось, — сообщил Карл.

Брюн улыбнулась:

— Все равно, это не повод быть таким угрюмым. Ведь охота была удачной.

— Угрюмым? — переспросил Карл. — Grim?

Федор Суетин выучил дочь английскому — для переговоров с иностранными торговцами. Брюн и переводила Карлу и Лоту в первое время их пребывания в Новгороде.

Брюн снова кивнула. Карл взял ее за руку и принялся целовать ее маленькую ладошку.

— I may be grim, perhaps, but only just grim, — шептал он в промежутках между поцелуями. — As any man who suffered such affairs. Misfortune...

Брюн вздрогнула. Необычное ощущение, родившееся где-то в самой глубине ее тела, поднималось, как тесто на опаре. Внезапно Брюн поняла, что нужно делать. Она положила свободную руку на склоненную перед ней голову. Брюн запустила пальцы в жесткие черные волосы.

— Чёрный ангел печали, — произнесла она негромко, но распевно.

Эту песню ей пела бабушка перед сном. В ту счастливую и давно забытую пору, когда у Брюн была собственная маленькая комнатка под самой крышей замка Быка.

— Давай отдохнём...

— Carelessness or pain, what matters is the loss. You'll see...

— Посидим на ветвях, — продолжала Брюн.

Необычное ощущение оказалось светом. Он захлестнул Брюн, перелился через край и радужными волнами затопил площадку, что спряталась за кустами слева от бульвара Юности — там, где аллея поворачивала под острым углом, словно переломившись пополам.

— The heartbreak linger in my eyes, and dream...

— Помолчим в тишине. Одинокая птица...

— Wearing perhaps the laciest of shifts.

— Ты летаешь высоко...

Карл вдруг ощутил, как огрызки крыльев у него в спине наливаются силой. Это было и приятно, и больно — словно прорезался зуб.

— The lane's hard flints, — произнес он, задыхаясь,

— И лишь безумец...

— Will cut your feet all bloody as your run,

— Был способен так влюбиться.

Карл едва не закричал. Он вскинул голову, выгнувшись назад. Он отчетливо ощутил свои крылья. Не те жалкие зачатки вроде цыплячьих, которые у него когда-то были, а огромные, настоящие крылья.

Которых у него не было никогда.

— So, if I wished, I could just follow you, — продолжал он.

— За тобою вслед подняться, — отвечала Брюн.

На его крыльях не было перьев. Они состояли из плотной кожаной перепонки. Когда крылья развернулись, она натянулась. Холодный ветер поцеловал его крылья. Карл задрожал от наслаждения.

— Tasting the blood and oceans of your tears, — сказал Карл.

Он уже не чувствовал холодной скамейки под их разгоряченными телами. Не видел фонарей и ив окутанных серебристой шалью тумана. Он летел в сумрачном, пустом небе.

И не было никого, кроме него и самого обжигающе горячего комочка жизни в его руках, который пульсировал и рвался на свободу.

— Чтобы вместе с тобой разбиться, — выдохнула Брюн.

— I'll wait instead...

— Разбиться с тобою вместе, — повторила она.

Карл прижал лицо к ее груди и глухо произнес:

— My head between the white swell of your breasts.

— С тобою вместе³, — с мукой в голосе выдохнула она.

Брюн застонала. Тело ее обмякло, расслабившись полностью. Карл едва успел подхватить ее. Он услышал, как сердце Брюн мягко толкнулось в ее груди. А затем — еще раз.

— Listening to the chambers of your heart⁴... — медленно проговорил он.

³ «Одинокая птица» (исполнялась группой Наутилус Помпилиус; слова Ильи Кормильцева, музыка Вячеслава Бутусова)

4

Возможно, я утрюм — как
любой, кто столько страдал. Невезенье,
беспечность и боль, но в итоге равно утрата. Увидишь,
как блещут осколки сердца в моих глазах и мечта
позабыть все, что было, пока в эти двери
ты не вошла. Пока не принесла каплю лета
во взоре, улыбке...
Если достанет мудрости — убежишь
Ринешься в зимний холод
Вероятно, в наикружевнейшей сорочке
Песчаник
Ноги изранит до крови
Чтоб я по следу пошел, коль пожелаю,
Собирая губами кровь и океан
Твоих слез. Но я подожду...
Головою на белой твоей груди
Я слушаю тайный покой твоего сердца

Карл глубоко вздохнул и огляделся.

Они снова были на земле. Фонари загадочно мигали. Свистели поезда. Кто-то шел по аллее, разговаривая и смеясь. Брюн все еще не вернулась. Карл сел поудобнее и прижал ее к себе, как маленького ребенка.

— Я видела дом, — пробормотала Брюн, не разлепляя глаз.

Ее длинные черные ресницы дрожали. Карл коснулся их губами.

— Такой красивый, странный, и уютный, — продолжала Брюн. — И бабочку... кажется, махаона. И там, за закрытой дверью, шебуршился кто-то маленький. Домовой, я так думаю. У меня была такая красивая кружевная сорочка, и океан, и дюны... Все, о чем ты говорил. Хотя нет, про бабочку ты вроде не говорил, — добавила Брюн задумчиво.

— Но она была, — заверил ее Карл.

Брюн открыла глаза, еще мутные от наслаждения.

— Что это было, Карл?

— Добро пожаловать в тайные палаты моего сердца, — ответил он.

Карл ощутил присутствие. В зале для приемов кто-то был.

И по тонкому аромату ауры Карл даже понял, кто.

— Шайссе, — пробормотал Шмеллинг и направился туда.

Полина вздрогнула.

— Я не слышала, как ты вошел, — пробормотала она.

Карл молчал и смотрел на нее. Полина тряхнула рыжими кудряшками. Волосы подруги Карла были точь-в-точь того же оттенка, что и буйные вихры Локи. Карл лениво подумал, не вычитала ли программа и этот факт в его психопрофиле, когда создавала образ бога-помощника.

— Мы с тобой уже две недели не встречались, — волнуясь, заговорила Полина. — Так что даже не знаю, уместно ли это теперь. Но мне бы хотелось, чтобы была полная ясность...

— Я слушаю, — сказал Карл.

— Ты очень хороший человек, — произнесла Полина. — Но я неожиданно поняла, что люблю другого.

Карл ухмыльнулся.

— Ты же меня знаешь, — продолжала Полина. — Я привыкла, чтобы у меня было все самое лучшее. Привыкла быть везде первой. Быть воплощением самой заветной мечты. И уж конечно, каждая женщина нашего города мечтает быть хозяйкой в твоём замке.

Карл поморщился.

— Я знаю, — добавила Полина печально. — Вы, мужчины, любите сами добиваться, а не чтобы за вами бегали. Любите быть охотниками, а не добычей, призом...

— Ерунда, — перебил ее Карл. — Я ленив и не кровожаден. И не умею разговаривать с женщинами. В общем, я не возражаю против того, чтобы быть призом. Но вот что ты будешь делать с призом, когда его получишь?

Полина задумалась на миг.

— Когда мне было восемнадцать лет, я выиграла кубок Северо-Запада по пятиборью, — сказала она.

Карл был склонен поверить этому — Полина до сих пор неплохо стреляла.

— И эта уродливая чаша из покрытого серебрянкой алюминия до сих пор стоит у меня на полочке в шкафу, — продолжала Полина. — Она чуть поблескивает в темноте, когда я перед сном смотрю на нее и улыбаюсь. Иногда я протираю на ней пыль. А еще я храню в ней некоторые мелочи... ну, знаешь, бессмысленные, но дорогие для меня.

— Чудесно, — ответил Карл. — Но большинство людей, овладев призовым кубком, немедленно начинают туда ссать.

Полина хохотнула, но спохватилась.

— Перестань, не все так мрачно!

— Такова суть отношений захватчика и захваченного, я тут ни при чем, — пожал плечами Карл.

— Ну что же, — он обнял ее за плечи и поцеловал в макушку. — Совет да любовь! Я рад за тебя.

Полина вздохнула и чуть нахмурилась.

— И как-то все слишком мирно, — сказала она. — Как-то не по-людски. Прямо так и хочется устроить скандал...

— Не стоит, — заверил ее Карл.

— Думаешь?

— Уверен.

— Ладно, тогда я пойду.

Он отпустил ее. Полина повернулась к выходу. Там стояла Брюн. Из одежды на ней была только черная футболка Карла с красной надписью *Cosaine*. Буквы были стилизованы под логотип Кока-Колы. Футболка доходила Брюн почти до колен, и выглядела словно маленькое провокационное платье.

— Здравствуй, Брюн, — ничуть не смутившись, сказала Полина. — Раз уж ты здесь, нельзя ли с тобой поговорить? Мне надо кое-что передать тебе.

— Пожалуйста, говори, — сказала Брюн.

— Я как раз собирался в город по делам, — сказал Карл. — Я хотел заглянуть к знакомому торговцу книгами. Он только что приехал. Может, ты хочешь что-нибудь? — обратился он к Брюн. — Про вампиров?

— А можно ту книгу, стих из которой ты читал? — спросила Брюн.

— Я закажу, — кивнул Карл. — Но найдет ли он ее... Она на английском-то выходила в начале века. А переводилась ли на русский, я даже и не знаю.

Шмеллинг поцеловал Брюн в щеку, Полине — ручку, и вышел. Женщины остались одни.

Брюн с интересом смотрела на подругу Карла, с такой легкостью только что отказавшуюся от этого статуса. За который Полина, надо думать, долго боролась. Карл сказал правду. Он был молчалив, порою даже мрачен и не очень-то интересен как кавалер. Полина и Брюн были почти ровесницами. Полина была года на два постарше. Брюн часто доводилось встречаться с ней на приемах, которые давал Лот. В отличие от остальных женщин, присутствовавших на этих сборищах, Полина Истратова не была ничьей женой или любовницей. Точнее, последние два года она была любовницей Карла, но приглашали ее на приемы не поэтому.

У Истратовой было собственное дело.

Ее судьба была причудлива даже для того бурного времени.

Мать Полины, Вера Истратова, была начальницей исправительной колонии в одном из глухих уголков области. Когда республика окончательно развалилась, содержать осужденных женщин стало не на что. Истратова отпустила их.

А вот бывшие охранницы зоны, крепкие бабы, обученные драться и стрелять, остались со своей начальницей. Истратова захватила большую пасеку. В тот момент она никому не принадлежала и находилась в жалком состоянии. Коллективная ферма, которой принадлежала пасека, испустила дух чуть раньше, чем республика. Женщины крепко взялись за дело. Торговля мёдом вскоре стала приносить им большие барыши. Хозяин Шимска — райцентра, до того презрительно отзывавшийся о «бабьем угле», решил отобрать дело у Истратовой. Он отправил туда своих лучших бойцов. Никто не вернулся. А еще через неделю, ночью, всех мужчин Шимска вырезали. Бабий угол расширился до размеров района. Больше никто не повторил глупости покойного владельца райцентра. О женской общине ходили самые нелепые слухи. Но Брюн точно знала одно: мёд из Шимска был очень вкусным, а деловая хватка Истратовой — железной. Вера отправила дочь в Новгород в качестве, как это называлось в начале века, торгового представителя. Полина была отчаянно хорошенькой, и всегда нравилась Брюн.

Где-то в глубине души она ей завидовала, хотя вслух никогда бы не призналась в этом. Полина не знала своего отца, как и многие девушки Шимска. Хотя Полина родилась еще в ту пору, когда Вера Истратова была начальницей колонии, а не грозной Бой-Бабой. Мужчины, окружавшие Брюн, всегда отзывались о семье Истратовых с презрительной насмешкой. Но Брюн чувствовала в этой насмешке многократно умноженное эхо собственной зависти. У Полины, как знала Брюн, тоже был ребенок, рожденный без отца. Даша Покатикамень и Настюша Истратова иногда играли вместе. Иногда Полина заходила по делам даже в дом Лота.

Но для того, чтобы стать подругами, Брюн и Полина все же были слишком разными.

— Присаживайся, — сказала Брюн.

И указала на обтянутый тонким драпом железный стул. Сама она уселась на стул рядом. Полина последовала примеру хозяйки.

— Извини меня, я лезу не в свое дело, — сказала Полина. — Ты решила оставить Дашу ее отцу?

Брюн неопределенно повела плечом. Мораль северных амазонок в этом случае осуждала ее точно так же, как заскорузлая мораль общества, к которому Брюн принадлежала. Брюн ненавидела эти лицемерные заповеди всем сердцем — и все же страдала, чувствуя себя обвиненной не напрасно.

— Почему? — спросила Полина, глядя на собеседницу своими карими глазами. — Ты не любишь Дашу? За все те страдания, что тебе пришлось перенести из-за нее?

И тут Брюн решилась. Истратова не только производила впечатление человека, которому можно доверять — она им и была. Брюн знала об этом по рассказу Лота. Покатикамню пришлось довериться дочери Бой-Бабы в одной рискованной финансовой аванюре, и Полина не подвела его.

— Люблю, — сказала Брюн. По щекам ее потекли слёзы. — Я отца ее очень любила, и ее люблю.

Полина покачала головой.

— Но почему тогда...?

— Она не любит меня, — всхлипывая и борясь со спазмом в горле, чтобы вытолкнуть эти слова наружу, ответила Брюн.

Она разрыдалась. Полина огляделась, увидела на столике прозрачный графин с чем-то темно-красным и стакан. Она поднялась, наполнила стакан и вернулась к Брюн.

— Выпей, — сказала она.

Брюн, всхлипывая, подчинилась.

— Рассказывай, с чего это тебе в голову пришли такие идиотские мысли, — сказала Полина.

— Когда я притворилась больной... чтобы не ехать на юг... я думала, я была уверена, что Даша откажется ехать без меня! — произнесла Брюн.

Выпитое вино пошло ей на пользу. Глаза засверкали, а щеки порозовели. Она не смогла бы объяснить это Карлу, да и вообще никому. Близких друзей у Брюн не было, заводить их было слишком опасно. Многие стремились стать ее сердечной подругой. Но жены друзей Лота казались Брюн слишком тупыми. А юные и решительные девушки слишком явно хотели не дружить с ней, а оказаться поближе к ее мужу.

— Я хотела, чтобы Даша осталась со мной. А она сказала: «Выздоровливай, мамочка», и в глазах у нее уже отражались пальмы и песок морского пляжа, — продолжала Брюн. — Она не любит меня! И пока их не было, я все думала... Конечно... У Лота — все. У него есть деньги, чтобы ее развлекать, он балует Дашу. А у меня ничего. Я — ничтожество. А ведь я отдала ей больше, чем Лот. Свое здоровье. Свое время. Из-за нее я...

— Понятно, — сказала Полина. — Ты действительно ничтожество, Брюн.

Брюн посмотрела на нее в изумлении, смешанном с гневом. Она ожидала, что Полина начнет ее утешать. Брюн так искала этого! Но дочь Бой-Бабы усмехнулась и повторила:

— Полное и абсолютное ничтожество. И это еще цветочки. Ты сказала правду — у

Лота все, а у тебя ничего. Скоро Даша станет еще умнее и научиться любить того, у кого власть и деньги. Но у тебя все еще есть кое-что.

— Что же это?

— Время, — ответила Полина. — Еще есть время все исправить. Перестань быть ничтожеством. Начни зарабатывать сама. Когда Даша увидит, что ты самостоятельна, что ты сама зарабатываешь, она изменит свое отношение к тебе. И будет, кстати, более счастлива в жизни. Сейчас она может презирать тебя за то, что ты такая клуша. Но когда она станет такой же, как ты, она будет ненавидеть тебя за то, что ты не дала выбора. Не показала ей никакой другой дороги...

— Боже мой, но ведь у меня нет никакой профессии! — воскликнула Брюн. — Да и Лот не позволит, чтобы я работала...

Она осеклась. Полина усмехнулась.

— Мне кажется, мнение Лота тебе уже не очень важно, — сказала Полина. — Я так вижу, ты решила попробовать начать все сначала. Зачем же тащить в будущее все ошибки прошлого? Да, будет очень трудно. Но поверь, игра стоит свеч. Любовь, уважение и самоуважение — разве это не то, за что стоит бороться?

— Ты права, Полина, — ответила Брюн. — Я попробую.

Она действительно была благодарна ей. Полина была резковата, но дала хороший совет.

Брюн и Полина улыбнулись друг другу.

Две такие разные женщины, которые должны были сойтись в смертельной схватке за мужчину, но и в этом случае пренебрегшие предписаниями морали.

— Попробуй, — сказала Полина. — И делай это как можно быстрее. Я сегодня была у вас дома и видела Дашу. Так вот — Лот ее бьет.

— Что? — очень тихо переспросила Брюн.

— Бьет, — повторила Полина. — Судя по следам на руках, раскаленной сковородкой. Тебя он сейчас достать не может. Вот и отыгрывается. Поэтому я решила поговорить с тобой. Иначе я бы никогда не полезла в то, что меня до такой степени не касается.

Брюн поднялась со стула.

— Мне нужно одеться, — сказала она.

Глаза ее полыхали, словно два голубых фонаря. Полина снова улыбнулась — на этот раз понимающе.

— Не провожай меня, — сказала она. — Я знаю, куда идти.

— Нет уж, позволь, — сказала Брюн.

Полина пожала плечами. Женщины покинули зал для приемов.

— Ты правда нашла другую любовь? — спросила Брюн, когда они шли по длинной галерее.

— Не считай меня более великодушной, чем я есть, — усмехнулась Полина. — Только не нашла, а, скорее, заметила. Этот человек уже давно находится рядом со мной. Любит, терпит, уважает...

— Кому же так повезло? — осторожно осведомилась Брюн. — Кто этот счастливчик?

— Это счастливца, — сообщила Полина. — Моя старая верная подруга.

Брюн слышала много отвратительных историй о нравах, царящих в Шимске, и поэтому не очень удивилась. Да и делало эти истории отвратительными даже не их содержание, как вдруг поняла Брюн. А интонация, с которой эти истории всегда рассказывались, да глумливая ухмылка, непременно ползающая по лицу рассказчика, подобно прячущейся за камнями гадюке.

— Ты понимаешь, мы в Шимске все работаем, — продолжала Полина. — Мы заняты реальным делом, загружены по самое горлышко. Мне просто некогда строить из себя томную паву или там домохозяйку. Мне некогда разыгрывать из себя женщину. Ни ужас что за дуру, ни прелесть что за дурочку. Но мне и совершенно неохота тратить свои душевные силы на борьбу с мужчиной. Да, мы не признаем главенства мужчин, как это пришлось

сделать вам здесь. У нас в зоне была одна старая преподавательница из университета. Она осталась с мамой, когда все ушли. Так вот она рассказала, что подобное происходит всегда, когда нравы грубеют, и люди возвращаются к своей животной сути. Когда главным становится тот, кто просто физически сильнее. Но я не об этом. Я не хочу притворяться. Но я не хочу и бороться с женщиной, понимаешь? В любви я ищу отдыха, спокойствия и веселья. Мне не нужен партнер, который в каждый миг может превратиться в противника.

— Но как же... Карл? — пробормотала Брюн.

«Ты же с ним спала?», хотела спросить она. Но такую бестактность у Брюн все же не хватило духа.

Женщины уже вышли на мост. Брюн зябко передернула плечами на ветру.

— Да, Карл — самый лучший из всех, — серьезно сказала Полина. — Он очень умен. Это освобождает человека от заикленности на собственной мужественности и избавляет от необходимости постоянно доказывать ее. Но Карл боится меня. Он чувствует во мне угрозу, и он все время напряжен. И вот парадокс — хотя я вовсе не собираюсь вступать с ним в борьбу, как я только что тебе сказала, когда человек смотрит на тебя, как на соперника, каждый твой жест, каждый взгляд становится вызовом. Хотя вовсе и не был таковым изначально.

— Ты хочешь сказать, он воспринимается как вызов, — сказала Брюн задумчиво. — Хотя ничего подобного ты не имеешь в виду. Ты просто хочешь жить так, как... как хочешь.

— Да, — благодарно кивнула Полина.

Брюн покачала головой:

— В наше время это и есть самый дерзкий вызов, который женщина может бросить обществу.

— Общество меня тоже мало волнует, — призналась Полина. — Ну, кто это — общество? Пара лицемерных старух на своих кухнях, да твой муж?

— Еще есть церковь, — сказала Брюн тихо.

— Аааа, ты имеешь в виду этого старого любителя мальчиков, — беспечно сказала Полина.

Брюн вздрогнула и невольно огляделась. Хотя на мосту они были, разумеется, одни.

— Осторожнее, — сказала Брюн.

— Мы все отлучены, — сообщила Полина весело. — Настоятель Анатолий хотел, чтобы мы ежегодно жертвовали монастырю сто килограмм воска. Мама объяснила ему, куда он может пойти со своими желаниями... Так что мне нечего бояться. Ну, бывай, подружка.

Полина звонко чмокнула ее в щечку. Брюн улыбнулась и помахала рукой на прощание.

Истратова водила огромный черный джип. Рядом с ним «вольво» Карла казалась игривой бабочкой рядом с огромным жуком-рогачом. По внешнему виду джипа было совершенно очевидно, что при покупке Полина ориентировалась на смутный образ гусеничного тягача, накрепко врезавшийся в детскую память.

По Шимскому району можно было передвигаться только на тяжелой гусеничной технике.

В те времена, когда Аткинсона звали Диком, он работал в полиции Колчестера и был весьма толковым сержантом. Сейчас к Аткинсону обращались не иначе как Ричард Сильвестрович, и он руководил следственным управлением Новгорода. Между этими двумя точками на отрезке временной прямой находилась служба в Шестнадцатой воздушно-штурмовой бригаде сухопутных войск Великобритании. Сначала Аткинсон попал в третий парашютный батальон, а затем оказался во взводе следопытов. К тому моменту, когда Московский фронт начал агонизировать, Аткинсон уже руководил следопытами. Лотар Тачстоун поставил Ричарда Аткинсона во главе следственного управления города, который англичане решили сделать своим, по той простой причине, что Аткинсон был единственным человеком, чья гражданская специальность минимально удовлетворяла требованиям на эту вакансию.

Ричард Сильвестрович сидел за столом в своем кабинете и слушал доклад одного из

своих лучших следователей по делу таинственного маньяка, который объявился в Новгороде полторы недели назад.

Точнее, не одного, а одной из.

Когда Аткинсон пришел в следственное управление, в нем работали одни женщины. Все мужчины были на фронте. После объявления перемирия, когда солдаты начали возвращаться домой, ситуация изменилась мало. Почти все новгородцы при мобилизации оказались в печально известной Двенадцатой дивизии. Их оставили прикрывать отход основных войск из Санкт-Петербурга. Телкхассцы предпочитали масштабные решения. Инопланетяне накрыли рavelин, в котором сидели последние защитники города, залпами из двух мощных пиэрс.

Так что почти все подчиненные Ричарда были вдовами. И к моменту появления англичан в Новгороде — уже довольно давно.

Впрочем, многим удалось выйти замуж второй раз, а некоторым даже и в третий. С появлением в городе двух военных формирований, сплошь состоящих из молодых мужчин, ситуация на брачном рынке резко изменилась. Если раньше катастрофически не хватало женихов, то теперь их приходилось, по статистике, по 2,3 человека на одну потенциальную невесту (при расчете учитывались женщины от шестнадцати до пятидесяти пяти лет).

Алёна Сергеевна Иванова-Крестьянова (на самом деле, разумеется, Джонсон-Бауэр) и была тем самым лучшим следователем, доклад которого сейчас слушал Аткинсон. И доклад был неутешителен. Поскольку дело было сложным, Аткинсон собрал бригаду из четырех следователей и подчинил их Ивановой-Крестьяновой. Так же бригаде была придана целая стая практикантов из новгородской школы милиции — для черной работы.

— Совершенно никаких следов или зацепок, которые могли бы привести к преступнику, обнаружить не удалось, — сообщила Алёна Сергеевна.

Ей было около сорока. Статная, хотя и немного расплывшаяся после третьих родов фигура Алёны все еще выглядела весьма привлекательно в летнем костюме из синего хлопка. Длинная юбка целомудренно скрывала ноги. «Работа не место для флирта», считал Аткинсон. Его подчиненные придерживались того же мнения. Но веселые разноцветные разводы по подолу напоминали о том, что сейчас лето, а лучший следователь отдела все-таки женщина, еще не старая и красивая.

— Очевидно одно: сексуальную компоненту можно исключить, — продолжала Иванова-Крестьянова. — Жертвами становятся только мужчины.

— Мужчину тоже можно изнасиловать, — заметил Ричард.

— Мне кажется, что педерасты живут только в крупных городах, — возразила следователь.

Аткинсон усмехнулся и сказал:

— Женщина тоже может изнасиловать мужчину.

Алёна с интересом посмотрела на него. Начальник любил рассказать что-нибудь этакое. Во время работы в полиции Ричарду приходилось сталкиваться со многими интересными случаями. Да и сейчас Аткинсон относился к категории активных начальников. Ричард часто ездил на региональные конференции по обмену опытом. Аткинсон привозил оттуда не только новейшие теории, но весьма любопытные байки.

— Правда, обычно это случалось в женских колониях, — добавил Ричард. — Если заключенным женщинам удавалось изловить мужчину. Ну кого-то из охраны, или случайная удача.

— Но как же...? — смутилась Алёна Сергеевна.

— Эрекцию можно вызвать механически, поглаживаниями, — ответил Аткинсон.

Он показал, как. Иванова-Крестьянова смотрела на движения его пальцев и медленно наливалась краской.

— А потом перетянуть член у основания, чтобы предотвратить отток крови, — продолжал Ричард. — И скажи, сколько хочешь. Ну, мужчина при этом связывается, конечно. На голову мешок надевают, чтобы он не опознал обидчиц.

Он отвел глаза и замолчал.

Иногда Дик очень сожалел о собственном запрете. Но Фриц Бауэр, бывший разведчик, а теперь — таможенник в замке Быка, застрелил бы Аткинсона, не задумавшись не на секунду. И не посмотрел бы, что Аткинсон руководитель следственного управления города.

И Дик об этом знал.

— Так что говорит патологоанатом? — нарушил Ричард неловкое молчание.

Алёна глубоко вздохнула, словно просыпаясь ото сна.

— Тел ни одной из жертв обнаружить не удалось, — деловым тоном ответила она.

— И значит, все же сексуальную компоненту исключить нельзя, — заметил Ричард.

— Хорошо, мы пока не будем ставить крест на этой версии, — согласилась Алёна. — Последний случай имел место в районе вокзала. Необходимо отметить, что это первый случай нападения на Софийской стороне. До этого все случаи зафиксированы на Торговой. Итак, — она глянула в лежащий перед ней пухлый том дела. — Отец и сын Григорьевы возвращались домой после рабочего дня и ждали маршрутку на остановке. Старшего Григорьева, Егора, после этого никто не больше не видел. Младший — Данил — вернулся домой около десяти вечера. Он ничего не помнил с того момента, как они с отцом подходили к остановке. После чего парнишка сразу загремел в больницу. У него обнаружилось двустороннее воспаление легких. Водители маршруток, бывших в то время на линии, были опрошены. Так же я дала объявление на «Славии».

— Молодец, — кивнул Ричард. — Дальше.

— И кое-кто из пассажиров, ехавших в то время с вокзала в Западный район, откликнулся и дал показания. Но никто не вспомнил, чтобы Григорьевы ехали в маршрутке. Я предположила, что Данил Григорьев проделал путь до дому пешком. Мы провели осмотр всего возможного пути Данила Григорьева. Не стоит исключать возможность того, что какую-то часть дороги они проделали вместе с отцом. Самым логичным и коротким был путь по бульвару Юности.

— А, это та аллея, что связывает вокзал и Ломоносова. Еще через лесок идет, — сообразил Аткинсон.

— Увы, ничего относящегося к делу найти не удалось, — сообщила Алёна. — Как известно, на полпути между вокзалом и улицей Ломоносова есть площадка. Она еще со времен Суетина пользуется недоброй славой. Сколько там было совершено изнасилований... — Иванова поморщилась. — Впрочем, и пьяных драк с убийствами тоже хватает. Площадка прямо-таки располагает к такого рода действиям. Она загорожена кустами и с бульвара практически не видна.

— Да, вот сколько там ходил, ни разу даже не подумал, что она там есть, — согласился Ричард.

— Кусты около прохода на площадку изломаны, — продолжала Иванова.

— Ага! — сказал Дик.

— Да, я тоже подумала, что враг мог устроить засаду там, — кивнула следователь.

«Врагом» на профессиональном жаргоне именовался преступник.

— Асфальт рядом с проходом оплавлен, имеется воронка. Я полагаю, что это следы развлечений молодежи, — рассказывала Алёна. — Они явно баловались с чем-то горючим или взрывчатым. Но одно не исключает другого. Да и вообще эта воронка может быть никак не связана с нашим делом. Враг мог завлечь туда потерпевших, а потом стереть память Григорьеву при помощи какой-нибудь штучки, позаимствованной у телкхассцев.

Аткинсон слышал о подобном происшествии на последней конференции по обмену опытом в Санкт-Петербурге. Он рассказал об этом Алёне Сергеевне — как-то к слову пришлось — и теперь, слушая ее, улыбнулся. Ричарду было чертовски приятно осознавать, что у него такие смышленные подчиненные.

— Однако и эта гипотеза ничего не дает. Если применение этого оружия и оставляет какие-то следы в пространстве, нам неизвестно, какие, — продолжала Иванова-Крестьянова. — Я поручила практикантам собрать и классифицировать весь мусор с

площадки.

Аткинсон улыбнулся.

— Пусть ребята поучатся работать с вещдоками и отрабатывать любые, даже самые безнадежные версии, — сказала следователь. — Было обнаружено много чего, если хотите, я зачитаю. Список из трехсот двадцати позиций.

— Ты выбери самое важное, — кивнул Ричард. — Или необычное.

Иванова принялась монотонно зачитывать перечень обнаруженного на площадке мусора. Аткинсон уже поднял ладонь, чтобы остановить коллегу, как вдруг услышал нечто интересное.

— Хватит, пожалуй, — перебила сама себя Алёна Сергеевна. — Ребятишкам-то на пользу пошло, а вам это ни к чему.

— погоди секундочку, — сказал Ричард. — Прочти еще раз про тот окуроч.

— Окуроч? — Алёна Сергеевна скользнула глазами по списку. — А, вы наверное имеете в виду вот это: «окуроч с желтым фильтром, желтым ободком, длина около трех сантиметров. Плоский, как бы растоптанный. Имеется надпись „Наву“... гм...

Иванова-Крестьянинова запнулась. Иностранные языки не были ее сильным местом. Она довольно бегло могла объясниться на английском и немецком на бытовые темы. Но вот читать не умела — ей это было ни к чему.

— Нэйви Кат, — прошептал Аткинсон. — Дайте взглянуть.

Алёна Сергеевна придвинула расплывающийся под собственным весом том дела начальнику. Аткинсон не ошибся. Скрупулезно перерисованные с окурка буквы были именно такими, какие Ричард ожидал увидеть.

— Спасибо, Таня, — сказал Ричард Сильвестрович. — Дальше этим делом я займусь сам.

Алёна Сергеевна улыбнулась. Она предчувствовала весьма хмурое утро. Расследование топталось на месте, а люди продолжали пропадать. Однако все удивительным образом обошлось. «И ведь вроде старо как мир», развеселившись, думала Алёна. — «Не сводить глаз с шефа и вовремя покраснеть... Но работает!».

Аткинсон отпустил подчиненную широким жестом.

— Принесите мне, пожалуйста, этот окуроч, — попросил он. — Хочу взглянуть.

Аткинсон дождался, пока Иванова-Крестьянова покинет кабинет, и подошел к окну.

Оно выходило на транспортную развязку, носившую имя Площадь Строителей. В это час кольцо было забито машинами и автобусами. Ричард, однако, смотрел не на юркие малолитражки, лезущие под колеса неторопливым автобусам. У него была собственная машина, нежно любимая и лелеемая «тойота». Ее доставили из Питера на автобарже по специальному заказу. Аткинсон сам ходил растамаживать машинку к Шмеллингу в замок Быка.

И еще тогда «вольво» Карла очень понравилась Ричарду.

Аткинсон выудил из кармана брюк записную книжку и принялся ее листать. Где-то у него был записан номер мобильного Шмеллинга. Ричард еще никогда ему не звонил — не было случая.

Но все в жизни случается в первый раз.

В дверь осторожно постучали.

— Да-да, войдите, — сказал Аткинсон громко и обернулся.

На пороге стояла молодая девица. Это была кто-то из новеньких — Аткинсон не знал ее в лицо. В руках девушка держала запаянный пластиковый прозрачный конверт. Внутри лежал окуроч с желтым фильтром — плоский, как бы растоптанный.

— Вещдок по делу о маньяке, — сказала она.

— Положите мне на стол, — сказал Ричард.

Девица выполнила приказ и удалилась. Аткинсон машинально отметил, что задница у нее очень ничего. Затем он опустил взгляд на страничку. Перед появлением девицы руководитель следственного комитета Новгорода как раз открыл страницу, озаглавленную

«S».

Ричард нашел нужный номер. Он устроился за столом и вынул из ящика мобильник. Аткинсон набрал цифры, сверяясь с записной книжкой.

Это был прощально-теплый летний день. На улицу еще надеваешь футболку с коротким рукавом, но уже поглядываешь в сторону шкафа, в глубине которого мирно ожидают своего часа рубашки и куртки.

Брюн сидела в небольшой нише в стене и читала книгу. Знакомый книготорговец смог выполнить просьбу Карла. Как выяснилось, такое изобретение прошлого века, как «печать по требованию», еще существовало. Брюн забавляла мысль, что книга, которую она держит в руках, одновременно и новая — страницы еще пахли типографской краской — и старая. Оригинал, согласно пометкам в выходных данных, был издан в 2007 году. Брюн подняла голову и увидела Карла.

Шмеллинг стоял, привалившись к полуразрушенной колонне метрах в трех от подруги. Карл грелся на солнышке и жевал травинку.

Как всегда, Брюн не ощутила появления любовника.

— Тебе нравится? — спросил Карл, не поворачивая головы.

Брюн сообразила, что он говорит о книге. Она кивнула.

— Прочти что-нибудь вслух, — попросил Шмеллинг.

Брюн с выражением произнесла:

— «Знаешь, что самое грустное? — спросила она. — Самое грустное: мы — это вы.

Я ничего не ответил.

— В ваших фантазиях, — сказала она, — мой народ — такие же, как вы. Только лучше. Мы не умираем, не старимся, не страдаем от боли, холода или жажды. Мы лучше одеваемся. Мы владеем мудростью веков. А если мы жаждем крови — ну что ж, это ничем не хуже вашей тяги к пище, любви или солнечному свету; а кроме того, для нас это повод выйти из дома. Из склепа. Из гроба. Из чего угодно. Вот ваша фантазия.

— А на самом деле? — спросил я.

— Мы — это вы и есть, — ответила она⁵.

Брюн оторвалась от книги, чтобы взглянуть на Карла. Он улыбался.

— Мне вот тоже казалось, что вампирский быт должен выглядеть несколько иначе, — задумчиво произнесла Брюн.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Карл.

— Ну, мы же вроде должны бояться солнечного света, чеснока. Я не знаю, святой воды... Спать днем, в конце концов, — закончила Брюн задумчиво.

Карл покосился на нее и добавил:

— В гробах.

— Да ну тебя.

— Дело в том, что мы не вампиры, Брюн, — произнес Шмеллинг. — Вампиры средневековья были забитыми румынскими крестьянами с испорченными инцестом генами. Наши хромосомы испорчены игрищами Химмельзона с генетическим оружием и наноботами из книги. А это очень большая разница. Мы — сверхлюди, следующий этап в развитии человечества.

Карл усмехнулся и добавил:

— Я до сих пор не могу к этому привыкнуть. Я вообще должен был стать книжным червем.

Брюн наморщилась. Карл очень хорошо говорил по-русски, практически без акцента. Но иногда он употреблял выражения, которых Брюн не понимала. Чаще всего это были кальки с немецких или английских идиом. Но если смысл выражения «леопард не может

⁵ Нил Гейман. Двенадцать раскрашенных карт из колоды вампира. Карта «Мир»

сменить своих пятен» интуитивно понятен на любом языке, то про книжного червя Брюн услышала впервые.

— Книжный червь — это тот, кто ест книги? — переспросила она. — Или ты имеешь в виду духа книги, который вселился в нас — по аналогии с компьютерным червем?

— Ни то, ни другое. Насколько я знаю, так в твоём языке называется человек, который много читает, — ответил Карл. — Я хотел стать археологом. Весь экстрим моей жизни должен был состоять в обметании черепушек мягкой кисточкой...

— Ты вычитал в своих старых книгах это выражение! — сообразила Брюн. — Сейчас таких людей называют ботанами.

— Ботанами? — переспросил Карл.

— Это от слова ботаник — тот, кто разбирается в ботанике. Это ведь совершенно ненужная по жизни наука.

— Ясно. Ботан — тот, кто знает много ненужного, — сказал Карл. — Знание вообще — вещь ненужная, несущая много печалей.

— Но что же нам делать дальше? — рассеяно спросила Брюн.

— Ну, а что говорят книги о вампирах? — спросил Карл. — Все же, мы находимся почти в одной ситуации с этими гламурными кровопийцами. А я почти ничего о них не знаю. Как-то не интересовался этим вопросом. Мне это казалось смешными сказками.

Брюн задумалась, припоминая. Карл сделал несколько шагов и остановился в проломе стены. Шмеллинг смотрел на реку, блестящую под солнцем, черный терем и такие же черные старинные лодки на другом ее берегу. Там находился музей деревянного зодчества. Лодки показались Карлу похожими на огромные каноэ, но русского их названия он не знал.

— Вампиры не работают, — сказала Брюн наконец. — Но у них всегда есть деньги, потому что они тайно правят миром. Вампиры развлекаются, убивая.

— Итак, единственный рецепт для бессмертного мужчины — это власть, — подытожил Карл. — А что литература говорит о женщинах, бессмертных, вечно юных?

Брюн снова погрузилась в раздумья. Карл закурил, глядя на купола Юрьевского монастыря. Неизвестный зодчий сделал их темно-синего цвета и украсил золотыми звездами. Они выглядели как кусочки ночного неба в пространственно-временной свёртке, подобной той, что закручивала спирали «лестниц в небо».

— Женщины иногда становятся детективами, — сообщила Брюн. — Но дело кончается бурными разнообразными романами — с людьми, вампирами, оборотнями и прочими.

— Короче, единственный путь для бессмертной женщины — это блядство, — сказал Карл.

— Можно было сказать: «бесконечная смена любовников», — сердито поправила Брюн.

Карл пожал плечами:

— Какая разница, как называется. Суть от этого не меняется.

Шмеллинг покосился на подругу:

— И ты считаешь этот рецепт приемлемым для себя?

Брюн хмыкнула.

Память — причудливая вещь. Бывает, от того, кого страстно любишь, в памяти остается лишь свитер, пахнущий резким одеколоном, к которому прижималась щекой, или запястье с часами, когда ты рассеянно спросила: «Который час», и он поднял руку, чтобы взглянуть.

А в этот момент Брюн поняла, что даже если она когда-нибудь сочтет упомянутый рецепт приемлемым для себя, этот взгляд, полулукавый-полулюбезный взгляд искоса, резкий профиль Карла на фоне красно-оранжевого кирпича, прощальная летняя истома, голубое, выцветшее небо над их головами — и будут тем, что останется с ней навсегда.

— Мне кажется, что эта вампирка из книги права, — ответила Брюн. — Мы не знаем, каковы вампиры на самом деле. То, что о них говорят — это лишь мечты людей о таких самих себе, которыми им хотелось бы быть.

— Так и есть, — кивнул Карл. — Средний человек ленив, злобен и сладострастен. И хочет, чтобы его уважали именно за это.

— Но это не имеет отношения к нам, — сказала Брюн.

— Нам придется уехать из Новгорода, — сказал Карл.

— Почему?

— Ко мне сегодня приходил Ричард Аткинсон, — сказал Карл. — Они нашли мой окурок на том бульваре, где мы с тобой охотились последний раз.

— И что ты сделал?

— Я выпил его память и велел уничтожить и окурок, и материалы по делу.

— Но в большом городе главный следователь не будет приходить к тебе, найдя твой окурок, — заметила Брюн.

— В большом городе не я один буду курить «Navy-Cut», — возразил Карл. — Да и окурки я больше не буду разбрасывать.

Шмеллинг затушил догоревшую сигарету о стену, вытащил из кармана джинсов жестяную коробочку и демонстративно спрятал окурок туда.

— погоди, — сказала Брюн, до которой дошла вся пикантность ситуации. — Но ведь Дик Аткинсон — человек Лота. Я его помню, он был у нас на Рождество. Почему же он пошел к тебе...?

— Аткинсон хотел мою «вольво», — усмехаясь, ответил Карл. — Но я как-то не расположен отдавать свои машины кому ни попадя, знаешь ли.

Брюн только покачала головой.

— Здорово было найти таких, как мы. Подняться на следующую энергетическую ступень, о которой говорила Маленькая Разбойница, — произнесла она.

— Или хотя бы встретиться с хозяином этой книги, — сказал Карл. — Поговорить с ним было бы очень интересно. Но всерьез надеяться на это не стоит. Опять же, в большом городе шансы на это чудо есть. Тогда как здесь они равны нулю.

Помолчав, Шмеллинг добавил:

— Тебе придется решить, возьмешь ли ты с собой Дашу, или оставишь ее Лоту.

Брюн провела рукой по лицу.

После визита Полины она с помощью Маленькой Разбойницы проштудировала раздел «Управление людьми на расстоянии». Брюн обработала сознание Лота так, что он теперь не мог даже подумать о том, чтобы поднять руку на дочь. Время от времени Брюн приходилось подновлять внушение. Но ничего сложного в этом не оказалось.

Однако все это были полумеры. Принять решение насчет Даши Брюн так и не смогла. Ей казалось, что Карлу совершенно не нужен чужой ребенок. Обманывать его так же, как и Лота, Брюн не хотелось. Полина была права. Не стоило тащить в будущее, это единственное, что все еще принадлежало Брюн, свои старые ошибки.

Карл с интересом наблюдал за подругой — хватит ли ей мужества или нет?

Однако Брюн была дочерью старого бандита, которого можно было упрекнуть в жестокости и жадности, но никак не трусости.

— Ты, наверное, думаешь, что Даша — твой ребенок, — сказала Брюн наконец.

— Нет, — сказал Карл. — Я знаю, что я — не первый упырь, которого ты любила. Я это понял еще тогда.

Брюн вздрогнула и посмотрела на него в упор.

— У Даши может быть такая же болезнь, как и у ее отца, — невозмутимо продолжал Карл. — Эта, как там... Светобоязнь, следствие слишком красной крови. А с твоей стороны Даша могла унаследовать сверхспособности, которые нужно только активировать.

— Ты хочешь, чтобы и Даша коснулась книги? — сообразила Брюн.

— Да, — сказал Карл. — Брюн, этот вопрос все равно придется решать. Оставишь ты ее здесь или возьмешь с собой — везде есть свои плюсы и минусы.

— А если Даше не передалось это редкое сочетание генов?

— Все возможно. Но чтобы узнать это, тебе придется еще раз — последний —

побывать в доме Лота.

В монастыре зазвонили колокола.

— Мне нужно посоветоваться с Маленькой Разбойницей, — сказала Брюн.

В ее ауре промелькнула темная, холодная решимость. Брюн еще не знала, как поступить с Дашей. Но некоторые другие вопросы для себя она уже решила окончательно и бесповоротно. Не то чтобы Карл был сильно удивлен, заметив подобные мысли. Но Карл не ожидал, что подруга пойдет так далеко.

— Посоветуйся, — согласился Карл. — И вот еще что. Не убивай Лота. Я прошу тебя.

Брюн покосилась на него, неопределенно пожала плечами и захлопнула книгу.

Они вдвоем с Карлом истаяли, медленно и печально, в такт затихающему перезвону. Последней исчезла книга в мягкой серой обложке, висевшая в полукруглой нише стены. Когда колокола замолчали, на оранжево-красных развалинах церкви Благовещенья, нагретых солнцем подобно лежанке русской печки, никого не было.

Брюн аккуратно открыла дверцу шкафа. Как она и думала, книга оказалась за ней. У книги не было определенного места. Карл и Брюн оставляли учебник то там, то здесь. Но по молчаливому уговору никогда не выносили из комнаты. Однако Брюн — да и Карл то же — научились чувствовать, где лежит книга, даже если она была не на виду.

Брюн перевернула тяжелую страницу. Маленькая Разбойница появилась так мгновенно, что казалось — она сидела прямо на алом пергаменте и ждала свою подопечную.

— Привет, — сказала наставница весело.

— Привет, — улыбнулась Брюн. — А я опять к тебе с вопросами.

— Валяй, — кивнула Маленькая Разбойница.

— Вопрос первый, — сказала Брюн. — С какого возраста можно касаться тебя? Как это влияет на рост и развитие, ну, не повредит ли это ребенку, например?

— Смотря какого возраста ребенок, — ответила Маленькая Разбойница. — Детям до года эта операция противопоказана. А так, процедура проходит наиболее эффективно и безболезненно, если осуществлена до момента полового созревания.

— Вот как! Очень хорошо, — обрадовалась Брюн.

Месячные у Даши еще не пришли, хотя этот животрепещущий вопрос они с дочкой уже обсудили. У самой Брюн это произошло в двенадцать лет, так что и с Дашей это должно было скоро случиться. Брюн не хотелось, чтобы ее дочь пришла в ужас от непонимания того, что с ней происходит, и предупредила Дашу заранее.

— Второй вопрос, — произнесла Брюн. — Допустим, человек обладает годной для инициации комбинацией генов. Но если, помимо этого, он еще и является носителем генетической болезни, как это скажется?

В руках у Маленькой Разбойницы появился крохотный свиток, на носу — очки. Выглядела она презабавно. На верхней части свитка можно было различить крохотные аккуратные буквы *«Перечень генетических дефектов»*.

— Какой именно болезни? — осведомилась наставница.

— Эта болезнь называется порфирия, — сказала Брюн.

Маленькая Разбойница принялась искать в списке.

— Дауна синдром, ихтиоз, муковисцидоз, нейрофиброматоз, меастата, — пробормотала она. — Фенилкетонурия... Так, это уже не здесь. А, вот — порфирия. Большая часть носителей этого генетического дефекта уничтожена инвки... гм... инкви... в общем, уничтожена. Образец ДНК добыть не удалось. Не могу дать точного ответа. По общему правилу, после обращения генетические болезни усиливаются до безобразия, потом исчезают окончательно. Так что в данном случае обращение даже идет на пользу — человек избавляется от неизлечимого заболевания.

— Что значит — усиливаются? — спросила Брюн осторожно.

— Какие у этой порфирии проявления?

— Кожа человека очень чувствительна к солнечному свету, — сказала Брюн. — Стоит

чуть-чуть побыть на солнце, как получаешь солнечный ожог. Кожа краснеет, а потом и облезает.

— Ну, значит, после проведения процедуры на солнце дней пять вообще нельзя будет выходить, — ответила Маленькая Разбойница. — Иначе человек просто задымится и сгорит.

Брюн вздрогнула.

— Понятно, — сказала она и очень нежно провела пальцем по взъерошенным волосам Маленькой Разбойницы. — Спасибо тебе.

— Да не за что, — сказала та.

Свиток и очки исчезли; перед Брюн снова была симпатичная деловая проказница.

— Честное слово, не стоит так напрягаться, — сказала Брюн. — Батарейку ведь посадишь, или что там у тебя?

— В смысле? — удивилась Маленькая Разбойница.

— Ну вот очки, свиток. Да и ты сама... То есть ты мне очень нравишься, — добавила Брюн поспешно. — Но ведь это очень большой расход ресурсов. Мне бы хватило и просто голоса, идущего из книги.

— Я знаю, — вздохнула Маленькая Разбойница. — Я рассчитана на людей гораздо младше тебя или Карла. На подростков. Познавательный процесс должен быть увлекательным и интерактивным. Я и сама могу обучаться. Я уже понимаю, что для вас с Карлом это лишнее. Но я не могу изменить эту часть программы. Как и ты не можешь изменить несущие черты своего характера. Так что тебе придется терпеть меня.

— Я поняла, — кивнула Брюн. — Ну почему же — терпеть? С тобой правда очень весело. Я чувствую себя так, словно попала в сказку.

— Чудесно, — сказала Маленькая Разбойница. — Очень рада за тебя. А теперь, если у тебя больше нет вопросов, я, с твоего позволения, пойду. Буду беречь батарейки, как ты выразилась.

— Ну прости меня, — смутилась Брюн. — Я не хотела тебя обидеть.

— Меня обидеть невозможно. Я могу идти?

— Да, — сказала Брюн. — Отдохни.

3

Житие св. Ирвинга Хутынского. Фрагмент 2. Явление

И дано ему было вести бой со святыми и победить их; и дана ему была власть над всяким... народом, языком, и племенем.

Откровение Иоанна Богослова, гл. 13

Впрочем, это было не то, что он подумал. Но намного, намного хуже. Голова Брюн запрокинулась, обнажив беззащитную шею. Карл жадно урчал и причмокивал, припав к ней. Остекленевшие глаза Брюн смотрели, казалось, прямо в душу Ирвинга, моля о помощи. Когда вампир, насытившись, отвалился, алая кровь брызнула на подушку сильной струей.

Карл неувловимым движением оказался на балконе; он не шел и не летел, это было нечто среднее. Сердце Ирвинга закоченело от смертельно-холодного ветра, поднятого быстрым перемещением такой большой массы. Край развевающегося черного плаща задел кисть Ирвинга, и он мгновенно перестал ощущать ее.

Карл легко вспрыгнул на перила и широко развел руки. Небольшая тучка, скрывавшая Луну до сих пор, отбежала в сторону. Округа озарилась мертвенно-бледным светом. Шмеллинг словно бы молился Луне — огромной, красной, только что выползшей на небо. Карл спрыгнул с перил, широкие полы плаща взметнулись, словно крылья. Ирвинг не стал следить за полетом гигантской летучей мыши. Он бросился к брату и потряс его. Лот с усилием открыл глаза, увидел окровавленную Брюн и, кажется, все понял. Однако он не в состоянии был преодолеть темные чары, которыми окутал его Карл.

— Бери Дашу и уходите, — неимоверным усилием выдавил из себя Лот.

Ирвинг промчался по пустому полутемному коридору, в котором тускло мигало ночное освещение. Девочка, к его удивлению, не спала. Он нашел Дашу полностью одетой. Она сидела в своем любимом кресле-качалке и читала какой-то комикс. Черно-белое взлохмаченное чудовище, закусывавшее яблоком, меланхолично глянуло на Ирвинга с обложки.

— Почему ты не спишь? — спросил Ирвинг, остановившись в дверях.

— Читаю, — ответила Даша. — Да и шумно очень.

— Как называется?

— Тетрадь Смерти. Дядя Карл дал.

Ирвинг покачал головой.

— Не одобряю я этой новомодной манеры учить девочек грамоте. Глаза только портишь. Хватит забивать голову всякой ерундой, — сказал он. — Накинь курточку, мы уходим.

Даша поднялась с кресла, но спросила:

— Куда?

— Так папа велел, — ответил Ирвинг.

Они вышли из дома Покатикамня, взявшись за руки, и двинулись через лес по старой грунтовой дороге — мимо призрачных развалин университета, мимо кладбища.

Интуитивно Ирвинг выбрал путь, ведущий в монастырь. Там их не смогла бы достать никакая, даже самая могущественная нечисть.

Лот построил себе дом в прибрежном лесу, рядом с давно заброшенным корпусом новгородского университета. Когда-то здесь учились ботаники. Сейчас узкая полоска деревьев, невесть как уцелевшая в строительном буме начала века, тянулась от Колмовского моста к Деревяницам. Ровная асфальтовая дорога, имевшая даже тротуар для пешеходов, ныряла в лес за автозаправкой. Но после первого же поворота город исчезал. Эта дорога звалась в народе «тропой маньяка» за ее опасную пустоту и уединенность по вечерам. А сейчас, когда по ней не шли на занятия веселыми компаниями студенты в тапочках — из общежития — и студентки в мини-юбочках с автобусной остановки, здесь было жутковато даже днем. В болоте слева от дороги деловито крикали дикие утки — осенние, жирные, ленивые. За утками серела сквозь березки и осины коробка здания неизвестного назначения, которое так никогда и не было достроено. Деревья подступали к самой дороге. Справа вместо березок и осин тянули свои мохнатые лапы экзотическая туя и лиственница — память о студентах-ботаниках. За туями виднелось желто-синее здание. Это и был один из корпусов бывшего университета. Чуть дальше угадывались в темноте очертания полуразрушенного студенческого общежития и нескольких жилых домов. От былого великолепия остались только развалины, напоминавшие циклопические беззубые черепа. Из проваленных пастей тянуло гнилью и чем-то еще, невыразимым, от чего становилось зябко и хотелось бежать со всех ног.

Лот огородил свой кусок земли силовым полем. Его генераторы находились в одной из развалин и в остатках жилого квартала. Не желая, чтобы гости врезались в силовое поле со всего размаху, Лот придал полю синий цвет и обозначил границу владений аркой, сваренной из труб и выкрашенной в такой же цвет. За аркой виднелся дом Тачстоуна. Основательное трехэтажное здание имело двускатную крышу, покрытую красной черепицей. Дом Лота напоминал замок двумя башенками по углам. Но до замка Быка ему было, конечно, далеко.

Уже темнело, когда на этой дороге появился мотоцикл. Брюн остановилась перед воротами, сиявшими в полутьме, и подняла стекло шлема. У нее был ключ, и она попробовала открыть им ворота. Но Лот в ее отсутствие, разумеется, сменил код. Брюн нажала на круглую кнопку звонка.

— Кто там? — раздался в динамике голос Лота.

Муж откликнулся быстрее, чем она ожидала. Брюн приблизила лицо к микрофону. Где-

то рядом должна была находиться и камера наблюдения. Так что теперь Лот точно знал, что за визитер стоит у ворот его цитадели.

— Это Брюн, — чуть хрипло сказала она.

Брюн никак не могла повлиять на разум человека, отделенного от нее силовым полем. Для того, чтобы заставить Лота прекратить издеваться над Дашей, Брюн пришлось дожидаться, пока муж покинет дом. Она немного прибралась в мозгах Лота, когда он находился в своем кабинете в Доме советов. Так по старинке называлось здание, где располагалась администрация области.

Лот должен был впустить Брюн сам. Но если бы он не захотел этого сделать, Брюн не смогла бы заставить его.

Округу огласила негромкая приятная мелодия — сигнал того, что Лот отключил силовое поле на воротах. Брюн оседлала мотоцикл и промчалась сквозь сваренную из труб арку.

Лот вышел из гостиной и остановился на самом верху лестницы, ведущей в большой холл. Он слышал, как ревет мотор мотоцикла Брюн. Жена уже подъезжала к дому. Лот выдернул ремень из брюк. По-настоящему Лот в нем не нуждался, и носил только для солидности. Лот намотал конец ремня на руку, оставив свободной стальную пряжку на другом его конце. «Выдеру как сидорову козу», думал Лот, в нетерпении легонько похлопывая ремнем себя по ноге. За десять лет, проведенные на чужой земле, Тачстоун научился думать по-русски. Он вспомнил о втором значении глагола «выдеру», и усмехнулся. И это тоже надо было сделать. Или в этом случае русские говорят «отдеру»? Сам черт ногу сломит в этих их приставках и суффиксах, придающих глаголам сотни нюансов. Лот ощутил железную, без всяких тонкостей, решимость, показать жене, кто в доме хозяин.

Всеми способами, которыми располагал.

Грохот мотора стих. Брюн поставила мотоцикл в гараж и теперь шла к дому. Лот стоял посреди хрупкой, как лед, тишины. Через несколько мгновений ей предстояло взорваться криками, плачем, мольбами о прощении.

Почему-то Лоту вдруг стало невыносимо, безумно страшно. Он нервно усмехнулся.

Но все же запустил свободную руку в карман брюк, где у него лежал мобильник, и нажал пару кнопок. Тачстоун не принимал всерьез возможность бунта или покушения. Но на всякий случай они с Ирвингом договорились об условном знаке, который будет означать, что один из них попал в беду. Братья выбрали для этого невинное по смыслу сообщение — «Смеркалось». Каждый запрограммировал свой мобильник так, чтобы это сообщение можно было отправить нажатием двух-трех кнопок, даже не глядя на них.

Для того, чтобы отправить сообщение, Лоту оставалось нажать всего одну кнопку.

Дверь открылась. Брюн вступила в холл.

Лот заметил, что жена на удивление похорошела за время отсутствия. В своей черной одежде с серебряными зигзагами молний Брюн была похожа на мальчика и вообще выглядела гораздо моложе, чем была.

Лот взмахнул ремнем и сделал шаг вперед.

Брюн улыбнулась.

— Даже не здороваешься? — спросила она.

Такого голоса Лот у нее никогда не слышал. Брюн произнесла эти слова мягко, почти распевно. Но в то же время они были полны ярости, силы и насмешки.

Совсем не таким тоном должна была разговаривать блудная жена, которую выгнал даже любовник, натешившись вдоволь. Лот довольно быстро догадался, что это за *подруга*, о которой он не знает, и где она живет. Но, как говорится, если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло. Первые дни Лот очень злился и даже бил Дашу. Но потом вдруг осознал, что даже рад этому. Он устал от Брюн. Жена растеряла все очарование молодости, превратившись в тупую домохозяйку. В глубине души Лот надеялся, что Брюн не вернется.

Хотя, если бы замок Быка не был таким неприступным, Тачстоун бы все-таки рискнул. Лот воспользовался бы подвернувшимся поводом и установил в области, наконец, единовластие. Но замок Быка уже пытались штурмовать, и не раз. Лот внимательно изучил ту часть новгородской летописи новейшего времени, которая была посвящена этому вопросу. Первый зафиксированный удачный штурм был осуществлен телкхассцами.

Второй — Шмеллингом.

Да и без флаера бросаться на замок Быка не имело никакого смысла, а Ирвинг все еще не вернулся из Боровичей. Можно было вызвать брата. Но Лот никогда не был суетливым человеком. К тому же, портить отдых Ирвингу не хотелось.

Другими словами, в данной ситуации любая попытка штурма замка Быка была обречена на провал. Но ситуация уже решилась другим путем, и штурм замка не потребовался.

Лот взмахнул ремнем. Он прокашлялся, чтобы прочистить горло. Брюн многое предстояло услышать и понять. И в этот момент Брюн взлетела в воздух. Жена подошла к лестнице, но вместо того, чтобы подниматься по ней, очень быстро поплыла над ступеньками, не касаясь их ногами. Ремень дернулся в руке Лота, как змея. От неожиданности Тачстоун выпустил его. Ремень тут же с оттяжкой хлестнул Лота по спине. Лот вскрикнул и поднял руки, защищаясь.

Брюн зло прищурилась и произнесла непонятное заклинание:

— Но Гиллспай перехватил у меня плётку...

Лот попятился, и промахнулся мимо ступенек. Он скатился вниз. Лот пытался уцепиться за пушистый ковер, который они постелили на лестнице. Но пальцы проскальзывали в густом ворсе, вдруг ставшем очень скользким. Ремень летел над Лотом и безжалостно хлестал своего бывшего хозяина. Пряжка рассекла ухо Лоту, брызнула кровь. Так, оставляя за собой дорожку кровавых брызг, Лот проделал весь путь вниз и оказался у подножия лестницы. Брюн нависла над мужем. Она улыбалась.

Лот быстро надавил кнопку на гладком корпусе мобильного. Тачстоун услышал негромкий писк — сообщение ушло адресату.

— Рододендрон в розарии, — пробормотал Лот негромко.

Когда выяснилось, что телкхассцы вскрывают любую человеческую личность и выкачивают из нее информацию с той же легкостью и умением, с каким опытный пасечник откачивает мед из сот, армейские психологи землян разработали так называемый блок памяти. Если предотвратить утечку информации невозможно, рассуждали они, надо сделать так, чтобы утекать было нечему. Блок памяти существовал трех видов. При первом, самом легком блоке стиралась кратковременная память, то есть память о последних сутках. При использовании блока второго вида уничтожалась память о последних трех годах жизни. Третий, самый глубокий блок разрушал саму личность — человек забывал все, и самого себя — тоже. Затем были проведены сеансы гипноза, во время которых всему личному составу были установлены эти блоки. Активировались они при помощи кодовых слов. Предполагалось, что, попав в плен, солдат просто произносит эти слова, теряет память и перестает представлять информационную ценность для противника. По этой причине слова были выбраны редкие — чтобы не активировать блок случайно, в беседе с товарищем или старшим офицером.

Лот, как представитель старшего командного состава, обладал всеми тремя видами блоков памяти. И самым легким из них, когда напроць улетучивались из памяти предыдущие день-два, Тачстоун однажды даже воспользовался. Тогда Лот перестраховался. Но зато теперь он знал, что ничего опасного в этом нет.

Возможно, Лот перестраховался и на этот раз. Но так или иначе, Брюн не узнала о том, что Ирвинг вернется несколько раньше, чем предполагалось.

Хрупкая, как лед, тишина, взорвалась криками и стонами.

Но прощения Лот не просил.

Да и за что?

В первый момент Брюн показалось, что Даши нет в детской. Несмотря на сумерки, свет в комнате не горел. Брюн оглянулась и заметила светлую макушку, торчавшую над кроватью. Брюн подошла поближе.

Даша сидела на полу между кроватью и шкафом. Она прижимала к себе огромную уродливую мягкую собаку, которую Брюн давно не видела среди игрушек дочери. Ее подарил Даше на день рождения доктор Андрей Небеснов, когда она была совсем еще маленькой — на три или четыре года. Даша уже выросла из таких игрушек. Брюн как-то настирала их и сложила в большой ящик в кладовке.

— Даша, — окликнула ее Брюн.

Дочь промолчала, словно и не заметив мать. Брюн села рядом с ней на пол, обняла девочку.

— Он меня бил, — сказала Даша очень спокойным голосом.

— Я знаю, — сказала Брюн. — Когда я узнала, я сделала так, чтобы он прекратил. Ведь он же больше не бьет тебя?

— Не бьет, — механически повторила Даша.

Это было правдой. Теперь отец кормил ее по утрам и уезжал на работу. Вернувшись, Лот следил за тем, чтобы она пообедала. Затем Даша сидела в своей комнате, а отец — у себя в кабинете. В восемь вечера Лот приходил и требовал, чтобы Даша легла спать. Отец был словно кукла, и это было еще страшнее тех черных дней в самом начале.

Брюн с трудом сдерживалась, чтобы не заплакать. Даша чуть пошевелилась и вдруг обхватила ее. Даша плакала, и Брюн чувствовала, как горячие слезы падают ей на грудь.

— Мама, прости меня! — всхлипывала Даша. — Я всегда буду вести себя хорошо! Я буду тебя слушаться! И всегда буду делать уроки и убирать в комнате, только пожалуйста, больше никогда не уходи!

— Прости и ты меня, — сказала Брюн, прижимая ее к себе. — Прости, пожалуйста. Я больше никогда уйду. Мы всегда будем вместе. Хочешь горячего шоколаду?

Девочка кивнула.

— Я сейчас принесу, — сказала Брюн и поднялась на ноги.

Даша издала сдавленный вскрик — тихо, жалобно, как птичка. Брюн застыла.

— Я пойду с тобой, мама, — сказала Даша.

— Хорошо, — кивнула Брюн.

Даша взяла ее за руку. Другой она крепко держала лохматого пса. Когда они спускались рядом по лестнице, голова собаки отставала от них на две ступеньки — так велика была игрушка. Запах, который волной окатил Брюн, когда она обняла Дашу и от которого отмахнулась, как от чего-то невозможного, сделался еще сильнее.

— Хочешь искупаться? — спросила Брюн.

Даша кивнула. Девочка остановилась на последней ступеньке, не решаясь вступить в холл.

— А где папа? — спросила она.

— Не бойся, он не придет. Я заперла его в сушилке.

Пока Брюн готовила шоколад, Даша сидела на стуле, по-прежнему прижимая к себе собаку, словно щит. Растрепанные светлые волосы дочери торчали между длинными пушистыми ушами игрушки. Брюн наполнила чашку и поставила ее на стол. Сама села напротив и стала смотреть, как дочь пьет.

— Дядя Карл тебя выгнал? — спросила Даша, сделав несколько глотков.

— Почему ты так думаешь?

— Папа часто говорил, что ты вернешься когда наблю... — Даша поморщилась, но так и не осилила сложное слово. Брюн стиснула левую руку правой так, что у нее побелели костяшки.

— И дядя Карл тебя выгонит, — закончила Даша.

Брюн несколько секунд собиралась с духом.

— Доченька, — сказала она. — Я больше не могу жить с папой, мне с ним плохо. Я теперь буду жить с дядей Карлом. И ты будешь жить с нами.

— В замке Быка? — с вялым интересом спросила Даша.

— Нет, — ответила Брюн. — Мы уедем в другой город. Наверное, в Санкт-Петербург. Завтра мне надо будет сделать кое-что. Вечером придет дядя Карл, а потом уже и уедем.

— Это хорошо, — сказала Даша. — Я больше никогда не хочу видеть это место.

Полчаса спустя, когда из пены в ванне торчали лишь руки и голова Даши, а Брюн сидела рядом на скамеечке, девочка вдруг спросила:

— Но почему ты так долго не приходила за мной? Ты хотела меня бросить? Ты больше не любишь меня?

Брюн откашлялась и взяла ее за руку.

— Я не знала, люблю ли я дядю Карла и хочу ли я жить с ним всегда. Не знала, согласится ли он, чтобы ты жила с нами. А потом мы поговорили, и он сказал, что согласен.

— Значит, если бы дядя Карл не захотел этого, ты бы за мной не вернулась, — сказала Даша.

— Вернулась бы, — сказала Брюн.

Наступило молчание.

— Я просто подумала, что ты меня больше не любишь, — сказала Брюн потом. — Что ты любишь папу. Вот я подумала, что тебе лучше будет с ним.

— Ты у меня очень глупая, мама, — сказала Даша сонно. От тепла и еды ее разморило. — Ну как же я могу тебя не любить? Я и папу любила, и тебя. Но папу я больше не люблю.

Брюн вытерла слёзы.

— Я знаю, доченька, знаю, — сказала она и поцеловала Дашу в лоб. — Давай мыться, а то ты сейчас заснешь.

Брюн встала и открыла шкафчик. За прозрачной дверцей стояли шампуни, пенки и соли для ванны в разнообразных коробках. Брюн достала фигурную бутылку с шампунем. Она изображала принцессу с ручным енотом на руках. Брюн отвинтила крышку. Даша тем временем нырнула с головой, чтобы полностью намочить волосы. Она снова появилась над поверхностью. Брюн выдавила гелеобразный шампунь на слипшиеся волосы дочери.

Они даже не мылились.

Но Брюн справилась с этой проблемой. Когда она обтирала Дашу полотенцем, дочка спросила:

— Я знаю, что я уже большая... но можно, ты сегодня поспишь с мной?

— Можно, — сказала Брюн.

Девочка надела махровый халат и тапочки в виде забавных котят. Они поднялись в детскую. Даша включила ночник в виде зеленого бегемотика. Брюн принялась менять белье на постели. Даша помогла ей, но не позволила покинуть комнату, чтобы отнести вонючий узел со старым бельем в ванну. Брюн ограничилась тем, что выставила его за дверь. Затем легла рядом с дочерью. Даша обняла мать и для верности сложила на нее и ноги.

Дочь быстро заснула. А Брюн долго лежала без сна. Она смотрела на узкую, как подарочный кинжал, полоску лунного света, который пробивался из-за шторы. Время от времени Даша вздрагивала всем телом во сне и принималась плакать, неразборчиво жалуясь на что-то. Брюн прижимала ее к себе и гладила спутанные мокрые волосы. Когда наконец Даша вздрогнула в последний раз и тело ее стало мягким, по-настоящему расслабленным, Брюн осторожно освободилась и подошла к двери. Там она постояла некоторое время, прислушиваясь. Дыхание Даши было ровным и спокойным, каким и должно быть дыхание спящего ребенка.

Брюн нажала ручку и бесшумно покинула детскую.

Лоту предстояла совсем не такая спокойная ночь, как Даше.

Ирвинг поставил на номер Лены бодрый марш без слов. И когда он заиграл, проснулся

сразу. Желтый прямоугольник экрана мобильного светился в темноте. Ирвинг увидел заметку о непрочитанном сообщении от Лота. Судя по дате, оно пришло почти сутки назад. Ирвинг сбросил звонок. Затем сел на кровати и открыл сообщение. Несколько мгновений он смотрел на коротенькое слово, не понимая его смысла. «И чего это брата на поэзию потянуло», подумал Ирвинг. Он поднялся и принялся одеваться, думая о том, что надо бы перезвонить Лене.

И тут он вспомнил.

— Черт, — пробормотал Ирвинг.

Ему показалось, что комната вдруг приподнялась, как это бывает во время землетрясения или при прямом попадании из пизерсы. А затем номер обрушился на Ирвинга стенами, накрыл золотой сетью, в которую сложился узор на светлых обоях, задушил коврами и впился в кожу осколками стекол из окна. Ирвингу стало нечем дышать.

Он поспешно натянул брюки, и схватился за телефон. Первой его мыслью было перезвонить. Но когда Ирвинг уже нажал клавишу быстрого вызова, его вдруг осенило, что этого делать не стоит. Тачстоун стремительно оделся и принялся собираться, как попало швыряя вещи в рюкзак, когда мобильник снова зазвонил. Звучал тот же веселый марш, что разбудил Ирвинга.

Он взял телефон в руки, глубоко вздохнул и нажал клавишу приема.

— Привет, — сказал Ирвинг в трубку. — Случайно сбросил, извини.

Некоторое время он молчал, слушая подругу.

— Не знаю, — произнес он. — Я тут вот что подумал. Может, вернемся в Новгород? Я помню, что мы до конца недели тут побыть собирались, но почему бы вернуться пораньше? Да нет, не надоело, а просто... А ты как считаешь?

Ирвинг улыбнулся.

— Отлично, — сказал он. — Конечно, возьму с собой. Если ты подойдешь не позже чем через час с вещами. Ну все, целую.

Модуль «Черный эллит» наделял своих владельцев самыми разнообразными способностями, но не умением проникать на территорию, огороженную силовым полем. Карл связался с домом Лота через домофон, установленный на воротах, и Брюн открыла их.

Шмеллинга никто не встретил. Стоя в огромном холле, он прислушался к своим ощущениям. Брюн находилась недалеко. На первом этаже, в небольшой комнате слева по коридору, в которой Карлу еще ни разу не доводилось бывать. Он направился туда. Дверь была открыта. В комнате, кроме Брюн, находился еще и Лот. Появления Карла Брюн не заметила — она была слишком занята. Да и стоны Лота были намного громче шагов Шмеллинга.

Карл внимательно осмотрел приспособления, лежавшие в беспорядке полу и висевшие на дальней стене. Он соврал Лоту тем теплым летним вечером. Мазохистом Карл не был, равно как не обладал наклонностями противоположного свойства. Но все же Шмеллинг располагал некоторым опытом в этой области. Опыт такого характера не всегда приобретается по собственному желанию.

Таким образом, Карлу стало совершенно очевидно, что Брюн хотела причинить Лоту как можно больше боли. И как можно более сильной. О тонкой изощренности здесь речь вести было нельзя. Бок Лота перехватывала повязка сомнительной свежести — очевидный результат неуправляемого гнева. Брюн, видимо, спохватилась и поняла, что если дело пойдет такими темпами, Лот умрет гораздо быстрее, чем она удовлетворится полностью.

— Привет, — сказал Карл, дождавшись паузы.

Брюн обернулась. Она не знала, как Карл отреагирует на то, что увидит, и опасалась его неодобрения.

— А еще можно привязать к батарее, включить ее на полную мощность, и давать пить только солёную воду, — сказал Карл.

— Месье знает толк в половых извращениях, — развеселилась Брюн. — Пойдем.

Она отложила хлыст и поднялась со стула. Его конструкция была несколько улучшена по сравнению со стандартной. Брюн превратила игрушку из секс-шопа в электрошокер. Карл и Брюн покинули комнату. Перед тем, как Брюн захлопнула дверь, взгляды Карла и Лота встретились на миг. Голубые глаза Тачстоуна помутнели от боли, обесмыслились. Прошедшие сутки очевидно были самыми длинными в его жизни, и самыми насыщенными. Но Лот увидел Карла и узнал его — в глазах Тачстоуна вспыхнула совсем иная боль.

— Я сделала все, как ты посоветовал, — сказала Брюн, когда они шли рядом по коридору.

Карл понял, что они направляются в спальню. Он даже не знал, радует его это или нет. Сейчас подруга была в чересчур боевом настроении.

— Я перевела часть активов на себя, собрала вещи и объяснила все Даше, — продолжала Брюн. — Она ждет тебя с нетерпением. Ты принес книгу?

Карл кивнул. Они собирались провести инициацию завтра утром. Карл и Брюн вошли в спальню. Брюн обернулась к Карлу. Он вдруг понял, что она смущается. У Карла отлегло от сердца.

— Ты не думай, пожалуйста, что если я так с Лотом, то так же будет и с тобой, — сказала Брюн.

— А я и не думал, — ответил Карл и обнял ее.

Носовой прожектор флаера вонзал во тьму конус беспощадно-белого света. Если говорить совсем точно, свет был даже чуть-чуть синим, как тот, что дают лампы для кварцевания. Лена остановилась, не доходя пары шагов до границы света и тени, чтобы полюбоваться грозной летательной машиной.

На боку флаера еще можно было прочесть надпись *16th Air Assault Brigade*, порядком поблекшую. Лене флаер Ирвинга всегда напоминал женщину лет тридцати. Красота в это время является уже не заслугой возраста, а результатом разнообразных сложных и дорогостоящих процедур. И называют ее уже не красотой, а ухоженностью. Средняя продолжительность жизни флаера в боевых условиях равнялась двум дням, и поэтому телхасцы не закладывали в свои машины больших ресурсов прочности и надежности. Однако многие трофейные аппараты летали до сих пор. Целая армия доморощенных кулибиных поддерживала флаеры в надлежащем состоянии. Маслянисто поблескивал пулемет, укрепленный под брюхом машины. Сейчас его ствол свободно висел вниз. Это наводило Лену на неприличные ассоциации. Из открытой двери флаера доносилось ровное гудение механизмов. В том случае, если все системы прогревались перед стартом, расход заряда батарей был меньше, чем когда флаер взмывал в небеса резко. Зарядка для батарей так же относилась к инопланетным технологиям. Ее можно было произвести в любом крупном городе. Но стоила эта процедура очень дорого, а Ирвинг был парнем экономным.

Лена приблизилась к флаеру и заглянула внутрь. Ирвинг сидел в кресле пилота, развернувшись лицом ко входу.

— Ну наконец-то, — сказал он.

Лена поднялась по стальной лесенке, которую Ирвинг тут же втянул и нажатием кнопки. Девушка уселась на место штурмана. Ирвинг закрыл дверь. Лена пристегнулась, не дожидаясь напоминания. Грудь Ирвинга уже перехватывала черная широкая лента страховочного ремня. Флаер медленно поднялся в воздух. Задрожало и исчезло в ночи огненное озеро города. В носовой, прозрачной части флаера появилась луна — огромная, красно-желтая, как рассасывающийся синяк на черном теле неба.

Пока Ирвинг задавал машине курс, Лена молчала. Она уже знала, что он терпеть не может, когда у него в такой момент щебечут под ухом. Но вот Ирвинг откинулся на спинку кресла и сделал музыку погромче. До этого лившаяся из динамиков мелодия была не слышна за шумом мотора. Ирвинг очень любил восточную музыку, которая больше всего напоминала Лене брачную песню котов. Но английские марши — второй вид музыки, которую любил слушать Ирвинг — были, на вкус Лены, еще хуже.

Впрочем, она никогда не говорила ему об этом.

— Где ты меня высадишь? — спросила Лена.

Ирвинг хмыкнул и покосился на нее.

— Перед мостом, — сказал он весело.

Лена промолчала.

Однажды она попыталась настаивать на чем-то, когда они с Ирвингом летели куда-то на его флаере. О чем-то, что тогда казалось Лене важным — не менее, чем точка теперешнего приземления. Исчерпав аргументы и не придя к консенсусу, Ирвинг просто ударил по кнопке катапульты. До этого Лене ни разу не приходилось прыгать с парашютом.

Ирвинг потом извинился. Установка нового кресла взамен сработавшего, плюс замена открывшегося в потолке люка (как выяснилось, он был одноразовым) тоже встала Покатикамню в копеечку. Но с тех пор Лена никогда и ни о чем не спорила с Ирвингом, когда они куда-нибудь летели. Тем более, сейчас флаер находился над глухим лесом, где даже егеря ее отца появлялись раз в год по завету. Лена снимала квартиру довольно далеко от Колмовского моста, в Западном районе. Девушке очень не хотелось добираться по ночному городу. Но еще меньше Лене хотелось провести ночь на верхушке какого-нибудь дерева, в ветвях которого запутается ее кресло.

А потом еще черт знает сколько добираться до людей по непроходимому лесу.

Лена достала из своей сумки книгу. Надо было как-то скоротать время в дороге.

«Иван упал на одно колено. Луч лазера пронзил пустоту в том месте, где только что находилась его голова. Он проследовал дальше и натолкнулся на стальную внутреннюю перегородку космического крейсера. Расплавленная сталь закапала на пол подобно маслу. Лужа начала растекаться по коридору, и скоро должна была подобраться к ботинкам отстреливающегося Ивана, который ничего не замечал в горячке боя.

— Берегись! — крикнула Ирина».

Это был фантастический триллер «Обрубить волосатое щупальце». Он был посвящен событиям последней войны. Как и в большинстве таких книжек, главный герой в одиночку был умнее всего телкхасского Генштаба. Земляне побеждали в войне только благодаря нечеловеческим усилиям этого Ивана. Лена свистнула книжку у младшего брата. Сначала она читала больше от скуки, но постепенно повествование увлекло девушку. От однообразного потока чтения на эту тему «Обрубить волосатое щупальце» отличался наличием героини — помощницы героя. То есть присутствовала и стандартно-беспомощная, очаровательная блондинка, которая попала в щупальца кровожадных телкхассцев. И над которой мерзкие инопланетяне, разумеется, надругались всем штабом. Автора совершенно не смущал тот факт, что система размножения у телкхассцев и процесс продолжения рода существенно отличалась от человеческой. Телкхассцы как вид прошли много ступеней развития. К моменту встречи с землянами они были гермафродитами, закованными в хитиновые панцири. Во-вторых, те самые щупальца, что так будоражили воображение автора, не несли в себе никакой эротической функции. Телкхассцы использовали их в качестве рук. И уж, разумеется, не могли вбрасывать в тело несчастной жертвы потоки своего семени посредством этих гибких отростков. Это было известно каждому ветерану последней войны, к которым можно было отнести все выжившее население Земли. Однако автора не смущало и это.

Кроме блондинки, во всех смыслах положительной героини, спасти которую герой и помчался на другой конец Вселенной, в тексте присутствовала и энергичная брюнетка. Она умела обращаться с бластером ничуть не хуже самого героя, и даже иногда давала ему советы, которым он следовал. Все это заставило Лену напряженно следить за развитием событий. Кого же из этих двух красавиц предпочтет герой?

«Иван коротко покосился на Ирину. Она кинула ему запасную батарею для бластера. Ирина поняла по числу выстрелов, что энергозаряд в пушке Ивана подходит к концу. Он ловко поймал батарею и перекатился на другой бок. Теперь Иван был вне досягаемости от опасной лужи.

Но вокруг имелись опасности и посерьезней...»

— Я пошутил, — сказал Ирвинг и потрепал ее по колену. — Подброшу тебя до квартиры, конечно.

— Спасибо, — не отрываясь от книги, ответила Лена.

— Брось забивать голову всякой ерундой, — сказал Ирвинг и одним ловким движением выбил книгу из ее рук. — Давай лучше займемся любовью. Во флаере мы этим еще никогда не занимались.

Лена огляделась. Внутреннее пространство флаера было довольно просторным. Средний телкхассец было примерно в полтора раза больше по объему, чем человек. А боевой расчет флаера состоял из трех телкассцев. Место, освободившееся после демонтажа кресел и прочей аппаратуры, необходимой для поддержания жизни инопланетян в чуждой атмосфере, пустовало.

— Как ты себе это представляешь? — спросила Лена. — На пол я не хочу ложиться. Мне сесть на тебя, что ли?

— Садиться будешь на кого-нибудь другого, — спокойно сказал Ирвинг. — Встанешь ко мне спиной и обопрешься на пульт.

— А я тут не нажму что-нибудь случайно, и нас обоих не катапультирует к чертовой матери? — спросила Лена с опаской.

— Я заблокировал клавиатуру, — ответил Ирвинг. — Давай.

Лена поднялась с места. Они немного повозились, пристраиваясь. Ирвинг разобрался с ее брюками и потянул футболку вверх. Лена наклонилась вперед и закрыла глаза в тот момент, когда горячая рука Ирвинга сжала ее левую грудь. Какие-то рычажки и тумблеры, выступавшие из панели управления, вонзились в живот Лене. Особенно неудобной была круглая плоская кнопка слева, из центра которой торчал тонкий и острый стержень. Лена снова открыла глаза. Никак не получалось сосредоточиться на ощущениях. Прямо перед девушкой висела луна — холодная, маленькая и грустная. Огни города, которые окрашивали ее в алый цвет, остались далеко позади.

«Грубая, грязная скотина», подумала Лена с ненавистью — холодной, маленькой, и грустной.

Эта мысль уже посещала девушку. Но всякий раз, когда Лена хотела произнести это вслух, ей вспоминалось одно и то же.

Когда Лена зашла в гости к Покатикамням, то увидела в одном из отдаленных помещений серебристую квадратную машину. Она негромко жужжала. Лена подумала, что это, должно быть, нагревательный котел.

— Нет, — сказала Брюн, смеясь. — Это стиральная машина.

И по ее улыбке Лене подумалось, что стиральную доску, на которой она сама всю жизнь стирала свою одежду, Брюн, пожалуй, приняла бы за варварский музыкальный инструмент.

Лена вздохнула и подумала, что книжка была интереснее. Ирвингу все-таки было всего двадцать два года. Он действовал слишком быстро. Ирвинг не был первым любовником Лены, и она знала, что мужчины постарше не столь торопливы и более изощренны в ласках.

Никогда еще физическая любовь не приносила Брюн такого глубокого наслаждения — терпкого и острого. Карл, видимо впечатленный увиденным, склонялся к ментальному сексу. Парочка освоила его не так давно. Одним из важных плюсов его являлось то, что ментальное слияние не предполагало возможности нанесения увечий друг другу. Но Брюн настояла на своем. Карл ошибся. Издевательства над Лотом вовсе не приносило ей удовлетворения. Наоборот, Брюн испытывала все более сильный гнев. Если бы Карл не пришел, ее ярость бы вылилась в слезах.

А так неистовство Брюн утишили объятия Карла.

«Это потому, что я люблю его», думала она. — «И потому, что он этого достоин. В этой моей любви нет ни снисхождения, ни жалости. Ни попытки унижить саму себя до

уровня партнера. Мы равны, хотя и неодинаковы. Мы — два чудовища, стоящие перед безжалостной бездной жизни».

Брюн засмеялась. Ей в голову пришла мысль, что это может быть неверно истолковано Карлом, что он обидится. Раньше Брюн никогда не смеялась в постели. И в этот момент, когда она испуганно замолчала, Карл негромко произнес:

— Да, монстры мы, да, паразиты мы, с голодными и алыми очами. Для вас — века, для нас — единый час...

Он зарычал. Брюн поняла, что он услышал ее мысль. Брюн расхохоталась в голос. Маленькая Разбойница предлагала и ей научиться читать мысли. Но Брюн пока еще не успела освоить этот навык.

— А я не люблю Блока, — сказала она.

— А я его существовании узнал только неделю назад, — доверительно сообщил Карл. — Мне всучили томик его стихов, когда я забирал твой заказ.

Медленно провернулась ручка на раме окна, и оно открылось. Но не рывком, как если бы это произошло в том случае, если бы рама распахнулась сама, а очень аккуратно. Свежий воздух потек в комнату. Он ласкал два обнаженных разгоряченных тела, лежащие рядом на смятой шелковой простыне.

— Спасибо, Карл, — сказала Брюн лениво. — Я как раз думала о том же. Здесь очень душно.

Карл в ответ провел рукой по ее волосам. Брюн накрыла его руку своей и удержала у своего лица.

— Ты жалеешь, что Даша — не твой ребенок? — спросила Брюн, целуя его в центр ладони.

Карл тихо засмеялся.

— Мне кажется, — сказал он. — Чтобы я сейчас ни ответил, я потом пожалею об этом.

Брюн отпустила его руку и приподнялась на локте. Карл видел ее темные волосы, разметавшиеся по плечам, и ее глаза, полные лунного блеска.

— Перестань, — сказала Брюн почти гневно. — Я не такая.

— Есть немного, — признался Карл.

Брюн вздохнула.

— Но я подумал, — продолжал Карл, привлекая ее к себе. — Ведь это единственное, что осталось от того парня. Как его... Васильева. Я еще как-то смогу себя увековечить, а он — никогда. И если бы Даша была моей дочерью, он бы сгинул бесследно. Впрочем, как и миллионы других людей, — добавил Карл рассеянно.

— Ты хочешь ребенка от меня? — спросила Брюн.

— А ты?

Брюн положила голову ему на грудь, спрятав лицо.

— Когда я разговаривал с Полиной, я понял, что для вас это не так просто, — сказал Карл, продолжая играть с ее волосами.

Он знал, что ей нравится, когда касаются ее волос, а ему нравилось трогать их. «Еще одно удачное совпадение, которое делает наши отношения такими уравновешенными», лениво подумал Карл.

— Что вы, бывает, чего-то боитесь, — продолжал он. — Я не понял, чего...

— Боли, наверное, — пробормотала Брюн.

— Нет, это я бы понял, — ответил Карл спокойно. — Полина говорила, что боль как раз не самое страшное. Беспомощность, вот что, — вспомнил он.

Брюн хмыкнула.

— Полина не только опытная женщина, но и смелая, — произнесла она. — Она не побоялась быть искренней с тобой. Почему ты не обратил ее? Полина была бы тебе хорошим товарищем... лучшим, чем я.

— Знаешь, — сказал ей на это Карл. — Я ведь тебя тоже не спрашиваю, почему ты мне тогда кроник прислала.

Брюн помолчала. Карл с некоторым облегчением подумал, что вечер опасных откровений на этом закончен. Но Брюн произнесла:

— Когда я в детстве училась кататься на велосипеде, и падала с него, отец требовал, чтобы я сразу же садилась на него снова. Иначе, говорил он, ты всегда будешь бояться велосипеда и так и не научишься кататься.

Грудь Карла заходила ходуном. Он смеялся — как всегда, почти беззвучно.

— Велосипед, значит, — сказал Шмеллинг.

— Да, — согласилась Брюн, несколько смущаясь. — Ты не обиделся?

Карл отрицательно покачал головой.

— И все это время ты... думала, вспоминала...

— Ну да.

— Если бы я знал, что тебе так тяжело меня видеть, я бы не ходил к вам в гости так часто, — сказал Карл. — Прости меня.

— Ну, не так уж часто ты и заглядывал к нам. Я тебя уже простила, — ответила Брюн. — Тогда, перед приездом Лота, когда ты...

Она поцеловала шрам на его груди.

— А вот Лот никогда не просил прощения, — добавила Брюн гневно. — Я знаю, вам, мужчинам, бывает сложно признать свою вину. Но ведь кроме слов, бывают и поступки! Когда ты тогда ударил себя кинжалом, я испытала такое... я не знаю...

— Облегчение, — сказал Карл. — Освобождение.

— Именно, — кивнула Брюн. — Я поняла, что этого всегда и хотела.

— Значит, от Лота ты добиваешься того же самого? Чтобы он извинился?

— Да, — сказала Брюн. — Но ты уходишь от ответа. Почему ты не обратился Полину? Ведь она такая самостоятельная и шустрая. В большом городе она быстрее сориентировалась бы.

— Да, самостоятельная, — согласился Карл. — Так случилось, что мы с ней как-то разговаривали о вампирах. Я сказал ей, что мой замок кажется мне похожим на гнездо вампиров из одного мультика, который смотрел в детстве. Ну, слово за слово, и Полина сказала, что не хотела бы стать паразитом. Она хочет жить, обеспечивая сама себя. А мы с тобой, Брюн, паразиты, как ни крути.

— Понятно, — пробормотала Брюн. — А ведь ты больше интересуешься вампирами, чем хочешь показать.

— Видишь ли, там, где я родился, они водились.

— Как это? — изумилась Брюн. — Ты хочешь сказать, что видел...?

Карл засмеялся:

— А ты не знала, что существуют самые настоящие летучие мыши-вампиры? В Южной Америке. Они, правда, не загрызают насмерть, для этого они слишком маленькие. Но действительно пьют кровь — у спящих коней, кур, людей. Как комары здесь.

— Нет, — пробормотала ошеломленная Брюн. — Первый раз слышу.

— Мальчишкой я ловил их. А когда приехал в Новый Свет, и узнал, что эти маленькие паразиты у вас окружены таким романтическим ореолом, я очень удивился... А ты, случайно, не спросила, кто новая любовь Полины? — осведомился Карл небрежно.

— Да, — кивнула Брюн. — Она решила, что будет жить с девушкой, которую всегда любила.

Брюн ощутила, что Карл напрягся, и закончила неуверенно:

— По-моему, это не так обидно, если бы Полина ушла от тебя к другому мужчине, правда?

— Ну вот давай мы с тобой повстречаемся, повстречаемся, а я потом геем стану, — меланхолично ответил Карл.

— А я и не подумала! — воскликнула Брюн, смутившись.

— Да ну ладно, — сказал он. — Лишь бы ей было хорошо.

Брюн поворочалась еще немного и заснула. Карл осторожно, чтобы не разбудить

подругу, поднялся. Он укрыл Брюн легким одеялом. Затем оделся, сунул в карман сигареты и покинул спальню.

Полоса люминофоров под потолком заработала. Комнату залил яркий свет. Лот вывалился из болезненного забытья. Так старое пальто бесформенной, сырой грудой выпадает из битком набитого шкафа, если нечаянно открыть дверцу. На сон это состояние походило так же, как и на смерть. Скрипнула дверь. Лот не стал открывать глаза. Он совершенно не хотел видеть ни Брюн, ни то, что она ему приготовила на этот раз. За прошедшие сутки Лот успел ознакомиться с нетривиальным применением кипятильника, круглых бирюзовых бус и выбивалки для ковров. Он раньше и не подозревал в Брюн такой раскованности и техничности в мечтах. Лот почувствовал запах табака. Он открыл глаза. Сигарета в руках Брюн стала бы апофеозом всего, что Лоту пришлось пережить в последние сутки. Но в кресле рядом со столом, к которому был прикручен Лот, обнаружился Карл.

Лот шевельнул разбитыми губами.

— Ты пришел освободить меня или убить? — спросил он.

— Ни то, ни другое, — ответил Карл. — Я пришел поговорить с тобой.

— Поглумиться, значит, — резюмировал Лот.

Карл поморщился.

— Пить хочешь? — спросил он.

— Ты же знаешь, зачем спрашиваешь, — буркнул Лот.

Карл взял стоявший на подоконнике графин с компотом и напоил Лота. Тачстоун подумал, что Карл развяжет ему хотя бы руки. А уж воспользоваться ими Лот сумел бы. Но мимолетная надежда на освобождение исчезла так же быстро, как и появилась.

— Интересным штукам ты ее научил, — сказал Лот. — Никогда не думал, что она может научиться хоть чему-нибудь.

Карл вернулся в кресло. Курил, молчал и ждал, пока Лот тоже замолчит. Удостоверившись, что Тачстоун спустил пар, Шмеллинг спросил:

— Как ты думаешь, чего она от тебя хочет?

— Не знаю, — сказал Лот. — Бабий ум слишком мелок и злобен, чтобы можно было его понять. Да и не ум у них, а так, умишко. Я так думаю, это ты ее на меня натравил.

Карл медленно повернулся к нему, держа в руке сигарету. Несколько мгновений он рассматривал Лота. С кончика сигареты поднималась серая струйка дыма. Когда Карл чуть двинул рукой, с сигареты упал столбик пепла. Тачстоун думал, что после того, что он пережил в эти сутки, его уже ничто не сможет напугать.

Но он ошибся.

Глаза Карла, обычно темные, как два уголька, медленно сменили свой цвет на ярко-алый — словно бы раскалившись. По позвоночнику Лота потекла холодная капля.

— Зато я, кажется, начинаю ее понимать, — усмехнулся Шмеллинг. — Попросил бы ты у Брюн прощения.

Глаза у Карла снова были обычные — темные, как спелая слива.

— Прощения? — повторил Лот. — Я? За что, спрашивается? За то, что я нашел ее на этой помойке, отмыл, отогрел, научил жизни? Кто она была до меня? Пустое место, ноль, никто! Я все ей дал — дом, уют, ребенка. А она? Села и ножки свесила! Так за что прощенья-то просить? За то, что она так еблива, что одного мужика ей не хватает?

Карл встал. Лот замолчал. Он смотрел на Шмеллинга в упор в ожидании неотвратимого удара.

— Хватит, — сказал Карл спокойно, и даже с некоторой скукой в голосе. — Начнем с того, что не ты ее нашел, а я. И ты как-то подзабыл, что из этой помойки в добавление к этому куску грязи, твоей жене, ты прихватил и чудный брильянт — химический завод. На доходы с которого ты и живешь, и который при других раскладах принадлежал бы Брюн целиком.

Лот усмехнулся.

— Я знал, что ты хочешь владеть Новгородом один, — сказал он. — Но уж больно мерзкий ты выбрал повод, чтобы отделаться от меня.

Карл покачал головой. Сигарета догорела. Он затушил ее о плоскую медную пластину, лежавшую на столе. Многочисленные темные пятна на теле Лота удивительно совпадали с ней по форме и размерам.

— Я просил Брюн не убивать тебя, — сказал Карл. — Но больше я не буду этого делать. Брюн не удастся добиться от тебя того, что ей нужно. А тратить время на бессмысленный гнев мы сейчас не можем.

Шмеллинг вышел и выключил свет, оставив Лота в темноте.

Однако Лот недолго пробыл в одиночестве.

За окном что-то сверкнуло. Лот поднял голову.

Бледная зарница, бесшумная и мгновенная, обычно свидетельствовала о том, что флаер, принадлежавший Тачстоуну, появился в воздушном пространстве около дома и благополучно прошел сквозь технологическое отверстие в силовом поле.

После войны на Земле появилось много нового оружия. И трофейного, и нового в прямом смысле, сделанного по технологиям инопланетян. Пиэрсы телкхассцев имели оглушительный эффект. Но симбионты жили недолго, и поэтому пиэрсы не получили большого распространения. А вот другие технологические примочки захватчиков удалось приспособить под нужды землян. Так появились энергетические винтовки, а так же бластеры. Это оружие не являлось бластерами в том смысле, которое некогда придали этому термину фантасты; но они *выглядели* именно так, и поэтому их так и называли.

Однако не стоило думать, что на волне новых веяний люди отказались от собственных наработок в этой области — одной из самых глубоко разработанных человечеством научных отраслей. Во флаере Лота, под потайной откидной доской, в той самой нише, где когда-то плавал в анабиозе симбионт пиэрс, лежал не бластер и не энергетическая винтовка — а старый, надежный ТТ. Тихое, эффективное, меткое оружие, пользовавшееся популярностью во время бандитских разборок конца прошлого века, пережило новое рождение во время гражданской войны, когда федерация превратилась в конфедерацию. Пистолет был немного модернизирован и улучшен — настолько, насколько можно улучшить совершенство.

Ирвинг застыл посреди погруженного во мрак холла, сжимая в руке детище Тульского-Токарева. Судя по тишине, в доме Лота никого не было. Бегло осмотрев дом снаружи, Ирвинг не заметил освещенных окон. Возможно, все спали. Возможно брата увезли в «Белый Лебедь». Так называлось здание СИЗО. Или же Лот, Брюн и Даша были уже мертвы...

Если бы только Ирвинг почаще проверял телефон!

Ирвинг отогнал эту мысль. Она делала его слабым. Повинуясь неясному чувству, Ирвинг двинулся налево по коридору. Из-за третьей по счету двери, за которой находилась сушилка для белья, он слышал тихий голос Лота:

— Винг?

Ирвинг нажал на ручку и вошел. Тут же он споткнулся о какой-то твердый колючий предмет, валявшийся на пороге, и чуть не упал. Палец его при этом не сорвался с курка только чудом.

— Включи свет, — сказал Лот.

Голос брата показался Ирвингу каким-то странным. Но все же он подчинился. Выглянув в коридор, Ирвинг несколько мгновений вслепую шарил по стене, ища выключатель. Наконец, полоса люминофоров на потолке заработала. Ирвинг стоял и молча смотрел на Лота, привязанного к столу. На изуверские приспособления, в беспорядке разбросанные по комнате. Ирвингу казалось, что ему снится кошмарный сон. Этого не могло быть. Война закончилась. Дом Лота был уютной цитаделью, надежно защищенной от всех бурь и опасностей внешнего мира куполом силового поля.

— Освободи меня, — сказал Лот.

Ирвинг очнулся. Он огляделся. На подоконнике нашелся красивый кинжал, которые

рабочие завода подарили Лоту. Ирвинг взял его, подошел к столу и перерезал бельевые веревки, безжалостно впивавшиеся в тело брата. Лот попытался сесть, но у него это не получилось. Онемевшие члены не слушались. Лот принялся массировать правую руку левой. Лицо Лота исказилось от боли, но не издал ни звука.

— Что случилось? — спросил Ирвинг.

— Карл решил захватить контроль над областью, — сказал Лот. — Он переманил Брюна на свою сторону.

— Что мне делать? — спросил Ирвинг.

Лот задумался на секунду.

— Забери Дашу и бегите в Деревяницкий монастырь, — сказал он. — Меня не жди. Я догоню вас, как только смогу двигаться.

— Хорошо, — сказал Ирвинг. — А почему в монастырь?

Лот, колеблясь, посмотрел на него.

— Если я скажу тебе правду, ты подумаешь, что рехнулся, — произнес он.

Ирвинг, криво ухмыляясь, обвел пистолетом вокруг:

— Я думаю, что **я уже рехнулся**, так что это мало что изменит...

Лот улыбнулся краешком губ, и ответил:

— Мне кажется, что Карл продал свою душу дьяволу. И Брюн тоже. Они могут гипнотизировать, это точно. И иногда... они так странно выглядят...

Он развел руками, не в силах подобрать сравнение. Ирвинг смотрел на него, и чувствовал, что все сильнее погружается в липкую, тягучую паутину кошмара — кошмара наяву. Он, пожалуй, верил брату. Каждому рейнджеру во время войны случалось сталкиваться с чем-то, крайне опасным и необъяснимым с материалистической точки зрения. Существование альгулей, пожирающих трупы, признавали даже официальные источники. Чудовища не брезговали и свежатинкой. Правда, в официальных хрониках монстров именовали *«совершенно опустившимися мутантами, жертвами „лестниц в небо“»*. Но в джунглях Камбоджи Ирвингу приходилось сталкиваться не только с альгулями.

О, как бы Ирвингу хотелось забыть это!

Тоска по боевым временам, терзавшая его в Боровичах, показалась Ирвингу смешной. Надуманной. Бредом зажавшегося, скучающего барчука...

— Глаза, — произнес Лот с усилием. — У них глаза красные, как кровь. Карл здесь, он очень опасен. Если его увидишь, сразу стреляй — пока он не очаровал тебя.

«Снова убивать», думал Ирвинг. Он это умел. Умел очень хорошо. Те, кто умел это плохо, в последней войне не выжили. Ирвинг вдруг понял, что у него болит голова. Боль пульсировала короткими обжигающими вспышками.

— Иди же скорее! — нетерпеливо сказал Лот. — Не жди меня, бери Дашу и беги. Я догоню, — повторил он.

Ирвинг кивнул и бесшумно выскользнул в коридор. Он увидел полосу света, падавшего из-за угла. Там, как знал Ирвинг, находилась гостиная. Он двинулся туда, держа пистолет наготове. На границе света и тени Ирвинг остановился и очень осторожно заглянул в освещенный зал.

Он почувствовал, как зашевелились волосы у него на затылке.

Карл сидел за столом. Перед ним стоял бокал и початая бутылка красного вина. Шмеллинг ощутил присутствие и обернулся. Вместо лица у него была чудовищная морда. Расплющенный, как у свиньи, нос занимал ее большую часть. Однако даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять — сходство со свиным рылом было весьма условным. Нос Карла был устроен гораздо сложнее. Он представлял собой сочетание складок кожи, вибриссы и шерсти. Глаза Шмеллинга стали круглыми, совершенно нечеловеческими. В центре черной, как эбонит, радужки, сияла светлая иголка зрачка. Чудовищные резцы торчали из-под вздернутой верхней губы. Зубы стали полупрозрачно-розовыми. Нижняя челюсть сильно выдавалась вперед. Своей формой она напоминала пилу. То, что Ирвинг принял за длинную куртку или плащ, оказалось черными перепончатыми крыльями. Они развернулись, когда

Карл встал. Шмеллинг не раскрыл их на всю ширину — для этого в комнате было слишком мало места, — а словно бы укутался.

Словом, если бы Ирвинг лучше разбирался в животном мире Южной Америки, то узнал бы гротескную копию летучей мыши-вампира, единственного паразита среди млекопитающих. Но познания Ирвинга в биологии, как и в ботанике, были весьма скудными и носили строго практический характер.

В общем и целом, монстр совершенно не походил на того Карла, которого знал и любил Ирвинг. И тем не менее не каким-то мистическим образом не оставалось никаких сомнений в том, что это именно Шмеллинг.

— Ирвинг? — с присвистом спросило чудовище.

То, что оно не походило на Карла внешне, помогло Ирвингу решиться. Он прижал локоть к боку и выстрелил от бедра. Ирвинг попал точно туда, где у человека находится сердце, еще первой пулей. Но Тачстоун не смог остановиться и всадил в грудь монстра еще две.

Только тогда Карл упал. После первого выстрела он лишь покачнулся. Падая, Шмеллинг задел стул и своротил со стола вино и бокал. Бокал разлетелся вдребезги. Вино окатило Карла красной волной, смешавшись с его собственной кровью.

Брюн уже случалось просыпаться от грохота выстрелов. На первом она открыла глаза. На втором — вскочила с кровати. Когда прогремел третий, на Брюн уже был надет халат из китайского шелка с драконами. В руках она крепко сжимала книгу, которую принес Карл.

Только в этот момент Брюн проснулась окончательно, и заметила, что одна в комнате.

План, намеченный инстинктивно — схватить и Дашу и бежать из дома, не тратя времени на выяснение, кто напал на дом Лота и почему — показался ей верным и на трезвый взгляд. Брюн несколько переживала за Карла. Но Шмеллинг был не только взрослым мужчиной, а и единственным черным эллитом (кроме нее самой) на несколько тысяч километров вокруг. Карлу никто не был страшен. Эта мысль успокоила ее.

Брюн медленно растаяла в воздухе.

«Но все же, что это за выстрелы?», думала Брюн, когда стены дома мелькали вокруг и сквозь нее. — «У Лота было где-то припрятано оружие, он отвязался и напал на Карла? Но зачем Карл вообще вышел из спальни?».

Брюн оказалась в спальне Даши. Брюн склонилась над кроватью, собираясь осторожно разбудить ее, и тут поняла, что дочь не спит. Девочка лежала на спине, натянув одеяло до подбородка, и смотрела в темноту круглыми от ужаса глазами. Брюн сообразила, что выстрелы были слышны и в этой части дома.

— Вставай, доченька, — сказала она как могла мягко. — Одевайся. Нам нужно уходить.

— Хорошо, — сказала Даша дрожащим голосом.

Она поднялась с кровати. Брюн подала ей футболку с веселыми акулами, намалеванными на груди — Даша привезла ее из Анапы и таскала не снимая.

— Мамочка, а ты где? — спросила Даша, принимая футболку.

Брюн вспомнила, что впопыхах забыла стать видимой. Она произвела небольшое усилие и выполнила процедуру, которой ее обучила Маленькая Разбойница. Даша облегченно вздохнула. Брюн поняла, что теперь дочь ее видит. Брюн включила ночник в виде симпатичного зеленого бегемотика, чтобы Даша могла рассмотреть ее получше.

— Скорее, солнышко, скорее, — поторопила она дочь.

Даша уже натягивала джинсы. Тут Брюн пришла в голову новая мысль. Она торопливо открыла книгу. Они хотели произвести инициацию завтра, вместе с Карлом, предварительно все объяснив, подготовив девочку. Но Брюн вдруг охватило предчувствие, что нужно сделать это именно сейчас. Даже если бы Даша впала в беспамятство, Брюнхватило бы сил унести ее.

— Дотронься пожалуйста, — сказала Брюн. — Вот до этого штырька.

Она поднесла раскрытую книгу к рукам дочери.

— Какая старая книга, — сказала Даша, с интересом разглядывая черные знаки на красном листе. — Это дяди Карла?

— Да, да, — торопливо сказала Брюн. — Пожалуйста, коснись ее! Сейчас же, ну!

Личико Даши искривилось — она собиралась заплакать.

— Мне страшно, — сказала она.

— Мне тоже, — ответила Брюн. — Ты только дотронься!

Даша неуверенно посмотрела на мать. Брюн ободряюще улыбнулась. Даша собралась с духом и приложила палец к штырьку. Выступила капля крови. Девочка тихо вскрикнула.

— Все, уже все, — успокаивающе сказала мать.

Брюн порывисто обернулась. Она ощутила чье-то приближение. Окинув комнату быстрым взглядом, Брюн спрятала книгу под матрас на кровати Даши. У кровати был такой разоренный вид, что вряд ли бы там стали искать.

Полоса люминофоров на потолке медленно засветилась, все набирая мощность. Свет в комнате Даши можно было включить и из коридора. Значит, неожиданный гость уже стоял за дверью. О присутствии Брюн он, видимо, не подозревал. Даша вздрогнула и прижалась к матери. Брюн пытливо заглянула ей в лицо. Никаких признаков сонливости там не обнаружилось. Глаза Даши блестели. Дочь была бодра той лихорадочной, неестественной бодростью, которая посещает человека, разбуженного стрельбой посреди ночи.

Инициация не произошла. Комбинация генов, наделявшая человека сверхспособностями, Даше не передалась. Брюн не знала, радоваться этому или огорчаться.

Дверь открылась. Брюн увидела ночного посетителя, и все остальные мысли разом вылетели у нее из головы. После обращения обычные люди стали казаться Брюн уродливыми гномами. Небрежными, неряшливыми и плоскими набросками-черновиками, которые их создатель забраковал и смял. А эти кусочки мятой бумаги взяли и ожили наперекор всему. Только Карл выглядел нормальным человеком, только стал еще красивее. Впрочем, Брюн не была уверена, что в данном случае причиной этой оптической иллюзии является установка модуля «Черный Эллорит».

Существо, заявившееся в спальню Даши, было объемным. Даже слишком объемным, на взгляд Брюн. Слишком материальным и осязаемым. Оно имело вид ангела, сотканного из оранжевого пламени. За спиной курились крылья из черного дыма. Но пистолет ТТ в руке этого огненного ангела не казался неуместным. Лицо его, состоящее из множества непрестанно волнующихся язычков огня, совершенно не походило на человеческое. Брюн каким-то неуловимым, однако совершенно безошибочным способом поняла, кто перед ней.

Это был Ирвинг.

Никак не отреагировав на присутствие Брюн, огненный ангел произнес, обращаясь к девочке:

— Это хорошо, что ты уже оделась. Лот сказал, чтобы ты пошла со мной. Пойдем, Даша.

Даша не посмела возразить дяде, но разревелась и вцепилась в край халата Брюн.

— Умоляю тебя, оставь нас! — воскликнула Брюн, прижимая к себе дочь. — Лот все напутал!

Пламя головы Ирвинга стало алым.

— Какое напутал! — рявкнул он. — Я же сам вижу, во что ты превратилась!

Брюн озадаченно уставилась на Ирвинга.

— Я не хочу! — воскликнула Даша. — Я хочу с мамой!

Ирвинг протянул руку. Она странным образом удлинилась. Парень схватил Брюн и резко рванул к себе. Брюн чуть не завопила от ужаса, думая, что сейчас она и сгорит. Но ничего подобного не произошло. Брюн почувствовала крепкий, мускулистый бок Ирвинга словно бы сквозь ткань. Судя по ощущениям, на Ирвинге был надет свитер с эмблемой любимой рок-группы. Ткань была плотной, но гладкой и мягкой. И бок Ирвинга оказался не более горячим, чем должен быть бок обычного двадцатилетнего парня.

— Тогда я убью ее, — меланхолично сказал Ирвинг и приставил дуло ТТ к виску Брюн. Лицо Даша застыло.

— Что ты делаешь, — почти простонала Брюн. — Если бы ты только знал, что ей пришлось пережить, пока тебя не было...

Ирвинг в ответ грубо встряхнул ее. Даша зажала себе рот руками, чтобы не закричать.

— Ну так что? — спросил Ирвинг.

— Я пойду с тобой, — нетвердо сказала Даша.

— Вот и умница, — сказал Ирвинг. — Обувайся. Там роса, сыро.

Даша села на кровать, надела розовую кроссовку и принялась завязывать ее. Пальцы девочки дрожали. Ей никак не удавалось сделать две петли на бантике.

— Быстрее, — произнес Ирвинг.

— Завяжи на один, доча, — непослушными губами сказала Брюн. — На один бантик.

Даша посмотрела на нее глазами, полными слез. Брюн через силу улыбнулась ей. Дочь последовала совету Брюн, и у нее получилось. Со второй кроссовкой Даша справилась быстрее. Девочка поднялась с кровати.

— Свитер надень, — посоветовал Ирвинг.

Даша открыла шкаф и достала оттуда нежно-зеленый свитер.

— Не закрывай, — сказал Ирвинг. — Отойди.

Он затолкал туда Брюн, прежде чем она успела сообразить, что он делает. Ирвинг закрыл шкаф на ключ.

— Пошли, — услышала Брюн из шкафа.

Еще она услышала, как хлопнула дверь. Ирвинг и Даша покинули детскую.

Дверь шкафа затрещала и подалась наружу. Створка рухнула на пол. Она ударилась об пол с неожиданно звонким звуком. Он напомнил Брюн звук пощечины. Вслед за створкой из шкафа вывалились два платья на плечиках — желтое из органзы и темно-синее, из тяжелой парчи, расшитое жемчугом. За ними вылетели джинсовые шорты, оранжевая водолазка и, наконец, появилась Брюн. В ее волосах запуталась желтая шелковая лента.

Брюн перескочила через грудку одежды, разлетевшуюся по полу, и бросилась к кровати. Запустив руки под матрас, она торопливо и жадно пошарила там. На какой-то миг Брюн показалось, что Ирвинг унес книгу с собой. У Брюн потемнело в глазах от этой мысли. Хотя это была, конечно, паранойя. Ирвинг не знал и мог даже догадываться, какую роль сыграл его подарок во всем случившемся. А уж тем более о том, что книга сейчас здесь. Пальцы Брюн наткнулись на холодный переплет. Брюн сломала ноготь, но даже не заметила этого. Она вытащила книгу и распахнула ее.

Если бы инициация произошла, книга молчала бы до тех пор, пока Даша бы не очнулась. Карл предупредил об этом Брюн, чтобы она заранее освоила все навыки, кажущиеся ей интересными.

Однако Маленькая Разбойница уже ждала свою воспитанницу. Правда, на этот раз она высунулась из красного пергаментного листа только по пояс.

— Привет, — сказала Маленькая Разбойница. — Что будем учить сегодня?

— Мне нужен боевой прием, чтобы уничтожить противника сильнее меня, — ответила Брюн сквозь зубы. — И такой, который можно освоить минут за десять.

— Тогда нужно действовать хитростью, — задумчиво ответила наставница. — А в чем сила противника, позволь узнать?

— Он выглядит как ангел, сотканный из оранжевого пламени, — ответила Брюн.

— Понятно, — кивнула Маленькая Разбойница. — Могу посоветовать вот что...

Глаза Карла были открыты. Казалось, что он рассматривает что-то очень удивительное на потолке. Но ничего удивительного на потолке не было. Да и свет люминофор был неприятен глазу, если смотреть на осветительную полосу в упор.

Первая же пуля пробила сердце Шмеллинга, и поэтому крови вытекло совсем немного.

Однако два круглых отверстия рядом, чуть левее и выше первого, тоже были хорошо заметны. Из-за сгустков крови раны выглядели словно фантастические цветы, возложенные на тело скорбящими родственниками.

Брюн захотелось не заплакать даже, а завывать, повалиться на пол и биться там в судорогах и истерике. В горле запершило. В носу стало больно от подступающих слез. Она изо всех сил стиснула книгу, чтобы не поддаться этому желанию. Стальной обрез книги впился в ладонь Брюн. Это было неприятно, но несло какое-то странное наслаждение.

И вдруг она поняла, что вовсе не хочет плакать и голосить, как деревенская баба на поминках. Холодность и прозрачное спокойствие этой мысли отрезвили Брюн. Этих действий ждал от нее какой-то внутренний наблюдатель. Словно бы Брюн поверила когда-то, что может существовать только в глазах этого зрителя — и только до тех пор, пока она поступает так, как от нее ожидают.

И она поняла даже, кто является реальным прообразом этого эфирного наблюдателя.

Лот, конечно же.

Брюн мысленно плюнула мужу в лицо. Облегчение, которое она испытала при этом, на миг даже затмило боль от гибели Карла. Брюн бросила книгу на стол и легла рядом с любимым. Брюн поцеловала его. Карл был даже еще теплый. Она приподнялась на локтях и осторожно — ей приходилось делать это впервые — закрыла глаза Карлу.

Тут Брюн заметила серебряную искру около левого уха Карла. Она перегнулась через тело, присмотрелась повнимательнее. Это оказалась печатка. Когда Карл шел в дом Лота, он не знал, будет ли он заниматься любовью, или нет, и потому он не снял перстня. Брюн это поняла по тому, что перед началом ласк Карл аккуратно стащил печатку с пальца и положил в карман рубашки. Это был открытый карман, без каких бы то ни было застежек. Брюн догадалась, что когда Карл упал от выстрела Ирвинга, печатка вылетела из кармана и оказалась на полу.

Она подняла перстень. На нем была выдавлена какая-то непонятная закорюка. Брюн не знала рун. Спросить, что она означает, теперь было уже некого. Брюн надела печатку. Она пришлась впору только средний палец правой руки. Для безымянного пальца печатка оказалась великовата.

Брюн поднялась, вытирая слезы тыльной стороной ладони. Она совсем уже хотела исчезнуть, кинуться в погоню за Ирвингом, но вовремя вспомнила о книге. Теперь это была жизненно необходимая вещь. Без помощи наставницы Брюн было не выжить. А Ирвинг наверняка освободил Лота, и тот скоро заявится сюда.

Брюн открыла вделанный в стену тайник. Створка была искусно оклеена такими же обоями, как и остальная часть стены. Для непосвященного человека она была совершенно незаметна. Открывался тайник нажатием на небольшую картинку в светлой лакированной рамке. Она висела рядом на стене. Внутри отделанной зеркалами ниши уютно разместились темные пузатые бутылки с коньяком, изящные и высокие — с вином. Водочные бутылки из прозрачного стекла выглядели как бедные родственники на семейном празднике. Они скромно стояли в уголке, не бросаясь в глаза.

Брюн приподняла пару бутылок, передвинула другие, и положила книгу в бар. Затем она закрыла дверцу повторным нажатием на картинку и исчезла.

Мгновенно, словно была голограммой, и кто-то выключил подсветку.

Лот выбрался в коридор. Он тяжело припадал на разодранную кинжалом ногу. Эту рану Брюн не потрудилась перехватить повязкой. Теперь при каждом шаге из ранок выплескивалась кровь. Опираясь на стену, Лот добрался до гостиной. Он увидел Карла. Шмеллинг лежал на полу в луже собственной крови. Лот улыбнулся. Зрелище вдохновило Тачстоуна настолько, что он отделился от стены и смог самостоятельно сделать два шага, отделявшие его от трупа. Но тут силы оставили Лота. Он оперся на стол. Лот стоял, смотрел на черный от крови ковер и мертвого Карла. Глаза мертвеца были закрыты. Видимо, услышав выстрел, Шмеллинг инстинктивно зажмурился. Лот улыбнулся и поставил ногу на

труп.

— Прощай, — сказал Тачстоун. — Если бы ты знал, как ты мне надоел! Тебя было не выколупать из твоего замка. Там тебе и надо было там сидеть, носа не высовывать...

Безвольно отброшенная в сторону, белая рука Карла приподнялась. Пальцы Шмеллинга сомкнулись на лодыжке Лота. Тачстоун вскрикнул от неожиданности.

Глаза Карла открылись. Они были абсолютно алые.

Лот закричал еще раз.

И это был последний его крик.

Кладбищенские березки перешептывались на ветру, словно сочувствуя Даше. Небо уже начинало сереть. Скоро должно было взойти солнце.

— Дядя Ирвинг, ну куда ты меня тащишь, — чуть не плача, сказала Даша.

Путь в монастырь лежал мимо кладбища. Но Ирвинг, крепко сжимая руку племянницы, зачем-то свернул с дороги. Они плутали между оградок. Проходы здесь были узенькими и бессистемными. Свитер Даши цеплялся за острые прутья.

Ирвинг же словно ничего не замечал. Он шел вперед, как лунатик. Ирвинг оглядывался по сторонам, но глаза его оставались пустыми. Если он что-то и видел, то совсем не деревенское кладбище с березками и пластмассовыми венками на простеньких крестах. Ирвинг бормотал что-то себе под нос по-английски. Кажется, это были какие-то команды. Свитер Даши намертво зацепился за очередную оградку. Девочка не могла идти дальше. Потная ладошка Даши выскользнула из руки Ирвинга. Девочка сжалась в ожидании окрика. Но Ирвинг пошел дальше. Он даже не понял, что продолжает путь в одиночестве.

Даша решила освободиться и аккуратно взялась за край свитера. В этот момент быстрое движение в ветвях над головой привлекло ее внимание. Даша подумала, что это белочка. Она очень любила этих зверьков. Она подняла голову, присматриваясь.

Но это была не белочка.

По ветвям берез медленно катился большой сгусток. Его можно было бы принять за туман, если бы он не двигался так целенаправленно и быстро. Он напоминал собой огромную каплю расплавленного стекла. Даша видела такую на заводе, куда они как-то ходили с папой. Хозяин завода подарил девочке на память изящную разноцветную танцовщицу. Фигурка, слишком хрупкая для того, чтобы стать игрушкой, до сих пор стояла на столе в комнате Даши.

Но эта капля была бесцветной. Даша заметила ее только потому, что лучи восходящего солнца на миг засияли в ней — и тут же погасли. Капля сменила форму и перестала отражать свет. Словно понимала, знала, что это ее выдает.

Даша оцепенела от ужаса.

Капля тем временем перекатилась дальше по ветвям. Даша проводила ее взглядом. Стало совершенно очевидно, что капля преследует Ирвинга. Тот как раз остановился у одной из семейных могил. Здесь лежали люди, имевшие при жизни достаток выше среднего. Черные прутья оградки сплетались в прихотливые завитушки. Они поднимались выше человеческого роста и заканчивались плоской крышей из жести. В центре крыши помещался черный крест. Он тоже был заключен в витиеватую рамочку из тонких прутьев. По сути, это была беседка или веранда. Даша подумала, что ее следует называть склепом, несмотря на очевидное изящество и воздушность сооружения. Помимо гладких каменных плит с высеченными на них датами, в склепе находилась бронзовая фигурка мальчика в шапочке. Он был ростом с Дашу. На руке у него сидела какая-то птичка, тоже бронзовая. Девочка решила, что это голубь.

Капля бесшумно прыгнула на крест и стекла по нему на крышу склепа.

Даша хотела крикнуть, предупредить дядю Ирвинга. Но из ее груди вырвался лишь невнятный клекот. Ирвинг, однако, услышал ее. И вдруг понял, что племянницы с ним рядом нет. Он обернулся.

— Даша! — воскликнул он. — Где ты?

Капля оцетинилась миллионом мутно-белых сосулек, словно ледяной еж. Она бросилась на Ирвинга. Прозрачный еж вошел ему в спину чуть пониже лопаток и пробил тело насквозь. Раздалось громкое хлюпанье. Ошметки мяса и сломанных ребер вылетели кровоточащим комом, словно чудовищный мяч. Алый колючий язык выскочил из груди Ирвинга следом за выбитыми внутренностями. Ирвинг покачнулся. Даша увидела сквозь дыру в дяде голову бронзового мальчика, который стоял в беседке у него за спиной. Алая капля проглотила кровавый мяч. Она просвистела над ближайшей оградкой. Ударилась о скромный крест, на котором висела пара попорченных дождями мягких детских игрушек — петушок и слоник — и стекла на землю.

Ирвинг не издал больше ни звука. Он стал рушиться лицом вниз. Его ударило о соседнюю плиту из черного камня. На ней была изображена благообразная старушка с пронзительным взглядом. Голова Ирвинга мотнулась, как на веревочке. Он как-то мягко, как мешок повалился в проход между могилами.

Даша перевела взгляд на могилу, куда упала алая капля. И увидела маму, сидящую на скамеечке рядом с могилой. Брюн как раз запахивала испачканный красным халат с драконами. Вид у нее был измученный.

— Мама! — закричала Даша.

Брюн устало улыбнулась дочери. Даша рванулась вперед, вырвав кусок свитера с мясом. Девочка перепрыгнула пару оградок пониже и оказалась рядом с мамой. Она обхватила Брюн руками, прижалась к теплому боку. И почувствовала, как дышит мама — часто-часто, мелкими, судорожными движениями. Даше стало страшно. Брюн обняла дочь.

— Сейчас, доченька... я отдохну и пойдем... — сказала она, делая большие паузы между словами.

Лицо было белым, как сметана, а глаза — мутными.

— Сейчас... пойдем... — повторила Брюн.

Даша заплакала.

— Мама, мамочка! Только не умирай!

Брюн попыталась улыбнуться.

— Все будет хорошо, — пробормотала она. — Хорошо...

На Дашу вдруг навалилась усталость. Да и бок матери был таким теплым, уютным. Девочка еще крепче прижалась к матери и замолчала. Глаза Даши слипались. Она видела, как Брюн исчезает под лучами набирающего силу солнца. Но она уже не могла не пошевелиться, ни заплакать. Да и девочка по-прежнему ощущала тепло матери.

Последнее, что увидела Даша, были фигуры в темных рясах, которые приближались со стороны монастыря. На лице одного из мужчин блеснули квадратные очки в золоченой оправе. Эти очки вели Дашу к какому-то воспоминанию.

Полустертому, полузабытому — но очень неприятному.

Бледный, как покойник, и растрепанный, как панк, Карл рывкнул прямо в лицо Локи:

— Что это за херня?

Рыжий бог задумчиво посмотрел на дырки в его рубашке, из-под которых просвечивала смуглая кожа. Карл не знал о хитрости с картинкой. Шмеллинг просто сломал хлипкую дверцу тайника. Как и Брюн, он чувствовал местонахождение книги, если она была не очень далеко. Вскрывая бар, Карл разбил пару бутылок и повредил зеркальное покрытие. Локи обвел оценивающим взглядом вырванную с мясом дверку, осколки, блестящие на полу и две темные лужи на ковре — коньячную и кровавую.

— Я вижу, что дело не терпит отлагательства, — ответил бог вежливо. — Но не существует ответа на таким образом поставленный вопрос.

Карл открыл было рот, но вспомнил, с кем разговаривает. Он положил книгу на стол и несколько мгновений собирался с мыслями.

— Ирвинг превратился в какого-то безумного огнястого ангела и застрелил меня! — произнес Шмеллинг.

— Судя по тому, что мы сейчас разговариваем, ты смог найти альтернативный источник энергии, — заметил Локи.

— Смог, смог, — мрачно сказал Карл. — Но что это с Ирвингом такое? Я не могу оказать на него никакого влияния! И почему он теперь выглядит, как сделанный из огня ангел?

— Кто это — Ирвинг? — осведомился Локи. — Не существует ли возможности, что он тоже касался книги?

— Конечно, существует! Ведь это тебя украл в том буддистском монастыре, — сказал Карл. — И он точно открывал книгу, потому что застёжка была сломана, когда ты оказался у меня. Хотя, может быть, ты ему без застёжки достался.

Крохотный человечек скрестил руки на груди и прошел взад-вперед по странице книги. Затем он взъерошил себе волосы.

— Вот, значит, о ком речь, — с расстановкой произнес Локи. — И он стрелял в тебя?

— Три раза, черт возьми! И все три раза попал!

— Почему он стрелял в тебя? — осведомился Локи.

Это был первый раз, когда наставник поинтересовался жизнью своих учеников вне учебного процесса. Впервые Локи задал прямой вопрос сам. Карл поморщился.

— Это долгая песня, — сказал он. — Брюн раньше была женой его брата. Ну, то есть официально она все еще его жена и есть. И Лот, брат Ирвинга, думает, что я хочу захватить власть в области.

— Понятно, — сказал Локи. — А ты, если тебе представится такая возможность, убьешь Ирвинга?

— Мне бы этого не хотелось, — признался Карл. — Мы с Брюн уезжаем отсюда. Его брат...

Шмеллинг замялся. Локи терпеливо наблюдал за ним.

— В общем, Лот больше не сможет выполнять функции главы области, — сказал Карл наконец. — Если я убью Ирвинга, здесь вообще никого не останется. И немедленно начнется бунт. Люди будут драться за право владеть этим регионом. Попутно опять половину населения уничтожат. Но Ирвинг ведь явно нападет на меня. Так что мне придется защищаться.

— Так, значит, обстоят дела, — произнес рыжий бог.

— Что-то ты сегодня много вопросов задаешь, — рассердился Карл. — А мне нужны ответы!

— Да, — сказал Локи. — Ирвинг тоже касался книги и то же является моим учеником. Но качество его генетической комбинации таково, что инициация прошла у него легко. И в то же время, полностью. Возможно, у Ирвинга была слабость, сильная сонливость... Но такие симптомы дает и грипп. Он изменился целиком и поэтому не замечает этого. Ирвинг сильнее тебя. Но он не умеет пользоваться своей силой, потому что лишен доступа ко мне. А судя по тому, что ты мне рассказал, вряд ли ты позволишь Ирвингу общаться со мной.

— Я понял, — медленно произнес Карл. — Но ты же говорил, что прочитавший эту книгу может стать только вампиром. Паразитом. А Ирвинг — просто ангел какой-то, если тебя послушать.

— Он такой же паразит, как и ты, — возразил Локи. — Но Ирвинг может питаться более грубой, необработанной энергией. Солнечного света, или ветра, например. И поэтому он даже не замечает, как делает это.

Ошеломленный Карл молчал. Локи тяжело вздохнул, поскреб покрытый рыжей щетиной подбородок и продолжал:

— Видишь ли, мы, духи книг, не должны помогать нашим ученикам в войне друг против друга.

Он пытливо посмотрел на Карла.

— Но я помогу вам. Тебе и твоей подруге.

— Спасибо, — сказал Карл.

Шмеллинг не успел даже испугаться, прочувствовать, что будет с ними, если Локи бросит их на растерзание более сильному своему ученику.

— А можно узнать, почему ты так поступаешь? — спросил Карл.

— Мы должны, по возможности, беречь своих учеников и защищать их, — сказал Локи. — Если я предоставляю событиям идти своим чередом, из трех моих учеников последнего выпуска двое погибнут. Да и Ирвинг, скорее всего, погибнет то же. Неуправляемые потоки энергии могут разорвать своего обладателя. Ты же сказал, что пощадишь его, и весьма разумно объяснил, почему. Эмоции могут меняться, но политик остается политиком. И ты очень мудрый политик, оказывается. Таким образом, выживут двое или даже все вы, то есть трое. И поэтому я остаюсь с тобой, Карл.

Шмеллинг покачал головой:

— Я даже не знаю, как отблагодарить тебя.

— Не стоит, — сказал Локи. — Обычно я не сообщаю ученикам сведений о других учениках. Но сейчас, мне кажется, я должен это сделать. Твоя подруга полчаса назад обратилась ко мне с просьбой научить ее убийственному приему против огненного ангела.

— Шайссе! — воскликнул Карл. — А ты что?

— Я научил, — ответил Локи. — Но этот прием опасен для того, кто его проводит. Он требует слишком больших энергетических затрат.

— Куда же она пошла, — пробормотал Карл. — Куда мог пойти Ирвинг, бросив брата?

— Брюн сказала, — ответил Локи. — Что там много берез.

Карл хлопнул себя по лбу.

— До встречи, Локи, — сказал он торопливо и захлопнул книгу.

Окно имело вид прямоугольника со скругленной верхней гранью. Металлическая рама делила его на шесть частей. В каждый сектор было вставлено стекло другого цвета. Сейчас, когда солнце смотрело прямо в окно, разноцветный размытый отсвет лежал прямо у кровати Даши.

Даша села, удивленно оглядываясь по сторонам. Сначала она подумала, что каким-то образом оказалась в замке дяди Карла — там тоже были разноцветные окна. Даша решила встать и выйти из комнаты. Надо было найти маму. У кровати оказался неудобный высокий бортик. Даша пригляделась повнимательнее и поняла, что это вовсе не кровать, а гроб. Девочка сбила крышку, когда резко перевернулась с боку на бок. Грохот, с которым крышка гроба ударилась об пол, и разбудил девочку. Прозрачная крышка из оргалита валялась рядом, теперь Даша ее заметила. Она узнала и место.

Ажурные беседки из чугунных прутьев, которые имели в Новгороде статус склепов, не внушили Лоту никакого доверия. Не так давно Тачстоун приобрел по дешевке старый дот, бетонную коробку с крохотными окнами — бойницами. Этот дот Лот и установил на кладбище рядом с Деревяницами. Окна он застеклил, а на крышу посадил бронзового ангела. Даше случалось здесь бывать вместе с папой и мамой. Тогда она пообещала, что когда гробы родителей будут стоять здесь, она будет приходить к ним гости, приносить цветочки и рассказывать, как дела. Брюн тогда растерянно улыбнулась, а отец хмыкнул и перевел разговор на другое.

Но получилось так, что Даша оказалась здесь первой. И цветочки принесли ей, а не она. Полузасохшие венки, увитые шелковыми лентами, на которых можно было прочесть «Любимой доченьке», «Помним и скорбим» стояли у входа в склеп и занимали собой всю дальнюю стенку. Даша только сейчас заметила, что на ней надето ее самое лучшее платье, дорогое и неудобное — из синей парчи, шитое жемчугом.

Девочка выпрыгнула из гроба, взбежала по ступенькам и толкнула дверь. Та не поддавалась.

— Откройте! — закричала Даша. — Откройте пожалуйста, кто-нибудь! Я живая! Помогите!

Очень хотелось пить. В животе урчало от голода. Девочка замолотила кулачками по

двери.

Василий и Димон жили в Деревяницах с того самого дня, когда каждый из них появился на свет. Колян влился в компанию позже. Димон и Василий пасли монастырских коров, а Колян нанялся в монастырь батрачить. Однако за долгие годы дружба научились понимать друг друга с полуслова. Так что в этот чудесный денек у них не возникло никаких разногласий, где лучше всего раздавить воскресный пузырь самогона. Конечно, на кладбище, где настоящий на березовых почках самогон так хорошо идет под селедку, и элегично шумят в вышине тополя. Чуть дальше, ближе к берегу Волхова, находилось еще одно кладбище. После того, как Покатикамень построил себе дом в прибрежном лесу и отгородился силовым полем, на него стало не попасть. Склеп для себя и родственников Покатикамень, однако, установил не на гражданском кладбище, а на монастырском. Каждый хочет оказаться поближе к богу, и Покатикамень не стал исключением.

Серый куб склепа возвышался над скромными оградками. Одно из крыльев ангела, сидящего на крыше, немного свисало вниз. Из-за этого казалось, что гость с небес вот-вот взмахнет им и взмоет ввысь. Василий гордился тем, что участок кладбища, купленный еще его дедом, оказался недалеко от места будущего упокоения главы области и его домочадцев. Колян и Димон то же находили, что после установки склепа общий вид улучшился. Коляну выпала большая удача. Он оказался в числе тех, кто три дня назад нес гробик с юной дочерью Покатикамня. Колян знал, что после третьей стопки Василий попросит его еще раз рассказать об этом, и ждал просьбы со спокойной гордостью.

Однако Василию не удалось этого сделать. Когда он открыл рот, со стороны склепа донеслись крики. Василий расплескал самогон, а Димон вздрогнул и перекрестился.

— Сгинь, нечистая! — крикнул Димон.

— Свят, свят, — пробормотал Василий и тоже торопливо осенил себя крестным знамением.

Колян имел более практический склад ума, чем его товарищи.

— Тише вы, — прикрикнул он на товарищей. — Дайте послушать.

— Помогите! — звал тоненький голосок, похожий на усталый женский или слабый детский. — Я живая!

Колян даже привстал от изумления.

— Так это же дочка господина Лотара! — воскликнул он. — Ошиблись, стало быть! Живой девчонку похоронили!

— Откройте пожалуйста! — кричала девочка.

— Там замок на дверях, — вспомнил Колян. — Пойдемте, ребята, собьем его. Сколько же господин Лотар за свою дочку на радостях отвалит!

Василий торопливо опрокинул стопку. Они переглянулись с Димоном.

— Ты, Коля, сходи сам, — сказал Димон глубокомысленно. — Мы тебе подможем, если что.

Коля недоверчиво посмотрел на них. Его коэффициент умственного развития ненамного превосходил умственных способностей товарищей. Однако он обладал более решительным характером.

— Зассали, ой гляди-ка, — сказал Колян и фыркнул. — Девки малой зассали! Что же, мне и лучше — делиться подарками, что господин Лотар меня осыплет, не придется!

Он вышел за калитку и направился к склепу.

— Иду-иду, девонька! — крикнул Колян, чтобы подбодрить ребенка.

— Дядя! Я здесь! — тут же откликнулась примолкшая было девочка. — Выпустите меня!

— Сейчас, сейчас, — ответил Колян.

Друзья увидели, что у ворот склепа он замешкался. Чуть отошел в сторону, нагнулся.

— Чего это он? — спросил Димон, зорко наблюдавший за товарищем.

— Камень ищет какой, или палку, — сказал Василий и снова выпил.

Ему было не по себе. Несмотря на солнечный полдень, по коже бежали мурашки.

— Цепь сбить, — пояснил он Димону.

В подтверждение его слов, раздалась гулкие звуки ударов камня по железу.

— Потерпи, совсем чуток осталось, — сказал Колян.

Он оглянулся на товарищей, ухмыльнулся и поддразнил:

— Не подмогнете?

— Вот же сука, — прошипел Василий.

Склеп стоял на небольшом пригорке. Ветки деревьев, окружавших склеп, недавно аккуратно подрезали — чтобы ничто не мешало заносить гроб. Благодаря этому друзья видели то, что произошло в следующие несколько мгновений, со всеми мельчайшими подробностями.

Цепь наконец поддалась усилиям Коляна и со скрипом обвисла. Замок упал на землю. Из склепа вылетела черноволосая девочка в сказочной красоты синем платье. Видимо, она налегала на дверь всем телом, и когда дверь открылась, по инерции выбежала вперед. Колян протянул девочке руку. Она вцепилась в нее.

— Спасибо, дядя! — воскликнула девочка.

Колян издал какой-то странный звук — полушипение, полусвист. Такой звук издает воздушный шар, когда из него выходит воздух. Колян согнулся, скукожился, осел. Последним мелькнуло чудовищно побагровевшее лицо. В следующий миг от него осталась лишь куча дымящегося грязного тряпья. Девочка испуганно отдернула руку.

Василий чисто автоматически наполнил свою стопку и опрокинул в рот. Спирт обжег пищевод и привел Василия в чувство. Василий вскочил, заорал, и ломанулся прочь с кладбища. Он налетел на низенькую оградку, всю оплетенную вьюнком. Димон то же всегда спотыкался об нее. Василий запнулся и рухнул вперед.

Прямо на острое навершие стальной пики. Такими пиками отмечали могилы погибших в последнюю войну. Пика пробила грудь Василия и вышло сзади еще вершка на три. Василий судорожно изогнулся. Жидкие серые волосы взметнулись над его головой. Затем Василий окончательно затих.

Димон услышал тоненький вой. Он перевел взгляд.

Девочка уже спустилась с пригорка, на котором стоял склеп. Она оказалась на хорошо освещенном месте. Ее кисти, лицо и шея — все места, незащищенные платьем — дымились на солнце. Девочка закричала и бросилась назад в склеп, закрывая лицо руками. Кожа на руках уже горела. Димон видел крохотные язычки пламени, плясавшие на локтях и пальцах. Дочь Покатикамня вбежала в склеп. Дверь захлопнулась с такой силой, что чуть не слетела с петель.

На кладбище стало тихо.

Димон, двигаясь медленно, как истукан, протянул руку к бутылке. Он взял ее и сделал несколько глотков прямо из горла. Самогон проливался мимо рта и стекал по рубашке. Но Димон этого не замечал.

Даша сидела в гробу, прижав к себе любимого мишку. Он обнаружился под венком, который Даша перевернула, когда вбежала в склеп. Девочка раскачивалась взад-вперед.

— Я вампир, — бормотала она. — Я — вампир.

Даша взглянула на свои обожженные руки и заплакала. Впрочем, страшные черные ожоги на кистях и локтях проходили на глазах. Кожа стремительно розовела. Исчезала и боль. Даша откинулась на спину. Ей больше не хотелось есть. Хотелось спать.

— Да и все равно, — пробормотала девочка. — До вечера мне отсюда не выйти.

Разноцветное пятно света уже переместилось с середины пола на самый низ стены. Ждать оставалось не так долго. Даша поцеловала мишку и повернулась на бочок. Девочка подложила теплого, пушистого мишку под щеку тихонько засопела.

Темно-красные розы, стоявшие в широкой вазе у дверей склепа, в сумерках казались

пепельно-серыми. Даша осторожно вынула их из вазы. Своей формой огромная ваза больше походила на урну. Девочка положила цветы на пол. Она спустила штанишки и пристроилась на вазе. Даша чувствовала себя очень глупо и неловко. Но в то же время испытывала большое физическое облегчение.

Когда Даша проснулась, солнце уже садилось. Девочка очень обрадовалась, поняв, что скоро сможет выйти наружу. Ей не хотелось ни есть, ни пить. Даша окончательно поняла, что случилось с тем дяденькой, который открыл ей дверь склепа, когда она схватила его за рукав. Даше было его даже жалко.

Но она же не знала, что так получится!

Однако ужасно хотелось писать. Пожалуй, Даша вышла бы и пописала где-нибудь под кустиком. Но девочка вспомнила, что вокруг одни могилы. Как ни крутись, а напишешь на одну из них. Это было бы нехорошо и недостойно. Ситуация приближалась к критической, когда Даша заметила вазу и догадалась, как можно ее использовать.

Даша придвинула наполненную вазу к самому выходу из склепа. Она решила взять ее с собой, когда будет уходить, и вылить где-нибудь за пределами кладбища. Разбросанные по полу розы смотрелись очень печально. Даша придвинула к стене стоявшую в склепе скамейку. На ней, по задумке Лота, должны были сидеть и грустить посетители. Девочка подняла розы и взобралась на скамью. Она укрепила цветы на раме окна. Через него в склеп уже заглядывала луна. Получилось красиво. В склепе стало даже уютно. Одну розу, пахнувшую сильнее остальных, Даша оставила на скамейке. Из-за дверей склепа тянуло ночной сыростью. Бетонная коробка, прогретая за день, медленно остывала. Даше стало зябко. Она сообразила, что снаружи еще прохладнее, чем в склепе. А Даше предстояло проделать этой ночью длинный путь. Девочка вернулась к гробу и вытащила из него атласный матрасик. Даша накинула его себе на плечи наподобие пончо. Стало чуточку теплее. Девочка взяла мишку и направилась к дверям склепа. Но на полпути остановилась и спросила мишку строгим голосом:

— Каков алгоритм ваших действий, моя юная принцесса?

Мишка действительно скорее был девочкой, чем мальчиком. На игрушке была коротенькая юбочка из алого шелка. Корона из красной пластмассы ввинчивалась в голову на штырьке. К лапам мишки была пришита тряпочная роза. Под тонкой зеленой тканью стебля отчетливо ощущался жесткий проволочный каркас. Хотя папа и говорил Даше, что мишка все-таки мальчик и на самом деле это герб какого-то немецкого города, она звала его принцессой Розы. Вопрос, который Даша задала принцессе Розы, обычно ставил перед самой Дашей ее учитель Сергей Павлович. Он обучал дочь Лота математике и логике.

Девочка вынула из гроба подушку. Даша бросила ее на пол и уселась на нее. Черная тень от рамы окна рассекала серебряное полотнище лунного света на шесть квадратов. Получалось похоже на сказочную шахматную доску с одними светлыми клетками.

— Куда же мне идти? — произнесла девочка. — Ну, что мы вообще знаем?

Даша отломала листочек у розы. Обстановка, больше подходящая для сказки Гёте или Андерсена, будоражила девочку. От дневного ужаса не осталось и следа. Даша была бодра, полна сил и энергии.

— Я видела, как мама убила дядю Ирвинга, — сказала Даша. — Значит, он мертв. Это логично.

Это была еще одна присказка Сергея Павловича. Девочка чувствовала себя увереннее, произнося знакомые слова. Она положила листок на один из освещенных квадратов и отломала еще один.

— Мама стала очень слабая, когда убила дядю Ирвинга, — продолжала рассуждать вслух Даша. — И она исчезла. Значит, она тоже умерла. Это логично.

Она положила листок на соседний квадрат и покосилась на принцессу Розы. Даша усадила крошечную медведицу на скамейку перед тем, как пускаться в размышления. Черные стеклянные глаза игрушки таинственно мерцали в полутьме склепа.

— А вот и не логично, — возразила сама себе Даша. — Если они оба умерли, они бы

сейчас лежали здесь в своих гробах рядом со мной. И мне не было бы так одиноко, — дрогнувшим голосом добавила девочка себе под нос.

Даша смела листья с серебряных квадратиков.

— Значит, — продолжала она уже громче. — Дядя Ирвинг и мама живы. А почему мама не приходит за мной? Элементарно!

Сергей Павлович очень любил рассказы Конан Дойля о великом сыщике. По его просьбе Даша частенько читала их вслух на уроках чтения с другой своей учительницей, Тамарой Петровной. Когда девочка произнесла любимое словечко Шерлока Холмса, она почувствовала себя почти такой же мудрой, как гениальный детектив. Даша явно находилась на верном пути в своих рассуждениях.

— Элементарно, — повторила Даша, наслаждаясь звучанием этого хитрого слова. — Мама думает, что я умерла. Но где же мама? Если дядя Ирвинг жив, вряд ли она дома. Значит, мама опять убежала к дяде Карлу. И грустит там обо мне.

Голос Даши снова дрогнул. Она помолчала, вздохнула, вытерла слезы ладошкой и продолжила:

— Вот это логично и правильно. Так куда мне надо идти? В замок дяди Карла.

— А это неблизкий путь, — заключила Даша и поднялась на ноги. — Надо торопиться. Ведь мне нужно успеть до рассвета.

Она взяла мишку в одну руку, вазу в другую и вышла из склепа.

На кладбище фонарей не было. Освещена была только дорога, ведущая к монастырю. Одним из своих хитрых изгибов она захлестывала эту небольшую деревеньку. И когда девочка вышла на дорогу, ее стало отлично видно. Над ухом отца Анатолия кто-то — кажется, Семен — тихо ойкнул от изумления. Костя же азартно засопел.

Все приписали белой горячке рассказ местного пьяницы. Лишь один отец Анатолий отнесся к услышанному с должной бдительностью. Если даже допустить, что одного своего дружка крестьянин убил сам в пьяной драке, толкнув на крест, то белой горячкой было не объяснить исчезновение одного из дружков пьяницы. От пропавшего осталась лишь куча грязного тряпья, воняющего серой.

И настоятель оказался прав.

Он с чувством глубокого удовлетворения смотрел на девочку, идущую по дороге.

Эта поганая семейка давно была на примете у отца Анатолия. И он был рад, что не зря просидел целый час в душных кустах бузины рядом с кладбищем. С собой в засаду против вампиреныша отец настоятель взял еще двух самых толковых монахов. Наконец подвернулся случай искоренить заразу.

В руках Даша держала какую-то мягкую игрушку. И, почему-то — вазу. На плечах у девочки было нечто вроде пончо из желтой стеганой ткани. Даша тихонько что-то напевала себе под нос. Она повернулась спиной к монастырю. Перекреститься на него девочка и не подумала, как отметил про себя отец Анатолий. Даша двинулась по дороге прочь от Хутыни.

— Вперед! — крикнул отец Анатолий и дал увесистого пинка Семену. — Бей дьяволово отродье, православные!

Семен вылетел из кустов, как пушечное ядро. Довольно неторопливое пушечное ядро, если можно так выразиться. Ветки бузины тормозили движение Семена сильнее, чем должны были. Заметно было, что монах вовсе не рвется на бой с нечистью. Но второй монах, Костя, не подкачал. Он выскочил на дорогу сам, без поощрительных пинков от настоятеля. Костя размахивал топором и молодецки гикал и улюлюкал.

Девочка обернулась. Даша увидела связки чеснока. Они висели на шеях обоих охотников наподобие варварских бус. Девочка наморщилась. Казалось, что она сейчас заплачет.

Отец Анатолий понял, что бояться нечего. Он распрямился во весь рост и зычно гаркнул:

— Ага, не нравится? Спробуй чесночку, проклятое семя!

... грядки, из которых торчат зеленые стрелы чеснока, не хочешь ли попробовать монастырского чесночку, не надо, отец Анатолий, куда малышке такую горечь, гипнотический, требовательный взгляд темных глаз за квадратными очками в позолоченной оправе, большая рука, силой вкладывающая в ее ручку очищенную дольку. Даша, сама не понимая, что делает, отправляет дольку в рот и надкусывает ее.

Страшная, безумная горечь захлестывает ее рот, обжигает губы и глотку. Даша кричит, почти воет от боли и обиды, выплюни, выплюни, кричит мать, и темные глаза за позолоченной оправой торжествующе блестят...

Ликующий, издевательский вопль из-за бузины привел Дашу в чувство. Испуг сменился яростью. Внезапно она очень четко и спокойно, словно всю жизнь только и делала, что дралась со здоровенными мужиками, поняла, что нужно делать.

Даша бросила мишку на землю. Принцесса Роза только мешала ей. А вот ваза неожиданно пригодилась. Даша еще не успела опустошить ее. Девочка подпрыгнула, замахиваясь. Она выплеснула мочу прямо в лицо уже подбежавшему совсем близко монаху с топором. Монах взвыл и выронил топор. Он схватился руками за лицо. Пустую вазу девочка метнула в сторону его товарища. Гулкий звук удара и вопль боли сообщили о том, что бросок вышел на редкость удачным. Удар вазы сбил монаха с ног, опрокинул на четвереньки. Даша улыбнулась. Она сделала два быстрых шага к своему первому противнику. Девочка коснулась его руки. Как Даша и ожидала, противник исчез с тихим хлопком. Одежда зашелестела, оседая на землю. Второй монах видел, как исчез его товарищ. Уцелевший взвыл совершенно нечеловеческим голосом. Монах бросился прочь от жуткой девахи, не вставая с четверенек.

Даша повернулась к кустам бузины. Они уже трещали так, словно сквозь них ломилось стадо бегемотов. Она увидела спину в черной рясе. Отец Анатолий бежал, нелепо и высоко вскидывая колени. Настоятель далеко опередил своего подчиненного, несмотря на солидное превосходство в весе. Тот, правда, наконец догадался подняться на ноги. Было очевидно, что монах скоро догонит своего начальника. Даша расхохоталась. Словно подстегнутые ее смехом, отец Анатолий и монах припустили еще быстрее. Когда они скрылись за поворотом, Даша подняла принцессу Розу. Девочка прижала медведицу к себе и сладко зевнула.

— Опять я обожралась, — пробурчала Даша. — Что ж, Роза, пойдем спать. Иначе я засну прямо тут, на дороге. А это было бы крайне рискованно с нашей стороны, правда? А в замок дяди Карла пойдем завтра.

Даша направилась к воротам кладбища. Она сошла с освещенной проезжей части и растворилась в темноте. Только светлое пятно накидки еще некоторое время отмечало путь девочки.

4

Житие св. Ирвинга Хутынского. Фрагмент 3. В святой обители

Ирвинг медленно, но настойчиво пробивался сквозь черные маслянистые слои. Туда, где что-то светило. Неярко, но призывно. Огромная масса густой жидкости давила на него, гнала обратно, вниз. И лишь когда голова его оказалась над поверхностью, Ирвинг понял, что тонул в крови. Он отчаянно закричал, оттолкнул чью-то руку и проснулся окончательно. Голубые большие глаза остриженного под горшок парнишки в коричневом платье обиженно посмотрели на Ирвинга.

— Орут, лечебный настой разливают, — пробурчал владелец глаз.

Парень полез под кровать, на которой лежал Ирвинг — собирать осколки чашки.

Ирвинг огляделся. Они находились в довольно большой комнате. Стены были

выкрашены белой шаровой краской, что придавало ей какой-то медицинский вид. Палата госпиталя ООН, в котором довелось лежать Ирвингу после того, как он попал на «лестницу в небо», выглядела так же. В два широких окна, открытых по случаю теплой погоды, беспрепятственно вливалось солнце. Обстановка была скорее аскетичной чем роскошной — широкая низкая кровать Ирвинга да соломенный тюфяк в углу, на котором, очевидно коротал ночи ухаживающий за больным медбрат. На небольшом столике у изголовья стоял поднос и темный кувшин. С тем самым лекарственным настоем, догадался Ирвинг. Так же он заметил стул, на котором висела какая-то одежда.

— Где я? — спросил Ирвинг.

Паренек выбрался из-под кровати, сложил осколки на поднос. Задумчиво глянул на стремительно высыхающее пятно на полу и ответил:

— Это Хутынский монастырь.

Ирвинг помнил, что зачем-то хотел добраться именно сюда. Он обрадовался, что достиг цели. Теперь Ирвинг смог внимательнее рассмотреть парня, которого сначала принял за медбрата. Скорее всего, это был послушник или молодой монах. Ему было лет восемнадцать на вид. Круглое лицо его светилось прямо-таки детским добродушием. Он был невысокого роста, худенький, насколько позволяла судить безразмерная коричневая ряса. Волосы его, от природы светлые, выгорели на солнце до бело-соломенного цвета.

— Как тебя зовут?

— Пётр, — ответил парень.

— Как давно я здесь? — спросил Ирвинг.

— Я не могу вам сказать без разрешения батюшки, — скромно потупившись, отвечал Пётр.

— Так позови его, — предложил Ирвинг.

— Вы бы пока оделись, — сказал Пётр. — Эта одежда — для вас.

Послушник удалился. Ирвинг с грустной завистью посмотрел ему вслед. Он был года на четыре старше этого парня. Но в этих коротких четырех годах уместилась целая жизнь. Как бы он хотел Ирвинг смыть с себя всю грязь и цинизм, и вернуть себе такую же невинность тела и духа!

Увы, это было невозможно.

Ирвинг выбрался из постели. Выяснилось, что из одежды на нем одни голубые трусы. Подойдя к стулу, он снял висевшую там одежду. Черные джинсы и кожаные мокасины принадлежали ему, а вот свитер с эмблемой любимой рок-группы хозяева заменили на мягкий коричневый анорак. Ирвинг сунул руку в карман джинсов. Как он и думал, сигареты у него тоже забрали. Руку Ирвинга кольнуло что-то острое и холодное. Он вытащил вещь. Это оказалась застёжка от старинной книги.

Воспоминание стояло рядом, как назойливый родственник на похоронах, который явился только за тем, чтобы послушать завещание. Ирвинг отгонял его, как неправдоподобно жестокий сон. Но оно отчетливо проявилось.

... Жуткие нечеловеческие рожи гнусно ухмылялись из давно лишенных стекол оконных проемов университета. Жадно-голодные глаза следили за двумя идущими по дороге путниками.

— Кто это? — спросила Даша.

Растрепанную книжку она взяла с собой и теперь шла, плотно прижимая ее к груди обеими руками, словно щит.

— Там никого нет, — ответил Ирвинг.

Один из монстров, обиженный таким заявлением, хватил шипастым хвостом по штукатурке. По зданию прошел стон.

— Что же это у вас, как чего нехватишься — ничего нету, — раздался гнусавый голос откуда-то сверху.

Кто-то мерзко хихикнул.

— Он жжется, он жжется, — зашелестело в ветвях деревца, что выросло на крыше

развалины.

— Я знаю, кто это, — сказала Даша. — Это книжные черви.

— Великоваты они для червей, — пробормотал Ирвинг.

В этот момент он жгуче жалел, что у него нет с собой бластера или хотя бы ножа. Но чудовища хоть и подступали совсем близко к дороге, пока не атаковали.

— Да и не похоже, чтобы они питались бумагой, — добавил Ирвинг.

Он смерил взглядом увесистое, округлое, как самовар, брюхо желтоглазого чудовища.

— С бумаги так не разносит, — заключил Ирвинг.

— Они едят не бумагу, — терпеливо сказала Даша. — Они питаются идеями, заключенными в книгах. Это — духи книг. В этом крыле находилась университетская библиотека.

Ирвинг совсем уже собрался отобрать у нее книгу и бросить монстрам, чтобы отвлечь их внимание и удрать, пока они будут драться между собой за странички комикса. Парень остановился на полпути.

— Духи книг? — сказал Ирвинг. — Откуда ты знаешь?

— Мне дядя Карл рассказал, — ответила Даша. — У него есть книга, в которой тоже живет дух. Он мне его показывал.

Страшное подозрение кольнуло Ирвинга.

— Ты ее читала? Касалась ее? — почти закричал он.

— Да, — ответила Даша. — Дух книги со мной говорил. Он такой веселый, его зовут...

— Замолчи, — сказал Ирвинг и сильно дернул ее за руку. — Шевели ногами.

Дальше он помнил плохо. Когда они подошли к кладбищу, высокий парень в десантной форме окликнул их и попросил прикурить. Ирвинг остановился и полез в карман, чтобы потянуть время. В следующий миг он заметил, что у парня нет тени. Свет луны беспрепятственно проходил через него. Пятнистым он казался из-за черно-белой березки, перед которой стоял.

... Кривые когтистые лапы высовываются из-под земли. На руке мальчика в пионерской форме сидит голубь, подобно охотничьему соколу. Зеленые проплешины эрозии на бронзовой кепке и руке кажутся язвами прокаженного, нечеловеческие насмешливые глаза, и этот кошмарный смех...

А ведь они ему что-то говорили, эти черви книг и могил. Звали за собой, кажется.

Ирвинг тряхнул головой. На подносе, помимо кувшина, обнаружились аппетитно дымящиеся тарелки, а так же деревянная ложка с выжженной на ней симпатичной лисичкой. Надо было поесть. Но у Ирвинга встал ком в горле. Он придвинул стул, устроился на нем, взял ложку в руки и принялся ее рассматривать. Лисичка стояла на задних лапах. Пушистый хвост кокетливо выбивался из-под юбки. В лапках она держала корзинку, из которой торчали шляпки грибов. От бесхитростного обаяния картинки у Ирвинга полегчало на душе. Он запустил ложку в суп и принялся есть. Ирвинг не чувствовал вкуса пищи, хотя понимал, что это должна быть добротная и сытная монастырская еда. Опустошив тарелки, он машинально аккуратно составил их одна в одну и выглянул в окно. Массивный священник в малиновом стихаре, сопровождаемый Петром, двигались через двор от собора к длинному серому зданию, имевшему форму буквы «Г».

— Я отец Анатолий, — несколькими минутами позднее представился священнослужитель. — Пётр, ты нам пока не нужен.

Послушник бесшумно исчез за дверью. Ирвинг сообразил, что нужно подойти под благословение. Брови батюшки удивленно — радостно приподнялись. Когда Ирвинг вошел в тот возраст, в котором выбирают бога, он находился в Непале, и примкнул к буддистам. Ирвинг не собирался менять конфессию — пока что — но эти люди были единственными, кто мог помочь ему.

— А где Даша? — спросил он. — Как я вообще здесь очутился?

— Мы нашли вас на кладбище, у одного из склепов, — ответил отец Анатолий. — Вы были при смерти, а девочка...

— Умерла, — прошептал Ирвинг.

— При сложившихся обстоятельствах, я бы почёл за счастье так сказать, — мягко ответил священник.

Ирвинга передернуло. Но вдруг он понял.

— Даша и умерла, и не умерла, вы имеете в виду? — произнес он.

— Боюсь, дело обстоит именно так, — сказал отец Анатолий. — Мы похоронили ее по православному обряду, надеясь таким образом изгнать беса. Но...

— И что вы теперь предлагаете? Старые бабушкины средства? Осиновый кол в сердце? Это же мракобесие!

— Вампиру надобно так же отсечь голову, чтобы окончательно успокоить, — добавил отец Анатолий. — Так же хорошо применять...

— Я вам не верю, — шумно сглотнув, перебил его Ирвинг. — Не верю!

— После всего того, что вы сами видели?

Ирвинг понял, что священник знает больше, чем говорит.

— Но почему же тогда я жив? Почему не обратился? — воскликнул Ирвинг. — Ведь я тоже держал в руках эту проклятую книгу! Я был первым, кто открывал ее!

— Я думаю, что черви селятся только в том дереве, что уже прогнило изнутри, — ответил отец Анатолий.

— Я не поверю, пока не увижу сам, — глухо ответил Ирвинг.

Хотя разве он уже не видел достаточно?

— Пётр проводит вас к могиле племянницы, когда захотите, — согласился отец Анатолий.

— Я хочу видеть ее немедленно, — произнес Ирвинг.

Брюн открыла глаза. Она обнаружила себя на кровати в спальне своего дома. Вместо порванного и испачканного грязью во время ночной погони шелкового халата с драконами на Брюн оказалось надето ее любимое черное платье — трикотажное, мягкое, длинное, с очень широкой юбкой. Воротник у него был глухой, под горлышко, как у водолазки. Единственным украшением платья являлась вышитая серебром роза на груди. Рядом с Брюн лежал Карл. Простреленную, заляпанную кровью рубашку сменил полосатый легкий свитер. Брюн узнала вещь по расцветке. Рубашку явно позаимствовали из вещей Ирвинга. На какой-то безумный миг Брюн показалось, что Лот решил сжечь ее в качестве наказания за измену и положил на погребальный костер вместе с телом любовника.

Брюн вскрикнула от ужаса и вскочила.

Карл повернул голову и успокаивающе улыбнулся Брюн. Она прикусила губу и отвернулась. Озадаченный Карл молчал, не зная, что делать. Он ожидал, что она обрадуется.

Брюн сняла с руки печатку, повернулась и протянула ее Карлу.

— Вот, возьми, — сказала она. — Ты потерял.

Брюн снова отвернулась. Карл надел печатку, поднялся и направился к выходу из спальни.

Шмеллинг остановился у дверей и сказал, не оборачиваясь:

— Прости, что подвел тебя. Я не ожидал, что Ирвинг сразу начнет стрелять. Это моя вина.

Брюн подошла к Карлу. Она обняла любовника, прижалась лицом к спине. Шерсть свитера чуть покалывала кожу. Шмеллинг стоял, не двигаясь и ничего не понимая.

— Дело не в этом. Когда я увидела тебя мертвым, — сказала Брюн. — Я испытала такое одиночество, такую... брошенность... и вот ты снова здесь, здоровый и веселый. Это выглядело как издевательство, как жестокая шутка.

Карл обернулся. Они поцеловались, неторопливо и нежно.

— Но как тебе это удалось? — спросила Брюн.

— Почему вы до сих пор живы, подлец, — пробормотал Карл.

Брюн улыбнулась:

— Перестань.

— Я и правда не умер, я погас, как... — Карл развел руками в поисках сравнения.

— Как свеча? — спросила Брюн. — Одна девочка в детской сказке размышляла о том, как выглядит пламя свечи после того, как она погаснет. Теперь ты это знаешь.

Карл отрицательно покачал головой:

— Не совсем так. Я был как телевизор, когда его выключат. Экран после этого еще несколько секунд светится. То же самое произошло и со мной. Видимо, на таких как мы, и впрямь нужны серебряные пули. Я видел все, что произошло потом. Я испытывал страшный голод. Я знал, что не смогу провести в этом состоянии долго. Мне был нужен новый источник энергии. Чем мощнее, тем лучше. Мне стоило большого труда удержаться и не использовать в этом качестве тебя, когда ты обняла меня.

— О, Карл, — произнесла растроганная Брюн.

— А потом ко мне подошел Лот, — сказал Карл рассеянно.

— Ну, ясно, — произнесла Брюн. — Где Даша?

Карл усмехнулся:

— Нет, он жив.

Брови Брюн недоверчиво приподнялись.

— Если хочешь, я покажу тебе, — добавил Шмеллинг.

— Сделай милость, — сказала Брюн.

Перед тем, как выйти из комнаты, Карл взял ее руку своей. Шмеллинг перевернул ладонку Брюн вверх и вложил туда печатку. Затем сжал пальцы озадаченной подруги.

— Трофеи не возвращают, — сказал Карл.

Он услышал, как открывается дверь. Аккуратно, чтобы не задеть с таким трудом возведенную конструкцию, он отложил спичку. Подняв глаза от стола, он увидел высокого мужчину в полосатом черно-красном свитере и миниатюрную женщину в черном платье. На груди был вышит блестящий цветок.

— У меня наконец получилось остановиться, не выпивая человека до конца, — сказал мужчина. — Я думаю, это от слабости. Я не мог проглотить такой кусок целиком. Но я его здорово повредил. От его личности мало что осталось. Мне приходится все время управлять им, словно куклой. Заставлять вовремя есть, и все прочее. Очень утомляет.

Он почти не слушал мужчину. Он смотрел на женщину и улыбался. Смотреть на нее было очень приятно, хотя он и не понимал, почему. Женщина покачала головой.

— Он совсем впал в детство, — сказала женщина, заметив спички. — Что он собирает? Избушку? Ты бы ему хоть клей дал. Дело пошло бы быстрее.

— Я давал, — ответил мужчина. — Не изверг же я, в конце концов. Но он его ел. А собирает он не избушку, а одну головоломку, которая была популярна у нас в штабе.

Женщина поморщилась.

— К чему все это, — сказала она. — Лучше бы ты доел его. Или угости меня. Я ужасно голодна, между прочим.

— Пока он нам еще нужен, — ответил мужчина. — А если ты голодна, я могу поделиться с тобой своей энергией. Локи научил меня, как это делается.

— Или так, — согласилась она.

Люди развернулись, чтобы покинуть комнату.

— Брюн, — вдруг сказал он.

Женщина вздрогнула.

— Платье, — произнес он, тыча в нее пальцем. — Подарок.

Женщина провела рукой по лицу.

— Он помнит больше, чем тебе кажется, — сказала она, справившись с собой.

— Что ж, тогда теперь я буду запираť дверь, — ответил мужчина.

И они ушли. На этот раз, кроме обычного хлопка, раздался и металлический щелчок. Язычок замка встал на свое место.

Он же вернулся к спичкам. Он знал, что должен построить из них красивый кубик, и тогда...

Тогда голова перестанет ныть, и произойдет что-то еще. Что-то очень важное и приятное.

Брюн прижалась губами к шее Карла. Локи сказал, что форма физического контакта не имеет значения. Но Брюн не преминула воспользоваться истинно вампирским способом.

— Признайся, — сказал Карл, когда Брюн легла на него. — Ты всегда об этом и мечтала.

Брюн засмеялась, а затем склонилась к его груди. Как и ожидал Шмеллинг, она выбрала место, где артерия ближе всего подходила к коже. Карл почувствовал, что энергообмен начался. Как и предупреждал Локи, это было похоже на щекотку. Шею Карла над левой ключицей словно бы медленно и ласково гладили перышком. Как объяснил Локи, это было следствием того, что Карл последний раз объелся. Шмеллинг был так голоден, что всосал в себя больше энергии, чем мог усвоить. Такое случается и с обычными людьми за обедом, если блюда оказываются очень вкусными.

— Когда ощущения станут неприятными, обмен следует немедленно прекратить, — предупредил Карла его механический наставник. — Это очень сложно. Ты должен быть уверен, что тот, с кем ты делишься, обладает достаточной силой воли.

Но Брюн обладала не только силой воли, но и еще тактом. Она оторвалась от Карла раньше, чем ему стало неприятно. Она сползла с любовника и легла рядом.

— Вкусно, — сказала Брюн. — Кто это был?

— Божьи люди, — усмехнулся Карл. — Чистые души.

Брюн вопросительно приподняла бровь.

— Ты пила души монахов, которые забрали Дашу, — сказал он.

Брюн сразу посерьезнела. Она молча смотрела на Карла, ожидая продолжения.

— Монахи забрали ее и Ирвинга, — сказал Шмеллинг. — Священник и пятеро монахов. Удивительная удача, что они не заметили тебя. Они топтались вокруг лавочки, на которой вы сидели.

— Это не удача, — сказала Брюн. — Маленькая Разбойница посоветовала мне становиться невидимой, когда я теряю сознание. А так же научила делать так, что людям становится неприятно находиться рядом со мной, хотя они меня и не видят. Эти энергетические вихри закручиваются сами, как только я теряю сознание.

Карл покачал головой:

— Ты неплохо подготовилась. Надо будет и мне прочесть этот раздел. Я был очень голоден, и успел незаметно приложиться к каждому монаху, — продолжал Шмеллинг. — Но я был слишком слаб, чтобы убить их всех. Если бы они захотели утащить тебя, я бы не смог их остановить. Я дождался, пока они уйдут, и принес тебя домой.

— И переодел, — пробормотала Брюн.

— Я тебя еще и искупал, — сказал Карл. — Ты вся была в чем-то вязком, типа смолы.

— Что с Дашой теперь?

— Они ее похоронили, — сказал Карл.

Брюн шумно вздохнула:

— Значит, инициация все-таки началась...

— Да, — кивнул Карл. — Видимо, иногда это начинается не сразу.

— Господи, — всплеснула руками Брюн. — А сколько уже времени прошло?

— Три дня.

— Мы должны попасть туда! — воскликнула Брюн. — Даша скоро придет в себя. Если она очнется в себя в гробу, она...

— Я позаботился, чтобы гроб оставили открытым, — сказал Карл. — И у вас же не могила, а собственный склеп. Я уже размышлял о том, как попасть внутрь. Монастырь окружен силовым полем, как и твой дом. Нам его не преодолеть. Но можно взорвать один из

столбов. Напряженность поля понизится. Тогда можно будет пройти.

— Это слишком шумно, — возразила Брюн. — Набегут монахи, просто люди. Мы с тобой еще не очень хорошо умеем драться. Справимся ли мы с таким количеством людей?

— Есть у меня одна идея, — сказал Карл. — Для этого я до сих пор кормлю твоего мужа с ложечки и меняю ему памперсы. Но от тебя тоже кое-что потребуется.

Шмеллинг поколебался и добавил:

— Я не знаю, согласишься ли ты.

— Если уж ты меняешь памперсы на своем враге и кормишь его с ложечки, чтобы спасти моего ребенка, — сказала Брюн. — То мне и вовсе не след ломаться.

— Это другое, — ответил Карл. — Я слышал, у вас считается дурной приметой прикидываться мертвым.

Житие св. Ирвинга Хутынского. Фрагмент 3. Ключ к познанию

По плодам их узнаете их. Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые.

Матфей, 7:16-17

— Ваша... ммм... — начал Петр.

— Племянница, — помог ему Ирвинг.

— Ваша племянница похоронена на церковном кладбище рядом с монастырем, — продолжал тот. — Оно находится рядом с братской могилой воинов двести двадцать девятой стрелковой дивизии, участвовавшей в освобождении Новгорода.

— Что-то я не припомню, чтобы дивизия с таким номером участвовала в освобождении Новгорода, — задумчиво сказал Ирвинг. — С братом, по-моему, вообще не было мотострелков.

Петр шмыгнул носом и ответил:

— Эта могила времен второй мировой войны.

— Ааа, — сообразил Ирвинг.

Он исподволь рассматривал собеседника. Фраза отца Анатолия о том, что они с Петром могли бы подружиться, вызвала у Ирвинга горькую усмешку. Единственный человек, которого Ирвинг мог назвать своим другом — глава их отряда вольных стрелков «Левая рука Будды» погиб в Непале во время ночной атаки. До недавних пор Ирвинг считал, что есть еще один такой человек — Карл Шмеллинг. При воспоминании об этом Ирвинг покрылся холодным потом, и мурашки побежали по спине. Он погрузился в мрачные размышления и уже не слушал того, что говорит Пётр. Радовало только то, что Ирвинг, очевидно, выглядел так же юно, свежо и неисторченно.

Пётр смолк. Ирвинг обнаружил, что они стоят у входа в небольшой бетонный склеп. На крыше его грустил бронзовый ангел. В России, как успел убедиться Ирвинг, склеп представляли себе в виде беседки из ажурного литья, с куполообразной крышей, крытой алюминиевыми листами. Но Лот остался верен традиция своих предков. Дверь склепа была открыта. Петр опасливо смотрел в черноту за ней. Ирвинг легонько подтолкнул его. Послушник от неожиданности подпрыгнул на месте. Они спустились вниз по ступенькам и оказались в небольшом подземном зале. При их появлении загорелся свет. Ирвинг понял, что в склепе установлен датчик движения. В центре зала стоял маленький гроб. В его изножье лежал венок из живых цветов — увявший, засохший, но еще не пожелтевший. «После похорон прошло не больше двух дней», прикинул Ирвинг. — «Я провалялся в беспомощности дней пять». Он ощутил тревогу. За это время многое могло произойти с братом.

Крышка гроба была сделана из прозрачного пластика. Ирвинг сильно подивился про себя такому дизайнерскому решению.

— Дашу бальзамировали? — спросил он.

Пётр отрицательно покачал головой. Ирвинг решительно развернулся. Он хотел выйти

первым, чтобы послушник не видел его слез. Да и трупов на разных стадиях разложения Ирвинг навиделся в своей жизни достаточно, чтобы портить таким зрелищем память о Даше. Однако он все же глянул внутрь гроба — нечаянно.

Даша совсем не выглядела мертвой. Казалось, девочка просто спит. На груди у нее лежала помятая книжка, с которой Даша не рассталась вопреки судьбе. С обложки на Ирвинга смотрел меланхоличный демон с яблоком в руках. «Тетрадь смерти», вспомнил Ирвинг название книги. — «Ну да, взрослым людям — старинный фолиант, детям — хватит и тетрадки». При всей своей неискушенности в библейских сюжетах, Ирвинг хорошо помнил, **кто** любит предлагать девочкам яблоки.

Петр нетерпеливо переминался с ноги на ногу за спиной Ирвинга. Послушник чувствовал себя очень неудобно в склепе и хотел поскорее покинуть это место. Пётр совершенно очевидно не понимал, почему Ирвинг затормозил на ступеньках, раз уж собирался выходить.

— Я забыл спросить, — сказал Ирвинг. — Отчего умерла Даша?

Он почти не сомневался в ответе.

— Никто не знает, — ответил Пётр. — Ее нашли у бронзового мальчика с голубем — есть такой памятник на кладбище. Она была уже мертвой.

— Но еще теплой, — пробормотал Ирвинг.

— Да, — согласился Пётр.

Ирвинг схватил его за рукав и резко выволок наверх. Ирвинг расстегнул рубашку.

— Смотри внимательно, — жестко сказал он. — Что у меня на шее?

— Шнурок с пулей — кстати, грех это, — пролепетал Пётр, не на шутку удивленный такой экспансивностью. — Крестик надо носить, вы же крещеный, чай?

— Нет, — ответил Ирвинг.

— Так надо принять святое крещение, без крещения человеку жить невозможно...

— Кроме пули на шнурке, — перебил его Ирвинг. — Есть там что-нибудь? И про родинку на левой ключице я тоже знаю, не надо мне про нее говорить. Никаких царапин, ранок?

Пётр, тоже немного успокоившись, еще раз внимательно осмотрел Ирвинга. Шея как шея — крепкая, мускулистая. Покрытая тем ровным бронзовым загаром, которого никогда не получишь под солнцем северных широт — здесь загар серенький, как и небо. Послушник вздохнул с легкой завистью. Он слышал, что посадник Покатикамень с братом недавно ездили отдыхать на далекое теплое море.

Никаких ранок, если не считать уже светлеющего засоса на левой стороне.

— Засос у вас там, — сказал Пётр.

— Это я тоже знаю, — хмыкнул Ирвинг и сунул ему десятку. — купишь мне в деревне сигарет. А потом зайдешь к батюшке Анатолию и скажешь, что я готов принять святое крещение. Как можно скорее. Я буду в своей палате. Понятно?

— Да, — сказал Пётр и умчался.

Парнишка сообразил, что вряд ли Ирвинг спросит про сдачу, если он вернется достаточно быстро.

На кухонном столе стояла бутылка. Совершенно обычная пустая бутылка из-под пива, что, что рядами сверкают на полках торговых ларьков. Белые разводы пены уже начинали засыхать. Рядом расположилось блюдце. На нем лежали две сиротливые фисташки. Между блюдцем и бутылкой высилась горка твердой скорлупы от уже съеденных орешков.

Словом, ничего необычного в этом натюрморте не было. Наоборот, его можно было считать типичным для кухонь не только Северо-Запада Конфедерации, но и для большинства ее уголков. Этот натюрморт можно наблюдать и в кухнях городов, расположенных за Полярным кругом, где снег тает к концу мая, и в тех городках, где снег видели только на картинках. Составляющие натюрморта могут меняться в зависимости от местных предпочтений. Вместо твердых фисташек, извлечение которых из скорлупы является

отдельным квестом, часто встречаются гренки или чипсы.

Впрочем, один необычный элемент в этом в этом натюрморте все же присутствовал. На заднем фоне расположилась еще одна бутылка, точная копия своей сестры, за исключением одного. Она была тщательно вымыта и наполнена водой. В бутылку была воткнута длинная шикарная роза нежного персикового оттенка.

Крэк знал, что Кати любит необычные цветы. Персиковую розу она видела первый раз в жизни.

Но не удивительный цветок был причиной того, что Кати взирала на открывшийся ее глазам вид с тем чувством, с каким, наверное, жена Лота смотрела на объятый пламенем Содом. Ей казалось, что еще миг — и она окаменеет.

Крэк не пил. Вообще. Ни водки, ни пива, ни других напитков, содержащих алкоголь.

После инициации эллорит не мог употреблять алкоголь. Спиртное ослабляло контроль над энергетическими каналами. Степень разрушительности последствий зависела от количества выпитого и силы дара. Существовало, правда, одно из исключение из этого правила. Один из видов черных эллоритов мог употреблять спиртное в любых количествах. Но Крэк относился к этому виду не относился, это Кати знала совершенно точно.

Когда Кати шла через двор, ей показалось, что когда она уходила на работу, старая оранжевая качель стояла на другом месте. Да и вид у нее был не такой помятый. Сейчас стальные балки лопнули и торчали во все стороны, словно лепестки невиданного цветка. Концы у них были белые, словно оплавленные. И что деревьев во дворе вроде было побольше, чем три штуки. Но Кати решила, что все дело в том, что она еще не успела толком привыкнуть к новому месту.

Теперь стало ясно, что зрительная память не подвела девушку. Двор действительно изменился за ночь. И хорошо, если дело ограничилось помятой качелью и выкорчеванными деревьями. Могли и двухголовые лягушки родиться у соседской беременной кошки вместо котят.

Кати сбросила летние туфли в прихожей. Прихожая была крошечной. Вся однокомнатная квартирка, которую они снимали с мужем, удивляла своими малыми габаритами. Но Кати она из-за этого казалась более уютной. Настоящая норка, гнездышко, которого вполне хватало на двоих. Крупные пряжки туфель Кати были покрыты прозрачными стразами. Дешевка, конечно, но девушке нравилось. Впрочем, Кати не сомневалась, что очень скоро Крэк сможет купить ей туфли из чистого хрусталя. Вроде тех, что Золушка надевала на бал у короля. Если только Кати захочет такие туфли. Но Кати знала, что не захочет. Хрусталь хрупок, в таких туфлях не потопаешь ногами. И очень уж хрусталь тверд — еще, пожалуй, изрежешь ступни в кровь.

Да и своего принца Кати уже нашла.

Она прошла в комнату. Принц лежал на тахте лицом вниз. Кати негромко окликнула его. Крэк, скорее всего, спал. По опыту общения с отчимом Кати знала, что этому стоит только радоваться. Однако Крэк услышал ее и перевернулся на спину.

— Садись, — сказал он и похлопал по тахте рядом с собой.

Кати молча опустилась на стул около двери, не сводя глаз с мужа.

— Как первый день на работе? — спросил Крэк.

Точнее, это была ночь — Кати пока поставили в ночную смену. Кати удалось устроиться на мясокомбинат. Технология изготовления консервов не сильно изменилась по сравнению с прошлым веком. Сюда, в Новгород, новшества добирались очень медленно. Предыдущие восемь часов Кати провела у пышущего жаром чана с водой, в котором плавали банки с фаршем. Кати помешивала их специальной длинной лопатой, чтобы консервы проварились со всех сторон. Раньше эту работу доверяли только мужчинам — уж больно тяжелой она была. Но когда мужчин не осталось, вопрос сам собой отпал. Затем, когда в Новгороде мужчины снова появились, никто из них сначала не хотел идти на эту адскую работу. А когда такие желающие появились, этому воспротивился профсоюз. Были упомянуты вечные ценности и старые русские традиции. С жаром говорилось о том, что

только к простой, тупой, неинтеллектуальной работе женщины и способны.

Однако истинная причина заключалась в том, что эта работа очень хорошо оплачивалась.

Кати была девушкой крепкой и спортивной. Ее физические способности даже несколько превышали человеческие. Однако девушка действительно вымоталась за смену. Кати мечтала только об одном — принять душ, перекусить и упасть в койку.

— Очень устала? — осведомился Крэк заботливо.

— Да, очень, — сказала Кати. — А ты, я вижу, отдыхаешь?

— Я ходил в кафе наниматься, — ответил он. — Ну, помнишь, я тебе говорил. И встретил там мать. Впрочем, тебе это, наверное, неинтересно.

— Так ты на радостях напился? — спросила Кати.

Крэк отрицательно покачал головой.

— Пойдем в ванну, — сказал он. — Я вижу, ты же хочешь искупаться. Я буду тереть тебе спинку и рассказывать.

Марго отложила кисть, чуть отошла назад. Художница критически осмотрела результаты своей работы. Ножки третьего гномика получились кривоватыми. Сказывалось долгое отсутствие практики. Может, слегка подправить рисунок так, чтобы казалось, что гномик сидит на корточках? Перед цветком с бабочкой.

Хозяин нового детского кафе «Белоснежка и семь гномов», Юрий Кузьмин, страдал от астмы. Лекарства, прописанные Эриком, удивительно помогли ему. Как-то он поделился замыслом создания нового кафе со своим лечащим врачом. Врач, он ведь словно друг и духовник. Юрий уже владел несколькими кафе и одним рестораном, когда идея создания детской кондитерской пришла ему в голову. Друзья Кузьмина не поддержали. Ему напомнили, что в Новгороде слишком мало детей, и он попросту разорится. Но Эрик, которого Юрий почтительно называл Андреем Ивановичем, одобрил эту смелую мысль. Ассортимент блюд был опробован осторожным Юрием в открытом весеннем кафе. Выяснилось, что Андрей Иванович прав. Когда Юрий стал искать дизайнера для небольшого помещения, которое он купил, Эрик порекомендовал свою жену. В деньгах Небесновы не нуждались, Марго могла оказать услугу и в кредит. Она работала дизайнером интерьеров в «Преторе». Эта солидная фирма выпускала встроенную мебель. Но сейчас, в конце лета, заказов было мало. Когда Марго узнала о работенке, которую организовал ей муж, она прямо почувствовала, как у нее зачесались руки.

Все-таки Марго любила рисовать.

А если бы Юрий знал, *кто* расписывает ему стены, то, пожалуй, пожалел бы, что согласился на любезно предоставленный ему кредит. Оплатить такой счет не хватило бы всей гипотетической прибыли заведения за несколько лет вперед. «Иногда инкогнито бывает даже полезно», усмехнулась Марго.

Она продумала всю внутреннюю отделку — дерево, резные лесенки, гирлянды искусственных, но очень красивых матерчатых листьев, а так же желудей, цветов, ярких мухоморов. Изюминка заключалась в том, что среди всей этой мишуры прятались семеро маленьких гномов. По замыслу, юные посетители должны были их искать. Эта забава должна была доставить огромное удовольствие и детям, и взрослым. Небольшая статуя Белоснежки сидела на краю каменной чаши с золотыми рыбками в центре зала.

Заказ на деревянные панели достался «Претору», где под ручательство Марго тоже выполнили работу в кредит. Гирлянды сделали в художественной мастерской лица, где училась дочь Небесновых, Неждана. Деревянных гномиков и гипсовую Белоснежку по эскизу Марго создали в местной фольклорной мастерской.

Сегодня Марго пришла в кафе до появления рабочих, которые должны были крепить внутренние панели. Не хотелось рисовать на жаре, привлекая внимание любопытных зевак.

Но один зритель у нее все-таки был. Этот высокий светловолосый парень в потертых джинсах и безрукавке, расшитой цветным бисером и шелком пришел еще раньше Марго. Он

тихонько сидел на скамеечке перед будущим кафе.

Марго решила все-таки посадить гномика на корточки. Она обернулась, чтобы взять другую кисть. Выяснилось, что парень уже не сидит себе на скамеечке, а стоит у нее за спиной. Поняв, что замечен, он улыбнулся и сказал:

— Очень красиво. Меня зовут Крэк Джонс, а вас?

— Маргарита Анатольевна. И что же ты делаешь здесь в такую рань, Крэк Джонс?

— Прочел вот в газете объявление, что здесь требуются официанты.

— Наниматься, значит, пришел.

Крэк кивнул.

— Хозяин раньше девяти не появится, — сообщила Марго.

Крэк глянул на солнце. Оно лениво выползало из-за горбатых крыш маленьких домиков частного сектора.

— Ну, значит, уже скоро, — сказал он.

— Подай-ка мне тот тюбик, Крэк Джонс, — попросила Марго.

Крэк наклонился за тюбиком. Из горловины его жилетки свесился шелковый лиловый шнурок, завязанный двойным узлом.

— Ты кришнаит, что ли? — спросила Марго.

— Буддист, — ответил Крэк и спрятал узелок обратно под жилетку.

Парнишка понравился Марго. Она решила дать Крэку пару советов, поскольку он очевидно был приезжим.

— Давно ты приехал в Новгород? — спросила художница.

— Вчера.

— Хочешь пару советов, как лучше устроиться в этом городе?

— Разумеется, Маргарита Анатольевна. Вы-то, я гляжу, сумели совсем неплохо устроиться.

Марго искоса, но достаточно любезно взглянула на него.

— Во-первых, когда будешь регистрироваться, смени имя. На какое-нибудь более славянское. Кирилл, например, Иванов. Здесь так принято. Я тоже ведь не Маргарита Анатольевна. Здесь полно чужаков. Вон, десять лет назад в городе решили остаться немецкая и английская дивизии...

— Может, это был полк? — предположил Крэк. — Здесь на дивизию не наберется народа, даже если посчитать со всеми детьми и стариками.

Марго отмахнулась:

— Может, и полк. И если все эти Джоны и Гансы записались бы под своими родными именами и фамилиями, то казалось бы, что мы не в русской провинции, а не иначе как центре Европы.

— Понял.

— Во-вторых, купи в ближайшей галантерейной лавочке крестик подешевле и носи вместо своего хадака. С ним ты выглядишь слишком экзотично.

— Хорошо, — отвечал Крэк.

Было заметно, что глубина эрудиции художницы приятно удивила его. Последним человеком, который понял смысл лилового шнурочка Джонса, был башкир-проводник с трансазиатского экспресса.

— Ну, и женись на ком-нибудь из местных девочек, — продолжала Марго. — Укрепи, так сказать, корни.

— К сожалению, — улыбнулся Крэк. — Этого я сделать не смогу. А что, у вас дочь на выданье?

Марго подозрительно посмотрела на него:

— Да, но такому голодранцу, как ты, о моей девочке нечего и мечтать. А почему ты не можешь жениться? Ты...?

Крэк расхохотался.

— Не каждый красивый парень — гей, — ответил он. — Просто я уже женат.

— Раненько вы теперь начинаете, — слегка смутившись, пробормотала Марго.

— Не раньше, чем вы.

Марго посмотрела на него уже не любезно, а скорее настороженно. Она действительно начала еще раньше, чем Джонс. Но ее реальной биографии здесь никто не мог знать.

Крэк почувствовал враждебность в ее взгляде и успокаивающе поднял руки.

— Такие красивые девушки, какой вы были, обычно тоже не засиживаются в девках, я хотел сказать. И больше ничего, поверьте. Огромное спасибо вам за ваши советы.

— Юный льстец, — процедила Марго сквозь зубы.

Приятную беседу прервал Юрий. Кузьмин подъехал на своей «истре». Отечественный автопром дышал на ладан и до войны. Но после перемирия конструкторам завода удалось создать автомобиль, удачно сочетающий цену и качество. И, что было самым нетипичным для машин предыдущих поколений — надежность. «Истры» стали одной из самых популярных марок среди среднего класса.

— Привет, Маргарита Анатольевна, — поздоровался Кузьмин. — Этих бездельников еще нет?

— Как видишь.

Юрий хмуро посмотрел на Крэка:

— Я по средам не подаю.

— Этот юноша пришел наниматься, — вступилась за парня Марго. — Ты же давал объявление, что тебе нужен официант?

Кузьмин окинул парня быстрым оценивающим взглядом. Марго заметила, что хадака на Крэке уже нет. И когда он только успел его снять?

— Давал, — ответил Юрий. — Проходи в контору, парень. Поговорим. Маргарита Анатольевна, и ты зайди. Я привез тебе аванс.

— Какие волшебные слова ты знаешь! — воскликнула Марго.

Она направилась вслед за мужчинами. Крэк галантно пропустил ее вперед. Юрий обошел еще незаконченную стойку и открыл маленькую дверцу во внутреннее помещение. В руке Кузьмина волшебным образом появилось в его руке несколько розовых тысячных купюр. Он аккуратно отсчитал несколько штук и протянул их Марго.

— Кое-что удалось скрыть от этих упырей из налоговой полиции, — сказал Кузьмин хмуро. — А работаешь ты, Анатольевна, не на страх, а на совесть. Да и я не привык долго быть кому-то должен.

Он подвинул к Марго огромную простыню ведомости, которую достал из сейфа.

— Распишись вот здесь, — сказал Юрий.

Закончив с Небесновой, Кузьмин первый раз внимательно взглянул на Крэка.

— Как тебя зовут? — спросил Юрий.

— Кирилл Иванов, — бодро ответил тот.

Марго с трудом сдержала одобрительную улыбку. Паренек схватывал на лету.

— Послушай, Кирилл, — начал Кузьмин. — У меня здесь будет детское кафе. Так что никаких сигарет, перегара и такого прочего. Работать с девяти до пяти, через день. Иногда, если сменщик заболеет, то и несколько дней подряд. Ты уже работал официантом?

Крэк кивнул.

— Обед здесь же, при кухне, из того, что есть, — продолжал Юрий. — Платить поначалу буду немного, пока не отдам все кредиты. Начнем со ста рублей в неделю. Ты можешь приступить прямо сегодня. Приходи сегодня вечером, часам к пяти. Уберешь за рабочими. Я буду здесь, в конторе. Посмотрю, как ты умеешь работать. Все, свободен.

— До вечера.

Крэк повернулся, чтобы идти. Юрий и Марго одновременно заметили на левом предплечье парня татуировку. Синяя кобра с грозно раздутым капюшоном стояла на хвосте.

— Это что за портак? — сердито спросил Юрий. — Ты что, сидел?

— Нет. Партизанил, — лаконично ответил Крэк.

Юрий крякнул и почесал в затылке. Молодежные партизанские отряды были весьма

распространены в последнюю войну. Более точно их бы следовало назвать бандами голодных сирот. У каждой такой банды был свой символ. Часто члены шайки изображали его на своих телах.

— После первой получки обязуюсь свести. Пока буду ходить в рубашке с длинным рукавом, если вы мне разрешите. Чтобы не пугать детей, — продолжил Крэк.

Юрий что-то пробурчал и махнул рукой. Джонс вышел.

— Медведей видел, кошек, лисиц, — сказал Юрий, провожая его взглядом через витрину. — Но змея... Парнишка-то пришел издалека.

— И многое оставил позади, — заметила Марго.

— Тоже мне, Кирилл Иванов! — проворчал Кузьмин. — Он такой же Кирилл, как я — Лотар! И кто придумал эту хренотень со славянизацией имен? Теперь ни черта не известно, с кем связался. Хотя говорит гладко, без акцента... Даже странно!

— Но ты же возьмешь его, Юрий? — спросила Марго.

— Тебе, гляжу, он тоже приглянулся, — хмыкнул Кузьмин. — Он давно здесь околачивался?

— Раньше меня пришел.

— Вообще-то, у меня уже все официанты набраны, — сообщил Юрий. — Но! Это же все дети друзей, знакомых. Да ты сама понимаешь. Одна ты только мне свою девчонку не подпихивала. Так она у тебя уже в этом вашем художественном цехе работает. Но парень, пришедший до света, это тебе не сын знакомого... Такого и окрикнешь, и построишь.

— И все соки выжмешь, — тихо подсказала Марго.

— Ну, ты из меня Кашея Бессмертного-то не делай, — сказал Кузьмин. — Не обижу. А работать он будет на совесть. Даже со змеем на плече.

Марго вышла на улицу, намереваясь вернуться домой. Небеснова уже закончила работу на сегодня. Крэк ждал ее за углом. Так Джонс оставался невидимым для Кузьмина. Но Крэк, несомненно, слышал все, что хозяин высказал о только что нанятом работнике.

— Пойдемте, позавтракаем, — предложил Джонс Небесновой. — Лимонада выпьем. Тут, в парке, в открытом кафе. Я угощаю.

Марго смерила его длинным взглядом.

— К твоему сведению, Крэк Джонс, — сказала она, внезапно почувствовав необоримое желание съесть пару булочек под лимонад. — Мне пятьдесят восемь лет. Я тебе в бабушки гожусь, шустрик.

— В матери, — тихо сказал Крэк. — Хотя больше пятидесяти вам не дашь. А сейчас ведь утро.

Сердце Марго дрогнуло.

— Ладно, пойдем, — сказала она. — А деньгами-то не швыряйся. Купи вон лучше цветочков жене, если лишние есть.

— Обязательно, — заверил художницу Крэк.

Они заказали заспанной официантке пару лимонада и две порции блинчиков с творогом по совету Марго. Небеснова частенько завтракала здесь и прекрасно знала все блюда. Лимонад принесли сразу. Пригубив, Марго наклонилась к плечу Крэка и принялась рассматривать татуировку.

— Этот твой портак нам чуть здорово не напортачил, — заметила Марго. — Много я такого повидала. Твоя, надо сказать, выгодно отличается от большинства подобных безвкусных картинок. Тот, кто ее рисовал, вполне мог стать художником.

Крэк покосился на Марго и чуть напряг руку. Женщина инстинктивно отшатнулась.

— В анатомии он тоже разбирался, — сказал Джонс. — Но, к сожалению, он так никем и не стал.

— Послушай, — сказала Марго. — Не надо. У меня ведь действительно мог быть сын, как ты. Но он там же, где и твой татуировщик.

Крэк промолчал. Принесли блинчики. Джонс взял еще горячий конвертик в руку и откусил. Марго вооружилась ножом и вилкой и изящно разрежала свой блинчик на кусочки.

Крэк, увидев это, чуть не поперхнулся творогом.

— Не обращай внимания, — сказала Марго покровительственно. — Аборигены едят тем же способом, что и ты. Просто старая привычка, от которой давно пора избавиться. Но давай поговорим о тебе. Ты, я так понимаю, сирота?

— Да. Наверное. Не знаю точно.

Марго кивнула:

— Знакомая история. Вот что я тебе скажу. Существует такая организация, ООН. У них есть программа «Родные адреса». Напиши им. Сообщи все, что помнишь, о своих родителях. Если ничего не помнишь, ДНК можно сдать. Если только твои родственники живы, их найдут, поверь мне. Молодым очень тяжело без поддержки. Тебе учиться надо, а не в барах подметать. У нас глава области таким образом брата нашел, представляешь? Приехал такой молодой разбойник типа тебя, и из грязи да в князи. Теперь помощник посадника по особым поручениям.

— А вы? — спросил Крэк и отпил из стакана. — Вы не обращались в эти «Адреса»?

— Видишь ли... — Марго замялась.

Крэк тонко улыбнулся.

— Значит, не только за мной прошлое тянется подобно змеиному хвосту, который давно пора отбросить, — произнес Джонс. — Но я слежу за событиями. Вот срок давности истечет, а может амнистию объявят. Тогда и обращусь в ООН. А вы хотели бы вернуть прошлое — то, довоенное? Увидеть своего младшего сына снова?

И тут Марго совершила ошибку.

— Прошлого не вернешь, — сказала она. — В наших руках только будущее. У меня теперь есть дочь, Неждана. Подарок судьбы. Вот об этом мне и надо думать. Хватит беречь сердце пустыми воспоминаниями.

— Ну, ясно, — понимающе кивнул Крэк.

Голос его чуть дрогнул. Но Марго этого не заметила. Против своей воли она погрузилась в воспоминания о маленьком Джотфриде.

Принесли чек, и Марго заплатила.

— Прекрати, — сказала она, пресекая движение Джонса к своему кошельку. — Мне было очень приятно с тобой позавтракать. Отдашь потом. Мы теперь часто будем видеться.

— Мне тоже было очень приятно, — сказал Крэк. — Спасибо вам за все.

И они расстались.

— А у отца теперь частная медицинская клиника, — закончил Крэк рассеянно. — Через две улицы от нас, представляешь? «Цветок метели» называется.

— Ты ее неправильно понял, — сказала Кати. — То есть, она солгала тебе. Ну сам подумай. Она столько пережила, передумала. Она до сих пор страдает и надеется. И тут подходит какой-то хмырь, и начинает расспрашивать о самом сокровенном. У женщин тоже есть гордость, знаешь ли.

Кати поднесла чашку к губам и сделала несколько маленьких глотков. Крэк просто божественно заваривал чай. Этому Крэк научился в монастыре Дзоканг. И этот навык относился к числу самых безобидных умений, приобретенных Джонсом во время обучения в монастыре.

В основном послушников Дзоканга учили править миром.

Крэк покачал головой. Теперь на единственном стуле сидел он. Кати лежала на тахте, укрывшись пледом. Роскошные светлые кудри, которыми она так гордилась, были надежно упрятаны под махровое полотенце. Девушка намотала его на голову наподобие чалмы.

— Ты так говоришь, чтобы утешить меня, — сказал Крэк. — Спасибо. Не знаю, чтобы я без тебя делал. Но я думаю, что мама сказала правду.

Губы у него задрожали. Но Джонс справился с собой.

— Великий Будда, — сказал Крэк. — Я разругался с Садху. Я настоял, чтобы меня направили сюда, хотя этот участок принадлежал другому кэнмену. Проще было, наверное,

срыть Гималаи до основания детским совочком, но я это сделал. Я сделал это для того, чтобы встретиться с родителями. И все оказалось напрасно! Я всех подвел, я все разрушил. Я должен попасть в Совет Конфедерации. Но туда, где мне было приготовлено место, мы опоздали. А здесь я не знаю инфраструктуры власти. Из того, что я успел понять, ясно только одно. Между двумя лидерами области, Шмеллингом и Покатикамнем, что-то происходит. Какое-то глухое противостояние. И, насколько я знаю здешние обычаи, ничем, кроме большой крови, это закончиться не может.

— Все образуется, — сонно сказала Кати. — Что-нибудь придумаем.

Помолчав, Крэк добавил:

— Садху советует соблазнить жену Покатикамня.

— Что он еще может посоветовать, — ответила Кати меланхолично. — Но этого ты не сможешь сделать, к сожалению. Жена Покатикамня умерла, сегодня похороны.

— Разве она была старая? — удивился Крэк.

— Нет, всего лет на десять старше нас, — ответила Кати. — Она болела чем-то... Сейчас, кстати, должна начаться трансляция с отпевания. На заводе говорили, что начало церемонии назначено на полтретьего. Многие собирались идти, попрощаться. Да и по телевизору показывать будут. Как его... По «Славии». Всем советовали посмотреть.

Крэк поцеловал жену.

— Этим я, пожалуй, и займусь, — сказал он. — А ты спи, отдыхай.

Они сняли квартиру с обстановкой, хотя это было несколько дороже. Крохотный плоский телевизор на стене единственной комнаты входил в комплект мебели. Кати и Крэк считали, что телевизор в спальне — это разврат. Телевизор перевесили в кухню. Туда Джонс и направился. Измученная Кати заснула раньше, чем Крэк осторожно прикрыл за собой дверь.

Житие св. Ирвинга Хутынского. Фрагмент 4. Сорванное отпевание

И видел я другого Ангела сильного (...). В руке у него была книжка раскрытая (...). Он сказал мне: Возьми и съешь ее, она будет горька в чреве твоём, но в устах твоих сладка как мёд.

Откровение Иоанна Богослова, гл. 10

— Скоро начнется отпевание госпожи Брюнгильд Покатикамень, — пояснил отец Анатолий. — Если вы не верите мне, вы можете принять участие в службе в качестве рядового монаха. Я готов разрешить вам это, хотя это нарушение устава. Но люди важнее мертвых букв.

— Я вам верю, — ответил Ирвинг. — Разрешите мне принять участие в отпевании.

— Пётр, найди подходящую по размеру рясу для господина Ирвинга, — обратился отец Анатолий к послушнику. — И объясни его обязанности.

— Но... — возмутился было Пётр.

— И принеси обед господину Покатикамень, — жестко оборвал его духовный наставник.

Пётр поцеловал его сморщенную старческую руку и решил, что начальству виднее. Вскоре он вернулся с едой и одеждой.

Ирвинг старательно повторял действия, которые показал ему Пётр. От торжественно-заунывных голосов певчих, дыма множества свечек, поставленных за упокой Брюн и монотонного голоса отца Анатолия кружилась голова. От приторного запаха ладана Ирвинга слегка подташнивало. Хутынский собор был полон. Несколько женщин плакали. Люди любили Брюн. По мере возможности она занималась благотворительностью, иногда в случае явной несправедливости властей ей можно было пожаловаться. Но очень осторожно: факты она всегда проверяла лично.

Брата Ирвинг видел мельком. Лотар стоял в центре правого придела в окружении чиновников и принимал соболезнования. Смерть любимой жены страшно изменила его. За

одну ночь Лот постарел лет на десять. При взгляде на исхудавшее бледное лицо брата с потухшими глазами у Ирвинга защемило сердце. Он не знал, что происходило дома во время его отсутствия, но, очевидно, ничего хорошего.

Святые с иконостаса пристально и сурово следили за Ирвингом, осуждая его медлительность. Служба уже подходила к концу. Вскоре роскошный, массивный гроб, утопающий в венках и цветах, закроют, вынесут из собора и поставят на богато украшенный автокатафалк. Под звуки похоронного марша гроб доставят на кладбище. Его отнесут в склеп, и мать в смерти соединится с дочерью. Отец Анатолий в похоронном стихаре мерными помахиваниями окропил пасту сухим дымом из кадила. Взнеслись под самый купол звонкие голоса певчих. Ирвинг кинул последний взгляд на лик святого Иоанна.

Монахи с свечами в руках двумя черными цепочками двинулись в обход гроба. Ирвинг поглубже надвинул капюшон, хотя это было против правил. В душе царил гулкая серая пустота. Он все отчетливее видел ценность и необходимость настоящей смерти вампира. Но все же сердце Ирвинга обливалось кровью при мысли о том, что ему придется сделать это с Брюн.

Последние сомнения покинули Ирвинга еще в начале церемонии при одном только взгляде на жену брата. О, как он желал бы увидеть желтоватую, точно восковую, высохшую кожу, благообразной маской стягивающую лицо трупа. Убедиться, что Брюн действительно мертва! Но нет. Она словно расцвела после смерти. Брюн была красива и при жизни, но мягкой, благородной красотой. Теперь же это была совершенная красота хищника: ярко-красные припухшие губы сложены в издевательской улыбке, задорный румянец играет на щеках. Даже посмертный венчик с ритуальными словами кокетливо смотрелся на ее черных кудрях, с искусной небрежностью рассыпанных по атласной подушке. В подушку по обычаю зашили листья вербы, Ирвинг чувствовал их аромат. Перед тем, как из гроба Брюн убрали цветы и накрыли ее богато вышитым погребальным покрывалом, Ирвинг успел увидеть, что на Брюн ее любимое вечернее платье без плеч. Лиф был пошит из красной кожи, а пышная юбка — из бархата того же цвета. Полуобнаженная грудь Брюн, казалось, вздымается в такт сонному дыханию. Справа шею и обнаженное плечо закрывали локоны. Ирвинг невольно залюбовался этой грозной жестокой красотой. Но дикая ненависть вспыхнула в нем с такой силой, что кровь зашумела в висках и потемнело в глазах. Ирвинг перевел взгляд на свечи, чтобы успокоиться. Язычок пламени заплясал под его взглядом.

Двигаясь в процессии, Ирвинг оказался у изножья гроба. Он переложил ножку тяжелого позолоченного подсвечника в левую руку, а правую запустил в карман рясы. Теперь даже те, кто стоял рядом, не могли понять, что делает Ирвинг. Руки Брюн покоились на узкой талии. Монахи двигались медленно. Ладонь Ирвинга, сжимавшая в кармане колышек, взмокла от пота, пока он оказался напротив груди Брюн.

Именно поэтому ему в первый момент показалось, что колышек соскользнул и попал в руку женщины. Кто-то закричал, указывая на них. Колышек вырвался из рук Ирвинга.

Брюн села в гробу. Она прямо-таки с нечеловеческой силой съездила Ирвингу по уху крестом, который ей вложили в левую руку перед отпеванием. Ирвинг не устоял на ногах. Его отбросило метра на два, спиной прямо на каменную четырехугольную колонну. Ирвинг своротил несколько икон и чуть не обжегся о теплившуюся перед образами лампаду. Брюн метнула крест вслед Ирвингу, словно дротик, но промахнулась. Крест угодил в кого-то из людей, пришедших помянуть покойницу добрым словом. Раздались испуганные крики. Певчие сбились и замолчали. И в это последнее мгновение еще не понимающей тишины в храме раздался вопль бешеной боли и злобы.

Ирвинг как раз поднимался на ноги. В голове у него еще гудело от удара. Он замер на одном колене от невероятности происходящего.

Колышек не соскочил. Брюн просто успела закрыть грудь рукой. Очевидно, Ирвинг пробил ей кисть насквозь. Теперь Брюн, рыча от кошмарной боли, пыталась вытащить кол из кисти другой рукой. Она обожглась и закричала еще ужаснее. Ритуальное покрывало наполовину сползло с гроба.

Люди, присутствовавшие в соборе, в паническом ужасе бросились вон с криками и плачем. В узких дверях, ведущих на внешнюю галерею, мгновенно началась давка. Это лишь усиливало ужас до смерти напуганных людей.

Ирвинга потащила обезумевшая толпа, как волна тащит рыбацкий баркас. В соборе стало полутемно. Несколько подставок со свечами опрокинули и растоптали. Удивительно, как только не начался пожар. Но бог не позволил совершиться злодеянию. Ирвинг уцепился за колонну. Над бушующим людским морем он увидел отца Анатолия. Он громко читал молитву от нечистой силы. Голос его срывался. Священник заполнял паузы энергичными взмахами кадила. Увиденное вернуло Ирвингу присутствие духа.

Брюн не оставляла попыток избавиться от колышка в руке, причинявшего ей нестерпимую боль. Но все было тщетно. Тогда Брюн обратила прекрасное лицо к куполу и яростно закричала:

— Карл, ну где ты!

Из узкого окна в куполе с треском посыпалось стекло. В освободившемся проеме появилась высокая фигура в черном плаще. Брюн с невнятным плачем, звучащим ужаснее самого злобного рычания, протянула к Карлу покалеченную руку — так ребенок тянет руки к матери. Верхняя губа ее вздернулась, обнажая крепкие острые белые зубы и огромные клыки. Люди в соборе закричали, и тогда Карл сделал уже знакомый Ирвингу жест. Несколько человек с отчетливым стуком упали, другие словно оцепенели. Все смешалось в душе Ирвинга — боль, ненависть и жалость. Он смотрел на происходящее словно далеко со стороны. Ирвинг вдруг понял, что он — единственный человек в соборе, на кого чары упырей не оказали воздействия. Он словно очнулся и спохватился, что потерял слишком много времени. Ошибка Ирвинга заключалась в том, что он не ожидал встретить сопротивление, посчитав рассказ отца Анатолия дежурной сказкой мракобесов. Он не был готов драться с Брюн — и все еще не мог представить себя и Брюн, сошедшихся в смертельной схватке. Слишком много противоестественного эротизма было в этом видении.

Ирвинг сунул руку в карман, где у него лежал запасной колышек. Какая-то струна последний раз жалобно зазвенела в его душе и лопнула с болезненным треском. Ирвинг окончательно осознал, что молодая красивая женщина в гробу — это не Брюн, а проклятый паразит, уничтоживший ее душу и вероломно захвативший ее тело. Теперь ни любовь, ни жалость не могли остановить его. Ирвинг прикинул, что все еще может пробить ей шею, если кинет колышек достаточно метко и с силой. Но он не успел.

Карл улыбнулся в вышине и сказал:

— Иди ко мне.

Гроб медленно оторвался от помоста. Икона Богоматери с Младенцем, лежавшая на груди Брюн, свалилась на пол. Гроб вместе с Брюн стремительно поднялся, и порывом воздуха загасило почти все оставшиеся свечи. В соборе стало совсем темно. У Ирвинга зашевелились волосы на голове. Только тут он обратил внимание, что не слышно голоса отца Анатолия.

Гроб влетел под купол. Сверху раздался жуткий, леденящий душу замогильный хохот двух упырей, когда Брюн и Карл обнялись. Упыри принялись целоваться, и Ирвинг стыдливо отвел глаза. «Постеснялась бы при живом-то муже», подумал Ирвинг. Затем как-то резко посветлело; когда Ирвинг поднял глаза, под куполом уже никого не было. Лишь печальный лик Спасителя смотрел на людей.

Монахи включили огромную, пыльную электрическую люстру. Споро и без пререканий убрали валяющиеся на полу цветы и ленты из венков, упавших с гроба. Пострадавшим в давке оказали посильную помощь. Некоторые еще не вышли из транса, в который их погрузил Карл. Их отнесли в лазарет при монастыре. Увы, были и погибшие. В обезумевшей толпе задавили двоих детей, а несколько людей скончались на месте от мгновенной остановки сердца.

Люди покидали собор. Ирвинг слышал их негромкие разговоры.

Он не сомневался, что к вечеру уже весь Новгород будет в курсе случившегося.

Осина сильно поднимется в цене.

У Воскресенского собора в Деревяницах было пять куполов. Они сидели на крыше плотно, словно грибы. Карл и Брюн вылетели из центрального. Брюн держала свою покалеченную руку здоровой и поглаживала ее.

— Идиот, — шипела она. — Невежда...

Осиновые колья не имели над Брюн большего эффекта, чем над обычным человеком. Но даже если совершенно обычному человеку проткнуть сердце колом, он умрет. А если пробить руку — будет много крови и масса неприятных ощущений.

Тем временем парочка забрала слишком влево и чуть не налетела на соседний купол. Карл завис в воздухе неподвижно, огляделся, и скомандовал:

— Вылезай.

Он энергично встряхнул гроб Брюн, за край которого держался и который, собственно, и тащил. Брюн послушно перекинула через бортик сначала одну ногу. Затем, путаясь в широком подоле платья, другую. Брюн глянула вниз, и у нее закружилась голова. Очень не хотелось вставать в пустоту. Хотелось на что-нибудь опереться, например, на руку Карла. Но она не стала этого делать. Вместо этого Брюн произвела все необходимые для левитации изменения в силовых каналах собственной ауры, и шагнула вниз. Воздух казался плотным, как вода, и поддерживал ее. Брюн облетела гроб и встала в воздухе рядом с Карлом. Ощущение было очень необычным. Брюн казалось, что она скорее плывет, чем летит.

Слева горел на солнце обитый жестью главный купол собора. Даже здесь были слышны крики и вопли, сливавшиеся в неровный гул. Брюн глянула вниз. Люди черными горошинами высыпались из дверей храма, катились в разные стороны — к деревне, к машинам, припаркованным на стоянке перед монастырем.

Карл тем временем перевернул гроб. Из него вылетели матрас и шелковая подушка. Они заскользили к земле двумя невиданными бабочками. Шмеллинг приподнял гроб над головой, словно крышку от кастрюли или щит.

— Что ты хочешь сделать? — спросила Брюн. — Пробить силовое поле гробом? Вряд ли это получится.

Высота купола зависела от мощности генератора и обеспеченности заказчика. Как правило, невидимая граница проходила метрах в двух-трех над самой высокой точкой огороженной местности. Сейчас поле, скорее всего, находилось прямо над головами Карла и Брюн. При желании они смогли бы достать ее рукой. Но мощность поля была одинакова на всем его протяжении. И пробраться сквозь него не могло ничто живое.

— Нет, — сказал Карл. — Примерно в центре купола всегда есть отверстие. Такова технологическая необходимость. Вот у вас, когда флаер взлетал, вы же силовое поле не отключали, верно? Он как раз в эту дырку и уходил.

— Но поле же мигало, — заметила Брюн.

Ветер трепал волосы Карла, раздувал ее юбку, щекотал ноги. Люди внизу задирали головы — стали видны светлые пятна лиц. Брюн вдруг всем телом почувствовала, какой прекрасной, большой мишенью они являются, зависнув здесь.

— Да, — согласился Карл. — Когда через это отверстие что-то проходит, все поле на миг наполняется светом.

— А почему мы тогда в монастырь через эту дырку не полезли? — спросила Брюн сердито. — К чему весь этот маскарад?

— Во-первых, потому что наше проникновение заметили бы — поле бы вспыхнуло, как ты сама говоришь, — ответил Карл терпеливо. — А во-вторых, это отверстие очень сложно найти. Как найти невидимую дырку в невидимой стене?

— Но теперь нам ничего не остается, кроме как лезть в эту дырку, — пробормотала Брюн.

— Да, — сказал Карл. — Забирайся.

Брюн повиновалась и подлетела под гроб. Она встала перед Карлом, спиной к нему,

словно бы они несли носилки. Брюн ухватила за край крышки здоровой рукой и сказала:

— Полетели.

Она решительно толкнула гроб вверх.

— погоди, — сказал Карл, который все это время словно бы присматривался. — Я, кажется, кое-что чувствую. Давай туда.

Он указал рукой в сторону старой водонапорной башни из красного кирпича. Брюн пожала плечами. Парочка медленно и величаво заскользила к водонапорной башне. Справа мелькнул желтый крест центрального купола. Снизу он казался совсем маленьким. На самом деле, как выяснилось, был размером почти с Брюн. Его тонкая ножка была перехвачена в основании полумесяцем. Открытые плечи Брюн озябли под ветром. Брюн услышала внизу знакомые хлопки. Кое-кто уже добрался до ружей, лежавших в багажниках. Но они с Карлом уже достигли верхушки водонапорной башни и остановились над ней. Сквозь прогнившую крышу виднелись внутренности верхнего этажа, наполненные мусором. Раненная рука ныла. Брюн поморщилась. Упоение полетом уже прошло. Брюн ощутила, что это совсем недешевое удовольствие. Она начала уставать, и вряд ли бы продержалась в воздухе еще долго.

— Повернись ко мне лицом, — попросил Карл.

Она выполнила его просьбу, и тогда Шмеллинг произнес:

— Вверх.

Парочка взлетела вертикально вверх, словно флаер. Диаметр отверстия обычно был невелик. Он сложным образом соотносился с высотой купола, напряженностью поля, площадью и рельефом огороженной территории. Но Карл довольно точно угадал его местонахождение. Пустота вокруг Карла и Брюн вспыхнула золотом. В ней проступили мохнатые струны силового поля. Чем-то они напоминали длинные ленты водорослей. Внизу закричали. Край гроба за головой Карла погрузился в золотое сияние, как ложка в желе. Дубовая планка беззвучно рассыпалась в серый пепел.

— Карл, осторожно! — закричала Брюн.

Карл перехватился, чтобы быть поближе к подруге, но опоздал. Золотистая лента нежно скользнула по левому плечу Шмеллинга, обвила руку. Зрачки Карла сузились от боли. Две стальные иголки утонули в алом сиянии радужки. Другая фантастическая водоросль коснулась раненной кисти Брюн. Последовавшие за этим ощущения по сравнению с ударом Ирвинга были что выступление духового оркестра рядом с сопляком, играющим на поломанной губной гармошке. Брюн показалось, что она дотронулась до чего-то бесконечно холодного, но холодного хищно. Водоросль словно высасывала ее тепло и жизнь, и это было очень больно. Брюн хотела закричать, но тут увидела лицо Карла. Он побледнел и хрипло, со свистом выдохнул сквозь прикушенные губы. А ведь Шмеллингу наверняка было гораздо больнее, чем ей.

И Брюн передумала кричать.

Тем более, что парочка продолжала двигаться, невзирая на боль, и уже миновала границу силового поля, окружавшего монастырь. Теперь переливающаяся золотом пленка мигала у них под ногами.

— Бросай крышку, — сказал Карл. — И переносимся домой.

Они отшвырнули полуобгоревший гроб. Он исправно послужил своей хозяйке, хотя и несколько необычным способом. Лишившись поддержки, крышка тут же пошла вниз. Наткнувшись на силовое поле, она вспыхнула и рассыпалась алым всполохом.

Две фигуры задрожали и исчезли. В небесах над Воскресенским собором Деревяницкого монастыря остались лишь облака и птицы.

Карл выпустил прижимавшуюся к нему Брюн и отвернулся. Шмеллинга вырвало прямо на ковер, покрывавший пол зала для приемов.

— Уф, — сказал Карл, и его тут же вырвало снова.

Он оперся рукой о стену, заляпав шелковые обои блевотиной. Брюн то же было

немного не по себе. Контакт с силовым полем не проходит бесследно даже для черных эллов, как выяснилось. Ее мутило, но не так сильно, как Карла. Впрочем, окажись на месте Шмеллинга обычный человек, он бы лишился руки и уже умер бы от болевого шока.

— Ты иди отдохни, — сказала Брюн. — Я тут приберу.

Она сделала изящный жест левой рукой. Правая кисть ей все еще не повиновалась. Неприглядная лужа на полу исчезла.

Брюн была полна решимости вернуться в монастырь. Она еще не знала, как, но твердо чувствовала одно — Даше нельзя оставаться в склепе. Что-то неумолимое и опасное приближалось к ней с каждой секундой.

Карл покосился на подругу.

— Ты хочешь вернуться туда? — спросил он. — Пойдем вместе.

— Ты и так уже много сделал, — сказала Брюн. — Тебе надо отдохнуть. Я не буду лезть внутрь, обещаю. Так, поброжу вдоль границ, подумаю...

Карл покачал головой.

— Ну хорошо, — сказал он.

Шмеллинг стал подниматься по лестнице. Он тяжело, всем телом наваливался на резные перила. На полпути Карл остановился и сказал через плечо:

— Обещай, что будешь очень осторожна.

— Обещаю, — голосом хорошей девочки откликнулась Брюн.

«Ага, как же», подумал Карл. Он знал, что должен пойти с ней, чтобы уберечь от глупых, отчаянных и безнадежных выходов. И в то же время Карл понимал, что не может этого сделать. Шмеллину бы еще хватило сил на телепортацию. Но затем он превратился бы в неподвижную обузу. Оставалось только надеяться на то, что Брюн повезет. И что она действительно вернется через некоторое время.

Раздосадованная, но целая и невредимая.

— Хоть переоденься, — сказал Карл. — Это платье яркое, приметное. Его все видели во время церемонии. Видно его издали, а охотников за тобой сейчас будет много. И руку перевяжи.

Брюн смиренно наклонила голову и мигом перенеслась в бывшую комнату Александры. Черное платье с серебряной розой на груди комом валялось на кровати. Брюн заерзала в своем тяжелом парадном платье. Самостоятельно его было не расстегнуть. Она нахмурилась и телепортировала Карла.

— Прости, что не сообразила сразу, — торопливо сказала Брюн, когда он появился в комнате.

— Ничего. Я хотел пройтись, — полуобморочным голосом ответил Карл.

— Расстегни мне, — сказала Брюн и повернулась к нему спиной.

Левой рукой она приподняла волосы, чтоб не они не попали в замок застежки. Брюн сообразила, что у Карла тоже работает только одна рука. Однако Шмеллинг справился с задачей. Он на удивление ловко расстегнул молнию, доходившую до середины бедра. Платье с кожаным скрипом осело к ногам Брюн. На ней был темно-красный шелковый лифчик в тон к платью и такие же трусики.

— Спасибо, — сказала она, перешагивая алый край.

Карл положил ей руку на талию. Брюн замерла на месте. Шмеллинг уперся лбом в ее плечо.

«Сейчас он попросит меня остаться», подумала Брюн почти в отчаянии. — «Или подождать. Но я не могу ждать!».

— Ты хотела, чтобы Лот попросил у тебя прощения, — сказал Карл. — Но за что?

Брюн застонала.

— Это очень долго объяснять! — почти в отчаянии выкрикнула она.

Карл вздохнул и отпустил подругу. Брюн торопливо оделась. Трикотаж, как известно, не мнется, и поэтому черное платье сохранило весьма пристойный вид.

— Я там по дороге аптечку захватил, — сказал Карл. — Давай я все-таки тебя

перевяжу.

Брюн повернулась к нему лицом и протянула руку. Кисть была болезненно-белая, с рваной круглой дыркой в том месте, которое хироманты зовут Марсовым полем. Удар Ирвинга уничтожил все тонкие линии, что лежат в основе гадания — и линию судьбы, и линию рассудка Брюн. Уцелела только та часть ладони, где находилась линия любви. Но сейчас ее сложно было заметить под коричневой коркой. Брюн только что не приплясывала на месте от нетерпения, пока Карл вложил в рану заживляющую мазь и плотно замотал кисть.

«Найду Лота», решила Брюн. — «Отправлю его к воротам монастыря... Ему отец Анатолий откроет. А я уж как-нибудь проскочу следом».

Брюн чмокнула Карла в щечку и растворилась в воздухе.

Крэк был не единственным представителем европеоидной расы, кто прошел придирчивый отбор и обучался в Дзоканге. Но белые, как снег на склонах Гималаев, волосы были только у Джонса. На Северо-Западе Конфедерации он часто встречал людей со светлыми глазами, но очень темными волосами. Насколько помнил Крэк, это редкое сочетание генов являлось эхом какого-то давнишнего столкновения русских с тюркоязычными народами. Оно закончилось длительной оккупацией первых последними.

Однако много попадалось людей со столь же классической, как и у Крэка, арийской внешностью. Он встречал людей с волосами цвета спелой ржи; с белыми, как выгоревшая на солнце солома; чуть сероватыми, имевшими оттенок благородной платины; белыми и очень густыми, словно хлопок в едва раскрывшейся коробочке.

Но первым человеком с волосами цвета пивной пены, как и у Крэка, оказался Лотар Покатикамень. Джонс занял укромную позицию в кустах рядом с автозаправкой и терпеливо ждал посадника. После событий, произошедших на отпевании, Лота наверняка заинтересуют услуги охотника на вампиров. Крэк опасался, что с Покатикамнем будут какие-нибудь сопровождающие — советники, помощники и прочая шушера. По крайней мере, во время трансляции безобразий в храме вокруг Лота можно было разглядеть плотное кольцо из почти одинаковых серых пиджаков. И эти серые пиджаки могли не допустить к телу своего господина какого-то сомнительного попрошайку. Можно было, конечно, оглушить их телепатически вывести их из игры — это сразу бы убедило Лота в профессиональной пригодности Крэка.

Однако Лот появился один. Второй странностью, резанувшей глаз Крэка, было то, что глава области шел пешком. Хотя, как успел узнать Джонс, у Покатикамня имелось три машины. Так же незадолго до смерти его жена приобрела мотоцикл. Если, конечно, случившееся с Брюн можно было назвать смертью. Крэк был склонен считать это вторым рождением.

Джонс выбрался из кустов навстречу посаднику. Они уже находились за поворотом дороги. Никто не заметил бы юного наглеца, осмелившегося приставать к главе области с какими-то вопросами. Лот поднял на Крэка ничего не выражающий взгляд. Было заметно, что смерть дочери и жены здорово подкосили его. Джонс присматривался к ауре Покатикамня, пытаясь понять, что ему не нравится.

— Здравствуйте, — сказал Крэк. — Меня зовут Кирилл Иванов, и я — охотник за вампирами. Я думаю, нам с вами есть, что обсудить.

В лице Лота не дрогнул ни один мускул.

— Свяжитесь со мной позже, — ровным голосом ответил Покатикамень. — Вы же видите, мне сейчас не до этого. Оставьте меня одного, будьте добры.

Крэк к этому моменту разобрался в рваной путанице вспышек, которую представляла собой аура Лота.

— Великий Будда, — пробормотал Джонс.

Кто-то уничтожил личность главы Новгородской области. Перед Крэком стоял овощ, лишенный каких бы то ни было проблесков разума. Он двигался в сторону дома, потому что

кто-то — а Крэк уже не сомневался, что это либо Карл Шмеллинг, либо сама Брюн — наспех вложил в мозг Лота этот приказ. Кукловод даже снабдил свою марионетку дежурной фразой, чтобы Лот смог отбиться от случайных любопытных или попутчиков. Но сейчас Лотом никто не управлял. Кукловод был занят какими-то более неотложными делами, и Джонс даже догадывался, какими. Наверняка Карл и Брюн повышали сильно упавший энергобаланс. Полеты в гробу через силовое поле требуют много сил.

Лот сейчас напоминал детскую заводную игрушку, которую двигает вперед не рука хозяина, но туго взведенная пружина.

Крэк умел генерировать приказы более высокого уровня.

— Я ваш друг, — сказал он, одновременно закладывая в сознание Покатикамня соответствующую матрицу. — Пойдемте домой. Я помогу вам.

— Кирилл Иванов — друг, — произнес Лот и двинулся дальше.

Теперь Крэк заметил, что и походка у него странноватая, механически-расхлябанная. Однако и это можно было списать на глубокий шок после случившегося на отпевании. Покатикамень и Джонс добрались до ворот в молчании. Лот открыл проход, подождал, когда Крэк войдет внутрь, и включил поле снова. На ступеньках крыльца Покатикамень чуть не упал, запутавшись в собственных ногах. Джонс успел подхватить его под локоть. Хозяин и гость оказались в огромном холле.

— Мы идем на кухню, — сказал Крэк Лоту.

Покатикамень послушно направился туда, куда ему приказали.

В кухне царил разгром и запустение. Гора посуды в раковине свидетельствовала о том, что здесь кто-то ел. В основном, судя по разводам на тарелках, различные каши. На краю мойки поблескивал захватанный пузатый фужер. На дне его плескалась темно-красная жидкость. Крэк очень задумчиво посмотрел на этот бокал. Вряд ли Шмеллинг угощал своего пленника вином. Скорее, Карл пил его сам. Еще один бокал, не чета своему собрату — высокий, узкий, на тонкой длинной ножке, — стоял на столе рядом с тарелкой. Из тарелки на гостей хмуро ощерился недогрызенный скелет курицы. Судя по цвету жидкости, находившейся в узком бокале, тот, кто ел курицу, предпочитал белое вино.

Крэк усадил Лота на стул, и положил ладони ему на виски.

— Ой, как все запущено, — поморщился Джонс.

Лот остался совершенно безучастным и к тому, что кто-то незнакомый касается его головы, и к замечанию Крэка.

Из-под пестрой и душной, как синтепоновое одеяло Даши, пустоты, проступил фужер. В следующий миг Лот понял, что этот фужер — из набора, что им с Брюн подарил на свадьбу Ричард Аткинсон. Уютный пузатик из добротного богемского стекла, раритетная вещь. С тех пор, как Богемия скрылась под защитным куполом Заповедника, единственное что и осталось, так это китайские подделки. Но они, конечно, не шли ни в какое сравнение с настоящим немецким стеклом. Лот очень любил этот набор и дорожил им. Он бы никогда не оставил фужер в такой опасной близости от скользкого края мойки.

И Тачстоун знал, кто его там поставил. Карл, разумеется.

Лот обнаружил себя на кухне собственного дома.

Напротив Покатикамня сидел молодой парень, почти подросток. Волосы у него были белые, словно пена от стирального порошка. Одет он был просто, почти бедно, в поношенную разноцветную жилетку и штаны. Вид у них был такой, словно они проделали со своим хозяином неблизкий путь. Лот готов был поклясться, что никогда не видел этого парня раньше.

Гость хмыкнул.

— Мы с вами знакомы, — сказал он. — Но я вижу, что мне необходимо представиться вновь. Кирилл Иванов, охотник за вампирами.

И тут Лот вспомнил все события последних дней. Они проступили словно сквозь туман или марлю, но достаточно отчетливо. Тачстоун потер руками виски и откинулся на стуле.

Издевательства Брюн.

Карл, впихивающий ему в рот ложку с манной кашей.

И много чего еще, не менее болезненного и унижительного, пронеслось перед внутренним взором Лота словно фильм, убыстренный в тридцать два раза по сравнению с обычной скоростью воспроизведения.

Лот окинул гостя оценивающим взглядом. Он и сам сказал бы в такой ситуации «за», и только после десяти лет жизни среди русских пришло понимание того, что не «за», а «на» — «охотник НА вампиров».

— Вы такой же Иванов, как я — Покатикамень, — произнес Лот. — Как ваше настоящее имя? Что вы здесь делаете?

— Меня зовут Крэк Джонс, — ответил парнишка. — Кто-то воспользовался вами как батареей. Вы потеряли власть над собой. Я вернул вам память. Хотя, честно говоря, надежды на успех у меня почти не было. Вас спасло то, что вам уже кто-то ставил трехступенчатый блок памяти. И вы недавно пользовались им. Когда ваша личность начала разрушаться, гаснуть, ваш мозг воспринял это как сигнал к более глубокой очистке памяти — к блоку второго уровня. Он успел создать нечто вроде архива. Я его, если так можно выразиться, распаковал.

— Вот как, — сказал Лот. — Что ж, спасибо.

— Вы и сами бы пришли в себя через некоторое время, — продолжал Джонс.

Он ничем не показал, что рассчитывал на более весомую благодарность. А может быть, и действительно ни на что подобное Крэк не рассчитывал. Лот задумчиво смотрел на парнишку. Ему доводилось встречать в жизни людей самого разного склада характера, моральных качеств и уровня интеллекта. Но альтруисты еще ни разу не попадались Лоту на его извилистом жизненном пути.

— У вас в мозгу имелась и команда на отмену блока, весьма любопытная, — продолжал тем временем Крэк. — Вы должны были собрать из палочек какой-то шалашик, что ли...

— Да, — сказал Лот. — Была такая простенькая, всем известная головоломка.

— Где ставят такие мощные блоки, вы, конечно, не скажете? — поинтересовался Крэк.

— Я командовал союзнической дивизией на Московском фронте, — сказал Лот. — Закончил войну в звании полковника. Нам ставили эти блоки на случай плена. Как член высшего командного состава, я владел многими данными, которые могли представлять интерес для противника.

— Умно, — заметил Крэк. — Простенько и со вкусом.

К этому моменту Лот окончательно пришел в себя. Ясность сознания вернулась к нему, и он понял, для чего этот Джонс вернул ему рассудок. И зачем, терпеливо улыбаясь, поддерживает этот почти светский разговор. До тех пор, пока Лот находился в состоянии овоща, услуги охотника на вампиров были никому не нужны. И что самое интересное, ведь этот Джонс ни секунды не сомневался, что Тачстоун наймет его.

В целом, Крэк не ошибся — Лот решил нанять его. Тачстоун знал, что думает Джонс. Что Лотом движет ревность, зависть к более удачливому сопернику. Но вот в этом Крэк ошибался.

Однако объясняться перед этим смутным парнем Лот был не намерен.

— Итак, — сказал Тачстоун. — Вы беретесь уничтожить обоих тварей?

— Да, — кивнул Крэк. — Я решу эту проблему наилучшим образом, будьте уверены.

— Что вы хотите за свои услуги? — осведомился Лот.

Крэк сказал.

Это было совершенно неожиданно, и даже как-то странно. Но у Лота не было выбора. Влияние осталось единственным, чем он мог торговать. Покатикамень знал, что Брюн перевела на себя почти все имущество, которым они владели совместно — Лот вспомнил, как подписывал бумаги.

— Хорошо, — сказал Лот. — Как быстро вы беретесь исполнить договор?

— На всякий случай, давайте возьмем за крайний срок три дня, — ответил Джонс. — Хотя я думаю, что все будет кончено... — он бросил быстрый взгляд на висевшие между холодильником и кухонным шкафчиком часы. — Сегодня к вечеру. До заката все будет улажено.

— Очень хорошо, — сказал Лот и встал, показывая, что беседа завершена. — Пойдемте, я провожу вас.

Он проводил взглядом сухощавую фигурку, бодро шагающую по дороге к воротам.

«Темный парень», подумал Лот. — «Из какого закоулка ада он вынырнул?»

Однако Лот ни секунды не сомневался, что Крэк Джонс справится с взятыми на себя обязательствами.

Лот вернулся в кухню, заглянул в холодильник. Баночка жареных осьминогов — деликатес, который они привезли из Анапы — сиротливо жалась в углу. В другом скучали полкастрили вареной картошки и банка темного пива. Лот не очень любил морепродукты. Но привередничать не приходилось. Он выложил картошку на единственную чистую тарелку, которую не без труда обнаружил в посудном шкафу. Пока картошка разогревалась в микроволновке, Лот открыл консервы. Нашелся даже кусок хлеба.

Закончив свою скудную трапезу, Тачстоун отнес посуду в раковину. Тарелка увенчала собой гору сложной формы, которая уже высилась там. Пока Лот ел, начался дождь. Тачстоун поднялся на второй этаж. Он растянулся на диване в гостевой комнате и принялся слушать, как капли барабанят по крыше над его головой. Как и всякий человек в подобной ситуации, Тачстоун чувствовал тихую радость оттого, что удалось выйти живым из такой чудовищной переделки. Но Лот ощущал и тень тоски, что уже стояла на пороге.

Пусть даже Джонсу понадобится три дня, чтобы убить Карла и Брюн.

«Но чем мне жить дальше?», думал Лот.

У него ничего не осталось. Некого любить, некого ненавидеть. Оставалось только передать дела брату и уйти на покой, как Лот и мечтал. Но теперь отдых, которого Тачстоун так жаждал, обернулся чудовищной пустотой.

Одиночеством, равного которому Лот не испытывал никогда в жизни.

В ворота кто-то позвонил. Система оповещения была проведена по всему дому, и открыть ворота можно было из любой комнаты. Лот подумал, что это Ирвинг.

Посадник поднялся на локтях, чтобы его голос долетел до микрофона, и на всякий случай спросил:

— Кто там?

Большая часть новгородцев, отложив свои болячки на потом, отправилась на отпевание Брюн. А уж после отпевания, которое Эрик то же не преминул посмотреть по небольшому телевизору, стоявшему в лаборатории, все забились по своим норкам. По этой причине прием сегодня был вялый. Однако Эрик не уходил домой. Скорее по привычке, чем действительно надеясь на визит какого-нибудь пациента. Да и в давке многих помяли, это было видно на крохотном экране телевизора. Городские клиники наверняка переполнены. Кто-то из пострадавших, посостоятельнее, мог предпочесть спокойствие и уют частной клиники Небеснова толкучке и истерике, сейчас наверняка царившей в поликлиниках.

Эрик, в отличие от большинства новгородцев, не отличался суеверностью. Сказывалась разница в уровне образования. Для Химмельзона было очевидно, что Брюн с самого начала прикинулась мертвой. Когда Ирвинг плеснул водой ей в лицо, Брюн еще сдержалась. Но когда младший Тачстоун полез с ней с колом, тут уж любой на ее месте начал бы защищаться. Если пробить осиновым колом сердце вполне даже здоровому и обычному человеку, смерть не замедлит наступить. Это Эрик мог утверждать не только с точки зрения закоренелого материалиста, но и с высоты своего врачебного опыта. Полёт Карла тоже не вызвал в старом враче душевного трепета. «Личный антигравитатор на поясе, знаем мы эти штучки», меланхолично размышлял Химмельзон. — «Для того и плащ надел, чтобы в глаза не бросалось». Но Эрик допускал и возможность того, что Шмеллинг провернул это все и без

антигравитатора.

Курт Эйхманн, его двоюродный брат, почти в одиночку разнес здание десятиэтажной гостиницы. К помощи технологических костылей, созданных цивилизацией, Эйхманн не прибегал. Он использовал в качестве оружия лишь себя самого.

Гораздо интереснее был вопрос, зачем Карлу и Брюн понадобился этот дешевый фарс.

Но на этот вопрос Эрик не нашел ответа, сколько ни ломал голову.

Он решил немного отвлечься. Старый врач прошел в приемную. Он отпустил Татьяну на отпевание. Помощница уже отзвонилась, что цела и невредима, но просила разрешения не выходить сегодня на работу. Каковое разрешение и было ей милостиво дано. Эрик взял на столике свежую газету. В «Цветях метели» специально выписывали две-три штуки самых популярных для посетителей. Устроившись в уютном кресле, Небеснов принялся за чтение.

«**Динозавр-мутант напал на аборигена в Австралии**», гласил заголовок на первой странице. Далее шла заметка о том, что в связи с резким изменением климата, повышением радиационного фона и прочая, и прочая, кладка тринодонов, обнаруженная неподалеку от Микатара, рядом с озером Эннен, оказалась жизнеспособной. Тем более, что ученые чем-то облучали огромные яйца, проводили над ними какие-то опыты. Из яиц повылупилась куча монстров-мутантов. Чудовища сожрали учёных и сейчас с боями движутся в сторону побережья, сообщалось в статье.

Эрик поморщился. Бабушка Марго была из России. И ее внучка разбиралась в классиках русской литературы. Как-то Марго, смеясь, пересказала мужу «Роковые яйца» Булгакова. Судя по заметке, кого-то из соотечественников великого писателя занесло и в далекую Австралию. Теперь этот злополучный русский сходил там с ума от скуки. «Надо будет отказаться от подписки на эту газету», подумал Эрик.

Колокольчик над дверью нежно звякнул. Химмельзон поднял глаза. На пороге стояла девушка спортивного телосложения. Яркий летний топик хорошо сочетался с длинной, широкой светлой юбкой. Светлые кудри посетительницы сияли на солнце, словно были сделаны из тончайшей платиновой проволоки. Большие пряжки на светлых туфлях были украшены множеством прозрачных камушков.

— Вы — последний? — доброжелательно улыбаясь Эрику, осведомилась девушка.

Химмельзон откашлялся.

— Я — владелец клиники, — сказал он. — Просто нет никого. Вот я решил скоротать время за газеткой.

— Понятно, — сказала девушка. — А вы проводите генетическую экспертизу? Делаете тесты на отцовство, проще говоря?

Эрик вздрогнул и посмотрел на гостью повнимательнее. Девушка как девушка.

— Только в исключительных случаях, — сказал он. — Это очень дорого.

— Я заплачу, — сказала посетительница серьезно.

Хотя по костюму было очевидно, что самое главное ее достояние — это шикарные волосы. Увы, кроме цвета, они не имели ничего общего с самым дорогим благородным металлом Земли.

— Хорошо, — сказал Эрик. — Вы должны будете предоставить генетический материал.

Он не успел пуститься в длинные объяснения о том, как следует правильно собирать образцы. Девушка протянула врачу дешевую расческу, на которой были отчетливо заметны несколько светлых волос.

— Может, проще все-таки будет привести сюда ребенка? — осведомился Эрик. — И его отца?

— Это и есть образец ДНК ребенка, — сказала девушка. — В качестве ДНК отца возьмите образец у себя.

— Что вы себе позволяете? — вспыхнул Эрик. — Я вас вижу первый раз в жизни!

Девушка озадаченно посмотрела на него. Потом до нее дошло.

— Простите, что так смутила вас, — сказала посетительница. — Я не имела в виду

ничего подобного. В качестве ДНК матери вам надо взять образец у вашей жены, а не у меня.

Мир качнулся и поплыл перед глазами Эрика.

— Девушка, — услышал он свой голос, словно как сквозь вату. — Вы понимаете, что вы говорите?

— Да, — сказала она очень спокойно. — Когда мне подойти за ответом?

— Ждите здесь, — отрывисто бросил Эрик. — Мне понадобится не более получаса. Почитайте пока газеты. И не вздумайте уходить! Я уверен, что это какая-то мерзкая шутка, — добавил он. — И я вас выведу на чистую воду!

— Выводите, выводите, — сказала девушка и улыбнулась.

Без насмешки, а скорее, понимающе.

Эрик взял расческу и скрылся в лаборатории. Был у него один экспресс-тест, очень дорогой, который Эрик приберегал на крайний случай.

И этот случай вошел сегодня в его клинику, легко притопывая летними туфлями, пряжки которых были усыпаны дешевыми стразами.

Крэк покинул дом Тачстоунов и двинулся по грунтовой дороге, которая петляла в леске среди урбанистических развалин. Тишина полуденного зноя нарушалась только назойливым жужжанием комаров над болотом. Метров через триста Джонс выбрался на асфальтированный участок дороги. Зудение стало совершенно невыносимым. Звук достиг такой интенсивности, что можно было подумать — в болоте лечат зубы бегемоту огромной бормашиной.

И вдруг Крэк понял, чем является на самом деле звук, казавшийся ему комариным звоном.

Если бы Крэк чуть лучше знал местные условия, он бы понял это сразу — ну какие комары в конце августа, скажите на милость?

Джонс снял защиту и перестал сопротивляться. Его немедленно повлекло в лес. Крэк сошел с дороги и быстрым шагом пересек луг. Выгоревшая на солнце, желто-белая трава доходила Джонсу до пояса. Внизу были видны зеленые ростки. Кое-где покачивались высокие фиолетовые цветы. Тот, кто вёл Крэка, и радовался, и нервничал одновременно. Крэк понял это по стилю управления — неровному, рывками. Эллорит, захвативший контроль над телом Джонса, хотел привести его в какое-то укромное место как можно скорее и в то же время опасался, что если надавит слишком сильно, Крэк сорвется с крючка.

«Замечательно», подумал Крэк.

Крэк предполагал, что Брюн отсиживается в неприступной крепости Шмеллинга, и размышлял, как бы попасть туда. Но Брюн отправилась на охоту и сама нашла Джонса.

Крэк скрылся в черной шербатой пасти бывшего подъезда.

Брюн неслышно поднималась по лестнице давно брошенного дома. Перила давно исчезли, ступеньки местами развалились.

Брюн ожидала найти мужа дома, и он там и оказался. Но Брюн поджидал и неприятный сюрприз. Лот пришел в себя. Это было видно по ауре. Пока Лот находился в бессознательном состоянии, он выглядел для Брюн как пустая прозрачная бутылка. Теперь же — и Брюн видела эта даже сквозь стены дома — бутылка наполнилась разноцветными шариками. Но больше всего было красных. Они дымились, словно угольки. Обида, ярость и желание отомстить так и перли из Лота. Рядом с мужем обнаружился еще один человек. Брюн не смогла разглядеть его толком. Мешало собственное удивление и стены дома. Но Брюн хватило сил, чтобы понять, о чем разговаривали эти двое.

Лот нанял незнакомца убить ее и Карла. Станный парнишка был, очевидно, или фанатиком, или шарлатаном. Впрочем, это мало волновало Брюн.

Давно было пора как следует перекусить.

Поджидая, пока паренек покинет дом Тачстоунов, Брюн вытащила мобильник. Затем

усмехнулась, спрятала его. «Если где-то существует народ, очень хорошо владеющий магией», подумала Брюн. — «Технологии у них должны пребывать в зачаточном состоянии». Она связалась с Карлом телепатически и сообщила, что рассудок вернулся к Лоту настолько, чтобы нанять охотника за вампирами.

А вот и дыра в пролете, где лестница разрушилась полностью. Дальше человек пройти не мог. Брюн огляделась, ища парня или его ментальный след. Вдруг сзади полыхнуло жаром. Брюн оглянулась. Ее отбросило к стене. Она взмыла вверх, но вовремя сообразила, что это довольно-таки бессмысленное действие. И опасное к тому же. Под напором энергетических вихрей, которые возникали вокруг элморита во время полета, ветхие перекрытия запросто могли рухнуть. Покинуть дом через дыру в крыше Брюн не дал бы этот парень.

Которого Брюн опрометчиво посчитала человеком.

Он стоял и спокойно смотрел на нее. И Брюн поняла — собеседник, удобно сидящий в пустоте метрах в трех над его головой, не был для парня в диковинку.

Людам он должен был казаться очень красивым. Все существа, перешедшие на более высокий энергетический уровень, производят такое впечатление. Брюн знала, что после инициации она тоже стала выглядеть красивее, чем в бытность свою человеком. Люди всегда считали красивой именно силу. Что не мешало этим насквозь лицемерным существам создать культ слабости.

— Я не могу быть едой для тебя, — сказал он, чуть усмехаясь. — Но, если ты голодна, я могу поделиться с тобой энергией.

Парнишка на миг сбросил защитный кокон, которым маскировал истинный уровень своей силы. Брюн стоило большого труда не закричать. Перед ней находился столб пылающего белого огня. В отличие от Ирвинга, ставшего ангелом оранжево-дымного цвета, этот парень не сохранил в себе ничего человеческого.

Каким-то образом становилось понятно, что он намного сильнее и Брюн, и Карла, и Ирвинга вместе взятых.

Паренек снова напялил на себя маску и стал человеком — очень красивым, но все же человеком. Однако теперь Брюн видела сияние, просачивающееся из-под маски.

— Я не охотилась на тебя, — процедила Брюн сквозь зубы. — Мне нужно с тобой поговорить.

— На левитацию уходит много энергии, — сказал он. — Может, спустишься?

Брюн подумала и снизилась. Но не коснулась ступенек даже краем лакированной туфли. Развернувшись в воздухе так, что черная юбка чуть не хлестнула парня по лицу, Брюн влетела в комнату. Посредине помещения лежала на боку старинная четырехконфорочная газовая плита. На ней Брюн и устроилась. Парень вошел вслед за ней, прислонился к стене.

— Удивительно, даже не насрано нигде, — сказала Брюн, оглядевшись.

— Это второй этаж, — заметил парень. — Так высоко, видимо, остерегались забираться. Как тебя зовут?

— Ты же знаешь, если смотрел передачу с отпевания. А если бы не смотрел, то сейчас бы не был здесь, — ответила она. — Меня зовут Брюн Покатикамень.

Парень хмыкнул:

— Ну, у меня в паспорте тоже написано «Кирилл Иванов».

— Ах вот ты о чем, — произнесла она с расстановкой. — Тоня.

— Та, в которой тонут? — переспросил парень.

Брюн усмехнулась. Он начинал ей нравиться.

— Антонина, — пояснила она. — А тебя как зовут на самом деле?

Парень пошевелил губами, словно припоминая или колеблясь, чуть сузил глаза.

— Джотфрид, — ответил он.

Брюн поняла, что он редко пользуется своим настоящим именем. Так же, как и она сама. Да и при натурализации старались подобрать имя если не созвучное, то хотя бы

начинающееся на ту же букву.

— Но друзья зовут меня Крэк, — сказал он, подтвердив ее догадки. — Я взял себе фамилию Джонс.

Крэк прошел вдоль стены. Некогда она была облицована крупным розовым и голубым кафелем. От времени многие плитки отвалились, обнажив неприглядный серый блочный бок. Под ногами Джонса хрустело стекло, камни и еще какой-то неопишимо мерзкий мусор, одно существование которого иногда кажется достаточным основанием для уничтожения земной цивилизации.

Брюн настороженно наблюдала за ним. Крэк остановился у колонны из красного кирпича, спиной к женщине. Чуть левее по плохо оштукатуренной стене тянулась надпись: *«Не продавайся за цветы, завтра встанешь у плиты»*. Черные буквы, судя по всему, были нанесены из баллончика с краской и напоминали извивающихся в смертных муках мохнатых гусениц. *«Цветы»* были написаны через «е», а не через «э» с апострофом, согласно современных правил. То есть надписи было никак не меньше тридцати лет. Ее сделал еще кто-то из студентов.

— О чем ты хотела поговорить со мной, Тоня? — спросил Джонс.

— Помоги мне выручить дочь, — сказала Брюн. — Одной мне не справиться.

— Незавершенная инициация? — осведомился Крэк.

— Я не знаю, — ответила Брюн. — Но я точно знаю, чувствую, что Даша погибнет, если пробудет в склепе еще сутки. Мы отведем Дашу к одной моей подруге, Полине. Я покажу тебе, где она живет. А потом можешь убить меня. Лот ведь тебя для этого и нанял.

Крэк фыркнул.

— Разве такие, как ты, не живут тем, что уничтожают таких, как я? — спросила Брюн.

— Не всегда, — ответил Крэк. — А ты хочешь умереть?

Он миновал колонну и встал у огромного, во всю стену, проема. Сейчас окна такого размера не были редкостью и в жилых помещениях. Но тридцать лет назад климат Новгородской области не позволял ничего подобного. Здесь, видимо, находилась столовая или библиотека. Стекла давно были выбиты. Пластиковые рамы пожелтели от времени и вздулись жуткими пузырями, но еще держались на своих местах. У вертикальной форточки сохранилась даже ручка, только металл стал бурым от ржавчины.

— Наверное, да, — сказала Брюн.

— Но у тебя появилось столько новых возможностей, — заметил Крэк.

Брюн промолчала. Ей совсем не хотелось обсуждать с этим парнем свое превращение и возможности, которые ей давала новоприобретенная ипостась. Однако Джонс обернулся и посмотрел на Брюн, явно ожидая ответа.

— Я так интересуюсь всем этим потому, — пояснил Крэк угрюмой Брюн. — Что эта книга — это мой учебник, который я потерял. Я пытаюсь узнать, что здесь уже произошло из-за этой книги. Я приехал сюда не убивать. Я хочу найти свой учебник. И я хотел бы помочь вам, честно. Всем, кого изменила моя книга. Но я должен знать, как именно вы изменились.

Брюн поняла то, что и до нее, и после нее понимали очень многие люди — с этим парнишкой можно быть только откровенной.

А вот Марго Дюбуа не поняла этого. Не успела.

— Вот в чем дело, — пробормотала Брюн. — Ну хорошо, я расскажу тебе. Я изменилась, но мир остался прежним. Я пошла на обращение, потому что надеялась — уйдет боль и страх. И нечто еще, чему нет названия. Говорят, что вампиры лишаются души. Я думала стать сильной, злой и спокойной.

— Если ты этого хотела, значит, ты такой и была, — ответил Крэк. — До инициации.

— Теперь я изгой, — устало сказала Брюн. — На меня будут охотиться, пока не убьют.

— Почему же на тебя будут охотиться? — спросил Джонс.

За его спиной, в проломе, пошел бесшумный и сильный дождь. Он падал вниз косо, подобно стеклянным стрелам. Их пускал, забавляясь, с неба какой-то давно забытый бог.

Стрелы пробивали листву дерева, выросшего сразу за окном, и ветки поникали. Стали видны мрачные елки чуть правее и желтая лента дороги. Она быстро темнела под дождем.

— За то, что я теперь сильная, — ответила Брюн. — Да и мне ведь приходилось убивать, чтобы жить. И придется убивать еще.

Из окна потянуло холодом и сыростью. Рана в ладони Брюн, про которую она почти забыла, снова заныла. Брюн прижала ладонь к груди, накрыла другой рукой, чтобы согреть. Тепло проникло через повязку. Боль утихла. Крэк отошел от окна, поглубже засунул руки в карманы поношенных джинсов. Теперь он стоял почти рядом с Брюн. Она заметила на его предплечье большую татуировку в виде змеи.

— Ты хочешь спасти дочь, — сказал Крэк задумчиво. — Но ты обрекла ее на такую жизнь, которой не хочешь жить и сама. Не будет ли милосерднее позволить ей погибнуть? Чтобы она не мучилась зря?

— Возможно, Даша сможет найти выход, — возразила Брюн. — Это я растратила себя, у меня просто больше нет сил. А Даша — умная. Она не повторит моих ошибок. Я всю жизнь была такой, какой меня хотели видеть. Я знала, что мое самое главное предназначение — нравиться мужчинам и воспитывать детей. И я нравилась. И воспитывала. Но я больше не могу. Эта страшная черная пустота внутри... Я не знаю, кто я. Я не знаю своего имени, вернее, почти забыла его. Даже имя он дал мне!

— Лот? — осведомился Крэк.

— Карл, — ответила Брюн. — Он так назвал меня потому, что у меня черные волосы.

— Вот и Лот думает, что здесь все дело в другом мужчине, — сказал Крэк осторожно.

— Мужчине? — усмехнулась Брюн. — Конечно, что он еще может думать...

— А разве это не так? — спросил Крэк.

— Конечно, нет.

Джонс почувствовал, что она опять сопротивляется.

— Мне хотелось бы узнать, какими мы, мужчины, выйдем в ваших глазах, — сказал Крэк.

— Мужчины! — горько произнесла Брюн. — Переделать, вывернуть наизнанку, осквернить — вот ваша суть. Вы не видите ничего, что отличается от вас, вы ненавидите и боитесь всего того, что вы не понимаете — и вы уничтожаете это. Нас, женщин.

Крэк молчал.

— Вы ищете красоту затем, чтобы уничтожить ее, — повторила Брюн. — Вы ищете юных, красивых, неопытных, со светом души в глазах — чтобы разорвать узкое лоно родами, чтобы изуродовать хрупкое тело беременностью, сделать его дряблым.

Крэк содрогнулся, но ничего не сказал. Дождь усилился. С прорех в потолке потекло. Капли стучали по ошметкам рубероида и стекла гневно и звонко, соединяясь с голосом Брюн в единую симфонию, прекрасную и жуткую.

— Вы ищете юных и свежих, неопытных девушек, чтобы вылепить их по собственному желанию, — продолжала Брюн. — Тот, кто не может ничего создать, может только испохабить. Вы переделываете характер девушки так, как вам удобнее. Чем крепче исходный характер, чем сильнее человек сопротивляется в борьбе за собственное «я», тем сильнее вас это раздражает, тем интереснее вам эта женщина. И вы усиливаете давление, чтобы переделать ее, сломать. Сделать ее такой, какой вы хотите видеть. Вы ищете свет души в глазах затем, чтобы погасить это пламя.

В небесах сверкнула ослепительная вспышка. Внутренности мертвого здания озарились призрачным светом. Джонс смотрел на облитую бледным сиянием женщину в черном трикотажном платье с широкой юбкой, которая сидела на перевернутой газовой плите, поджав ноги. Брюн взмахнула рукой, увлекшись собственной речью. Вспыхнула в темноте белая полоска бинта, намотанного на руку. Перстень из белого металла на миг засиял в отсветах молнии. Крэк успел разобрать, что на нем выдвлена какая-то черная загогулина.

— И затем, как завершающий аккорд, когда женщина осквернена и полностью перепажана вами, как глина, когда она становится полностью такой, какой вы хотели — она

становится вам неинтересна, — произнесла Брюн. — Вы ее бросаете и уходите на поиски новой жертвы, поиски другого создания, чтобы уничтожить его. Что при этом чувствует женщина, вас уже не волнует. А она ведь теперь уже живет только вами, только для того, чтобы приносить вам тапочки...

И вы не понимаете любви. Она действительно может выражаться в желании принести любимому тапочки, позаботиться о нем, согреть, приласкать, утешить. Но как только человек приносит вам тапочки — вы отшвыриваете их ему в лицо и уходите.

Вы ищете только борьбы, победы или унижения — не для другого, так для себя.

И ты спрашиваешь, ищу ли я другого мужчину? Ты принимаешь меня за слабоумную? Зачем мне другой мужчина, зачем мне мужчина вообще? Чтобы приносить тапочки ему? Так он может не захотеть — «тапочки», он может захотеть кофе в постель по утрам. И мне снова переламывать, лепить из себя его мечту, его идеальную женщину? С меня хватит. Да и у меня уже нет на это сил.

Брюн замолчала, выдохшись. Устал и дождь. Он больше не лупил по листве деревьев мокрой плёткой, а тихо и безнадежно что-то шептал.

— Лот тебе изменяет, — догадался Крэк.

— Да, — сказала Брюн. — Есть тут одна очень молодая, но честолюбивая девица. Гораздо свежее меня. Вот она, кстати.

Брюн кивнула в сторону окна. Крэк увидел фигурку в фиолетовом плаще. Она двигалась по дороге к дому Лота. Девушка ловко и умело перепрыгивала лужи и бурлящие потоки.

— Идет утешать скорбящего вдовца, — сказала Брюн. — Несмотря на ливень. Да что там ливень — она и в пургу пошла бы, в кратер извергающегося вулкана спустилась бы за своим семейным счастьем. А ведь жена еще не остыла, можно сказать, — добавила Брюн совсем другим тоном.

Джонс искоса посмотрел на нее. Он с восхищением понял, что Брюн шутит.

Уже.

— Я помогу вам, — сказал Крэк. — Но при условии.

— Да? — напрягшись, спросила Брюн.

— Вы будете жить, — сказал Крэк.

— Эээ... ну ладно, — сказала Брюн. — Я попробую.

— Поспешим, — сказал Крэк. — Надо выручать вашу дочку.

Брюн грациозно спрыгнула на пол. Они принялись спускаться по лестнице. Когда Брюн перелетела через дыру в пролете, Крэк уже ждал ее внизу. Прежде чем они покинули полутемный сырой подъезд, Джонс спросил:

— Вы не очень любите мужчин, и возможно, мы это заслужили. Но дочь свою вы любите. Ради нее вы готовы умереть, ради нее вы готовы жить. А если бы у вас был сын, мальчик... Стали бы вы так переживать? Согласились бы умереть ради него?

Легкость, с которой Крэк переходил с «ты» на «вы», изобличала в нем иностранца еще сильнее, чем гладкое, не испитое лицо. Его голос показался Брюн каким-то странным — хотя, если хорошенько задуматься, а что было в Крэке не странного?

— Не знаю, — сказала Брюн задумчиво. — Зависит от того, как бы я относилась к его отцу. Я очень любила отца Даши. Он был добрый. Если у меня родится ребенок от Карла, за ним я тоже пойду куда угодно, независимо от того, мальчик или девочка это будет. Потому что дал мне свободу именно Карл. И даже если он уже будет мертв к тому времени, такие вещи не забываются.

— Я понял, — сказал Крэк.

Они вышли наружу. Дождь прекратился. Брюн и Крэк направились к границе владений Лота, хорошо видной сквозь промокший, поникший лес. Солнце играло на миллионах капель, которые висели на струнах силового поля.

— Я попрошу вас подумать вот о чем, — сказал Крэк, когда они шли вдоль силового поля. — Чем бы вы хотели заняться в этой жизни?

Вокруг лежал свежий, тщательно омытый мир. И благоухал так, как и должна благоухать иссушенная земля и трава после дождя.

— Мне было некогда узнать, чего я хочу, мне нужно было выжить, — сказала Брюн. — Сейчас я прихожу в себя, как человек приходит в себя после нокаута, и я осматриваюсь. Я подумаю о том, о чем вы просите.

Крэк улыбнулся:

— Вот и хорошо.

Длинная юбка Брюн волочилась по траве, и подол намок.

— Может быть, телепортируемся? — спросила Брюн с надеждой.

Крэк кивнул. Через некоторое время на том месте, где они стояли, осталась лишь пронизанная солнцем пустота.

Лена недолго мешкала в пустом темном холле. Призрачный голос Лота прозвучал откуда-то из-под потолка и объяснил ей, куда идти. В отличие от большинства девушек, Лена совсем не страдала пресловутым топографическим кретинизмом. К тому же, Лене уже доводилось бывать в доме Покатикамня. Лена быстро пробежала неосвещенными коридорами. Ей казалось, что она попала в пустую раковину гигантской улитки — красивую снаружи, но пустую и мертвую внутри. Лена добралась до гостевой комнаты. Девушка осторожно нажала на ручку и открыла дверь.

Лот лежал на кожаном диване. Если бы не вспышки молнии в окне, Лена бы не заметила его. Лот не стал зажигать свет и лежал в полной темноте.

— А где Ирвинг? — спросила она.

Лот смотрел на Лену, стоявшую в дверях. Вода стекала по ее дождевику. Светлые глаза блестели на влажном лице. И хотя она спросила про Ирвинга для очистки совести, он уже знал, что сейчас произойдет. В первый раз в жизни он ощущал себя добычей.

Но он был настолько опустошен, что ему было все равно.

Хотя нет. Не совсем.

Эта юная хищница, страстно, до судорог в животе желавшая обладать им, и его домом, и статусом — о, она не согласится на положение простой содержанки, она же порядочная девушка! — это было все, что у него осталось. Нет, она не даст ему умереть. Она не даст ему даже заскучать. Их совместная жизнь будет наполнена до отказа — сексом, ссорами, детским лепетом. У них будет то, что называется счастливой семейной жизнью. Брюн никогда не любила его. Теперь Лот это понял. А ведь можно было сразу догадаться, что за ее отказом родить второго стояло вовсе не эгоистическое желание сохранить фигуру. Брюн не хотела иметь еще одного ребенка от него.

А Лена, разумеется, родит ему детей. Двоих, возможно троих. И будет попрекать испорченной фигурой и лучшими годами, которыми она ему отдала.

И хотя Лот отчетливо понимал, что Лена — его единственная соломинка, надежда на жизнь и спасение, отчего-то ему вдруг стало совсем тошно.

Лот молчал так долго, что Лена заподозрила, что он успел заснуть, пока она добиралась по огромному пустому дому. Девушка негромко кашлянула.

— Ирвинг остался в монастыре, — ответил Лот наконец. — У него там еще какие-то дела с отцом Анатолием. Кажется, он хотел креститься.

— Я видела трансляцию с отпевания, — подхватила Лена. — Боже мой, какой ужас! Я так вам сочувствую, Лот!

— Я любил ее. Я сделал все, что бы она была счастлива, — произнес Лот отстраненно. — А она была несчастна со мной до такой степени, что превратилась в демона. Кто я после этого?

Лена уже стояла на коленях рядом с диваном и гладила его по лицу.

— Бедный вы, бедный, — шептала она. — Как она могла? Я тоже не понимаю, как...

Чего именно не понимала Лена, так и осталось неизвестным. Лот повернул голову и накрыл ее губы своими. Лену приятно потрясло, что в дыхании Лота не чувствовалось горько-кислого запаха перегара. Она боялась, что Лот с горя уже напился вдрабодан. Так поступили бы на его месте большинство мужчин, которых знала Лена. Девушка опасалась, что из-за этого у Лота не встанет, и придется делать минет. Но Лот оказался совершенно трезв.

Он запустил руку под блузку Лене и сильно, но и приятно стиснул грудь. Родинка оказалась гладкой. Лот ощутил, как встал его член. Его этого скорее удивило, но удивило приятно. В конце концов, Лот, здоровый и совсем еще не старый мужчина, вот уже больше месяца не занимался сексом. Лена вздохнула и подалась назад. Лот ощутил проворные пальчики у себя на поясе — Лена боролась с пряжкой. Лот не стал ей помогать. Вместо этого он запустил руку ей под юбку и одним движением разорвал тоненькую веревочку, на которой держались стринги Лены. Трусики упали на пол с легким шелестом. Лена к тому времени разобралась с его брюками. Лот обхватил ее за талию двумя руками, поднял и усадил на себя. Лена вскрикнула. Он впился пальцами в ее полуобнаженные ягодицы и принялся двигать ее бедра вперед-назад.

Она не знала, что эта позиция означает для него. Что никогда, ни одной из своих женщин Лот не позволял скакать на себе. Что для Лота этот, довольно-таки тривиальный способ сношения исполнен самой глубокой горечи и презрения к себе.

Она просто наслаждалась.

Не забывая, однако, бормотать:

— Что вы делаете... ах-аха-ах... не надо...

Лот отпустил ее, и Лена двигалась уже сама. От необычности ли обстановки, или от того, что ей действительно очень сильно нравился Лот, Лена кончила очень быстро. Впрочем, из деликатности и ложно понятого общественного договора она заставила себя совершить еще несколько движений, которых как раз хватило и Лоту, чтобы догнать ее на пути к небесам. Лена опустила ему на грудь. Лот поцеловал ее, провел рукой по волосам, прижал к себе и блаженно затих.

Выждав минуту или две, чтобы дать ему, да и самой себе немного отдышаться, Лена сказала полным слез голосом:

— Мне так стыдно, так стыдно...

Лот негромко рассмеялся. Лена вздрогнула.

— Разве не этого ты хотела, когда пришла сюда? — произнес он.

— Я хотела пожалеть вас... — пробормотала озадаченная Лена.

— Глупости, — ответил Лот очень спокойно. — Ты всегда, когда идешь жалеть, надеваешь такое провокационное белье?

Он приподнял руку. Лена увидела свои стринги. Лот, забавляясь, накрутил их на палец.

— Почему вы думаете, что если женщина одевается красиво, то она старается для вас, а не для себя? — произнесла Лена почти гневно. И достаточно убедительно, как она надеялась. — Приятно чувствовать себя красивой!

На этот раз Лот рассмеялся в голос.

— Да, да, — сказал он. — Девочка моя, я может и вынырнул из средневековья, но я не дурак. Я внимательно тебя слушал. Зачем быть вторым, если можно быть первым? Для вас, женщин, это значит — зачем быть любовницей второго человека в области, если можно спать с первым?

Лена задыхнулась от ярости. Она и не подозревала в Лоте такой проницательности, и это привело ее в ужас. Лена ощутила себя на ложном пути. И он, возможно, вел ее в бездну. К потере всего, чего Лене с таким трудом удалось добиться за годы обучения. На пути, в конце которого были Боровичи и стиральная доска в тазу с мыльной водой.

Вне себя от страха, Лена села. Пользуясь своим исключительно выгодным стратегическим положением, девушка отвесила Лоту роскошную пощечину. Ей не следовало этого делать. Лот и по натуре не был склонен к играм такого рода. А за последнюю неделю

ему пришлось испытать слишком много ударов, на которые он не мог ответить.

Но сейчас он ответить мог.

Лот толкнул ее с себя и опрокинул на пол. А затем обрушился на нее сверху всем телом. Лена закричала, на этот раз по-настоящему, когда Лот вошел в нее — грубо и резко.

Силовое поле бесцветно. Оно немного искажает солнечные лучи. Но наличие гигантской линзы становится заметно только на очень близком расстоянии. Передающие столбы находятся довольно-таки далеко друг от друга. И в пасмурную погоду велики шансы заметить поле, только наткнувшись на него. Физический контакт с силовым полем, в зависимости от степени напряженности поля и площади соприкосновения, может привести к тяжелым травмам и даже смерти. По этой причине, силовое поле обычное слегка подкрашивают — задают в установках генератора нужный цвет. Можно выбрать любой, какой больше по душе. Обычно предпочтение отдается золотистому оттенку, но встречаются и лиловые, алые и синие купола. Цвет бледнеет вместе с падением мощности поля, которое обычно начинается на высоте двух человеческих ростов, но все же остается достаточным, чтобы выполнять функции непреодолимой преграды. Поскольку у Лота и Деревяницкого монастыря граница была общая, передающие столбы они по соседской договоренности ставили через один. А для того, чтобы знать, кому какой столб чинить в случае аварии, их покрасили в разные цвета. Столбы, принадлежащие Лоту, были того же веселого синего цвета, что и ворота к его дому, а монастырские — нежно-желтого.

Брюн и Крэк появились у желтого столба. Сквозь нежно-золотистую дымку виднелось монастырское кладбище. Именно этот столб предлагал повалить Карл. Крэк внимательно осмотрел золотистые линии поля. Они напоминали струны, покрытые пылью. Брюн же поглядывала на уродливый бетонный куб склепа. Даже наличие грустного ангела на крыше не могло полностью замаскировать того факта, что первоначально это сооружение являлось огневой точкой.

Крэк протянул руку и коснулся золотистых линий. Брюн невольно вскрикнула. Однако лицо Крэка осталось безмятежным. Он засунул руку в поле еще глубже, почти по локоть. Джонс наморщил лоб и что-то пробормотал. Золотые струны, мохнатые от пыли, разошлись в стороны. В поле образовался овальный проход в рост человека.

— Прошу, — сказал Крэк. — Дамы вперед, как говорится.

Брюн посмотрела на Джонса с благоговейным ужасом. В этот момент она особенно порадовалась тому, что Крэк не воспринял заказ Лота буквально и принял их с Карлом сторону.

— И никто не заметит, что... поле разорвалось? — спросила Брюн.

Крэк отрицательно покачал головой:

— Колебания напряженности не превышают общей нормы.

Брюн шагнула сквозь поле. Джонс последовал за ней.

Житие св. Ирвинга Хутынского. Фрагмент 5. Спасение младенца

Ранним утром Ирвинг шёл по направлению к братской могиле воинов двести двадцать девятой стрелковой дивизии. Топор он незаметно одолжил вчера вечером на лесопилке и настрогал добротных осиновых кольев. Чесноку Ирвинг нарвал на монастырском огороде перед уходом. Он думал о том, что должен бы радоваться первой возможности попробовать свои силы в качестве истребителя нечисти.

И он радовался бы — если бы это была не Даша.

Лучше всего было бы провести ритуал до девятого дня после похорон, пока вампир еще не вошел в полную силу. Ирвинг сплюнул. Ему было тошно уже сейчас, и он мог представить себе, как отвратительно он будет чувствовать себя после... «ритуала».

Склеп, как и ожидал Ирвинг, был открыт. Ирвинг спустился в него. Гроб пустовал. Сдвинутая крышка стояла рядом — и это Ирвинга совсем не удивило. Ему не пришлось

ждать возвращения хозяйки склепа слишком долго. Не успел первый розовый луч солнца окрасить предзвездное небо, а последний петух доукарекать третью зорьку, на лестнице послышались босые детские шаги. У Ирвинга пересохло во рту. Он облизал горящие губы. Ирвинг знал, что должен убить Дашу сразу, как только она войдет, а позже у него может не подняться рука.

— Ирвинг! — обрадовалась Даша.

Тут вампирка заметила, что Ирвинг стоит между ней и гробом.

— Пусти меня в мою кроватку, — захныкала она. — Я очень спать хочу. Я много играла сегодня хочу спать. Пусти! — зарычала она.

И тогда Ирвинг, не поднимая глаз, профессионально точным движением швырнул осиновый кол. В отряде «Левая рука Будды» он всегда работал с переносной личной ракетной четырехзарядной установкой, вещью страшной убойной силы. Отчасти его кличка была подражанием звуку выстрела. Ирвинг был ракетным стрелком высшего класса. И уж конечно, чтобы попасть осиновым колом в грудь девочке с пяти шагов, ему не надо было смотреть на нее.

Кол пригвоздил Дашу к деревянным панелям пола. Она страшно зашипела. Ирвинг отважился взглянуть на нее и проклял себя. Прелестный ребенок умирал страшной смертью, кривясь и корчась в безумных муках. Грудь девочки вокруг кола медленно обугливалась.

— Вытащи! — кричала Даша не своим голосом, извиваясь в предсмертных судорогах. — Вытащи его!

На ее ярко-алых губах выступила пена, верхнюю губу вздернули уродливые клыки. Ирвинг не то что вытащить кол, а и шагу к девочке сделать не мог. Осознание ужаса содеянного обрушилось на него, как сброшенный с крыши снег — на голову случайному прохожему. Правильнее всего было добить вапиреньша несколькими ударами кола, но Ирвинг не мог сдвинуться с места.

Наконец Даша затихла.

Обугленные останки вызвали у Ирвинга противоестественное чувство облегчения. Однако работа еще не была окончена. Двигаясь, как робот, Ирвинг отрубил голову Даше. Затем набил рот чесноком и бережно положил обгорелый трупик в гроб. Он положил небольшое распятие на лицо племяннице, закрыл гроб и пристроил венок поверх прозрачной крышки. Выйдя, Ирвинг захлопнул за собой дверь.

Он сел на чей-то поросший мхом могильный камень неподалеку и зарыдал.

Мир вокруг исчез в мягком белом сиянии. Больше Ирвинг не помнил ничего.

Брюн чуть посторонилась, чтобы не мешать Крэку заделывать прореху в силовом поле. Она снова посмотрела на склеп, где лежала Даша. Дочь, наверное, все еще находилась в беспамятстве после инициации. Брюн поняла, что ее что-то тревожит, с того самого момента, когда они еще только подошли к высокотехнологичному забору. И тут она поняла, в чем дело.

Дверь склепа была открыта.

— Скорее! — воскликнула Брюн. — Там кто-то есть!

Крэк обернулся.

Бронзовый ангел на крыше склепа вдруг подпрыгнул и взмыл вверх. Его полет оказался коротким. Законы аэродинамики быстро расправились с первоначальным импульсом. Ангел завалился набок, сломав могучим крылом старый тополь. Из крыши склепа вырвался ослепительный столб света. Кладбище огласил истошный детский крик.

— Этот юный идиот убивает ее! — завопила Брюн.

Она кинулась вперед. Брюн легко, словно пантера, перепрыгнула низенькую оградку чьей-то могилы.

В этот момент в подтверждение ее слов Ирвинг вышел из склепа. Он шатался, словно пьяный. Сделав два неверных шага, Ирвинг споткнулся и упал в траву. А свет, мощный свет умирающей детской души, так и бил в небо подобно прожектору.

Крэк схватил Брюн за локоть. Она повернулась. Лицо Брюн, искаженное гневом и болью, не оставляло никаких сомнений в том, что жить Ирвингу осталось от силы секунд тридцать. А тому, кто встанет на пути между ней и убийцей ее ребенка — и того меньше.

— Дашу еще можно спасти, — сказал Крэк. — И я сделаю это, если вы мне поможете.

— Что я должна сделать? — выдохнула Брюн.

— Внушите Ирвингу желание идти домой. Проконтролируйте, чтобы он покинул территорию монастыря, ни с кем не повстречавшись. Нечто подобное вы уже делали с Лотом, — ответил Крэк. — А затем стойте около входа в склеп. Нам никто не должен помешать. Понятно?

Брюн кивнула и направилась к Ирвингу. Лопухи над ним колыхались — Ирвинг пытался встать. Крэк исчез. В следующий миг он появился у открытой двери склепа и вошел внутрь.

Лену привела в сознание мелодичная трель. Она открыла глаза. Дождь закончился. Небо снова посветлело. И в этом свете разгром, устроенный ими на полу, смотрелся особенно неприглядно. Лот, лежавший рядом с девушкой на ковре, приподнялся на локте.

— Кто там? — спросил Лот хрипло.

— Это Ирвинг, — донесся искаженный системой связи голос.

Лену окатило ледяной волной ужаса, но девушка не издала ни звука. Лот покосился на нее, и ответил в динамик:

— Заходи.

Что-то щелкнуло и зажжужало. Сеть добросовестно ретранслировала шум отключающегося поля. А затем снова стало тихо.

Лот поднялся и принялся одеваться. Только сейчас Лене удалось разглядеть тело, которым она недавно владела. И вид не разошелся с теми стремительными ощущениями, которые ей довелось только что испытать в темноте. Несмотря на то, что Лот был на семнадцать лет старше брата, он все еще был крепок телом и даже красив. Но все же он был больше, массивнее. Примерно так соотносятся молодой дикий свин и матерый кабан. Все внимание Лота сосредоточилось на хитрой пряжке ремня. Лена тем временем несколько недоуменно разглядывала свежие шрамы и синяки, которые смотрелись так неуместно на этом мощном торсе. Впрочем, они уже скрылись под рубашкой.

— Сиди здесь, — сказал Лот. — Не вздумай высунуться. Ясно?

Лена кивнула.

— Потом разберемся, что делать, — продолжал Лот. — Ну все, я пошел.

Он наклонился и чмокнул девушку в лоб.

— Не грусти здесь, — сказал старший Тачстоун и вышел.

Лена торопливо оделась. Хотя по тону Лота было понятно, что он вовсе не намерен демонстрировать Лене брату, не стоило исключать никакой безумной случайности. Лена пережила несколько ужасных мгновений, когда ей показалось, что Лот унес ее трусы с собой. Но Лот не был ни в достаточной степени эгоистом, ни фетишистом для этого. Разорванные стринги обнаружили на столике. Починить их было делом одной минуты.

Лена огляделась в поисках чего-нибудь, что позволило бы ей скоротать время. Девушка скользнула одобрителем взглядом по синим бархатным портьерам, по шкафу из синего стекла в тон, которое хорошо сочеталось со сталью. Брюн была очень хорошей хозяйкой. Этого Лена никогда не отрицала даже в мыслях. На полках стояли книги. Лена подошла к шкафу поближе. Между *«Шкатулкой секретов домохозяйки»* и *«Лучшими сказками мира»* Лена заметила край обтрепанного томика. Девушка заинтересовалась и вытащила книжку. Создавалось такое ощущение, что ее нарочно запихнули поглубже. *«Новолуние»*, прочла Лена название книги. На обложке был изображен томный черноволосый красавец. К его груди доверчиво прильнула рыжеволосая девушка.

Лена устроилась на диване и открыла книгу.

Лот сидел на нижней ступеньке лестницы, ведущей в холл со второго этажа. В руках у него была банка с темно-зеленой этикеткой, похожая на шайбу. Когда Ирвинг вошел, Лот поднялся навстречу брату. Они обнялись.

— Ну что, крестился? — спросил Лот.

Ирвинг кивнул.

— Ну и слава богу, — сказал Лот.

Ирвингу совсем не хотелось рассказывать, чем он занимался последние полдня. Он был рад, что брат тоже не напирал на эту тему.

— Что-то долго ты шел, — заметил Лот.

Ирвинг тем временем разглядывал банку в его руках. Он узнал тушенку с картошкой из армейского пайка.

— Да я во флаер заскочил, — ответил Ирвинг. — Я тебе из Боровичей кое-какие документы привез, все забываю отдать. Ну помнишь, я тебе рассказывал — ты мне звонил-то еще?

Теперь и Лот заметил серую папочку, которую Ирвинг держал подмышкой. Лот кивнул.

— А это что у тебя, тушенка? — спросил Ирвинг. — Где ты ее взял?

— В кладовой, — сказал Лот. — Я подумал, что ты захочешь есть.

Только сейчас Ирвинг почувствовал, что жутко проголодался. Он благодарно кивнул. Братья прошли в кухню. В баре по дороге Ирвинг прихватил банку пива. Бар был совершенно разгромлен: дверца выломана, стеклянные брызги разбитых зеркальных панелей блестя на полу вокруг. Ирвинг отметил про себя, что пятно крови исчезло. Кто-то замыл его, а вот осколки собирать не стал. Да и содержимое бара осталось, насколько мог судить Ирвинг, нетронутым. Исчезла только пара бутылок вина. Ирвинг обнаружил их в кухне, опустошенными. Лот присел к столу, а Ирвинг принялся за консервы. Они относились к классу саморазогревающихся. Достаточно было повернуть небольшой крючок сбоку и подождать три минуты. После чего крышка сама отскакивала, и можно было есть прямо из банки. Ирвинг, однако, предпочел переложить дымящуюся ароматную массу на тарелку. Он вымыл ее как раз за то время, что тушенка подогревалась. Есть тушенку из банки означало окончательно вернуться в то время, когда Ирвинг спал в обнимку со своей установкой и мылся только тогда, когда его отряд случайно набредал на ручей.

Лот тем временем занялся документами.

— А кто тебе их дал? — спросил он, перебирая накладные.

Ирвинг открыл пиво. Из отверстия с шипением полезла пена.

— Такой серый человечек, очень тихий и незаметный, — ответил Ирвинг с набитым ртом. — Я не спросил, как его зовут.

Он отхлебнул еще пива. Лот задумчиво посмотрел на него.

— Подожди, я сейчас принесу альбом, — сказал Лот. — Я был в Боровичах три года назад, снялся там вместе с руководящим составом.

К тому времени, когда Лот вернулся с толстым альбомом в переплете из коричневой кожи, Ирвинг уже умял тушенку и мрачно допивал пиво.

— Вот, — сказал Лот, передавая брату раскрытый альбом. — Фото внизу справа. Посмотри, нет ли там этого человека.

Ирвинг взгляделся в кружочки лиц. Серый человечек и на фотографии остался таким же незаметным, и найти его оказалось не так легко.

— Ну да, вот он, — сказал Ирвинг и ткнул пальцем. — Третий слева в первом ряду.

Он вернул альбом брату. Лот глянул на фото и закрыл альбом.

— Что мы будем делать дальше? — сказал Ирвинг. — Упырям удалось сбежать от расправы, и теперь они наверняка в замке. Можно сунуться, конечно, но...

— Я уже решил этот вопрос, — сообщил Лот. — Я нанял профессионального охотника за вампирами.

Измученный Ирвинг уставился на брата. Ему показалось, что он ослышался.

— Кого? — переспросил Ирвинг.

— Профессионального охотника за вампирами, — повторил Лот.

Ирвинг покачал головой.

— А он не может оказаться обычным шарлатаном? — осведомился Ирвинг недоверчиво. — Как его зовут, откуда он взялся?

Лицо Лота чуть дрогнуло.

— Нет. Он мне тут... продемонстрировал кое-что. Я не сомневаюсь, что если кому по силам и уничтожить вампиров, то именно ему. Но, как мне кажется, не только ему... — пробормотал Лот себе под нос.

Тачстоун вытащил сигареты из узкого ящика под варочной поверхностью. Здесь Лот всегда держал заготовку на всякий случай. С очень неприятным чувством Лот обнаружил, что пачка неприкосновенного запаса наполовину пуста. «Пусть он трахает мою жену, но курить чужие сигареты — это последняя степень падения человека», подумал Лот. И понял, что он смешон. Лот вернулся к столу и закурил. Он стряхивал пепел в медную пепельницу и поглядывал на Ирвинга, словно мысленно взвешивая что-то.

— Он сначала назвался Кириллом Ивановым, — сообщил Лот. — Но на самом деле этого борца с нечистью зовут Крэк Джонс. Это все, что мне удалось узнать.

Ирвинг поперхнулся пивом. Лот постучал его по спине.

— Крэк Джонс?! — воскликнул Ирвинг, отдышавшись. — Ну конечно!

— Ты его знаешь? — спросил Лот.

— Это его книга! — ответил Ирвинг. — Инопланетный учебник! Это она превратила Карла и Брюна в упырей, и Крэк хочет его забрать! А заодно и подзаработать, — добавил он трезво.

Лот нахмурился. Он помнил, что брат перед отъездом в Боровичи подарил Карлу какую-то старинную книгу. Но до сих пор никак не связывал подарок с событиями, которые начались потом.

— Что за инопланетный учебник? — спросил Лот. — По какому предмету?

— Крэк учился в Непале, у инопланетян, — сбивчиво начал рассказывать Ирвинг. — Мы с ним вместе Калькутту брали, а потом случайно там встретились. Я тогда уже получил твой вызов и двигался сюда. Этот учебник был у Крэка с собой. И он как-то случайно оказалась в моей сумке.

Лот приподнял брови:

— Случайно?

Ирвинг покраснел.

— Я не крад ее, и Крэк ее мне не давал. Она как-то сама заползла, — ответил Ирвинг. — Крэк сказал, что у книги свой характер есть, она может выбирать хозяина... Я нашел ее только тогда, когда в Боровичи собирался, да ну ты помнишь. И отдал Карлу. А в Боровичах Крэк приснился мне, спросил, где книга. Вот я и сказал, что мол, отдал Карлу. Я думал, знаешь, это голос совести.

— А оказалось, что это правда, — произнес Лот.

Он выпустил дым и добавил рассеянно:

— За свои услуги Джонс потребовал должность представителя Новгородской области в Совете Конфедерации.

Совет Конфедерации собирался раз в четыре года. Обязанности советника были не очень обременительными. Регионы пока сотрудничали в основном в культурной сфере, избегая экономической. Не так давно усилиями Совета удалось запустить телевизионный канал, вещавший на территории всей Конфедерации. Опасения глав регионов, пока отказывавшихся заключать совместные экономические соглашения, были понятны. Не все руководители были молодыми чужаками, как Лот Покатикамень. Многие пережили войну и удерживали свои кресла не первый десяток лет. Они еще помнили того отвратительного бюрократического монстра, которым являлась Российская Федерация к моменту своего распада. Для того, чтобы купить участок земли, например, требовалось собрать сорок три

печати. И это только на предварительном этапе. За каждую печать надо было платить, и все эти поборы уходили в федеральный бюджет. Многие считали, что даже если бы вторжения телкхассцев не произошло, страна все равно бы распалась.

В этом году Лот собирался послать Ирвинга в Тверь вместо себя. Он считал, что брату пора начинать возвращаться в этой сфере, заводить полезные связи и знакомства. Так же Лот лелеял надежду, что Ирвингу удастся выйти на деловых людей Санкт-Петербурга напрямую и договориться о постройке дороги между городами. Дорога из Новгорода в Питер была давней мечтой Лота. Она лишила бы Шмеллинга львиной доли его влияния. Возможно, часть денег удалось бы взять из тощенького пока что бюджета Конфедерации. Сам Лот чувствовал, что у него уже не хватает харизмы для того, чтобы провернуть такое сложное дело.

— У меня такое чувство, что истинную цену, которую нам придется заплатить за услуги Джонса, мы узнаем гораздо позже, — заметил Лот.

Ирвинг сначала не понял, а когда до него дошло, он аж вспотел. Лот молча курил и смотрел на брата.

— Крэк не предаст людей ради инопланетян, — пробормотал Ирвинг неуверенно. — Он воевал с телкхассцами и ненавидит эту космическую сволочь так же, как и любой землянин...

— А мне наплевать, — сказал Лот. — Возможно, его учителями были не телкхассцы, это без разницы. Но что мы имеем в итоге? Ставленник инопланетян пробирается в Совет Конфедерации. Зачем? И книга эта... Ты говоришь, она сама тебе в сумку заползла? А если Джонс сам тебе ее подбросил? Смотри, как удобно получается. Все проблемы начались после того, как Карл прочел этот инопланетный учебник. Мы не знаем, что делать с этими упырями. И тут появляется Крэк, спасает всех, и оказывается там, куда простому человеку за всю жизнь не пробраться.

— Ну, Землю им у нас не отнять, — возразил Ирвинг, но очень вяло. — Сунулись уже, да зубы обломали...

Лот усмехнулся:

— Мы не знаем их целей. Когда я учился в Сандхёрсте, в Королевской военной академии, нам говорили так: если инопланетяне действительно существуют, то все контакты с настолько превосходящей в плане технологий расой должны начаться и закончиться одним ударом по нам с их стороны. Это если инопланетяне хотят нас уничтожить. А вот если они хотят прибрать Землю к рукам, то будут действовать иначе. Возможно экономическое давление в разных формах. На какую экономику легче давить, Ирвинг — на здоровую или истощенную войной? Да еще при помощи собственных людей в Совете Конфедерации...

Ирвинг изломал сигарету о край пепельницы и обхватил голову ладонями.

— Так что же нам делать? — спросил он страшным шёпотом.

— Скажи мне вот что, — произнес Лот. — А ты сам читал эту книгу? Про что там?

Ирвинг пожал плечами.

— Я ее открывал, но там какие-то были непонятные знаки, — сказал он. — Карл сказал, что это санскрит... Застежка! — закричал он таким голосом, что Лот вздрогнул. — Я сломал застежку на книге!

— Она при тебе? — спросил Лот. — Покажи.

Ирвинг полез в карман джинсов. Он был уверен, что застежка давным-давно потерялась. Но закорючка из черного металла оказалась на месте. Ирвинг протянул ее Лоту. Брат затушил окурок и внимательно осмотрел вещицу.

— Я не специалист по внеземным технологиям, — сказал он, возвращая ее Ирвингу. — Вроде, застежка как застежка. Похоже на очень старую вещь. Но ты ее пока не выбрасывай.

Ирвинг снова спрятал застежку в карман.

— Но книги ты, значит, касался, — еще раз уточнил Лот.

Брат кивнул.

— Ирвинг, — сказал Лот. — Человек, который передал тебе бумаги — это главный бухгалтер завода. Мне так и не удалось переговорить с ним с глазу на глаз, хотя мне этого

очень хотелось. А два месяца назад он умер. Сердце остановилось, так сказали.

— Как это умер? — спросил Ирвинг. — А с кем же я тогда...

Он осекся.

— Так вот, я думаю, — сказал Лот. — Что при таких раскладах мы с тобой и сами можем с Карлом разобраться. Без всяких учеников инопланетян.

— Ты думаешь, что я... — стеклянным голосом начал Ирвинг.

— Несомненно, — кивнул Лот. — Вспомни. Ты застрелил Карла — а он никого другого к себе и близко не подпускал. Брюн тоже даже не пыталась драться с тобой — почему? Они видят то, чего не видишь ты. И боятся.

— Но я тоже вижу, — сказал вдруг Ирвинг. — Я видел, что Карл теперь стал огромной летучей мышью с уродливой мордой, а Брюн — упырицей. Вампиркой, как в мультиках показывают. Бледная кожа, клыки, красные глаза...

Он в ужасе посмотрел на брата:

— Так что, я это вижу один?

Лот кивнул:

— Для меня Карл выглядит так же, как раньше. И для других, боюсь, то же. Тебе надо было рассказать об этом сразу.

— Но я думал... — начал Ирвинг, но перебил сам себя: — Однако это не имеет роли. Нам не попасть в замок Быка.

Лот улыбнулся:

— А вот здесь ты ошибаешься. Пойдем, я кое-что тебе покажу.

Он поднялся. Ирвинг недоверчиво посмотрел на брата и тоже встал.

Лот и Ирвинг направились к лестнице, которая спускалась в подвал. По удачному совпадению, она начиналась прямо в кухне. Дверь на лестницу находилась в дальней стене и была удачно замаскирована большой скучной картиной, изображавшей лебедя в тихом пруду.

Брюн постояла у двери склепа. Даже своими недоразвитыми сверхчувствами черного эллорита она чувствовала, какие мощные потоки энергии сейчас бушуют внутри. Бетонная коробка гудела от напряжения. Брюн не стала заглядывать в бывший дот. Если бы Крэку была нужна ее помощь, она бы поняла это. Брюн отвернулась и стала смотреть на березки, тополя и кресты. Но эта идиллическая картинка не внесла покоя в ее сердце. Ирвинг давно ушел. К счастью, мимо никто не проходил. Так что и отпугивать было некого. Причина безлюдности деревни была очевидна — было три часа, самое жаркое время дня. Да и после увиденного на отпевании люди не торопились выходить на улицу.

Брюн решила поставить ангела на место. Следовало уничтожить все следы случившегося. Она направила на него руку с разболтавшейся повязкой. Брюн все еще было легче управлять энергетическими потоками, если она сопровождала их движениями. Хотя она уже начала догадываться, что жесты не имеют никакого значения. Ангел медленно приподнялся в воздухе и тяжело опустился на крышу. Брюн не удалось поставить его точно так же, как он стоял раньше. Теперь фигура повернулась чуть боком. Помятое крыло свесилось над входом. Лицо ангела после встречи с тополем приобрело ошеломленно-безумный вид. «Что это было?», как бы спрашивала фигура.

А вот с тополем пришлось повозиться. Брюн не могла втянуть его энергию, после чего он исчез бы. Пришлось применить более простой метод — откатить его к забору, где бревно не так бросалось в глаза. Разумеется, бревно не прошло бы в узких переходах между разнокалиберными оградками. Брюн подняла его в воздух. Ветви тополя цеплялись за надгробия и кресты, пока бревно плыло в воздухе. Опустив его на кучу мусора подле синего столба, служившего границей монастырских владений и одновременно обозначающего конец кладбища, Брюн перевела дух.

Она услышала шаги и обернулась.

На пороге склепа стояла Даша. Вид у нее был только чуть менее обалделый, чем у

ангела на крыше ее склепа. Даша улыбнулась.

— Мама, — сказала она.

Брюн подбежала к ней, крепко обняла дочку, прижала к себе.

— Я знала, что ты придешь за мной, — сказала Даша. — Но первым успел дядя Ирвинг.

— Но теперь я здесь, и тебя больше никто не обидит, — ответила Брюн.

— Тому дяде, который вылечил меня, нужна помощь, — сообщила Даша. — Он лежит там на полу и не может пошевелиться.

— О боже мой, — пробормотала Брюн.

Она отпустила Дашу и поспешно спустилась в склеп.

Крэк лежал на полу лицом вверх, раскинув руки и ноги. Его лицо было такого же грязно-серого цвета, как и бетон, на котором он растянулся. Брюн опустилась рядом с ним на колени, потрясла за плечо. Джонс открыл глаза.

— Нам с вами нужно вернуться в замок Быка, — сказал он очень спокойно, словно и не валялся на полу в позе полусдохшей морской звезды. — Девочку лучше не брать с собой. У вас есть надежное место, где ее можно пока спрятать?

— Я же вам говорила, — ответила Брюн. — У меня есть подруга, Полина Истратова. Можно оставить Дашу у нее.

Крэк прикрыл глаза веками.

— Нет, — сказал он после паузы. — Вашей подруги сейчас в городе нет. Предлагаю оставить Дашу на моей квартире. За ней присмотрит моя жена.

Брюн заколебалась. Крэк открыл глаза.

— Моя жена — эллит, как и я, — сказал он. — Девочка будет в безопасности, поверьте. В доме вашей подруги девочку будут искать в первую очередь. А между вами и мной нет никакой связи. В нашу квартиру никто из борцов с нечистью не сунется.

Брюн неохотно кивнула.

— Единственная проблема заключается в том, что я не могу двигаться сам, — меланхолично продолжал Крэк. — И мы не можем ждать, пока мои силы восстановятся. Вы не могли бы поймать машину или что-нибудь в этом роде?

Брюн молча поднялась с колен.

— Не забудьте стереть память владельцу машины, — добавил Крэк.

Брюн усмехнулась, покосилась на него.

— Даша, — крикнула она. Дочь появилась в дверях, вопросительно посмотрела на мать. — Побудь пока здесь.

Брюн вышла из склепа. Крэк, совершенно утомленный беседой, снова закрыл глаза. Даша же крутилась вокруг гроба. Джонс смутно ощутил, что девочка ищет какую-то свою игрушку, мягкую и небольшую.

По немного неприличной народной примете, второго августа Великий Олень мочился в воду рек и озер. Купаться после этого не стоило. Церковь, всегда придававшая наиболее глубоко укоренившимся народным обычаям статус религиозных праздников, объявила второе августа днем Ильи Пророка, и тоже обозначила его как день закрытия купального сезона.

Терентий обычно читал и народные приметы, и религиозные предписания. Но и приметы, и церковные запреты были созданы в то время, когда климат Северо-Запада был гораздо холоднее. Глобальное потепление, ужасами которого страшали экологи в начале века, оказалось вовсе не таким страшным. В Новгородской области, например, подсохли болота и повысилась урожайность зерновых в виду увеличения продолжительности вегетационного периода. Мрачные пророки от бюрократии и науки ошиблись и в том, что потепление будет результатом рук человеческих. Промышленность Земли, и в первую очередь высокотехнологичные отрасли, наиболее тяжело пострадали во время войны.

Но везде, где применялись пиэрс, среднегодовая температура возрастала. Чем больше

и чаще телкхассцы пользовались в какой-либо местности своим любимым оружием, тем жарче там становилось. Никто не знал, что именно вызывает такой эффект и долго ли он продержится, но факты оставались фактами. В конце августа 2063 года в Новгороде было так же тепло, как, согласно хроникам, в середине июля 2009 года — а то лето выдалось необыкновенно жарким.

Терентий Пакселев работал оценщиком в страховой конторе. Полдня ему пришлось мотаться по клиентам. Теперь Терентий чувствовал себя потным и вонючим, как хорек. Покончив с делами, Пакселев заскочил домой и переждал там внезапно ударивший ливень. Однако даже дождь не смог заставить его отказаться от своего решения искупаться. Паллиатив в виде душа Терентий тоже отверг. Он захватил полотенце и помчался по дороге к Хутыни. Там, за развалинами разбомбленного в третью мировую монастыря, можно было найти несколько укромных и удобных диких пляжей.

Въехав в Деревяницы, Пакселев скрепя сердце сбросил скорость. Однако дорога была пустынная. Ему не встретилось ни одной машины. Слева началось кладбище. Терентий собрался уже надавить на газ, как увидел женщину.

Она вышла из ворот кладбища и остановилась прямо на осевой неширокой дороге. На женщине было черное платье с серебряной розой на груди.

Во время отпевания на ней было другое платье, красное. Но это не помешало Пакселеву узнать женщину. Момент трансляции из монастыря пришелся на период томительного ожидания в приемной у особенно капризного клиента. Терентий успел посмотреть передачу с отпевания практически полностью. Оператор же не скупился на крупные планы покойной жены Покатикамня.

Пакселев ударил по тормозам.

Брюн услышала, как завизжали тормоза приближающейся машины. Старенькая «Истра» пошла юзом. Машина остановилась на обочине, чудом не воткнувшись в столб электропередач. Брюн сделала шаг вперед. Дверца открылась. Из нее буквально выпал мужчина в яркой футболке с каким-то фирменным лейблом. Логотип компании напоминал серебряный лук. Брюн открыла было рот. Но слова оказались ненужными. Мужчина скатился в канаву. Там он вскочил на ноги и бросился прочь с такой скоростью, какую сложно было заподозрить в этом плотном коренастом теле.

— Репутация — великая вещь, — пробормотала Брюн.

Она села в машину, захлопнула дверцу. Заурчал мотор. Брюн аккуратно развернула «Истру» и въехала на кладбище.

Они были похожи на толстенькие серебристые детские мелки. Но рисовать этими мелками смог бы разве только ребенок великана. Еще они походили на сигары, которые мог курить тот самый великан.

Но это были самонаводящиеся управляемые реактивные снаряды. Ракеты были аутентичные, снятые с телкхасского флаера, а не многочисленные подделки, которые земляне устанавливали в ракетные гнезда трофейной техники — благо, механизм пуска опознавал их и продолжал работать. Лучше всего для этого подходили русские «Акации» и британские «Воспы».

В кладовой, среди банок с соленьями, толстых палок колбасы, свисавших с потолка подобно лианам, и мешков с мукой эти по-своему изящные и элегантные штучки выглядели более чуждо и одиноко, чем следы человека на Луне. Ирвинг много раз проходил мимо ракет, заботливо укутанных в серый брезент. Но ему и в голову не приходило, что скрывается под неказистой материей. Ирвинг думал, что Лот таким образом хранит пару бочек пива.

— Я думал, ты их потратил, — сказал Ирвинг. — Когда телкхассцев из замка Быка выбивал. Бей врага его же оружием, так сказать.

— Телкхассцев в замке перерезал Карл и его люди, — ответил Лот. — И если бы я

использовал хоть одну из этих крошек, от замка остались бы только дымящиеся опоры.

Он подумал и добавил:

— Штуки три.

Братья обменялись мрачными понимающими улыбками.

— Ты сможешь их установить? — сказал Лот. — Я-то пилотом был, в технике не очень шарю.

Ирвинг провел ладонью по гладкой серебристой поверхности.

— Надо попробовать, — сказал он. — Думаю, что смогу. Я ж всю войну при управляемых снарядах крутился.

Братья взялись за разные концы ракеты. Медленно, очень осторожно, словно это было сырое драконье яйцо, Тачстоуны вынесли ее из кладовой. Этому крошечному дракончику скоро предстояло появиться на свет в дыму и пламени, и совершить свой единственный полет.

Крэк и Кати снимали квартиру в старом районе, в двухэтажном каменном домике с печным отоплением. Теперь стало очевидно, что они покинут Новгород до наступления холодов и им не придется испытать прелести обогрева печью на себе, чему Кати была только рада. В сонном дворе изнемогали от жары три пыльных тополя. В дальнем конце стояла качель. Совершенно нормального вида, только очень уж облупленная. (Кати поняла, что перед уходом муж привел дворик в порядок). Когда-то, очень давно качель покрасили яркой оранжевой краской. Но теперь об этом было очень сложно догадаться.

Словом, дворик можно было считать олицетворением провинциальной жизни и скуки.

Однако в тот жаркий час жизнь ворвалась в этот тихий дворик, огласив его воем тормозов.

На въезде во двор в бок «мерседеса» Эрика чуть не впилась потрепанная «Истра». Химмельзон едва успел затормозить, чудом избежав столкновения. Кати сильно мотнуло вперед. Но ремень безопасности сделал свое дело. Лоб девушки и лобовое стекло машины не соприкоснулись.

— Вы как? — спросил Эрик, быстро осмотрев Кати.

— Нормально, — пробормотала девушка.

Эрик распахнул дверцу и выскочил из машины.

— Ты куда спешишь? — заорал он прежде, чем увидел водителя несчастной «Истры». — На кладбище опаздываешь, да?

И тут Эрик увидел, кто сидит за рулем. Химмельзон попятился и уперся спиной в закрывшуюся дверцу «мерседеса». Паренька, сидевшего рядом с Брюн, Эрик тоже узнал.

Хотя последний раз видел его никак не меньше десяти лет назад.

Брюн открыла дверцу и вышла. Теперь Эрик заметил на заднем сиденье Дашу.

— Нет, Андрей Иванович. Мы только что оттуда, — сказала Брюн хладнокровно.

Химмельзон с трудом сглотнул.

— Я не знаю ваших намерений относительно моего ребенка, — сказал он. — Но я надеюсь, вы помните о том, что когда-то я спас вашего.

Брюн озадаченно посмотрела на Эрика.

— Вашего ребенка? — переспросила она.

Брюн проследила направление взгляда старого врача и уперлась в Крэка. Тот тоже выбрался из машины и стоял, опираясь на дверцу. Джонс смотрел на Небеснова и улыбался.

— Здравствуй, папа, — сказал Крэк. — Я так долго искал тебя.

Брюн ахнула.

— Так это ваш сын? — спросила она. — Тот самый, которого вы потеряли в порту Сиднея?

— Кампонгсаома, — хором произнесли отец и сын.

И снова улыбнулись друг другу. Неловко, неуверенно, торопливо.

— Нда, — пробормотала Брюн.

Из «мерседеса» выбралась пассажирка — молодая девушка в ярком топики и длинной юбке.

— Брюн, познакомьтесь — это Кати, моя жена, — сказал Крэк.

Он произносил имя своей подруги на французский манер — растягивая последнюю гласную в слове.

Старый врач задумчиво покосился на девушку. Кати приветливо кивнула Брюн. Та уже видела, что Крэк не обманул ее и что Кати действительно эллит. Кати казалась столь же нестерпимо красивой, как и ее муж. Но и было и отличие. За ее спиной трепетали огромные полупрозрачные крылья с белыми разводами. Как и Крэк, Кати маскировала истинный уровень своих способностей. Но делала это не столь умело, как ее возлюбленный. Однако Брюн была слишком сообразительна, чтобы попасться на одну уловку дважды.

— Ну что же. Рада за вас, Андрей Иванович, — произнесла Брюн с чувством. — Последнее время происходило так мало хорошего, что это и впрямь радостная новость. Но я не собиралась причинять вред вашему сыну. Мы хотели оставить Дашу на попечение Кати и ехать дальше. У нас еще много дел. А может быть, — сказала она, осененная новой мыслью. — Мы оставим Дашу у вас, Андрей Иванович? Вот где ее точно никто не будет искать!

Брюн очень не хотелось оставлять Дашу с подругой Крэка. Девочка, оказавшись на руках у Кати, сильно смахивала на заложницу. На гарантию хорошего поведения и послушания Брюн — и Карла. Несмотря на то, что Крэк уже сделал, Брюн все равно не доверяла ему. Джонс был слишком сильным, слишком чужим и непонятным. Брюн терзало смутное чувство, что Крэк спас Дашу и вообще помогает им не из сочувствия. Джонс словно бы следовал некоему неизвестному ей плану, где каждому отведено свое место. Брюн не знала своего места в этом плане, ни роли, которую Крэк отводил Даше, но не хотела играть вслепую. Она была рада подвернувшейся возможности изменить хоть что-то в плане Крэка.

Эрик посмотрел на сына. Тот кивнул.

— Я с удовольствием, — сказал старый врач.

— И все же, разрешите Кати пойти с вами, — сказал Крэк. — Она умеет очень хорошо обращаться с детьми.

— У меня было много младших сестер и братьев, — улыбнулась Кати.

— Ладно, — неохотно согласилась Брюн.

Она открыла заднюю дверцу, где сидела Даша. Девочка внимательно наблюдала за происходящим.

— Мы с Крэком пойдем на помощь Карлу, — сказала Брюн. — А ты пока побудешь у Андрея Ивановича.

Даша обрадованно кивнула. Ее тоже не очень радовала перспектива остаться в незнакомом месте с девушкой, которую она видит первый раз. В доме же Небесных Даше уже доводилось бывать. Брюн старательно укутала дочь в большое купальное полотенце. Она обнаружила его в сумке на заднем сиденье, еще когда въехала на кладбище. Тогда выяснилось, что Даша не может выйти на солнечный свет. Маленькая Разбойница предупреждала, что такое возможно. Крэк предлагал накрыть голову Даши шелковым матрасиком и быстренько добежать до машины, и тут Брюн нашла это полотенце. Видимо, хозяин машины, задавший стрелка при виде Брюн, ехал в Хутинь купаться.

— Откройте дверцу, — скомандовала Брюн.

Эрик, с интересом наблюдавший следивший за ее приготовлениями, открыл заднюю правую дверцу. Даша выскочила из «Истры» и, быстро-быстро перебирая ногами, побежала к «мерседесу». Брюн бежала рядом с ней, придерживая полотенце, чтобы оно не свалилось. Девочка юркнула на заднее сиденье. Брюн наклонилась, заглянула в салон, чтобы проверить, удобно ли дочери. Брюн с удовольствием отметила, что стекла на задних дверцах у машины Небеснова тонированные. «Истра» не предусматривала такой комплектации.

— Я обязательно приду за тобой, — сказала Брюн и поцеловала Дашу в щечку. — Очень скоро. Не грусти.

Даша храбро улыбнулась. Брюн выпрямилась. Эрик захлопнул дверь.

— Поезжайте, — сказала Брюн.

Брюн чувствовала тревогу Карла. Пора было двигаться в замок Быка. Кати вернулась в «мерседес». На этот раз она устроилась сзади, рядом с Дашей. Свои обязанности телохранителя эта удивительно молчаливая девушка выполнит на «отлично», в этом Брюн не сомневалась. Крэк и Брюн отошли чуть в сторону, чтобы не мешать Эрику разворачиваться. Эрик сдал назад. Взвизгнули шины, и «мерседес» умчался в клубах пыли.

— Я не успел спросить, — произнес Крэк. — А какое имя отец взял при натурализации?

— Андрей Иванович Небеснов, — ответила Брюн.

— Ясно, — сказал Крэк.

— Давай уже телепортируемся в замок, — нервно сказала Брюн.

— Секунду, — ответил Джонс.

Он обошел «Истру» по кругу, осматривая результаты аварии. Машинку занесло, и она въехала на клумбу. Красно-желтые бархатцы, фиалки и белые калы превратились в разноцветное месиво под колесами.

— Машину нельзя так оставлять здесь, — сказал Крэк. — Ты не желаешь...?

Брюн непонимающе посмотрела на него.

— Ах да, — сообразил Джонс. — Я и забыл. Это не ваш уровень переработки энергии. Ну, а я тогда, с вашего позволения, полакомлюсь.

Крэк пристально посмотрел на машину. По глазам Брюн полоснула беззвучная, очень яркая вспышка. Брюн зажмурилась. Когда она проморгалась, «Истры» уже не было во дворе. Исчез и грубый, черный след, безжалостно разваливший клумбу на две половины. Бархатцы, калы и фиалки снова сонно грелись под августовским солнцем.

Крэк же выглядел гораздо бодрее и энергичнее.

— Однако, — пробормотала Брюн.

— Вот теперь можно двигать в замок Быка, — сказал Крэк.

Невысокая, женственно полная брюнетка в черном, наглухо закрытом платье с серебряной розой на груди и худощавый юный блондин медленно исчезли. Истаяли, как тени в жаркий полдень. В тихом дворике не осталось никого. Лишь качели, покрытые облупившейся оранжевой краской, легонько раскачивались — словно кто-то катался на них, а потом спрыгнул и убежал, не дожидаясь, пока они остановятся. Да чуть шевелились ветви пыльных тополей, словно бы под ветром. Но ветра не было.

Энергетические вихри при перемещении двух и более тел иногда накладываются друг на друга весьма забавным образом.

5

Житие св. Ирвинга Хутынского. Фрагмент 6. Изгнание

И никто не мог, ни на небе, ни на земле, ни под землею, закрыть сию книгу. И вот один Ангел сказал мне: Ты победил и можешь закрыть эту книгу на семь печатей ее.

Парафраза Откровение Иоанна Богослова. Гл. 5.

Темные воды Волхова стремительно внесли легкую лодчонку под опоры. Огромная, сложенная из серых блоков колонна выростала из воды, заставляя вспомнить сказку о сходящихся скалах. Скалах, которые будут сдвигаться и раздвигаться до тех пор, пока между ними не проскочит богатырь и не сорвет с волшебной яблони пару яблок. Но между этими скалами добрый молодец уже проскочил, а реку между навеки застывшими скалами перегородил мощной чугунной решеткой. Ее зубы впились в дно. Ячейки железной сети

были слишком велики, чтобы удержать попавшую в них рыбину.

Но вот человека они не пропустили бы.

Лодка закружилась в коварном водовороте. Ирвинг выпрыгнул из нее и повис, уцепившись за чугунный поперечный стержень. Голыми руками он не смог бы удержаться. Ирвинг надел митенки с вакуумными присосками на ладонках. Его обдало холодными брызгами. Лодка ударилась о решетку и разбилась. Жалкие, измочаленные остатки его лодки приложило о серый бок опоры — «быка», как их называли новгородцы. Доски последний раз мелькнули перед глазами Ирвинга и исчезли в пучине. Перебирая руками, Ирвинг пополз по решетке вверх. Он добрался до того места, где рассеявшиеся от времени и воды плиты образовывали карниз такого размера, на котором с трудом мог поместиться молодой и ловкий мужчина. Ирвинг был именно таким. Он пристроился на карнизе. Ирвинг проверил, не вывалилось ли спрятанное за пазухой шелковое полотенце с искусно и богато вышитым Спасом Нерукотворным. За полотенцем пришлось специально съездить в Юрьевский монастырь. Ирвинг взглянул на часы. Циферблат слабо светился зеленым в полумраке, царившем в тени опор. После чего Ирвинг вытащил подмокшие сигареты и закурил, стряхивая пепел вниз, в черные воды с проседью пены.

Ирвинг курил и рассматривал дно замка Быка, нависшее над ним. Пока он не видел люка, который должен был там находиться. Лот помнил, что из подвала замка имеется выход наружу. После того, как замок отбили у телкхассцев, через этот люк их тела повыбрасывали на корм рыбам. Лот примерно объяснил, где должен находиться этот люк. Изнутри люк имел вид квадратной черной плиты с впаянным тяжелым кольцом. Примерно так же он должен был смотреться и снаружи. Гроб Брюн, в котором она спала днем, должен был находиться именно здесь, в этом подвале, вознесенном высоко над водой.

Глаза Ирвинга уже привыкли к полумраку. Но он перестал всматриваться. Все равно искать вход еще рано. Сначала надо было дожждаться сообщения от Лота. Брат уже проник в замок обычным путем. Он должен был убедиться, что Карла здесь нет.

Ирвинг перевел взгляд на спокойную гладь Ильменя. Закат превратил воды озера в расплавленное красное золото. Но Ирвинг знал, как обманчиво это спокойствие. Ему доводилось видеть, как солнце ныряет и в Индийский океан, и в Атлантический. Но ничто никогда не производило на него такого сильного впечатления, как суровая простота заката над Ильменем.

Сейчас, на закате, оба вампира должны были быть полностью бессильны.

Братья последовали указанию в одном старинном манускрипте и обнаружили лаконичное упоминание о вампире книги, а так же и рецепт избавления от него. Ирвинг хотел сделать все сам. Это оказалось неожиданно легко. Лот посмотрел ему в глаза и сказал:

— А Брюн?

Ирвинга пронзил стыд. Он мог уничтожить омерзительное порождение книги. Но власть дьявольской книги не распространялась на Брюн. Она стала истинным, классическим вампиром после того, как Карл похитил ее душу, обратив ее. Только в ослеплении гордостью Ирвинг мог решить, что справится с двумя могучими тварями один. Однако у Ирвинга были причины не доверять Лоту, хотя ранки на шее брата и заросли стараниями монастырского лекаря. Ирвинг не отдал застужку брату, а оставил при себе. Он поделился с Лотом лишь знанием необходимого заклятья. Послушник Пётр помог Ирвингу приготовить священную облатку и выдал необходимое количество воска. Печатку с изображением креста Ирвинг получил от отца Анатолия вместе с благословением на ратный труд против нечисти.

Ирвинг увидел стальные скобочки. Они быстрыми стежками избегали по опоре к основанию замка. По логике вещей, эта лесенка должна была вести к люку. Позвонил Лот.

— Все в порядке, — с трудом разобрал Ирвинг слова брата. — Карла в замке нет.

Теперь у Лота было еще около получаса на поиски проклятой книги. Ирвинг бросил окурочек вниз и распластался по стенке. Перебирая руками и ногами, как ящерица, Ирвинг добрался до нижнего конца лестницы. Перехватив стальные скобочки, влажные от вечной сырости, он двинулся вверх. Одна из них оказалась ржавой не только на вид и распалась в

руках Ирвинга. Он сорвался и пролетел вниз метра два над бушующей бездной, прежде чем снова смог уцепиться за решетку. Эти мгновения полета над бездной напомнили ему самое жуткое время в его жизни — войну. Ирвинг отдышался и полез снова, уже не полагаясь больше на ненадежные скобы, а только на свои перчатки.

Наконец он достиг цели. Люк оказался там, где Ирвинг и предполагал. Но не следовало забывать, что люком не пользовались уже больше десяти лет. Ирвинг ухватился за последнюю скобу, уперся ногами в выкрошившиеся выступы кладки, плечами и спиной — в черную плиту люка. Во рту пересохло, губы облепила сырая каменная крошка. Ирвинг боялся нажать изо всех сил и сорваться, не доверяя осклизшей, покрытой мхом опоре. Он толкал плиту медленно и осторожно. Заскрипели ржавые ходовые части, и люк сдвинулся с места.

— Выбил дно и вышел вон, — пробормотал Ирвинг.

Он с трудом протиснулся в образовавшуюся между полом и плитой узкую щель. По щеке сырым поцелуем мазнула многолетняя паутина. Ирвинг подтянулся, оказался в подвале. Он задвинул люк ногой, чтобы случайно не вывалиться и не рухнуть в воду с пятиметровой высоты. Ирвинг огляделся.

Подвал замка Быка оказался сухим и пыльным просторным помещением. Его освещала полоса люминофоров под потолком. Со своего места Ирвинг мог видеть две двери. Одна, с лестницей из трех ступенек, очевидно, вела в жилые помещения замка. Вторая — на склады той части подвала, которая принадлежала таможене.

Знакомый гроб Ирвинг заметил не сразу. Что это гроб принадлежит именно Брюн, стало ясно по знакомому погребальному покрывалу. Вампирица укрылась им перед сном, словно пледом. Крышка была снята и стояла у стены. Ирвинг приблизился.

Брюн стала еще прекраснее — и страшнее — чем в день похорон, когда Ирвинг видел ее в последний раз. Он достал шелковое полотенце, в которое были завернуты все необходимые для ритуала предметы: очень острый нож, несколько головок чеснока и пара осиновых кольев. Ирвинг механически выполнил все необходимые действия, избегая взгляда горящих ненавистью мертвых глаз Брюн. Окончив, он с облегчением увидел настоящий труп во всей неприглядности смерти. И хотя Брюн сохранила свою естественную красоту, это уже не было вызывающей, отвратительной в своей сексуальности красотой насосавшегося паразита. Ирвинг хотел заговорить гроб, но у него перехватило дыхание и комок встал в горле. Он просто поцеловал Брюн в лоб и надвинул тяжелую крышку.

Он услышал за дверью шаги. Ирвинг обернулся и увидел Лота. Брат спускался по ступенькам. Ирвинг пошел ему навстречу. В руках Лот нёс дьявольскую книгу. Выражение его глаз было странно-горьким, словно он хотел о чем-то предупредить брата.

— Где она была? — спросил Ирвинг, кивая на книгу.

— В тайнике над камином в главном зале, — ответил Лот.

Голос его дрогнул. Ирвинг удивленно глянул на него, но тут получил короткий хук левой и уткнулся носом в пол.

— Прости. На моем месте ты бы сделал то же самое, — пробормотал Лот.

В подвале появился Карл. Вампир привел еще кое-кого — Лену, одноклассницу Ирвинга, с которой у него сложились очень дружеские отношения. Карл грубо сжимал ее нежную шею. Шмеллинг осмотрел лежащего на полу Ирвинга с жестоким интересом. Увидев струйку крови на полу — Ирвинг при падении разбил лицо — Лена непроизвольно вскрикнула и прикрыла лицо руками. Карл надавил на ее шею. Испуганные удлинённые глаза девушки беспомощно посмотрели на Лота.

— Прекрати издеваться, — сказал Лот резко.

— А не то что? — спросил Карл и сжал шею Лены еще сильнее.

Девушка захрипела. Лот закусил губу.

— Книгу верни, — сказал Карл.

Лоту не хотелось приближаться к вампиру. Он положил книгу на гроб Брюн и отошел назад, к брату, все еще лежавшему без сознания.

— Теперь застежку, — потребовал Карл.

— Она не у меня, — ответил Лот.

Карл выругался и сказал:

— Значит, у него в кармане. Достань и отдай мне.

Лот склонился над братом и осторожно похлопал его по карманам. Увидев широко открытые глаза Ирвинга, Лот с трудом сдержал возглас радости и облегчения. Братья поняли друг друга без слов, и для этого им не нужна была черная магия.

— Не могу найти, — сказал Лот, выпрямляясь.

Карл пожал плечами. Упирь достал из плаща массивный ключ с бородкой причудливой формы и открыл дверь, ведущую на склад. Затем затолкал туда Лену и закрыл на два оборота. Ключ Шмеллинг спрятал обратно в карман и направился к Ирвингу. Потеснив Лота, Карл перевернул тело тычком сапога. Ирвинг только этого и ждал. Он вскочил и ударил Карла головой в грудь. На стороне Ирвинга была внезапность. Карл упал. Ирвинг кинул застежку Лоту и встал между поднимающимся на ноги вампиром и книгой. Карл издал вопль, полный ярости и ненависти. Карл бросился на Ирвинга, выкрикивая обессиляющее заклинание. Ирвинг успел произнести возвратное. Карл пошатнулся от удара собственным проклятием. Они вцепились друг в друга и покатались по полу.

Лот не стал отвлекаться, хотя всем сердцем хотел помочь брату. Он соединил срезы книги застежкой. Затем вынул коробочку со святыми артефактами, необходимыми для того, чтобы запечатать проклятую книгу и запереть вампира в ней навсегда.

Карл сгреб Ирвинга в охапку и ударил всем телом о колонну, поддерживающую потолок. Ирвинг вскрикнул от боли. Карл торжествующе зарычал. Шмеллинг бросил обмякшее тело и устремился к Лоту. Но Ирвинг подкатился под Карла и сбил с ног. Крик брата подхлестнул Лота не хуже бича. Он быстро и аккуратно запечатал застежку специально для этого случая приготовленной облаткой и залил воском. А затем Лот прижал к нему печатку, выдавив на нем восьмиугольный крест.

Сила стала покидать Карла. Он взвыл. Но кроме ненависти и злобы в этом вое был отчетливо слышен смертельный страх. Карл набросился на Ирвинга. Измочаленный Ирвинг уже не мог сопротивляться. Он мертвой хваткой вцепился в Карла и снова повалил его, не давая подобраться к Лоту. А тот уже начал читать заклинание:

— Властью, данной мне от бога, накладываю проклятье на вампира.

Правую руку Лот держал на книге, словно клялся на ней. Железный оклад инкунабулы нагрелся, но пока это было приятным ощущением.

— Именем Иисуса Христа, Господа нашего, и всех ангелов его, я запираю тебя, богомерзкое чудовище, да забудется имя твое и преступления твои против Бога и людей, в твоей книге на веки вечные. Никогда более, ни в каком обличье не будешь ты ходить промеж людей по свету божьему и кровопийствовать, — продолжал Лот.

Карл был уже не в состоянии подняться. Он глухо стонал от отчаяния, не размыкая губ, и полз к Лоту. Он пытался стряхнуть Ирвинга. Тот хватался за что попало и тормозил путь вампира. Освободиться от Ирвинга Карлу не удалось.

— Ты будешь заключен в ней до Судного дня, — произнес Лот.

Руку нестерпимо жгло. Но он не отнимал ее от стальных завитушек оклада, поскольку таково было одно из важнейших условий наложения заклятья.

— Всякий, кто коснется книги твоей после меня, тот нарушит запрет и будет проклят. Он будет вычеркнут из книги жизни, а душа его...

Карл в последнем отчаянном порыве сбросил с себя Ирвинга. Шмеллинг вскочил и бросился к Лоту. Ирвинг хотел крикнуть, предупредить брата, но ему в рот попал взметнувшийся край черного плаща Карла. У Ирвинга вырвалось только невнятное мычание.

— Будет гореть в геенне огненной. Во имя отца, и сына, и святого духа, аминь! — закончил Лот.

Карл рухнул как подкошенный. Воцарилась жуткая тишина. Было слышно, как где-то капает вода с сырого потолка. Ирвинг выпутался из плаща Карла и поднялся на ноги.

Взглянув ему в лицо, Ирвинг ужаснулся мертвой пустоте глаз Шмеллинга и поспешно отвел глаза. Затем вытащил из-за пазухи полотенце с образом Спаса Нерукотворного. Лот понял, что брат хочет завернуть бесовскую инкунабулу в освященное полотенце.

— А книга не прожжет его? — засомневался Лот.

Ирвинг увидел багровый ожог на ладони брата и горестно ругнулся.

— Я не думаю, что обложка на самом деле так горяча, как кажется, — сказал он. — Скорее всего, вампир наводил на тебя чары, чтобы заставить снять руку.

— Ну, попробуй, — сказал Лот.

Ирвинг осторожно, чтобы не коснуться книги голой рукой и не разрушить с таким трудом наложенное заклятье, завернул книгу в полотенце. Он оказался прав: с полотенцем ничего не случилось.

— Карл, — обратился Ирвинг к Шмеллингу.

Тот валялся на полу нелепой грудой тряпья.

— Ключ.

Шмеллинг, не поднимая лица, вытащил ключ и кинул Ирвингу. Ирвинг открыл дверь склада. Он крепко обнял Лёну. Девушка прижалась к нему. Ирвинг почувствовал, что ее бьет нервная дрожь.

— Живой, — прошептала она, пробегая чуткими пальцами по волосам и лицу Ирвинга. Тот поцеловал ее руку. Лёна отняла мокрое от слез лицо от его груди.

— Прости, это все из-за меня, — сказала девушка. — Он выманил меня из дома чарами, я была как во сне, не понимала, что делаю, куда иду...

— Успокойся, — ласково сказал Ирвинг. — Ты ни в чем не виновата.

Он оглянулся, ища Лота.

— Пойдемте, — сказал Ирвинг.

Лот выходил последним и хотел захлопнуть дверь в подвал. Вряд ли кто-нибудь скоро наведется сюда. Карл имел все шансы на долгую и мучительную смерть без воды и еды. Но Ирвинг, хоть одной рукой и обнимал Лёну, успел заметить движение брата и перехватить его руку. Лот в немой ярости посмотрел на него.

— Ты книгу забрал? — спросил Ирвинг.

Лот кивнул.

— Ну и все, — сказал Ирвинг.

— Ты же сам хотел его прикончить! — воскликнул Лот.

Ирвинг знал, что нельзя винить брата в том, что он желает смерти человеку, из-за которого лишился жены и дочери. Радовало, что несмотря на все перенесенные страдания, Лот все еще держит себя в руках. Окажись Ирвинг в такой ситуации, он бы просто избил человека, который попытался бы его остановить.

— Лот, — сказал Ирвинг мягко, но непреклонно. — Ты убил его. Но Карл — это не то чудовище, смерти которому ты желаешь.

Лот в гневе швырнул книгу на пол.

— Будь ты трижды проклята! — закричал он, топча ее ногами. — Почему ты неумищима?

Лот отвернулся к стене и глухо зарыдал. Ирвинг обнял его за плечи и терпеливо ждал, пока он успокоится.

Когда Лот пришел в себя, они втроем покинули замок на Быках. Лот поддерживал ослабшего после схватки с вампиром брата. Лёна несла бесовскую инкунабулу.

На берегу их ждала милая старенькая машинка, за рулем которой сидел послушник Пётр.

— Отец Анатолий приказал заехать за вами, — пояснил он удивленным братьям.

Лот, Ирвинг и Лёна в трудом втиснулись в салон, рассчитанный на карликов или подростков.

Карл остался в подвале, чуть не ставшем склепом.

Это должно было случиться. Раньше или позже, и повод мог оказаться каким угодно.

Но правда была в том, что два медведя в одной берлоге не живут.

Карл не сомневался, что если бы он сунулся в дом Лота, его бы там тоже ждала парочка неприятных сюрпризов. Карл бы тоже не стал перепоручать это важное дело какому-то шарлатану, даже если бы тот назвался профессиональным охотником за всей нечистью мира. Шмеллинг сделал бы это сам.

Лот знал, что у Карла и его людей не осталось флаеров; и Карл знал, что Лот это знает.

А у Тачстоуна один флаер еще оставался. И он был на ходу.

Однако и у Шмеллинга было кое-что припасено для долгожданных гостей. Подарок ждал своего часа в подвале замка. После модернизации подъемного механизма освободилось много помещений. Шмеллинг нашел, что разместить там. Карл никогда не забывал, что возможность для атаки с воздуха есть только у Лота, и что единовластие гораздо уютнее демократии.

И увидев черную точку в закатном небе, Шмеллинг не удивился. Скорее, он испытал даже облегчение. Наконец маски были сброшены. Можно было больше не сдерживать себя в рамках, установленных для приличных людей. Можно было вцепиться зубами в горла врага, не скрывая своего наслаждения.

Шмеллинг почувствовал приближение флаера, еще когда тот прокрался над замком в сторону озера, пройдя выше границы облачности. Лот не хотел, чтобы его заметили. Тачстоун заходил классически, чтобы закатное солнце ослепило пулеметчика, не дало ему толком прицелиться. Впрочем, Лот собирался сделать то, за чем прилетел, задолго до того, как окажется в пределах досягаемости пулеметов замка Быка. Карл еще не очень научился распознавать технику по излучаемым ею импульсам, но мысль *«Ракеты, ракеты»* пульсировала в мозгу Лота огненным зигзагом.

Небо над Ильменем было чистым. Карл сидел в пулеметном гнезде на верхушке одной из башен замка. Шмеллинг не стал дожидаться, пока черная муха увеличится до размеров кулака. Он поднес рацию ко рту.

— Давай, Фриц, — сказал Карл.

— Цель в зоне поражения, — монотонно сказал Ирвинг.

Лот сидел в кресле пилота, а брата взял наводчиком.

— Давай! — сказал Лот и надавил на руль.

Надо было снизиться. Тогда Ирвингу было бы удобнее стрелять. Промахнуться по черно-красной громаде замка было сложно. Лот хотел всадить обе ракеты прямо в замок. Однако Ирвинг сказал, что гораздо надежнее будет стрелять по опорам. И Лот согласился с этим. Он никогда не был стрелком, в отличие от брата, и признал, что в этом вопросе Ирвинг более компетентен.

Флаер пошел вниз несколько быстрее, чем этого хотел Лот. Он потянул рогатку руля обратно на себя, но никакого эффекта это не произвело.

— Что за... — пробормотал Ирвинг.

Он уже несколько раз надавил на спуск. Ракеты должны были уже находиться на полпути к замку. Но не было слышно ни знакомого воя уходящих ракет, ни рывка отдачи.

— Заело, что ли? — воскликнул Ирвинг.

И только тут Лот понял, что не слышит гудения двигателя. И что панель управления светится все слабее — аварийного генератора хватало на минуту штатной работы.

— Держись! — крикнул Лот и вцепился в кресло.

Он еще успел обрадоваться, что заставил Ирвинга пристегнуться и пристегнулся сам. В следующий миг флаер обрушился в воду. Удар был таким, что ремни больно врезались в тело Лота. Освещение мигнуло и окончательно погасло.

«Флаер закрывается герметически, поскольку рассчитан на действия и в стратосфере», думал Лот, пока его швыряло и крутило в темноте. — «Значит, и вода в него не просочится». Где-то рядом жутко матерился Ирвинг. Лота это радовало больше, чем если бы брат молчал.

Теперь все зависело от того, с какой силой флаер ударится о дно реки. Он мог зарыться в ил и застрять, а мог выскочить на поверхность, как мячик. И в том, и другом случае исход был один — пока братья не задохнулись, нужно было выбираться из флаера.

Под пулеметы замка Быка.

Флаер еще раз встряхнуло — он врезался в дно Волхова. А затем флаер резко подбросило вверх. Он застыл в какой-то точке, а затем Лот понял, что они медленно движутся вперед. Флаер несло на решетку, перегораживающую реку.

— Что это было? — спросил Ирвинг. — Как он смог остановить флаер чарами?

Лот поморщился в темноте. Всегда тяжело признаваться в собственной глупости.

— Я не верю в магию, — сказал он. — А здесь все и так просто. Карл ожидал, что раньше или позже я нападу на него. Он установил где-то в замке «жужелицу».

— Это что еще за хрень?

— Я не механик, и как она действует, не знаю, — сказал Лот. — В ее основе лежит видоизмененная пиэrsa. Она реагирует только на один вид энергии — тот, которым заряжена батарея флаера. И после активации опустошает все батареи в радиусе своего действия. Я должен был догадаться...

— По-моему, мы остановились, — сказал Ирвинг.

Он был прав. Флаер чуть покачивало на волнах, раздавалось металлическое постукивание. Флаер бился о решетку, к которой его прижимало волнами. А затем раздался скрежет, который ни с чем было нельзя перепутать. Кто-то открывал дверцу флаера. В темноте появился светло-серый прямоугольник — флаер находился в тени замка-моста.

— Выходите, — услышали братья искаженный эхом, но очень знакомый насмешливый голос.

Лот нащупал пряжку страховочного ремня у себя на поясе.

Сначала из-под приподнятой дверцы в боку флаера появилась белая голова, затем плечи. Карл узнал Лота по более мощному поясу мышц — рубашка на старшем Тачстоуне так и бугрилась. Ирвинг был более изящного телосложения — сказывалась голодная юность. Лот выбрался на борт флаера, встал на него и огляделся. Тачстоун увидел Карла. Шмеллинг непринужденно висел в воздухе метрах в трех от него. Рука Лота сама скользнула за пазуху.

В отличие от Ирвинга, перешедшего на русские модели, Лот остался верен своему табельному оружию — пистолету МК14 калибра девять миллиметров. Как-то давно, еще лет пять назад, отец Анатолий подарил ему коробку необычных патронов к этому пистолету. Необычность подарка заключалась в том, что пули здесь были серебряные. Лот тогда еще посмеялся над священником, но подарок принял. И коробка серебряных пуль дождалась своего часа. Лот старательно зарядил пистолет перед вылетом.

Лот вскинул руку. Пуля вошла точно в лоб Карлу. Но тот даже не покачнулся.

Под опорами замка Быка раскатился издевательский смех.

— Ну что ты пули переводишь? — сказал Шмеллинг, отдышавшись. — Ведь у меня уже одна есть, мне хватит!

Фриц покосился на Карла. Владелец замка Быка и его ближайший помощник сидели в гнезде часового. Внизу покачивался на волнах сбитый флаер. Гнездо было рассчитано на одного, и Фрицу с Карлом приходилось двигаться очень аккуратно.

— Не слышал о такой разработке, — сказал Фриц и кивнул на висящую в воздухе копию своего начальника. — Это что-то новенькое?

— Да. Дубликатор, — сказал Карл серьезно. — Позволяет создать объемную иллюзию себя где хочешь.

— И эта... иллюзия оторвала голову Отто? — осведомился Фриц.

Шмеллинг расхохотался.

— Вот видишь, Фриц, — сказал он. — Ты и сам все понимаешь.

И рывкнул, перегнувшись вниз:

— Лезьте вверх по решетке!

Фриц увидел, как две фигурки принялись карабкаться вверх. Он невольно поежился, представив себя на их месте. Скользкие, холодные прутья, и никакой страховки...

Но на этот раз Бауэр промолчал.

Лот думал, что придется лезть только до гнезда часового, в котором торчала белобрысая голова. Но Фриц, качнув дулом автомата, недвусмысленно дал понять — им обоим придется проделать путь наверх до самого конца. Лот знал, что где-то в дне замка есть люк. Карл рассказывал, что они сбрасывали тела телкхассцев через него.

Расцарапанные ладони горели. Мышцы рук начинали подрагивать от усталости. Лот понимал, что эти шершавые черные прутья, запах собственного пота, пронизывающий ветер, который всегда особенно силен между опорами — последнее, что он ощущает в жизни. Карл заставил братьев ползти навстречу своей гибели, цепляясь за каждую поперечину решетки, как за последнюю надежду на спасение. Ирвинг, судя по всему, думал нечто похожее, потому что прохрипел:

— Гестаповец...

— Молись, чтобы он убил тебя сразу, — ответил ему Лот.

— А что, можно и не... — пробормотал ошеломленный Ирвинг и замолчал на полуслове.

— Попробуй применить свою силу, — сказал Лот.

Ирвинг задрал голову вверх, наморщился...

Что-то маленькое и холодное ударило Лота по голове. Он чуть не сорвался от неожиданности. Мелькнул красный комочек, и еще один, и еще. Лот догадался, что это, раньше, чем узнал в странном звуке, заполнившем пустоту под опорами, обычное кваканье. Ирвинг вызвал дождь из лягушек. Они были почему-то красного цвета. Почти такого же, как стали щеки Ирвинга, когда он понял, что явилось результатом его усилий.

Хохот Карла, многократно изломанный эхом и поэтому превратившийся во что-то чудовищное, раскатился под опорами.

— Это я виноват, — сказал Лот. — Ведь ты еще молод и необучен, а я втянул тебя в это. Не стоило верить, что ты справишься с таким матерым упырем.

— Вы там заснули? — крикнули сверху. — Подбодрите-ка их!

Фриц, оставшийся в гнезде часового, полоснул автоматной очередью. Лот знал, что Бауэр целится мимо, но все равно ощущения были самые неприятные. Они с Ирвингом продолжали свой последний путь.

Когда до черного основания замка Быка оставалось метров пять, совершенно измученный восхождением Лот начал думать, не прыгнуть ли ему вниз. Если бы ему повезло, он бы сразу разбил голову об обшивку болтающегося в воде флаера. В черноте над братьями открылся квадрат освещенной пустоты. В ней мелькнули чьи-то ноги и головы, а затем выпала веревка.

— Иди первым, — сказал Ирвинг.

Лот подождал, пока раскачивающаяся на ветру веревка окажется рядом, и ухватился за нее. На конце даже обнаружилась петля, в которую, как в стремя, можно было вставить ногу. Лот так и поступил. Его втянули наверх. Дальше была осуществлена стандартная процедура оформления в плен. Лот получил прикладом по лицу, ему заломили руки и отобрали оружие. К тому времени немцы уже подняли и Ирвинга. К нему педантично применили ту же схему. Карл сам вытащил ТТ из кармана младшего Тачстоуна. Карл кивнул на Лота и сказал своим людям:

— Держите его крепче.

Лот понял, что сейчас произойдет, и рванулся вперед. Кто-то очень спокойно и умело ударил его печени. Лот зашелся от боли.

Карл навел ТТ на Ирвинга и три раза нажал курок. У Лота заложило уши от грохота — подвал замка был очень низким и тесным. Ирвинг дернулся, покачнулся. Из угла рта

струйкой потекла кровь. Из груди, куда стрелял Карл, забили и тут же опали толстые кровяные фонтанчики. Шмеллинг попал, куда хотел — в сердце.

— Нет! — закричал Лот и получил по зубам.

Карл повернулся в его сторону, прицелился. Несколько невыносимо долгих мгновений Лот смотрел в черное, еще дымящееся дуло.

— Нет, — решил Шмеллинг и опустил пистолет. — Не буду портить Брюн удовольствие. В карцер их.

— Обоих? — переспросил один из тех, кто держал обвисшее тело Ирвинга.

Карл посмотрел на Лота, загадочно и очень неприятно усмехнулся.

— Да, — сказал Шмеллинг. — Обоих.

Лота куда-то поволокли — довольно грубо, но без излишних жестокостей. Так, пару раз прошлись сапогом по ребрам, когда забрасывали в камеру. Она оказалась недалеко. Лот успел заметить в одном из боковых залов хром и сталь, а так же неприятно-розовую дугу накопительной батареи. Догадки Лота подтвердились. У Карла была установлена «жужелица», одна из последних, уже послевоенных моделей.

Ирвинга кинули на пол, хотя в углу карцера имелся порядком потрепанный матрац. Впрочем, немцы действовали логично. Ирвингу уже было все равно, где лежать. Дверь с грохотом захлопнулась. Лот взял брата за запястье. Пульса не было. Смешно было бы ожидать чего-то другого после трех выстрелов в упор.

Лот присел на край матраца, огляделся.

Напротив обнаружилось эмалированное ведро, прикрытое крышкой. Судя по отсутствию вони, оно было пустым. На полу рядом с матрацем валялись три каких-то изрядно потрепанных журнала. Под потолком тускло светила лампочка. Рядом с ней, чуть покачиваясь, висела совершенно фантсмагоричная штукавина. Лот и не хотел рассматривать ее, но не смог отвести глаз.

На круглую рамку был натянут кусок черной кожи. С рамки свисали черные перья и темно-красные бусины на кожаных же тесемках. Внутри рамки в причудливом беспорядке были укреплены стальные кольца разных размеров, некоторые с цепочками. На концах цепочек находились массивные подвески разнообразной формы. Особенно выделялась стальная звезда с острыми лучами и перстень в виде морды с распахнутой пастью.

Их Лот узнал.

На создание этого жуткого артефакта пошли девические украшения Брюн. Она порывалась надеть их пару раз в начале замужества. Но от всех этих стальных побрякушек веяло такой чудовищной вульгарностью, что Лот запретил их носить.

Лоту стало не по себе. Он отвел взгляд.

В этот миг Тачстоун как никогда был близок к тому, чтобы поверить в черную магию. Однако Лот все же остался достаточно трезв, чтобы понять скрытый смысл этого послания. Брюн знала, что их последней встречи он будет дожидаться именно здесь. И вывесив все эти свои чудовищные подвески, Брюн хотела продемонстрировать Лоту, что...

«Что вернулась в родную пошлость и бардак, и теперь она счастлива», подумал Лот.

Счастлива.

Брюн хотела перенестись сразу в замок, и так и поступила. Однако Крэк решил, что с его стороны это будет невежливо. Таким образом, когда вокруг Брюн перестали мелькать деревья, асфальт и облака, она оказалась в зале для приемов одна. Крэк же проявился в реальности на подъездной площадке к мосту. Мост был поднят, как и ожидал Джонс. Внизу блестела раскаленная серая лента Волхова. Крэк стоял и рассматривал замок Быка.

Здание было насквозь пропитано энергией его хозяина. Темно-лиловые потеки, похожие на желе, сползали по стенам, укутывали горгулий и химер подобно шали. Карл оказался носителем генокода, при активации превращавшем хозяина в воплощенную смерть, хаос и разрушение. К этому типу черных элловитов относился учитель Крэка, Дрэмми Арн. Джонс смотрел на точно такой же лиловый плащ, окутывавший Дрэмми, слишком долго,

чтобы теперь ошибиться. На Тивэде, родной планете Арна, таких людей называли Детьми Хаоса. В Дзоканге их сухо классифицировали как «психократов-деструкторов».

«Интересно», подумал Крэк. — «Как таких людей будут называть на Земле?».

Крэк в очередной раз порадовался тому, что не захватил Брюн с собой. Джонс понимал, что она сразу в этой ситуации почувствует себя заложницей.

И то же самое, вслед за подругой, почувствует и Карл.

Но Крэк этого не хотел, потому что закончиться это могло только смертью обоих черных эллоритов — и пожалуй, даже его собственной. Он не мог оценить потенциал Карла во время трансляции с отпевания. Аппаратура, довольно точно передававшая изображение энергетического кокона, окружающего человека, существовала последние лет пять. Но, в Новгороде про нее, разумеется, ничего не слышали. Левитация же, которую Карл продемонстрировал во время церемонии, относилась к одному из первых, простейших навыков. Обычно перемещаться в воздухе обучали перед тем, как освоить перемещение в пространстве.

Однако в схватке с психократом-деструктором, пусть даже весьма фрагментарно обученным, у Крэка не было шансов.

Джонс чувствовал, что Карл и Брюн встретились. Вот они обменялись информацией, а вот Карл выходит на балкон — лично посмотреть на гостя.

Крэк поднял глаза. Закатное солнце находилось слева от него, било в глаза. Но высокую фигуру в черном, которая появилась на крохотном балкончике, увитом декоративными гипсовыми виноградными лозами, сложно было не заметить. Взгляд Шмеллинга Крэк ощутил всем телом. Ощутил любопытство Карла, насмешку и готовность драться.

Загудели подъемные механизмы. Мост медленно начал опускаться.

Карл и Брюн стояли на нижних ступенях лестницы, что соединяла зал для приемов и внутренние помещения замка Быка. Брюн — слева и чуть позади Карла, и таким образом они казались одного роста. Они оба были в черном; Брюн — все в том же платье с серебряной розой на груди. Бинт, который превратился в грязную тряпку, Брюн сняла. Да и дырка в руке уже затянулась. Карл был в джинсах и расстегнутой шелковой рубашке. На груди у Шмеллинга, органично дополняя ансамбль, висела серебряная пуля на серебряной же цепочке. Крэк обратил внимание, что они оба — брюнеты, причем волосы у обоих выются. У Карла завитки были более плавными и мягкими, а волосы Брюн крутились мелким бесом. Только глаза у парочки были разные. Карл оказался владельцем больших и темных, той миндалевидной формы, которая придает взгляду воспетую многими поэтами томность. Глаза Брюн были голубые, почти прозрачные, того оттенка, что под небом юга становятся яркосиними. «Почему я подумал про юг?», мелькнуло у Крэка. Он тут же сообразил, почему. Манера Карла одеваться, а так же черты лица неоспоримо свидетельствовали о том, что он родился не в Германии, как можно было бы подумать, опираясь на его фамилию, а где-то намного южнее.

— Вы очень красивая пара и здорово смотрите вместе, — искренне сказал Джонс.

Карл молчал и с интересом смотрел на блондина с безупречными арийскими чертами лица и в типично непальской жилетке, который неторопливо вошел в зал для приемов. Брюн чуть улыбнулась и сказала:

— Ты и твоя жена тоже подходите друг другу. Познакомься, Карл. Это Крэк Джонс, я тебе про него говорила.

— Примерно так я тебя и представлял, — сказал Шмеллинг гостю вместо приветствия. — Я знаю, ты пришел за книгой.

— Я пришел помочь вам, — ответил Крэк.

— И как же ты собираешься это сделать? — спросил Карл.

Джонс не успел ответить.

— На всякий случай, имей в виду, — добавил Шмеллинг. — Человек, который нанял

тебя убить нас, сейчас сидит в моем подвале. Скоро и он, и его брат будут мертвы. Мне этого не хотелось. Но они не оставили мне выбора.

— Если вы останетесь здесь, кто-то погибнет, — сказал Крэк. — Либо вы, либо Лот и Ирвинг. Я этого не хочу. Эта книга — моя. Я отвечаю за все, что тут произошло и еще произойдет из-за нее. Да и что вам здесь делать? Я же собираюсь стать президентом этой страны. Это будет нелегко. Мне нужна команда. Я был бы очень рад, если бы вы вошли в нее.

Карл хорошо владел лицом. Но все же Крэк понял, что ему удалось удивить его.

— Вы оба, — продолжал Джонс. — И каждый из вас в отдельности.

— Очень заманчиво, — сказал Карл. — Даже несколько неожиданно. Что требуется от нас?

— Я все-таки хотел бы взглянуть на книгу, — признался Крэк.

Карл и Брюн переглянулись. Шмеллинг чуть прищелкнул пальцами. Крэк отметил эту склонность к театральным жестам. Оптическая иллюзия рассеялась и перестала скрывать от Джонса лежавшую на столе книгу в тяжелом сером стальном переплете. Никакой необходимости в движениях рук при снятии этой иллюзии не было. Но Крэк понимал, почему Карл так поступает. Люди склонны сводить все новое к уже известному. Это Крэк знал, что он управляет энергетическими потоками, пронизывающими материальный мир. А Карл — колдовал. А как нужно колдовать, Шмеллинг уже знал из фильмов и книг, и был в курсе, что магические превращения обязательно сопровождаются жестами и загадочными словами.

— Я не работородец, — сказал Карл. — Если ты пришел действительно за книгой. Если все эти красивые слова были только для того, чтобы успокоить нас, то забирай свой учебник. И давай уже драться, — добавил он меланхолично.

Брюн шумно выдохнула. Крэк усмехнулся. Он знал, о чем думает Карл. Шмеллинг думал, что Крэк сильнее, но с другой стороны, их было двое против одного. Крэк приблизился к столу и внимательно осмотрел книгу, не касаясь ее.

— Я так и знал, — сказал Крэк.

— Что? — поинтересовался Карл.

— Он не пойдет со мной, — сообщил Джонс. — Он выбрал вас и хочет остаться с вами.

Шмеллинг усмехнулся. Он уже тоже подозревал в этой книге нечто большее, чем набор микросхем. И Крэк подтвердил его догадки.

— Я никак не мог понять, как это все вообще могло произойти, — продолжал Крэк. — На учебнике стоял ограничитель. В нем были записаны около пятидесяти образцов ДНК — моя и моих одноклассников, которые должны были учиться по этой книге. Если бы учебника коснулся кто-то, с годным для активации генокодом, но не входящим в список потенциальных учеников, книга не должна была запускать процесс инициации. Этот ограничитель имел вид...

— Застежки, — сказал Карл. — Ирвинг сломал ее.

— Понятно, — произнес Крэк. — Я думаю, мы с вами вот как решим. Я мог бы забрать его, несмотря на его желания. Но лучше вы оставьте книгу себе.

Это был сильный ход. Крэк безошибочно и сразу понял, что Карлу, который привык командовать сам, будет тяжело подчиняться мальчишке, да еще в ситуации, когда иного выбора просто нет. Оставив книгу Карлу, Джонс проявил не только силу характера, но доверие и отсутствие склонности к мелочному контролю. Крэку действительно была нужна эта разбойничья парочка. И к тому же, Карл и Брюн ему нравились.

— Для того, чтобы я мог помочь вам перейти на следующий уровень, вы должны сначала закончить стартовый курс обучения, — продолжал Джонс. — Но я прошу вас пообещать мне, что вы больше не будете никого обращать. Никто не должен касаться этой книги, кроме вас троих — тебя, Карл, тебя, Брюн, и этой маленькой девочки, которую я спас.

— Даши, — подсказала Брюн.

Крэк отлично помнил имя дочери Брюн. Джонс воспользовался этим нехитрым

приемом, чтобы еще раз напомнить о том, что пока он ничего, кроме добра, не причинил этой семейке черных элловитов.

— Хорошо, — сказал Карл. — Я обещаю.

Крэк отошел от стола, демонстрируя тем самым, что больше никак не претендует на книгу.

— Мне хотелось бы узнать, как ты собираешься стать президентом, — добавил Карл.

— Лот обещал мне место в Совете Конфедерации на эту сессию, — сообщил Крэк. — А там посмотрим.

— Да, но это место ты можешь получить только в обмен на наши головы, — спокойно заметил Карл. — Ты не видишь здесь некоторого противоречия?

— Да, — кивнул Джонс. — Я не смогу предоставить Лоту то, что обещал. Придется обмануть его. Предъявить ему муляжи.

— Что? — переспросила Брюн.

Крэк улыбнулся.

— Вы ведь глава новгородской таможни? — обратился он к Карлу. — Не могли бы вы предоставить мне девяносто и... — он окинул Брюн оценивающим взглядом. — И шестьдесят килограмм мяса, лучше всего свинины? Можно с костями. Проведем практическое занятие по теме «Изменение внешних и внутренних параметров белковых объектов, лишенных характеристик живой материи».

— Это все, что тебе нужно? — осведомился Карл.

— Хотелось бы еще какую-нибудь книгу ненужную, — добавил Крэк после краткого раздумья. — Есть шанс, что застежка все еще у Ирвинга. Неплохо было бы ее забрать. Не стоит оставлять здесь никаких доказательств существования волшебных учебников, превращающих людей в упырей.

— Томик Блока подойдет? — спросил Шмеллинг.

— А, так тебе он тоже не понравился? — осведомилась Брюн.

— Понравился, — ответил Карл. — Просто это самая дешевая из моих книг.

— Давайте Блока, — кивнул Джонс. — И вот еще что, Карл. Подумайте, кого вы оставите командовать таможней после вашего отъезда. И сообщите этому человеку вашу последнюю волю как можно скорее.

Раму высокого, в рост человека, овального зеркала украшали крупные темно-красные рубины. Сама же рамка, очевидно деревянная, была обтянута черной кожей. Верхняя часть зеркала была наклонена назад, а нижняя — соответственно, чуть выдвинута вперед.

Лот заметил, что комната за зеркалом отличается от той, в которой он находится. Вид был странным, словно с другой стороны стекла висела черная вуаль — такими закрывают зеркала, если в доме покойник. Сам Лот в зеркале не отражался. В углу зазеркальной комнаты кто-то лежал на матрасе. Человек скрючился, словно от боли или холода, прижав колени к груди. Волосы у него были светлые. А когда он поднял голову и мельком глянул в зеркало, Лот узнал Ирвинга.

Брат тоже заметил его. Лицо Ирвинга исказилось, и он поспешно отвернулся. Но Ирвинг недолго пролежал неподвижно. Он стал кататься по полу, извиваясь в отвратительных судорогах. Судя по всему, он кричал — Лот видел черный провал открытого в крике рта. Но звуки сквозь стекло не проходили. Лот сделал шаг вперед.

Ирвинг, словно почувствовав его движение, перестал кататься. Он встал на четвереньки, а затем поднялся и быстрым шагом приблизился к зеркалу. Вид у него был решительный. Брат пригнулся, чтобы не удариться головой о раму. Лот понял, что он хочет пройти сквозь стекло. Только тут Лот заметил, что лицо Ирвинга словно бы скошено назад и вниз, как череп неандертальца. Да и зубы вроде бы стали крупнее, особенно нижние. Они были такого размера, что из-за них нижняя губа Ирвинга оттопыривалась. Нижняя часть вообще была гротескно выдвинута вперед. Лот догадался, что это наклон зеркала искажает перспективу. Нижняя часть лица Ирвинга была заляпана кровью.

Но пройти сквозь зеркало Ирвинг не смог. Ему навстречу, снизу и словно бы с боков, выскочили звезда, сваренная из светлых трубок, и серебряная собака. Пасть занимала не меньше трети ее тела. Звезда же доходила Ирвингу до плеча, и остро заточенные концы ее лучей опасно поблескивали даже сквозь вуаль. Звезда ударила Ирвинга лучом в грудь и оттолкнула от зеркала. Собака ухватила его за ногу. Ирвинг с трудом вырвался и резво отпрыгнул к стене.

Только теперь Лот заметил, какие странные опоры у зеркала и с его стороны. Правая стойка имела вид серебряной гончей, а левая — звезды с острыми лучами. Морда собаки отчего-то показалась Лоту похожей на лицо Карла. Пустота в центре звезды напомнила о Брюн.

Однако опоры зеркала с той стороны, где находился Лот, явно не собирались никого кусать и колотить. Лот снова глянул в зеркало. Ирвинг пристально глядел на него. Увидев, что брат на него смотрит, Ирвинг потер руками виски, словно принимая какое-то мучительное решение.

А затем улыбнулся Лоту и поманил его рукой к себе.

Лот протянул руку и осторожно коснулся зеркала кончиками пальцев. Он ожидал ощутить холод и гладкость стекла. Но его рука встретила мягкую шелковистость вуали. Лот сообразил, что не было никакого зеркала. Была только рамка, которую кто-то поставил посреди комнаты и набросил на нее ткань.

Лот сделал шаг вперед. В отличие от брата, ему пришлось не нагнуться, а приподнять ногу повыше, чтобы перемахнуть через раму. Ирвинг радостно улыбнулся.

Раздался душераздирающий скрежет.

Лот открыл глаза. Он увидел эмалированное ведро с крышкой и окровавленное тело брата на полу. Сам Лот лежал на старом матрасе. Дверь камеры кто-то открывал снаружи, и она страшно скрипела. Лот понял, что именно этот звук и вырвал его из сна. Последние часы своей жизни он позорно проспал. Вместо того, чтобы попытаться бежать или хотя бы поплакать над телом брата. Причиной этому была нечеловеческая усталость, навалившаяся на Лота. Он заботился о своем здоровье и вел активный образ жизни, однако же восхождение по чугунной решетке над водами Волхова без всякой страховки отняло у него слишком много сил.

Лот поднялся. Он желал встретить смерть стоя.

Дверь открылась. Но вместо Брюн на пороге оказался Крэк Джонс. Подмышкой он держал толстую книгу в сером стальном переплете, а в другой руке у него было нечто кистеня, который Лоту уже доводилось видеть у русских партизан. Тяжелый металлический шар с шипами крепился на цепь. В бою воин раскручивал эту цепь. Этот прием имел оглушительный эффект. Однако его применение требовало большой физической силы и сноровки. Лота несколько удивило это варварское оружие в руках Крэка. Сухощавый парень вовсе не казался мощным. Тем более, что его кистень был двуручным. Колючие шары размером с небольшой кочан капусты свисали с обоих концов цепи. Но затем Лот подумал, что на упырей, возможно, только с двуручным кистенем и ходят.

Крэк тем временем смотрел куда-то под потолок. Лот догадался, что безвкусное, устрашающее украшение, висевшее рядом с лампочкой, привлекло взгляд охотника на вампиров. Лот сообразил, что удивительное зеркало, которое он видел во сне, было искаженным эхом этого черного дикарского бубна.

Джонс перевел взгляд на труп Ирвинга, а затем на Лота. Тот ощутил уверенность, столь же иррациональную, сколь и непререкаемую, что Крэк знает о его сне.

Да что там — он знает о нем, Лотаре Тачстоуне, гораздо более серьезные вещи.

— Лот, скажите мне честно, — произнес Крэк. — Вы действительно хотите оставить область на брата?

Лот кивнул. Вопрос его удивил. Но после всего, что сегодня случилось, он чувствовал какую-то эмоциональную тупость. Другими словами, у Лота уже не было сил удивляться.

— И после того, что мне пришлось пережить, мне этого особенно сильно хочется. Но это невозможно...

— Даже несмотря на то, — перебил его Крэк. — Что девушка, с которой вы сегодня занимались любовью, желает вас именно как главу области?

— И поэтому тоже, — ответил Лот устало. — Ведь она желает не меня, а главу области. Если главой станет Ирвинг, она останется с ним. Я не буду портить ей жизнь из-за минутной слабости. От меня только что ушла возлюбленная. Я знаю, как это тяжело, и не хочу сам разбивать ничье счастье.

— Так она подруга Ирвинга, — сообразил Крэк.

Лот кивнул.

— Как тут душно, — поморщился Джонс.

— Да, — согласился Лот. — Вентиляции в этой яме никакой.

Крэк вздохнул.

— Да что за день сегодня такой, — пробормотал он. — Уже второй за сегодня. Выйдите, — добавил он, обращаясь к Лоту. — Процедура оживления — не из приятных.

Лот подумал, что ослышался.

— Ты можешь оживить Ирвинга? — непослушными губами переспросил он.

— Дело в том, — ответил Крэк, задумчиво осматривая распростертое на полу тело. — Что ваш брат еще не умер.

Лот закрыл глаза и несколько мгновений слушал тяжелые, гулкие удары своего сердца.

— Мне нечем заплатить тебе за это, — сказал он наконец.

— Да ладно, — буркнул Крэк и добавил с усилием: — Ирвинг — хороший парень. Мы вместе Калькутту брали. Так, быстренько, быстренько...

Он всучил Лоту свой кистень и чрезвычайно ловко выставил Тачстоуна за дверь. Лот на негнущихся ногах дошел до стены коридора и прислонился к ней. Сзади дверь карцера с жутким скрежетом захлопнулась. Что-то теплое мазнуло Тачстоуна по штанине. Видимо, стекающая с шипов кистеня кровь. Лот посмотрел на оружие, чтобы перехватить его поудобнее и не испачкаться еще сильнее.

В глазах у него потемнело.

В руках у Лота был вовсе не двуручный кистень, а головы Карла и Брюн. Крэк связал их за волосы. Глаза на белом, как мел, лице Карла были открыты. Лот видел красные, полопавшиеся сосуды вокруг черной радужки. Из рта Брюн вывалился почерневший, распухший язык.

Лот повернулся спиной к стене, присел на корточки и закрыл руками лицо.

Связка из двух мертвых голов, которую он выпустил, глухо шлепнулась об пол.

Перед тем, как уйти, Крэк попросил Карла и Брюн проработать с помощью своих наставников главу «Уничтожение образов в ноосфере».

— Мы назвали это ментальной зачисткой, — сказал Джонс. — По выходным мы часто спускались из монастыря в один небольшой городок, который находился рядом. И там многие знали нас в лицо — ну, бармен, хозяин тира. Теперь же нельзя было допустить, чтобы кто-нибудь узнал нас, когда наши лица начнут мелькать в новостях.

— И вы стерли память жителям городка? — спросила Брюн.

— Нет, — ответил Крэк. — Залезть в голову каждому из пятидесяти тысяч жителей — тут свихнется и великий Будда. Мы уничтожили собственные образы в ноосфере, понимаете? Жители Нью Энда помнят нас, помнят, что общались с нами. Но уже никогда не смогут узнать при встрече.

Шмеллинг был более рационален.

— Ноосфера... а как же физические носители? Фотографии, заметки в газетах? — спросил Карл.

— Материальные носители изображений тоже нужно уничтожить, — кивнул Крэк. — Спросите у книги, как это делается.

И они спросили. Впервые оба наставника — рыжий бог и юная разбойница — пришли вместе. Карл и Брюн сидели за столом, едва не соприкасаясь головами. Как два школьника, готовящие уроки. Брюн подумала о том, что у Крэка было много таких дней — когда он сидел над книгой в своей келье, и слушал, что ему рассказывает крохотный учитель. Или же у Джонса не было отдельной комнаты, и он сидел в классе, вместе с другими учениками? Брюн уже заметила, что хотя она и видит Локи, беседующего с Карлом, но не слышит, что рассказывает рыжий бог.

Маленькая Разбойница топнула крохотной ножкой.

— Ты меня не слушаешь! — заявила она, обиженно надувая губки.

— Слушаю-слушаю, — извиняющимся тоном отозвалась Брюн. — Ты остановилась на том, как найти своего эфирного двойника в ноосфере. Он может быть совсем не похож на меня настоящую...

— Да, — кивнула Маленькая Разбойница. — Ты — это представление себя самой о себе. А эфирная копия — это представление других о тебе. Обнаружив этот эмоционально-энергетический сгусток, следует...

У Ирвинга был обалделый и одновременно счастливый вид человека, который поскользнулся и рухнул в пропасть, но в последний момент его поймали за лодыжку и втянули обратно. Отсвет увиденного — невыразимая пустота бездны — еще горит в его глазах. Но и спасенный, и спаситель хотят отойти от скользкого края как можно дальше и быстрее.

Лот крепко обнял брата. Крэк деликатно отвернулся и поднял валяющиеся на полу головы. У Джонса тоже был измученный вид. Воскрешение мертвых — совсем не такое легкое дело, как может показаться на первый взгляд.

— Там какая-то делегация на берегу около замка, — сказал Крэк. — Я думаю, вам лучше выйти, показаться. Навести порядок.

— Я знаю, как пройти на обзорный балкон, — ответил Лот. — Пойдемте.

Ирвинг и Крэк последовали за старшим Тачстоуном по полуосвещенным коридорам. Когда они миновали зал, где ровно гудела и светилась розовым «жужелица», Лот заметил:

— Вот здесь теперь весь заряд из батареи нашего флаера.

Ирвинг покосился на механизм. «Жужелица» вдруг погасла. Несколько кратких мгновений она выглядела как ненужный мертвый кусок железа, оплетенный проводами.

— А сейчас куда заряд делся? — пробормотал Ирвинг.

Жужелица снова засветилась. Лот даже не успел ничего заметить. Он не обратил внимания и на то, что Джонс стал выглядеть гораздо бодрее. Ирвинг же как-то странно взглянул на Крэка, но ничего не сказал. Ирвинг почуял, как Джонс приложился к энергии, что плескалась в «жужелице», и сделал пару больших глотков. Но у Ирвинга не нашлось слов для того мимолетного ощущения, что промелькнуло на самом краю его сознания. Крэк, в отличие от Карла и Брюн, мог питаться не только человеческой энергией. Он мог усваивать и более грубые, необработанные виды энергии. Но если Брюн была внутренне готова к зрелищу истаивающего в воздухе автомобиля, то Ирвинг не смог расшифровать те образы, которые он увидел.

— Нашел свой учебник? — спросил Ирвинг, кивая на книгу в руках Крэка.

— Все произошло из-за того, что он попал в плохие руки, — ответил Джонс серьезно. — Теперь его надо закрыть. Но застежка, видимо, потерялась...

Ирвинг хлопнул себя по лбу и полез в карман джинсов. Крэк остановился рядом с ним, притормозил и Лот. Ирвинг не без труда извлек черную кованую застежку наружу и протянул ее Джонсу.

— Вот она, — сказал Ирвинг. — Совсем забыл про нее. Хотел отдать Карлу, но тогда не успел.

— Оно оказалось и к лучшему, — заметил Лот.

— Спасибо, — с чувством произнес Крэк.

Он хотел надеть застежку на торчащие из края книги штырьки, но передумал и переложил ее себе в карман. Тачстоуны и Джонс двинулись дальше и оказались в небольшом зале, где ощутимо пахло порохом. Лота передернуло — он узнал это место. Старший Тачстоун ускорил шаги. Ирвинг дошел до большой лужи крови на полу. Он остановился и перевел взгляд на стену, в которой зияли три пулевых отверстия. Ирвинг стоял и смотрел на них, как зачарованный. Лот добрался до выхода из зала и обернулся на брата. Крэк дернул Ирвинга за рукав.

— Пойдем, — сказал Джонс мягко.

— Я никогда этого не забуду, — прошептал Ирвинг.

Взгляд его приобрел более осмысленное выражение, и он поправился:

— Я никогда не забуду того, что ты для меня сделал, Крэк.

Джонс улыбнулся.

— Обращайся, — сказал он.

Троица принялась подниматься по лестнице. Она, насколько помнил Лот, выводила на обзорный балкон.

— Крэк, — сказал Ирвинг. — Я тоже касался книги. Я видел, что Карл превратился в летучую мышь... Я теперь такой, как они?

— Нет, — сказал Крэк серьезно.

Губы Ирвинга побелели.

— Ты отобрал это у меня, — сказал он, болезненно улыбаясь. — Когда воскрешал. Да? Крэк усмехнулся.

— Если бы ты знал, чем ты хочешь владеть, ты пришел бы в ужас, — ответил Джонс. — Но грязь пристает только к гнилой душе. Здоровая душа ее отталкивает. Ты остался человеком, вот и все. Поэтому ты не смог бороться с Карлом, когда он взял вас в плен. Ты по-прежнему будешь видеть ауры других людей, но это все, к чему у тебя есть способности. Возможно, это последствия войны, когда мы все нахватались всякой дряни.

— Прости, — сказал успокоенный Ирвинг.

Крэк молча кивнул.

На самом деле младший Тачстоун был и прав, и неправ. Крэк не мог «отобрать» у него способности. Видоизмененную ДНК не свернешь обратно. И бой с Карлом Ирвинг проиграл не потому, что его душа была гипотетически здоровее, а потому, что выпил банку пива перед тем, как отправиться на эту битву. Алкоголь очень сильно ослаблял контроль над энергетическими каналами. Даже такой опытный эллотрит, как Крэк, в пьяном виде начинал вязать кружева из чугунных качелей и валить деревья. Джонс знал, что его рассуждения о чистой душе окажутся созвучны той идеологии, которую успел вложить в голову Ирвинга ловкий священник. И что эта созвучность успокоит младшего Тачстоуна.

Но Ирвинг абсолютно точно почувствовал, что Джонс разрушил в его ауре каналы управления потоками энергии.

Однажды Лоту за большие деньги удалось достать схему внутренних помещений замка Быка. Это был один из первоначальных чертежей, сделанных еще Щемелиным. Лот выучил его почти наизусть. Однако же он понимал, что Суетин, а затем и Карл вполне могли произвести некоторые перепланировки. Все же, Лот надеялся, что даже если это произошло, никаких радикальных изменений в общий план внесено не было. Меньше всего ему захотелось заблудиться в замке, а в перспективе — натолкнуться на кого-нибудь из людей Шмеллинга. Голова Карла в руках Ирвинга не располагала к диалогу с таможенниками.

Но все прошло благополучно. Зрительная память не подвела Лота. Тачстоуны и Джонс выбрались на обзорный балкончик. Он находился над восточными воротами замка Быка. Балкончик был рассчитан человек на пять, не больше. Оградой ему служила легкая решетка. На ней пышно и вечно цвел вьюнок. Его раскидистые лозы и крупные цветы были выкованы из того же чугуна, что и прутья ограждения. Так же на балкончике обнаружилось кресло и небольшой столик. Видимо, покойный Карл любил просиживать здесь вечерами, любуясь

видом. И он того стоил.

С балкончика были прекрасно видны даже руины церкви Благовещенья, не говоря уже о большой площадке перед мостом. Мост сейчас был поднят. Площадка, как и предупреждал Крэк, оказалась заполнена людьми. Даже в сумерках было заметно, что это не просто горожане. Темные рясы не оставляли никаких сомнений в том, что перед замком Быка собрались монахи. Крупную фигуру отца Анатолия, которую Лот узнал даже с такого расстояния, окружала полоса почтительной пустоты.

— Он привел людей на смерть, — пробормотал Крэк.

В этот момент и Лот понял, что монахи под руководством отца Анатолия собрались здесь для штурма замка Быка. Попытка действительно была смехотворной и была обречена на провал.

— Карл не стал бы стрелять по безоружным, — ответил Лот.

— Да брось ты, — презрительно обронил Ирвинг. — Ты слишком хорошего мнения о нем.

Лот хотел ответить, но тут толпа на берегу заметила их и взорвалась громкими криками. Старший Тачстоун повернулся лицом к людям и поднял руку, требуя тишины. Каковая немедленно воцарилась. Воспользовавшись моментом, отец Анатолий крикнул:

— А где упырь и ведьма?

Лот взял Крэка за ту руку, в которой Джонс держал связку мертвых голов, и поднял ее.

— Этот парень одолел упырей! — бросил Тачстоун в вечерний сумрак.

Ответом ему были радостные вопли.

— Нашего героя зовут Кирилл Иванов. Он спас не только нас, но и весь Новгород! — продолжал Лот. — Я назначаю его представителем нашей области в совете Конфедерации! Если он справился с такими тварями, то уже чиновников точно одолеет!

Толпа одобрительно заворчала, слышались смешки.

— Вынесите тела ведьмы и упыря, мы сожжем их, как следует! — крикнул отец Анатолий в ответ. — И книгу проклятую тоже сожжем!

— Ждите, мы выходим! — гаркнул Лот.

Джонс и Тачстоуны покинули обзорный балкончик.

— Где их тела? — спросил Лот у Крэка.

— В таком зале... ну, там еще обои из шелка, — ответил Джонс.

— Понятно, — пробормотал Лот. — Тогда нам здесь налево.

Когда троица вошла в зал, Лот осведомился у брата:

— А откуда отец Анатолий знает про книгу? И вообще, как он и его молодчики оказались здесь?

— Перед тем, как мы вылетели из дома, я позвонил ему и все рассказал, — ответил Ирвинг. — Ты в это время возился с ракетами. Я решил, что он должен знать. Мы могли погибнуть, и кто-то должен был повести народ против упырей.

Лот покачал головой, но промолчал.

Георгий Лубенец был матёрым журналистом и редактором «Новгородских ведомостей». В субботу вечером он задержался на работе, чтобы поправить статью своего начинающего коллеги Андрея Долгоносика. Дома у Лубенца было двое прелестных карапузов в том возрасте, когда они совместно производят больше шума, чем танковый взвод, прогревающий двигатели — и, соответственно, никакой возможности поработать. То ли дело собственный кабинет в редакции. Кабинет Лубенца находился в самом дальнем, самом тихом углу на третьем этаже. Дальше начиналось огромное помещение архива. В нем хранились почти все выпуски «Новгородских ведомостей» с момента основания газеты.

Долгоносик, возбужденный, как пятиклассник, перепутавший двери и попавший в женскую парную вместо мужской, ворвался в редакцию. Георгий ловко успел переместить бутылку водки под стол прежде, чем Андрей ее заметил.

— Отец Анатолий сжигает Шмеллинга! — выкрикнул Долгоносик. — Я на берег,

собирать свидетельства очевидцев битвы с упырем!

— Сдашь материал до одиннадцати — поставлю в завтрашний номер, — тут же среагировал Лебенец.

— Одиннадцати утра?

— Вечера, — сухо поправил его начальник.

Андрей рванулся было к двери, но Георгий остановил его властным жестом.

— Как добираться думаешь? — спросил он. — Маршрутки туда пока не ходят.

Лубенец улыбнулся собственной шутке. Долгоносик затравленно посмотрел на начальника.

— А вы мне разве такси не оплатите? — проблеял он.

Георгий нахмурился.

— Я что, похож на дочь Рокфеллера? — грозно осведомился редактор.

Долгоносик сник. Было видно, как борются в юном журналисте желание увидеть свой репортаж на первой полосе и нежелание опять завтракать кофе-циkoriем и черным хлебом.

— Позвони на «Славию», — сказал мудрый Лубенец. — У них хоть один дежурный оператор наверняка еще на студии болтается. И фургон у них есть. Пообещай сенсацию взамен того, что тебя отвезут к месту событий.

— Спасибо! — воскликнул Андрей и кинулся прочь из кабинета, на ходу вытаскивая мобильник.

— Эх, молодежь... Все учить надо, — по-отечески усмехнулся редактор.

Он аккуратно и ловко вытащил водку из-под стола. Во время разговора с коллегой бутылка приятно холодила правую лодыжку Лубенца своим пузатым боком. Георгий извлек из верхнего ящика стола стакан, плеснул на дно и немедленно выпил. Крякнув от удовольствия, он достал сигарету и закурил.

— А ведь жалко, — сказал он, стряхивая пепел в медную пепельницу.

К кому обращался Лубенец и чего ему было жалко, осталось загадкой. Георгий принял внутрь еще одну порцию водки, откинулся на спинку кресла и закемарил. Сон, который он увидел, имел несколько пикантный характер. В нем фигурировала дама, черноволосая и пылкая, как огонь.

Возможно, именно поэтому проснувшись от запаха дыма и увидев пылающие шторы, Лубенец почти не растерялся. Он схватил бутылку — водки в ней еще оставалось больше половины — и бросился к выходу. По коридору еще можно было пройти. Языки пламени танцевали по стенам и ласкали двери архива, словно знали, что за ними — пятнадцать тонн вкусной бумаги. «Финская полиграфия», автоматически подумал Лубенец. Когда Георгий уже бежал вниз по лестнице, он услышал жуткий треск ломающегося дерева. Вскрыв архив, как устрицу, пламя приступило к желанному деликатесу.

Лубенец выскочил на улицу и чуть не столкнулся с пожарным в блестящей каске. Тот раскатывал шланги с самым хмурым выражением лица. Как и подобает настоящему профессионалу, он был полностью сосредоточен на своем деле и не заметил редактора. Но его товарищ немедленно подскочил к Лубенцу.

— В здании еще кто-то есть? — спросил пожарный.

Георгий отрицательно покачал головой.

— Отчего загорелось, не знаете? — продолжал допытываться пожарный.

Лубенец снова покачал головой, на этот раз менее уверенно. Перед его внутренним взором появился окурок. Мясистая мужская рука небрежно положила его на край медной пепельницы и чисто символически надавила. Это должно было обозначать тушение. Но Георгий видел алую точку, тлеющую на конце сигареты. Затем окурок плавно и неторопливо, как в замедленной съемке, перевалился через край пепельницы. Он приземлился на темно-бордовое ковровое покрытие, которое было постелено во всех кабинетах редакции. От времени оно совершенно истерлось, стало лысым, как спина у слона. Вдруг, совершенно не в тему, мелькнула пара женских ножек. На их обладательнице на современный манер были надеты синие джинсы и почему-то — белые шелковые носки.

Обуви у женщины не было. По этой детали Георгий узнал гурию из своего сна.

На сером от грязи покрытии вокруг алой точки начало расплываться черное пятно...

Георгий потряс головой, чтобы отогнать наваждение.

Раздался грохот и гул. Пожарный схватил Лубенца и еле успел оттащить в сторону. На то место, где они только что стояли, приземлилась длинная пылающая крестовина рамы.

— Ни фиги себе, — пробормотал пожарный, глядя куда-то вверх.

Георгий последовал его примеру. Алое пламя вырывалось из окон архива, закручивалось в дымные спирали, роняло желтые слёзы.

— Что там, мебели много? — пробормотал пожарный.

— Нет, — сказал Лубенец. — Это архив. Четыре огромных комнаты, набитые сухой первосортной бумагой.

Пожарный помрачнел.

— Подкрепление вызвать, — бросил он сквозь зубы и отошел от Георгия.

В Лубенце проснулся профессионал.

— Эй, подождите, — крикнул он в спину удаляющемуся пожарнику. — А кто вызвал вас?

Пожарный оглянулся через плечо, и осведомился недоверчиво:

— А разве это были не вы?

И снова направился к машине.

— Ну что же, — пробормотал Георгий. — Некоторым приходится гоняться за новостями. К некоторым материал приходит сам.

Он вытащил из кармана рубашки мобильник. Включил диктофон и проверил уровень записи.

Лубенец направился к пожарному. Тот уже вызвал подкрепление и теперь стоял со шлангом в руках. Камера на мобильнике работала исправно и имела большое разрешение. Георгий сделал несколько прекрасных снимков, прежде чем приступить к интервью.

Недавно стукнуло уже восемь лет, как «мерседес» Эрика колесил по дорогам Новгорода, но Химмельзон все еще ни в чем не мог упрекнуть надежную немецкую машину. Эрик думал, что окажется на берегу одним из первых. Однако на подъездной дороге к замку Быка уже стояли несколько авто. Химмельзон припарковал «мерседес» у обочины, сразу за фургоном телерадиокомпании «Славия». Эрик вылез и захлопнул дверь. Ему сразу же пришлось посторониться, чтобы пропустить трех здоровенных монахов. Деловитые, как муравьи, они тащили бревно. Эрик уже видел их, когда проезжал Шолохово. Монахи раскатали по бревнышку два пустующих дома на окраине деревни. Впрочем, Эрику показалось, что участь домишек не изменилась бы и в том случае, если бы в них все еще кто-то жил.

Он обошел фургон и направился к лестнице, которая вела вверх по склону к площадке перед воротами замка. Судя по ровному гулу человеческих голосов, основное веселье происходило именно там. Следом за фургоном телевизионщиков обнаружилась старенькая «Истра», почти такая же, в которую Химмельзон сегодня чуть не врезался. На другой стороне дороги, опасно накренившись в сторону канавы, обнаружилась передвижная лавка «Мясного двора», новгородской компании, которая славилась своими мясопродуктами. Эрик узнал его по нарисованной на борту коровьей голове. Химмельзона чуть не вырвало при мысли, что кто-то сможет есть шашлыки, глядя на костер, где сгорают тела Шмеллинга и Брюн. Но Эрик справился с собой. Следующее чувство, посетившее старого врача, была чем-то средним между восхищением оперативностью и организаторскими талантами владельца «Мясного двора», и брезгливостью в духе «с дерьма пенку снимет». Правда, в этом случае пенка снималась не с дерьма, а с крови. Чуть поодаль, уже почти у самой лестницы, стоял старый грузовик с брезентовым тентом, на котором черной краской был грубо выведен крест. Эрика передернуло при виде этого креста, и он поспешил дальше. Поднявшись по полустертым бетонным ступенькам на площадку, Химмельзон огляделся.

В дальнем углу площадки виднелся полосатый тент мясодворской лавки. Возле нее кучковались горожане, прибывшие на праздник очищения от скверны. Именно так называли происходящее в том репортаже, который увидел Эрик. В центре монахи споро и бессуетно сооружали огромное кострище. Те, кого искал Химмельзон, обнаружились ближе к берегу. Тачстоуны, отец Анатолий и еще один парень, которого Эрик совсем не хотел видеть, стояли в сторонке и вели негромкую беседу. Чудовищно изуродованные тела лежали метрах в трех от них на брезенте. Никто не удосужился хотя бы прикрыть их. А может, не сочли нужным. Эрик направился к духовным и светским руководителям области. Пока Химмельзон пересек площадку (пришлось обогнуть будущее кострище по широкой дуге), отец Анатолий, Ирвинг и сын Эрика куда-то отошли. Химмельзон был скорее рад этому. Ему совсем не хотелось разговаривать с человеком, который теперь звался Кириллом Ивановым. «Как имя меняет человека», подумалось Эрику. — «Джотфрид Химмельзон никогда не опустился бы до подобной мерзости».

Эрик остановился метрах в пяти от Лота, не решаясь подойти. Тачстоун сидел на раскладном стульчике. У него был вид человека, совершенно убитого горем. Однако Лот заметил старого врача и сделал приглашающий жест рукой.

— Вы что-то хотели? — спросил он с вымученной любезностью, когда Эрик приблизился.

Химмельзон набрал в грудь воздух, собираясь с духом.

— Моя просьба может показаться несколько странной, — произнес он. — Но Карл обращался ко мне по поводу изменений, происходящих с ним.

При имени бывшего друга и соперника глаза Лота озарила короткая вспышка. Но Тачстоун промолчал, терпеливо ожидая, когда Эрик закончит.

— Шмеллинг отказался лечиться, — продолжал Химмельзон. — Но разрешил мне исследовать его тело, когда... когда...

— Я вас понял, — ответил Лот. — Я попробую решить ваш вопрос. А теперь извините, мне нужно идти.

Тачстоун поднялся. Эрик посторонился, пропуская его. Лот направился к Ирвингу и отцу Анатолию, которые стояли на небольшой трибуне. Она словно по мановению волшебной палочки возникла рядом с костром. Химмельзон пропустил монахов, тащивших брезент. С тюка капало черное и густое, свисала белая рука. Эрик последовал за Тачстоуном, держась в некотором отдалении, чтобы не вызвать раздражения своей назойливостью. Лот присоединился к брату и священнику. Крэк скромно стоял в углу трибуны, его почти не было заметно. Тела тем временем возложили на костер.

— Петька, беги в машину за бензином! — крикнули где-то рядом с Эриком. — Сырое все, гнилое — не будет гореть!

— А где он?

— В канистре, в углу там валяется.

Петька метнулся за бензином, чуть не сбив Эрика с ног. Химмельзон едва успел отскочить с пути молодого румяного парня. Он же, совершенно очевидно, даже не заметил Эрика. Его глаза были наполнены чувством долга и азартом. Химмельзон оказался у подножия трибуны, сбоку от нее. Здесь почти не было людей. Основная масса зрителей собралась перед возвышением, чтобы лучше видеть своих руководителей.

— Ну что, — услышал Эрик голос отца Анатолия. — Начнем, пожалуй?

— Вы знаете, там один врач... Небеснов, может, слышали о таком, — раздался голос Лота. — Он просил отдать ему одно из тел для вскрытия. Небеснов хочет установить причину случившегося.

Эрик уже и не надеялся, что Тачстоун вспомнит о его просьбе. Но Лот в который раз подтвердил свою репутацию вдумчивого и чуткого руководителя.

— Причина здесь вовсе не в телах, — внушительно ответил отец Анатолий. — А в душе, которую Шмеллинг продал дьяволу!

Эрик мрачно сплюнул. Но тут, к его удивлению, в беседу вмешался младший Тачстоун.

— Карл бывал на «лестницах в небо», — возразил Ирвинг. — Он и правда был мутантом. Я думаю, стоит удовлетворить просьбу Небеснова. Выдать ему не все тело, конечно, но хотя бы часть. Голову, например. Я слышал, самые сильные изменения происходят у мутантов в мозгу.

— Давайте послушаем совета профессионала, — предложил отец Анатолий. — Ведь чудовищ повергли вы, Кирилл? Что вы скажете в данном случае?

По голосу священника было ясно слышно, что ему страсть как не хочется выпускать из своих лап ни кусочка тела поверженного врага. И Крэк это понял.

— Ни в коем случае, — услышал Эрик решительный голос сына. — Упырь должен быть сожжен, весь, целиком. Иначе я не гарантирую, что он снова не встанет.

У Химмельзона потемнело в глазах.

— Вот видите, — с плохо скрываемым торжеством в голосе откликнулся отец Анатолий.

— Да, тогда тут не о чем говорить, — согласился Лот. — Давайте начинать. Я вижу, бензин уже принесли.

Эрик перевел взгляд в ту сторону, где находился костер. В глазах у старого врача постепенно прояснилось. Он увидел квадратную основу для костра, тела, лежащие на ней, и монаха, который торопливо поливал их бензином из пластиковой белой канистры.

— Богомерзкая книга тоже там? — осведомился отец Анатолий.

Видимо, ему в ответ кто-то кивнул, потому что вслух ничего произнесено не было. Настоятель откашлялся.

— Братья и сестры! — звучно начал он.

Тот легкий ропот, который всегда витает над большим скоплением людей, стих.

— Сегодня мы собрались здесь, — продолжал отец Анатолий. — Чтобы поставить точку в печальной горькой истории нашего плена. Долгих двенадцать лет жили под тяжким игом захватчиков, железным сапогом топтавших нашу землю. Но не оскудела еще земля Русская на героев и богатырей! Потомок псов-рыцарей по примеру своих поганых предков вонзился в нашу землю каленым клином — свиньей...

Этого Эрик уже не выдержал. Он бросился прочь. За время приготовлений народу прибыло, и старый врач с трудом пробился сквозь толпу к спуску. На лестнице Эрик подвернул ногу и чуть не покатился вниз, считая ступеньки ребрами. Это отрезвило Химмельзона. Он стал двигаться медленнее, поглядывая себе под ноги. Голос отца Анатолия гремел над толпой. Но Эрик его уже не слушал. Прежде чем сесть за руль, Химмельзон еще успел почувствовать мерзкий запах — будто бы горящей свинины.

Но Эрик знал, что это пахнет не шашлыками от передвижной лавки «Мясного двора».

Архив Новгорода занимал девятиэтажное здание-свечку. Оно стояло чуть в отдалении от других домов. Архив окружали голубые ели. Самые старые из них уже почти сравнялись в росте со зданием. Небольшая территория, примыкавшая к архиву, была обнесена чугунной изгородью.

В архиве находились только два человека — сторож Ксенофонт, крепкий парень лет двадцати пяти, и его подруга Вера. Они спали обнаженными на стареньком диване в камерке сторожа, крепко прижавшись друг к другу.

Коммунисты, построившие архив, были людьми мудрыми и сведущими в логистике. Здание начали заполнять от верхних этажей к нижним. Документы, относящиеся к новейшей истории города, находились на третьем этаже. Здесь хранились свидетельства владычества Федора Суетина над Новгородом, свидетельства о рождении и смерти четырех из пяти его детей и много прочего, что привело бы в восторг историка. Так же здесь хранились документы, содержащие первые упоминания о Карле Шмеллинге и Лотаре Тачстоуне.

В торце здания на каждом этаже находилась скромная комнатка туалета. Помимо трех унитазов, ничем не отгороженных ни друг от друга, ни от случайных зрителей — коммунисты считали стыдливость и право на личное пространство буржуазным пережитком

— в туалете имелось и две раковины, где можно было помыть руки. Тайну несовпадения количества очко-мест и рукомойников строители унесли с собой в могилу. Из крана текла только холодная вода. Создатели светлого будущего не были склонны к излишествах вроде уюта и комфорта. Мыла в туалетах не было. Однако на третьем этаже имелось зеркало, рассеченное пополам длинной трещиной.

Из кранов всегда потихоньку капало, о чем молчаливо свидетельствовал длинный рыжий потек на раковине. И ночью не меньше, чем днем.

Затертый пластиковый вентиль на кране медленно повернулся. Вместо печальных капель в раковину ударила веселая струя. Необычными были два обстоятельства: это произошло одновременно в туалетах всех этажей, начиная с первого по четвертый, и вода, хлынувшая из кранов, была нестерпимо горячей. Зеркало на третьем этаже мгновенно запотело. Старая раковина с забитым сливом не была рассчитана на столь мощный напор. Вода перелилась через край и потекла по полу.

Ксенофонт проснулся от странного шума. Он спустил ноги на пол и тут же поджал их, от неожиданности громко выругавшись. Пол оказался залит горячей водой примерно по щиколотку.

— Чего ты лаешься, — сказала Вера сонно.

Ксенофонт не успел ответить. С потолка с грохотом обрушился пласт известки. Вода хлынула прямо им на головы. Вера закричала. Ксенофонт схватил со стула какую-то одежду, девушку, и вылетел в коридор. Здесь уровень воды был выше, и идти было сложнее. К тому же, было темно. Пару раз Ксенофонта коварно атаковали стулья и один раз — что-то более массивное. Как не напуган был Ксенофонт, он все же сообразил, что включать свет не стоит. К чему приведет короткое замыкание, он знал. Их тела успели бы превратиться в хорошо протушенное мясо прежде, чем выбило бы предохранители. Чувствовалось мощное течение, и вело оно...

Конечно, к дверям архива. Ксенофонт кое-как добрался до них. Вера громко, непрерывно визжала.

— Заткнись, — сказал он и ей опустил девушку в воду.

Ксенофонт слышал, что холодная вода оказывает успокаивающее действие. Но выяснилось, что и теплая вода вполне для этого годится.

— Фоя, что это? — зарыдала подруга.

— Трубу прорвало, здесь же гнилое все, — буркнул в ответ ее кавалер.

Он сунул руку в карман за ключами от двери. Открывать ее в ночное время категорически запрещалось. На сигнализацию для архива Покатикамень поспешил, положившись на честность сторожа. В каком-то смысле он не ошибся — все ценное в архиве, вроде цветного телевизора и кнопочного телефона было вынесено еще до того, как Ксенофонт устроился сюда. Но и Ксенофонт пользовался отсутствием сигнализации каждый вечер, впуская подругу. Сторож здраво рассудил, что уж открыть дверь ради того, чтобы спастись, им сам бог велел.

Рука Ксенофонта скользнула по бедру. Он сообразил, что ключи остались в кармане брюк, а брюки — в сторожке где-то в конце темного коридора. Ксенофонт вспомнил, что прихватил с собой какую-то одежду. Он торопливо проверил мокрые тряпки, которые все еще сжимал в свободной руке. Ксенофонт не удалось установить на ощупь, какие именно части гардероба он спас, но ключей в них не обнаружилось.

Ксенофонт закусил губу и толкнул дверь плечом. Вода радостно, как показалось парню, загудела. Но дверь не поддавалась.

— Помоги-ка мне, — бросил он подруге.

Уровень воды все повышался. Становилось все жарче и душнее, как в парилке. Вера уперлась руками в мокрую створку. Ксенофонт поднатужился и толкнул еще раз.

Дверь выломало из косяка вместе с петлями. Она вылетела из проема и с грохотом скатилась по ступенькам, словно чудовищная карикатура на санки. Вслед за ней кубарем

выкатились два тела. Их вытолкнула не столько инерция от собственного толчка, сколько мощная струя воды, ударившая из проема.

Ксенофонт поднялся, дрожа. Несмотря на то, что по календарю все еще было лето, находиться ночью на улице в мокрой майке с комфортом для себя мог только «морж» — закаленный любитель зимних купаний. «Моржей» хватало в Новгороде, но Ксенофонт к ним не относился. Он глянул на одежду, которую так и держал в руке. Это оказалось Веркино платье и лифчик. Подруга уже встала с мокрого асфальта, от которого валил пар.

— На, оденься, — сказал Ксенофонт и протянул подруге одежду.

— А ты-то как пойдешь? — спросила Вера. — Может, хоть лифчиком срам прикроешь?

Ксенофонт хотел ответить, куда надо засунуть этот лифчик, но передумал. Он вспомнил, что ключи от ворот тоже остались в штанах, и, значит, придется перелезть через забор.

— Что, — сказал он благодушно. — Боишься, что тебе все завидовать будут?

Вера усмехнулась:

— Да, такое богатство не стоит показывать всем...

Ксенофонт кое-как перевязал чресла лифчиком.

— Пошли в котельную, — сказал парень решительно. — Она через два дома здесь. Пусть воду отрубят.

Парочка направилась к забору. Ксенофонт галантно подал даме руку, помогая ей взобраться первой. Пока Вера отдувалась, сидя верхом на заборе и собираясь с силами для спуска, он обернулся и глянул на архив. Вода по — прежнему текла из черной пасти входа, но уже не хлестала, как из ведра. Лестница была усеяна клочьями важных документов, проваренных и обесцвеченных кипятком.

«Но почему же она горячая?», подумал Ксенофонт. — «Отродясь здесь не было горячей воды».

Он выбросил из головы никчемные мысли и оседлал забор.

Оранжевое пламя танцевало в ночи. Вздмалось над головами маленьких черных человечков — веселых, довольных и пьяных. Лот стоял на трибуне в полном одиночестве, с бутылкой медовухи в руках. Ему кто-то вложил ее в руку. Лот уже не помнил, кто так трогательно позаботился о нем. Тачстоун не стал пить. Его всегда коржило от одного запаха перебродившего меда. Но и выбрасывать бутылку не торопился. До тех пор, пока она находилась в его руках, Лот был избавлен от неумолимой необходимости получить вторую порцию выпивки.

Лот смотрел на костер и думал о том, что предки Карла тоже поднимались в небо по алым ступеням огня. Способ погребения, который применили к Шмеллингу, для Карла был лишен того смысла, который в него вкладывали русские. Наоборот, Шмеллинг наверняка был бы доволен, что с его телом поступили именно так. Лот задумчиво посмотрел в сторону невидимого в ночи замка-моста. «Неужели только мне одному кажется странным, что люди Карла не заступились за него, не вышли забрать его тело?», подумал Лот. Но эта мысль тут же исчезла, как будто кто-то стёр ее мокрой тряпкой. Тачстоун вернулся к своим проблемам.

Ведь рядом со Шмеллингом на погребальном костре возлежала и Брюн...

Лот тряхнул головой, отгоняя невеселые мысли.

Отец Анатолий и Крэк давно покинули трибуну. Лот хорошо видел их обоих в отсветах костра. Любопытная толпа обступила их. Джонс, не чинясь, рассказывал про свой подвиг. Отец Анатолий, стоявший рядом с ним, отхлебывал что-то мутное из бутылки, которую тоже держал в руках. Настоятель уже перешел на напитки более крепкие, чем медовуха.

Лот не нашел брата рядом с ними и забеспокоился. Раздались шаги. Лот обернулся и увидел Ирвинга.

— А ты что к нам не идешь? — спросил тот. — Так весело! Сейчас музыку наладят, танцы будут.

— Староват я уже для танцев, — спокойно ответил Лот. — Да и пары у меня нет.

— Ах да, Брюн... — Ирвинг невольно перевел взгляд на костер.

Он похлопал Лота по плечу и сказал сочувствующе, но и с воодушевлением:

— Ты правильно поступил. Так ее, изменщицу! И всех их так!

Лот посмотрел на Ирвинга глубоким взглядом.

— Я убил ее не потому, что она мне изменила, — ответил он. — А потому, что Брюн вместе с Карлом превратилась в жестокого демона и стала опасна для людей. Если бы не это, ну... пусть бы она была счастлива.

— Ты слишком добрый, брат, — покачал головой Ирвинг.

Лот пожал плечами:

— Ну вот какой есть.

Раздался громкий треск. Настил, на котором лежали пожираемые пламенем тела, прогорел окончательно и провалился внутрь костра. В небо взметнулся сноп искр. На лицах столпившихся у костра людей заплескали причудливые блики. Почтенные горожане на миг превратились в уродливых гномов и гоблинов.

Марго хотела постелить Кати в гостиной. Но девушка недвусмысленно дала понять, что будет спать хоть на полу, но рядом с Дашей. Джотфрид оставил ребенка в надежных руках. Тогда Марго без всякого энтузиазма предложила перенести для гостии раскладное кресло. Пожилой женщине не очень-то хотелось тащить тяжеленное кресло, царапая краску на полу. Эрик не мог им помочь. С час назад муж выскочил из кухни, где смотрел вечерние новости, как ошпаренный. Эрик покинул дом, крикнув, что скоро вернется.

Кати сказала: «Конечно», и в следующий миг разобранное кресло появилось в углу детской. Это было именно их кресло. Марго видела глубокую царапину на ножке, которую прогрызла Неждана, когда ей было десять месяцев. Марго принесла белье. Кати любезно сказала, что дальше они справятся сами. Сомневаться в этом было глупо. Марго покинула детскую.

У нее чуть кружилась голова и подрагивали колени.

В один день обрести сына — и неизбежную вину перед ним — да еще к тому же такую шуструю невестку, было многовато. А как Кати умела обращаться с детьми! Марго не сомневалась, что Даше пришлось многое пережить в последнее время. Девочку, судя по всему, похоронили заживо. И для взрослого очнуться в гробу было бы шоком, что уж говорить о ребенке! Когда Даша появилась в доме Небесновых, она была молчалива, и вид у нее был пришибленный. Марго ушла готовить обед, а Кати осталась с ней. Она о чем-то ласково разговаривала с девочкой. Марго разрешила им взять старые игрушки Нежданы. Про себя она радовалась, что дочь вместе с группой из лицея уехала на три дня в Валдай на пленэр. Кати и Даша играли. Вскоре из детской послышался тихий, робкий смех. Теперь он сменился ровным сопением.

Марго направилась в спальню, досадуя, что муж еще не вернулся. В темном холле ей послышалось какое-то движение. Какой-то скрип, натужное пыхтение и шорохи.

— Эрик? — спросила она, остановившись на верху лестницы.

— Да, это я, — ответил муж.

Марго спустилась и обнаружила Эрика. Он сидел в кресле с импульсной винтовкой в руках. Энергетическая спираль чуть лиловела во тьме. Муж всегда держал оружие заряженным. Кресло же он перетащил в центр холла. Именно этот шум и привлек внимание Марго.

«Эрик поставил кресло так, чтобы держать под прицелом дверь», вдруг поняла она.

Марго опустилась на резную лавочку у стены. Рядом, на подоконнике, стояли горшки с геранью. Цветы мощно пахли в темноте.

— Господи, что случилось? Кого ты ждешь? — спросила Марго.

— Нашего сына, — ответил Эрик.

Как и Марго, он не мог так сразу привыкнуть к новому имени сына, которое было, несомненно, жаргонной кличкой. Значение слова «сгаск» было известно каждому, кто

прожил в Штатах больше года. А Эрик и Марго провели там гораздо большую часть жизни. И *«лучший, превосходный»* было всего лишь одним из многочисленных оттенков смысла, которые американцы вкладывали в это словечко. Называть вслух Джотфрида его настоящим именем Эрик считал рискованным, поскольку оно было очень редким.

— Это какой-то ужас, — продолжал Эрик. — Меньше ста лет назад эти люди, русские — первые среди землян, между прочим — вышли в космос. А теперь они сжигают на кострах ведьм и книги... Я еще успел поработать на Большом Адронном Коллайдере. А мой сын — охотник на вампиров.

— Но Крэк же вроде хотел помочь Брюн и Карлу, — пробормотала Марго.

— Он их предал, — жестко ответил Эрик. — Я сам видел изуродованные тела Карла и Брюн на костре. Он отрубил им головы.

— Но... про Шмеллинга говорят, что он... — колеблясь, начала Марго.

— Шмеллинг — мутант, — перебил жену Эрик. — Его ДНК была повреждена «лестницей в небо». Я недавно проводил тесты. И выяснилось, что изменения генома Карла продолжают. Да, возможно, Шмеллинг приобрел какие-то способности и не может ими управлять. Ты должна помнить дело Эйхманна. Ты ведь даже нашего сына назвала в его честь. Наверное, Карлу можно было помочь. Я сохранил доклад Винченцо. Тогда они сумели справиться с нестабильностью генома. Но Карл отказался обследоваться. А его же не заставишь...

— Да уж конечно, заставь его поди, — подавленно согласилась Марго. — А подруга Карла, жена Лота? Ведь Брюн летала в гробу?

— Настоятель Деревяницкого монастыря ненавидел всю семью Суетина, — поморщился Эрик. — Он лишь воспользовался случаем, чтобы окончательно расправиться с незащищенной женщиной. И Карл, и Брюн — жертвы мракобесия, невежества и непомерных амбиций. Как Суетин, так и Шмеллинг со своей независимостью были как кость в горле у Анатолия. Ведь этот пронырливый церковник старается прибрать к рукам всех сколько-нибудь значимых людей в области. Он и ко мне подкатывал.

— Да ты что? — вяло удивилась Марго. — Ты мне не рассказывал. И что?

— Я сказал ему правду — что я атеист, — пожал плечами муж. — Всю жизнь прожил атеистом, и теперь, на пороге смерти, терзаясь страхом физического уничтожения, продавать свою душу за обещание бессмертия не намерен. Это как-то мелочно по отношению к богу, я считаю. Да и в любом случае, я ничего не выиграю. Как ни крути, мне прямая дорога в ад. А Джот... Я уверен, он придет за Дашей. Вместе с отцом Анатолием. Она последняя, в ком течет кровь Суетина.

Эрик провел рукой вдоль накопительной батареи, проверяя степень готовности оружия. Марго вздохнула.

Отец Эрика умер очень рано. В ту зиму, когда Эрику стукнуло четырнадцать, к их дому, затерянному в снежно-черном великолепии зимнего фьорда, прибрел медведь. Злой, голодный и жутко опасный медведь-шатун. Зверь стал ломиться в дом, чувствуя добычу. Эрик взял ружье, приказал матери открыть дверь и спрятаться за ней. Едва зверь оказался на линии огня, он застрелил медведя. Об этом случае Марго рассказала старая фрау Гильдис, когда они ездили проведать свекровь. Эрик, как и в случае с попыткой покупки его души, не счел нужным рассказывать жене о таких мелочах.

— Пожалуйста, не стреляй сразу, — чуть не плача, сказала Марго. — Дай мне посмотреть на него в последний раз.

— Нет, — сказал Эрик. — Единственное, что является для них непреодолимой преградой — это силовое поле.

Дом Небеснова прятался в куполе силового поля, как и жилища большинства зажиточных граждан. В отличие от дома Лота, окруженного большим земельным участком — в силу чего и понадобились отдельные ворота в силовом поле — силовой купол над домом Эрика и Марго замыкался непосредственно на дверь.

— После того, как дверь откроется, второго шанса у меня не будет, — закончил

Эрик. — Муж и жена — одна сатана. Кати тоже на его стороне, не забывай об этом.

Эрик хотел взять у Даши слюну на анализ. Кати мягко, но решительно воспрепятствовала ему. Она же ненавязчиво перемыла всю посуду после ужина, таким образом лишив Химмельзона последней возможности собрать образцы. Эрик хотел только узнать, унаследовала Даша порфирию своего отца или нет. Поведение Кати привело старого врача просто в бешенство.

Раздалась приятная мелодия. В доме Небесновых на сигнал присутствия была поставлены первые такты песенки «Норвежский лес» одной старинной английской группы.

Марго беззвучно разрыдалась. Слезы текли по ее морщинистому лицу.

— А вот и он, — сказал Эрик.

Химмельзон навел винтовку на дверной проем и крикнул:

— Войдите!

Легкое гудение сообщило об отключении поля.

Винтовка смотрела прямо в грудь Брюн. Брюн поборола желание выбить оружие из рук Андрея Ивановича мысленным приказом. «Это все нервы», напомнила она себе. — «В городе черт знает что творится, все боятся. Что ждать от людей, которые дважды видели меня мертвой?».

Тут Брюн сообразила, что Небеснов мог просто не узнать ее. На ней была черная куртка с капюшоном, скрывавшим лицо. Брюн хотела снять капюшон. Но вовремя догадалась, что стоит ей только двинуть рукой — и Андрей Иванович застрелит ее. Брюн очень осторожно пошевелила головой. Капюшон сполз сам.

— Здравствуйте, Андрей Иванович, — сказала она медленно и самым мягким голосом, каким только могла. — Я пришла за Дашей.

Врач опустил винтовку.

— Вы? — изумился он.

— Да, это я, — ответила Брюн, чувствуя себя глупо как никогда. — Нельзя ли зажечь свет?

Щелкнул выключатель. Засветилась, медленно набирая мощность, полоса люминофор на потолке. Брюн увидела, что в холле они не одни. Слева, у окна, на котором пышно цвела герань, сидела заплаканная жена Небеснова.

— А где Крэк? — спросила Маргарита Анатольевна растеряно. — Разве он не убил вас и Шмеллинга?

— Ваш сын разыграл этот отвратительный спектакль, чтобы спасти нас, — терпеливо ответила Брюн.

— Но постойте, кого же тогда сожгли на кострах? — возразил старый врач.

— На костре сожгли сто с чем-то килограмм свинины, которым Крэк придал внешний вид наших тел, — сказала Брюн.

— Да, действительно, запах был именно такой. Так вот почему он отказался отдать мне хоть кусочек, — пробормотал Небеснов.

— Вы пытались забрать наши тела? — заинтересовалась Брюн. — Зачем?

Андрей Иванович выпустил винтовку и снял очки. Он извлек из кармана кусочек мягкой фланели и принялся протирать их.

— Вы хотели распластать нас, — сообразила Брюн и продолжала гневно, с нескрываемым презрением: — Посмотреть, что у нас внутри, чем же мы так отличаемся от остальных людей...

— Карл разрешил мне сделать это, — возразил старый врач.

Он водрузил очки на нос, но смотреть в сторону Брюн избегал.

— И что? — спросила Брюн. — Вы думаете, для Карла есть разница, сожгут его как вампира или как мутанта?

Небеснов промолчал.

— Мы покинем Новгород сегодня ночью, — ледяным тоном продолжала Брюн. —

Крэк просил извиниться, что он не сможет придти проститься с вами. Теперь он знает, где вы живете. Возможно, он скоро навестит вас.

Небеснов прищурился.

— А скажите-ка мне, что вы мне обещали, если я сохраню одну неприятную медицинскую информацию в секрете, — потребовал он.

Брюн яростно посмотрела на Андрея Ивановича.

— Вы думаете, это иллюзия, гипноз? — спросила она. — И на самом деле это все-таки Крэк явился за Дашей?

Врач усмехнулся:

— Отвечайте на вопрос. Не увиливайте.

— Я сказала, что отдам остатки акций завода, — сказала Брюн. — Теперь я могу забрать свою дочь?

— Да, — сказал Небеснов. — Можете. Марго, проводи.

Брюн аккуратно сняла летние туфли из черной замши. Из-под темно-синих джинсов выглянули белые шелковые носки, относительно чистые. Невесть почему, это успокоило Марго. Она всхлипнула в последний раз и сказала:

— Пойдемте.

Старый врач проводил взглядом женщин, поднимающихся по лестнице на второй этаж. Эрик повесил ружье обратно на стену. Он предчувствовал неприятный разговор с Марго. Слова Брюн про то, что Эрик хотел «распластать» Карла, произвели на жену тяжелое впечатление. «А ведь могла бы уже привыкнуть», подумал Эрик.

Усталость и раздражение накатили на Химмельзона. Почему они не понимают, что это для их же блага? Не живого же Карла он собирался вскрывать, в конце концов. Только так можно победить невежество. «Какая разница, вампир или мутант», прозвучали в голове Эрика слова Брюн. «Очень большая. В эту разницу можно было уложить всю историю прогресса человечества», подумал Химмельзон. Да и еще и Джотфрид отказался навестить родителей, и теперь бог весть когда появится снова.

Эрик направился в кухню, чувствуя себя старым, больным и никому не нужным.

Подъездная дорога к замку Быка была забита наглухо. Прихотливая цепочка выстроилась почти до самой деревеньки Шолохово. Лот насчитал сто сорок три автомобиля, пока шел мимо. «И как они будут разъезжаться?», думал Лот.

Если бы Лот только заикнулся об этом, его бы подвез до дома любой из владельцев этих машин. Но Тачстоун не стал никого просить и шел пешком. Во-первых, ему не хотелось рисковать своей жизнью, вверяя ее наверняка пьяному водителю. До дома Лота от замка Быка было около десяти километров. Лот вспомнил, как меньше месяца назад прогулка днем на расстояние полутора километров казалась ему рискованной. Тачстоун усмехнулся.

Теперь ему было все равно, имеются ли среди новгородцев желающие убить его, или нет.

Лот нашел свой пистолет в зале для приемов на столике. Теперь он не боялся встречи с каким-нибудь шальным бандитом, решившим ограбить одинокого путника.

Тачстоун хотел мертвецки устать, и сразу заснуть по возвращении домой, чтобы избежать горьких мыслей. Утром, думалось Лоту, легче будет смотреть на жизнь. Ирвинг остался возле костров. Брат жадно расспрашивал Крэка, как тот уничтожил упырей. Джонс охотно и не чинясь рассказывал эту нехитрую историю.

В пятый раз за вечер, насколько помнил Лот.

Вместе с Ирвингом ее слушали все желающие, число которых не уменьшалось. Конечно, это Лот назначил Крэка представителем Новгородской области в Совете Конфедерации. Но к утру уже весь Новгород будет молиться на своего собственного охотника за нечистью. Опасения насчет заговора инопланетян терзали Лота не меньше, чем днем. Но попытка самостоятельно разобраться с Карлом закончилась так, что Тачстоуну не хотелось даже вспоминать об этом. Если бы Джонс не появился, Карл или Брюн прикончили

бы Лота.

И все же Крэк вызывал в нем невольное отвращение.

Однако мыслей избежать не удалось. Лот шагал по черной дороге, освещенной лишь звездами. Мысли грохотали в голове в такт шагам, словно жернова старинной мельницы, и причиняли Лоту почти физическую боль.

Что же я наделал. О боги, что.

У меня была возлюбленная, и дочь, и друг.

А потом я испугался — и теперь у меня нет ни дочери, ни друга, ни возлюбленной.

Лишь ветер развеивает серый пепел, в который превратились их кости.

Я остался один.

Да, там было чего испугаться. Упыри. Инопланетяне. Проклятая книга.

Но теперь мне бояться совершенно нечего. Я потерял все, чем дорожил.

Если бы я смог быть лишь чуточку хладнокровнее. Мудрее. Терпимее.

Я потерял контроль над собой, когда Брюн в первый раз применила магию. Но вся та боль, что она причинила мне, ничто по сравнению с той болью, что я испытываю сейчас.

Дашенька, моя милая девочка. Обаятельная умничка. Сколько было вложено в тебя, сколько женихов бы валялись у тебя в ногах. Господи, я жалел, что у меня нет сына. Теперь у меня нет и дочери. Разве сын был бы так ласков со мной, разве мне бы так хотелось жить ради него?

А ведь Карл, если бы захотел, мог единолично править областью с самого начала. Он мог тогда расстрелять всех нас. Но он не захотел. Когда я спросил его, почему, он ответил: «Я побоялся, что мне будет скучно среди этих медведей. Ты наполовину немец... я подумал, что нам будет о чем поговорить».

А мне теперь поговорить попросту не с кем.

Лот миновал церковь, которую в народе называли Пьяной. Это место посещал почти каждый свадебный кортеж. По русским обычаям, после собственно венчания гости и молодые ехали «кататься» по округе. Обычай требовал от молодоженов переехать семь мостов. Пьяная церковь стояла сразу за первым, Синим мостом, который находился ближе всего к Новгороду. И если до седьмого моста доезжали немногие, то уж хотя бы один мост пересекали все.

Тачстоун выбрался на шоссе и двинулся в сторону города. Лот медленно шел мимо танка — памятника времен Второй мировой войны. Это был настоящий танк Т-34. Его поддерживало в сохранности Новгородское общество ветеранов всех войн. Танк стоял на бетонном пьедестале. Почти до середины гусениц он утопал в пластмассовых венках. Их принесли сюда весной в честь празднования той, старой Победы. О ней теперь помнили лишь ревнители старины. На длинном стволе пушки висели венки из свежих цветов, оставленные многочисленными новобрачными. Резко пахли цветы, кисло воняло шампанским. Видимо, кто-то впопыхах разбил бутылку.

Когда Лот почти миновал танк, из-за него появился серебристый силуэт. Лот узнал Карла и замер на месте. Призрак медленно приблизился. Лот разглядел черные крылья, благодаря которым Шмеллинг держался в воздухе. Он неторопливо помахивал ими, поднимая легкий ветер. На бледном лице Карла темнели черные провалы глаз.

— Если тебе опять нужна моя энергия, чтобы ожить, — сказал Лот негромко. — То пожалуйста, бери ее. Бери всю. И прости меня, Карл. Жаль, что меня одного не хватит, чтобы оживить еще и Брюн.

Призрак улыбнулся и поднял руку. Лот закрыл глаза. Он помнил, как это больно, когда из тебя высасывают жизнь, пьют твою суть. Тачстоун ощутил легкое, очень холодное прикосновение. Карл похлопал его по плечу — дружески, успокаивающе.

Но больше ничего не произошло.

Лот открыл глаза.

Карл все еще висел перед ним. Шмеллинг отдал Лоту честь в той резкой манере, в какой это было принято в немецких частях — выкинув руку почти вертикально вверх.

И исчез.

Лот проглотил подкативший к горлу комок и пошел дальше.

Вскоре он увидел огни улицы Гагарина. Лот хотел добираться по окружной дороге, не заходя в город, но вспомнил, что дома может быть Лена. И девушка должна была уже очень проголодаться. Тачстоун свернул в сторону огней. Миновав вал, Лот зашел в небольшой круглосуточный магазинчик. Лот накупил полуфабрикатов — быстрых в приготовлении, хотя и не очень вкусных. Кулинария все еще работала, несмотря на поздний час. Тачстоун догадался, почему. Все, кто ехал на сожжение упырей, не могли миновать этого магазинчика. Торговля шла бойко.

Лот ощутил, что очень хочет есть. А ему предстояло еще больше половины пути с тяжелой сумкой в руках. Тачстоун зашел в кафетерий. Он купил бутерброд с ветчиной и сыром и большую чашку горячего шоколада. На утомленной продавщице была фирменная униформа этой сети магазинов — красный кокошник и фартук. Именно Брюн ввела моду на горячий шоколад в Новгороде. Шоколад из автомата, который продавщица налила Лоту в картонный стаканчик с симпатичным Петрушкой — торговым знаком заведения — был, конечно, бледной тенью по сравнению с тем, который готовила Брюн. Лот подумал, что этот шоколад — нечто вроде прощания с уходящей Брюн. Он сам чувствовал ложный пафос этих мыслей, и стыдился его. Но слеза, скатившаяся по щеке Тачстоуна и упавшая в шоколад, была самой настоящей.

Лот допил шоколад и покинул магазин. Было около трех часов, самая глухая пора ночи. Стало по-настоящему холодно. Тачстоун пошел быстрее, чтобы согреться. Когда он миновал темную громаду завода, выпускавшего жевательную резинку, то услышал сзади шум мотора. Звук нарастал, приближался. Лот сошел на обочину и засунул руку в карман. Сегодня пистолет один раз подвел своего хозяина, но это не была вина доброго оружия.

Машина догнала Тачстоуна и остановилась. Лот обернулся, шурясь от света фар.

Дверца «Истры» открылась, из нее высунулся Ирвинг.

— Если ты домой, — сказал он брату. — То садись к нам.

Лот с усилием улыбнулся и кивнул.

Он с трудом втиснулся на заднее сиденье автомобиля, рассчитанного, по его ощущениям, на каких-то карликов. Это нельзя было отнести к конструктивным особенностям национального бренда. Большинство русских, которых знал Лот, были весьма рослыми и крепкими людьми. Теперь он разглядел, что за рулем сидит послушник Пётр. Тачстоун несколько успокоился за собственную жизнь — этого парнишку он знал. Петр был совершенно равнодушен к спиртному.

— Ты продуктов накупил, — сказал Ирвинг, заметив сумку. — Черт, а вот я не сообразил! Ты такой хозяйственный, Лот. Это просто здорово.

Говоря так, он тревожно вглядывался в лицо брата.

Хотя бы один человек, который искренне любил Лота и переживал за него, остался в живых после этой жуткой истории.

— Поехали, — сказал Лот и захлопнул дверь.

Дома Лены не оказалось.

Да оно было и к лучшему.

Брюн освоила технологию уничтожения отражения в ноосфере быстрее, чем Карл. Справившись с заданием, она умчалась за Дашей. Карлу пришлось повозиться. Его эфирный слепок был более значителен по размерам и мощности, и глубже отпечатался в сознании жителей Новгорода. Да и изображений Шмеллинга за годы его жизни здесь успело накопиться немало. Карл порадовался, что свое время отказался от бронзового бюста. Подхалим-архитектор предлагал установить памятник на центральной площади города.

Теперь Карл сидел на обзорном балкончике. Ноги он закинул на ажурную решетку

ограждения. В одной руке Шмеллинг держал сигарету, и время от времени затягивался. В другой у него был бокал с сухим вином, привезенным из Аргентины. Раскрытую книгу Шмеллинг положил рядом с собой на столик так, чтобы Локи тоже мог видеть костры на берегу. Рыжий бог сидел на странице и смотрел в темноту.

Карл прощался с Новгородом и замком Быка.

— Почему-то всегда, откуда бы я ни уходил, за моей спиной оставались пылающие костры, — сказал Шмеллинг.

— Важно не что ты оставляешь за собой, — ответил на это Локи. — А что ты с собой приносишь.

Он хотел вернуться в книгу. Локи неожиданно заметил, что она отключена, и источник питания — заблокирован. Карл перекрыл своему наставнику доступ к источнику энергии книги, а без постоянной подпитки рыжий бог не смог бы долго продержаться. Локи оглянулся. Шмеллинг смотрел на него и улыбался. Локи еще раз попробовал вернуться в книгу, но у него ничего не вышло.

— Давай поговорим, — предложил Карл и затянулся.

— Этим я занимаюсь последнее время, нервы только порчу, — довольно угрюмо ответил Локи.

— Кто ты?

— Твой электронный наставник, — терпеливо начал Локи.

Шмеллинг отрицательно покачал головой.

— Крэк сказал, когда увидел книгу: «Он не пойдет со мной». Я задумался. Мне и раньше казалось, что ты — не машина. Видишь ли, я учился в университете. И есть принципы, которые одинаковы при любом обучении. Сначала читают обзорный курс, дают базовые знания. Потом начинается специализация. Ты же учишь с пятого на десятое, бессистемно. Рассказываешь о том, о чем попросят. Ты, видимо, при жизни не был учителем. А теперь я в этом разобрался. В книге есть источник энергии и небольшое... устройство. В нем содержится что-то химическое. Я думаю, то вещество, которое вводится в кровь при инициации.

Локи смотрел на него очень спокойно, даже с интересом.

— Крэк что-то говорил о своих учителях и одноклассниках, — продолжал Карл. — О том, что хочет стать президентом этой страны. Я не знаю, где учат на президентов, да не особо и хочу знать. Я хочу знать, кто ты и почему ты сбежал.

— Меня зовут Фосерри, а моя фамилия звучит как «бескрылый дракон» на языке моего народа, — мрачно ответил тот, кто прикидывался порождением искусственного интеллекта. — Земляне звали меня Вараном. Форсом Вараном. Я эллорит.

Карл напрягся. Он затянулся, медленно выпустил дым и спросил:

— Так ты инопланетянин?

— Я не телкхассец, — догадавшись, о чем он думает, ответил Фосерри. — Для эллорита после третьего или пятого воплощения перестает иметь значение, какая планета была твоей родиной.

— Но последнюю жизнь ты провел на Ирре, — заметил Карл.

— Нет, — сказал Варан. — Но мне не хотелось бы сейчас распространяться об этом.

— Как ты оказался в книге и почему бежал из той школы, где подростков учат на президентов? — спросил Шмеллинг.

— Учитель Крэка убил меня, — ответил Фосерри. — Точнее, уничтожил мое физическое тело раньше, чем я был готов подыскать ему замену. Я еще не могу сформировать собственное стабильное энергетическое поле. Мне оставалось только тихо угаснуть. Но я этого не хотел. И я решил отомстить. Я вычислил предмет, от которого зависел успех программы этих учителей, воплотился в него...

— Ты же говорил, что вас, таких книг, несколько.

— Правильно, но все эти учебники — по разным предметам.

— Я понял, — произнес Карл задумчиво. — И ты заставил Ирвинга украсть эту книгу.

— Нет. Этого бы не смог никто из богов. Этот парнишка убийца, а не вор. Знаешь — «Мы не ворует, мы отнимаем». Я просто телепортировал книгу в его сумку, воспользовавшись общей суматохой, — поправил его Фосерри. — Никто не заметил пропажи, а потом было уже поздно. Они изготовили замену. Но та книга уже была не так эффективна.

— Понятно, — пробормотал Карл.

— И как мы с тобой теперь будем? — спросил Варан.

Шмеллинг махнул рукой, снимая блок между ним и источником питания книги.

— Спасибо, — сказал Фосерри. — Но я имел в виду, вообще.

— Ты не хочешь больше учить нас с Брюн, — догадался Карл.

Фосерри пожал плечами:

— Я думал, это ты больше не доверишь мне.

— Мне надо подумать, — сказал Шмеллинг.

Они с Вараном почувствовали колебания эфира одновременно. Кто-то телепортировался на балкон. И Карл даже понял, кто.

— Привет, Даша, — сказал он, не оборачиваясь.

— Привет, дядя Карл, — откликнулась девочка. — А что это там за огоньки на берегу?

— А это нас святой великомученик Анатолий сжигает, — рассеянно ответил Карл.

— А, — равнодушно произнесла Даша.

— По-моему, звание великомученика дается посмертно, — смеясь, сказала Брюн.

Она уже полностью проявилась из пустоты рядом с Дашей.

— Я знаю, — меланхолично ответил Шмеллинг.

Даша заметила Фосерри и произнесла восторженным шепотом:

— Мама, он живой?

— Живой, — откликнулся Варан.

— Тебе не стоило разгуливать по берегу, — заметила Брюн, обращаясь к Карлу. — Если тебя заметили, все старания Крэка окажутся напрасными.

Даша воровато покосилась на взрослых и бочком-бочком стала подбираться к книге.

— А я не разгуливал. Я не покидал замок. Да и отец Анатолий жив. Скоро он уснет, после трапезы и обильных возлияний. И больше уже не проснется, — усмехаясь, ответил Карл. — При вскрытии окажется, что у него спеклась селезенка. Видимо, вследствие употребления некачественного спиртного на народных гуляниях по поводу казни упырей. Утром не добудятся и еще кое-кого, кто сейчас пьет вместе с ним. Причина смерти будет та же самая. Так что ничего подозрительного в этой смерти не будет.

Даша тихонько протянула руку к рыжему богу. Тот вздохнул и запрыгнул к ней на палец. Глаза девочки стали круглыми от восторга.

Брюн покачала головой:

— Что это ты так разошелся?

— Я послушал речь, которую отец Анатолий произнес над моим телом, — сообщил Карл. — Очень проникновенное было выступление. Я узнал о себе много нового и интересного. А так же ознакомился с некоторыми фактами русской истории, о которых не имел не малейшего представления. Оказывается, немцы уже пытались захватить свободолюбивый Новгород. Еще в двенадцатом веке. Но этих псов, этих свиней какой-то доблестный князь утопил в озере.

— Анатолий припел даже Александра Невского, — сообразила Брюн. — Но я гляжу, ты не терял зря времени. Раньше ты не умел отсрочивать смерть.

— Я прочитал еще пару глав в книге, — сообщил Карл. — Да и еще кое-кого навестил, кроме этого старого упыря. Надо было попрощаться.

В этот момент он ощутил, что на балконе присутствует еще один человек, совершенно незнакомый ему. Карл перегнулся с кресла и глянул на гостя. Это оказалась девушка с белыми, как снег, волосами.

— Карл Шмеллинг, — учтиво сказал он. — С кем имею честь?

Девушка покраснела от неожиданности. Она попыталась сделать реверанс, и чуть не опрокинула ящик с цветами.

— Перестаньте дурачиться, — улыбнулась Брюн. — Это Кати, жена Крэка.

— Очень рад, — церемонно сказал Карл.

Даша увлеченно играла с рыжим богом.

— Предлагаю попить чаю, — сказал Карл. — Все равно нам придется дожидаться Крэка.

Шмеллинг перехватил взгляд Кати, устремленный на бутылку в его руке.

— Ну или чего-нибудь покрепче, — добавил Карл.

— Нет-нет, чай будет в самый раз, — ответила Кати. — Если у вас есть зеленый, это было бы вообще замечательно.

Карл поднялся, затушил сигарету.

— Прошу, — сказал он и двинулся прочь с балкона.

— Даша, закрой книжку, и пойдем, — сказала Брюн.

Брюн с дочкой и Кати последовали за Шмеллингом. На ходу Карл это время разговаривал по мобильнику с поваром замка Быка.

— ... и рагу, — произнес он. Прикрыв динамик рукой, Карл осведомился у женщин: — Я не спросил, вы есть не хотите? А то чаем только кишки полоскать.

Брюн и Кати высказались в том смысле, что они поберегут фигуру. Карл нажал отбой.

— А зачем вам рагу, дядя Карл? — любопытствовала Даша. — Разве вы не едите людей, как я и мама? Я думала, что в рагу теперь для нас нет никакого смысла.

— Это так, — со вздохом признался Карл. — Но ты вот любишь леденцы, хотя, согласишься — ими не наешься.

Это был весомый довод, и оспаривать его Даша не стала. Вся компания переместилась в столовую. Карл разместил ее рядом со спальней на первом этаже. Стол уже был накрыт. Нерасторопные слуги в замке Быка не задерживались. Брюн и Кати принялись пить чай. Карл с наслаждением приступил к рагу. Даша отказалась и от чая, и от рагу. Девочка бесцельно слонялась по залу, посасывая сушку. Между делом Даша рассматривала картины на стенах и кариатид, держащих потолок. Оформитель зала выдержал статуи в общем для замка неоготическом стиле. У крайней слева кариатиды были змеи вместо волос. Соседке достался всего лишь один глаз, гордо разместившийся в центре лба. У третьей было столько рук, словно она была сестрой Шивы.

Карл вдруг наклонился к Кати и накрыл ее руку своей. Девушка вздрогнула и чуть не расплескала чай себе на платье.

— Милая, — сказал Шмеллинг. — Что вы так на меня коситесь? Черным эллоритам нельзя пить и есть, что ли?

Кати смущенно покраснела. Брюн кашлянула. Карл отодвинулся, убрал руку.

— Можно, — негромко ответила Кати. — Но вот вы употребляете алкоголь... Вы после этого не испытываете сложностей с контролем собственной силы?

— Так ты боишься, что я сейчас начну все крушить, — сообразил Карл. — Нет, не волнуйся. Ничего подобного со мной не происходит.

— А со мной — происходит, — пробормотала Брюн. — Я тут недавно... Ой... И выпила-то немного.

Кати понимающе кивнула.

— И курить мне пришлось бросить, — со вздохом сказала Брюн. — Об этом я не жалею. Но вот пару бокалов вина время от времени хотелось бы выпить.

Она с надеждой посмотрела на девушку.

— Это вряд ли, — ответила Кати. — Чем выше уровень управления энергией, тем выше риск при сбое контроля над каналами. В общем, я бы на вашем месте не рассчитывала на то, что вам скоро удастся снова ощутить вкус вина.

— А как же я? — заинтересовался Карл.

— Видимо, вы — психократ-деструктор, — серьезно произнесла девушка. — Только деструкторы могут употреблять наркотические вещества, не опасаясь, что их сила вырвется

наружу.

— Что за деструктор? — заинтересовался Шмеллинг.

— Это один из видов черных эллоритов, — раздался голос из пустоты.

Даша испуганно шарахнулась в сторону. Девочка опрометью кинулась к матери. Из-за колонны с кариатидой вышел Джонс.

— Ну наконец-то, — поприветствовал его Карл. — Мы тебя уже заждались.

— Присаживайся, — сказала Брюн. — Выпей чайку с нами.

Крэк устроился за столом. Кати уже хлопотала с чайником.

— Лот выписал мне подорожную, — ответил Крэк. — Оказывается, добраться отсюда до Твери можно только по воде. Он честно предупредил меня, что после случившегося вряд ли ваши люди выделяют мне катер.

Карл понимающе усмехнулся.

— Видимо, Лот все еще рассчитывает отправить в Тверь Ирвинга, — заметила Брюн.

— Зачем нам катер? — сказал Шмеллинг. — В нашем распоряжении есть чудесный восьмиместный флаер.

— Лот пытался атаковать замок на пассажирском флаере? — изумился Джонс.

— Нет, на боевом, — ответила Брюн. — Карл имеет в виду флаер, спрятанный в основании замка.

Крэк отхлебнул зеленого чая и осведомился:

— Почему бы не воспользоваться флаером Лота? Не хотелось бы лишать шанса на спасение тех, кто будет владеть замком после вас.

— Дело в том, что батарея флаера Лота разряжена, — пояснил Карл.

— «Жужелица»? — спросил Крэк.

Шмеллинг кивнул.

— Вы не могли бы проводить меня к агрегату? — попросил Крэк.

— А что ты хочешь сделать? — спросила Брюн.

— Мне надо подкрепиться, — сказал Крэк. — Очень насыщенный выдался день. А остальную энергию я могу попробовать перекачать обратно в батарею флаера. Не знаю, получится ли у меня. Это зависит от модификации «жужелицы». Но попробовать можно.

Карл промолчал. Однако было заметно, что Шмеллинг думает о разнице между тем, кого учил развлопощенный эллорит, и тем, кто учился на сверхчеловека последовательно и прослушал полный курс.

— Хорошо, я покажу тебе, где стоит «жужелица», — сказал Карл. — Следуй за мной.

— Кати надо будет пройти на борт флаера, — сообщил Крэк. — Мы должны создать с ней нечто вроде цепи.

— Даша, хочешь пойти со мной? — спросила Кати. — Тебе пора научиться чему-нибудь еще, кроме как есть людей.

Девочка насупилась, но кивнула.

— Заодно и захватите наши вещи со склада, — кивнул Карл. — Там уже все приготовлено.

— А что делать мне? — спросила Брюн.

— Я бы на твоём месте попрощался с замком, — ответил Шмеллинг.

Карл проводил Крэка до жужелицы и прислушался. Он обнаружил Брюн там, где и ожидал. Подруга находилась в комнате своей старшей сестры. Шмеллинг телепортировался туда. Брюн сидела на тахте, поджав ноги и глядя в окно. Книга, перевернувшая их жизнь, лежала на столике перед Брюн. На лице ее были отчетливо дорожки от еще непросохших слез.

— Можно пока заполнить бланки паспортов, — предложил Карл, чтобы вывести подругу из мрачного раздумья.

— Хорошая мысль, — откликнулась Брюн.

Карл подвинул книгу и устроился за столом.

В Конфедерации не было единого образца удостоверений личности. Единственным общеобязательным условием являлось наличие фотографии владельца и печати руководителя региона. В некоторых, технологически более высоко развитых областях вроде Челябинской или Иркутской, вместо фотографии помещали отпечаток большого пальца. А в Новосибирской на бланке кодировали ДНК его владельца. В Новгородской же области паспорта можно было заполнить и от руки, чем Карл и занялся. Брюн не стала возражать. В отличие от нее, у Шмеллинга был очень аккуратный и красивый почерк. Да и писал он грамотно, без ошибок.

— Ты в каком году родилась? — спросил Карл.

— В тридцать шестом.

— Старушка, — хмыкнул Шмеллинг. — Мы тебя помладше сделаем года на два...

— А ты ведь с тридцатого года? — уточнила Брюн.

— Да, — кивнул Карл. — Но я себя постарше сделаю, посолиднее. Дату рождения менять не будем, а то так и запутаться можно.

Он дружески пихнул Брюн локтем под ребра и добавил:

— Если хочешь, можно одну фамилию написать.

Брюн опустила взгляд. Она молчала лишь на секунду дольше, чем должна была бы. Выражение лица Карла изменилось.

— Я так и думал, — сказал он сквозь зубы.

Шмеллинг резко поднялся со стула. Он взял книгу и свой, не до конца заполненный, паспорт.

— Прощай, — сказал Карл. — Паспорт на Дашу не забудь заполнить.

— Куда ты? — воскликнула Брюн.

Но Карл уже медленно таял в воздухе.

— Ты можешь остаться в замке, если захочешь, — еще донесся его голос. — Теперь, когда меня не будет, он снова твой.

Карл исчез окончательно. Брюн метнулась по комнате взад-вперед, в отчаянии ломая руки. Затем решительно сгребла со стола злополучные бланки и растворилась в воздухе.

Крэк стоял у «жужелицы». Правую руку он по локоть запустил в обмотанный стальным тросом сердечник. Ни один человек не смог находиться так близко от этого устройства. Тот, кто прикоснулся бы к жужелице, скорее всего, потерял бы сознание или даже умер бы от болевого шока. При перекачке энергии «жужелица» создавала незрелый аналог силового поля — более грубый и насыщенный, чем те, которым люди огораживали свои владения.

Но Крэк был кэнменом.

Карл проступил из пустоты рядом с Джонсом. В руках у Карла была книга. Крэк моргнул.

— Прости, я не смогу поехать с тобой, — сказал Карл. — Я не из тех, кто спасает мир. Я из тех, кто разрушает его.

Шмеллинг протянул Крэку книгу.

— Вот твоя книга, — продолжал Карл. — Мне кажется, ты оставлял ее мне только под тем условием, что я буду с тобой. Отдавать такую вещь в чужие руки опасно.

Джонс коротко взглянул на книгу.

— Нет, — сказал Крэк. — Он не пойдет со мной, как я и говорил. Хотя оставить его тебе еще опаснее, тут ты прав, — добавил Джонс с сожалением. — Ты все же решил остаться здесь?

— Нет, — ответил Карл. — Я вернусь домой. Пора.

— Брюн уезжает вместе с вами?

Карл закусил губу.

— Нет, — с усилием ответил он.

— Хоть какая-то ясность, — пробормотал Крэк. — Карл, вы уходите от меня из-за женщины?

Шмеллинг отвернулся.

— Я люблю ее, — ответил он глухо.

Вдруг Карл пнул стену — да так, что от нее отвалился немаленький кусок известки.

— Я боюсь, что Брюн уйдет, — произнес Карл. — Я не хочу запира́ть ее здесь. Но и смотреть на то, как она уходит, тоже не хочу. Я лучше уйду сам.

— Если вы боитесь, что она уйдет — она все равно уйдет, — печально сказал Крэк. — Печатью в паспорте вы ее не удержите.

Карл оглянулся:

— Да ты разбираешься в женщинах, Джонс. Я знаю, что этим ее не удержишь! Понимаешь? Знаю! Только что видел! И я не понимаю, почему...

Крэк чуть прикрыл глаза. Совсем рядом происходили какие-то мощные колебания эфира.

— Сейчас Брюн будет здесь, — сказал Джонс. — Почему бы вам не...

— Шайссе! — рывкнул Карл.

Его силуэт задрожал, замигал, как неисправный светофор. Но телепортироваться Шмеллинг не смог.

— Вы слишком нервничаете, — сказал Джонс. — Такое бывает.

Карл изрыгнул еще несколько ругательств. Контур Брюн уже проступал в воздухе. Шмеллинг опустился на одно колено. Теперь Брюн не смогла бы его увидеть за мощным телом «жужелицы».

Брюн подумала, что Карл перенесся к флаеру, и сначала телепортировалась туда. Осторожно, чтобы не спугнуть его снова, Брюн заглянула внутрь. Но там обнаружились только Даша и Кати. Жена Крэка стояла в дальней части отсека, и Брюн толком не разглядела, что она делает, а Даша раскатывала по полу пенку. Одно лежбище из пенки и двух спальников уже было готово. Брюн решила посетить Джонса и сообщить о том, что случилось. Она нашла Крэка у «жужелицы» в подвале замка. Вид у Крэка был немного растерянный. Очевидно, Джонс не ожидал ее появления. Брюн собралась с духом. Джонс смотрел на нее с тревожным любопытством.

— Карл с нами не поедет, — произнесла Брюн наконец. — Извини. Это моя вина.

— А вы? — спросил Крэк.

— Ты же меня пригласил только потому, что я вроде его подруга, — ответила несколько сбита́я с толку Брюн.

— Не только, — сказал Крэк. — Вы мне нужны и сама по себе.

— Вот как. Тогда, разумеется, мы с Дашей едем с тобой, Крэк Джонс. Уговор есть уговор. Я, правда, не знаю, как я могу тебе пригодиться... Да и ребенок — это такая обуза, — пробормотала Брюн. — У Карла, конечно, опыта больше. Он руководил людьми, воевал...

Брюн замолкла. Негромко гудела «жужелица». По давно небеленым стенам разлеглись причудливые тени. Полоса люминофоров на потолке здесь частично выгорела. Она все еще работала, но выборочно, пятнами, и это придавало ей сходство со светящейся шкурой рыси.

— Ничего, — спокойно ответил Джонс. — Я смотрю, вы легко обучаетесь.

И добавил осторожно:

— А все-таки, что случилось с Карлом?

Губы Брюн задрожали.

— Он предложил мне выйти за него замуж... — с трудом произнесла она.

— Поздравляю!

— И я сказала «да» недостаточно быстро! — воскликнула Брюн.

Она всхлипнула и сказала устало:

— Впрочем, ты ничего не поймешь. Из-за меня ты лишился сотрудника... Прости, Крэк. Я буду работать за двоих.

— Почему же, — медленно произнес Крэк. — Я понимаю.

— Что ты можешь понять, — махнула рукой Брюн. — Ты же сам говорил, что воспитывался в монастыре. Откуда тебе разбираться в женщинах...

Она снова всхлипнула.

— Но я внимательно слушал, что вы мне рассказывали о своих мужчинах, — возразил Крэк. — Вам круто пришлось последнее время. Вы только вырвались на свободу, а Карл... ну, он же создал вас, как ни крути. Вы — его творение, даже имя он дал вам. И вы боитесь, что вас снова поймают. Что он снова поймает вас.

Слезы на щеках Брюн высохли.

— Да, — почти удивленно подтвердила она. — Именно этого я и боюсь.

Крэк наморщился, пытаясь подобрать верные слова.

— Это не так, — произнес он наконец. — Карл хочет дать вам уверенность в завтрашнем дне. Он думает, что именно этого вы от него и ждете. Замужества, стабильности. Ну, он же порядочный человек. Он хотел показать серьезность своих намерений. Для нас, мужчин, брак — это нечто страшное, безвыходное. Но Карл согласен расстаться со своей свободой ради вас.

— Еще бы! — неожиданно пылко воскликнула Брюн. — Карл был свободен всю жизнь, менял женщин как перчатки! Он уже нагулялся! А я...

Крэк посмотрел на нее озадаченно.

— Вы его любите? — спросил Джонс.

— Да, — хмуро ответила Брюн.

Из-за «жужелицы» появился Карл. Брюн ойкнула от неожиданности. Но быстро сообразила, что Карл сидел там, пока она говорила, а теперь просто выпрямился.

— Я не хотел подслушивать, прости, — произнес Шмеллинг. — Я зашел книгу отдать. Но так нервничал, что не смог пройти сквозь стену.

Брюн промолчала.

— Послушайте меня, пожалуйста, — сказал Крэк. — Я должен был поехать в другое место, где все было приготовлено для меня. И пройти в Совет Конфедерации оттуда. Со мной должны были быть два человека, два моих помощника. Мы восемь лет учились вместе. И я от всего этого отказался, чтобы найти отца. Я всех подвел... И когда я увидел вас, Карл, и вас, Брюн, я понял, что вы — мой шанс. Вы оба. У вас разные характеры и энергетические типы, но вы — то, что нужно, понимаете? Я обучен работать в команде. Ребята, я очень хочу, чтобы вы оба поехали со мной. Вы немного подзапутались в своих отношениях, я вижу. Вы не могли бы пока отложить это? Относиться друг к другу просто как к соратнику по общему делу? Я не справлюсь один.

— Я помогу тебе, — ответил Карл.

Крэк вопросительно посмотрел на Брюн. Она кивнула.

— Я понял, почему в кэнменов набирали только парней, — вздохнул Джонс. — Может, вы пока посидите здесь?

Крэк боялся, что буйная парочка снова поссорится. Джонс не хотел предоставлять им такую возможность. И Карл, и Брюн поняли это.

— Давай все-таки сделаем все записи в паспортах, какие надо, — сказала Брюн.

Она протянула ему бланки. Карл взял бумаги, обошел жужелицу и сел за пульт оператора. Помимо единственной кнопки и различных индикаторов, там еще оставалось достаточно места.

— Я бы советовал взять новые фамилии похожими на старые, — заметил Крэк.

Карл вопросительно посмотрел на Брюн.

— Мне напиши — Покатигорошек, — сказала она, подумав. — И Даше тоже. А имя мне не пиши пока, я еще не решила.

— Вы выбрали фамилию очень удачно, — одобрилительно сказал Крэк.

— Это такой богатырь из детских сказок, — объяснила Брюн. — И похоже на мою старую фамилию.

Карл занес руку над своим бланком, но опустил ее.

— Что-то ничего не придумывается, — буркнул он.
— Может, Шеин? — предложил Джонс.
— По звучанию похоже, — поддержала его Брюн. — И на слух кажется вполне русской фамилией.
— А имя? То же менять?
— У нас с вами похожие имена, — сказал Крэк. — Меня вот Кириллом записали.
— Или Карел, тоже хорошо звучит, — сказала Брюн. — И не перепутаешь.
— Ладно, — решил Карл. — Пусть будет Карел Шеин.
Он чуть наклонился вперед и вписал выбранное имя в нужную графу.
«Жужелица» гудела все хриплее и надрывней. Энергии в ней оставалось совсем мало. Процесс зарядки батареек флэера подходил к концу.

«Иван поцеловал Марину разбитыми губами. Марина доверчиво прижалась к его могучему окровавленному плечу. Они вышли из ангара на свежий воздух, стараясь не смотреть на обезглавленное тело, валявшееся в углу подобно трупу дохлой суки».

Телефон в коридоре зазвонил как раз тогда, когда Лена добралась до конца последнего абзаца бестселлера *«Обрубить волосатое щупальце»*. Финал несколько разочаровал читательницу.

Брюнетка оказалась шпионкой телкхассцев. Разумеется, она предала свою Родину-Землю за протиеестественные ласки. Герой после тяжких душевных страданий отверг ее. А меткий стрелок из батальона Космической Гвардии, которая, как всегда, прибыла только для того, чтобы увенчать героя лаврами и скромно убрать трупы, окончательно добил негодяйку.

Лена поднялась с тахты. Она и не заметила, что уже вечер. Когда стемнело настолько, что читать стало неудобно, Лена машинально включила лампу. Девушка сунула ноги в тапочки и направилась в коридор. Телефон все еще звонил — попался кто-то настойчивый.

Оставшись одна в гостевой дома Покатикамня, Лена взяла книжку и пристроилась с ней на тахте. Но потом перебралась на подоконник. Она все еще боялась, что Ирвинг случайно войдет в комнату. За плотной, непроницаемой шторой девушка почувствовала себя увереннее. Время от времени Лена поглядывала в окно в смутной надежде, что братья куда-нибудь уйдут. Так и случилось спустя недолгое время. Судя по тому, что Ирвинг и Лот покинули свой дом на флэере, путь им предстоял неблизкий. Лена захлопнула книгу. Это оказался довольно-таки занятный роман про девушку, полюбившую вампира. Лена поставила книгу на место, подхватила под мышку ставший лишним дождевик и поспешно покинула дом. Пройти через ворота удалось то же без особых проблем. На остановке около заправки почти сразу же появилась нужная Лене маршрутка.

Оказавшись дома, Лена приняла душ и тщательно вымылась. Во время купания у нее разыгрался аппетит. Девушка с большим удовольствием умяла яичницу из трех яиц с колбасой, которую быстренько приготовила себе на электрической плитке. Затем она бросилась на тахту, рассчитывая заснуть. Расчет оправдался, но не совсем. Лена надеялась прийти в себя следующим утром, когда все станет ясно и просто в свете нового дня. Но проснулась она вечером, в самый тревожный час — час сумерек.

Лена побродила по квартире. Она не знала толком, чем ей заняться. Идти гулять не хотелось, не хотелось и звонить подруге — Соне, дочери правителя Маревского района. Соня тоже уговорила родителей снимать ей квартиру в Новгороде и летом, когда занятий не было. Соне не удалось охмурить Ирвинга. Она была девочкой скромной, но выбор женихов в Новгороде был богатый. Ровесников Сони и Лены было очень мало. Но среди пришедших в Новгород немцев и англичан хватало еще не старых одиноких мужчин.

Которым очень нравились молодые девушки.

Слишком многое произошло сегодня, но Лене не хотелось думать об этом. Какая-то сосущая пустота в душе не давала ей покоя. Она вспомнила про бессмертное произведение *«Обрубить волосатое щупальце»*, разыскала яркий томик в сумке и принялась за чтение.

Лена сняла трубку. Это оказалась Соня.

— Привет, — сказала Лена. — А я как раз думала тебе позвонить.

— А тут я сама нарисовалась, — засмеялась подруга. — Слушай, собирайся скорее, мы сейчас за тобой заедем. Ирвинг прикончил Карла и Брюн. Их сейчас сжигать будут на берегу.

Лена вздрогнула. Она никогда не желала зла Брюн. Наоборот, Лена искренне надеялась, что у них с Карлом все получится. И Брюн не захочется вернуться в дом Лота. Лена видела трансляцию с отпевания. У нее сложилось ощущение плохо срежиссированного фарса. В вампиров девушка не верила. А теперь стала очевидна и реальная причина случившегося. Лот воспользовался случаем настроить людей против Карла и уничтожил его. Но что он убьет заодно и жену, да еще предаст Брюн такой варварской казни, этого Лена никак не ожидала.

— Весь город уже там, — продолжала щебетать Соня. — Йенс и Том тоже едут. Они согласны взять нас с собой. Потом погуляем — там, говорят, рядом какие-то романтические руины есть... Ну, сама понимаешь.

Соня захихикала. Лена понимала. Они с Ирвингом тщательно скрывали свой роман от одноклассников, чтобы избежать лишних сплетен и пересудов. Соня искренне считала, что подруга проводит вечер в одиночестве, и проявила себя как тактичный и добрый товарищ.

— Не, я не поеду, — сказала Лена и добавила для убедительности. — У меня эти дела. Толку от меня никакого. Позвони вон Настене, она скучает.

Настей звали их третью — и последнюю — одноклассницу. Все остальные ученики их элитного класса были мужского пола.

— Ой, какая жалость, — посочувствовала подруга. — Ты, наверное, мучаешься, бедная... Выпей полстакана волки и ложись спать. А я и правда Насте попробую позвонить.

— А водки-то зачем? — вяло спросила Лена.

— Она расширяет сосуды и снимает боль, — сказала Соня. — Ну, не скучай. Пока.

Подруга повесила трубку. Лена вернулась в комнату и забралась с ногами на разоренную тахту. Сейчас она даже не знала, зачем солгала и отказалась ехать. А ведь другая возможность попасть на берег вряд ли представится. Конечно, надо было показаться там. Поздравить Ирвинга, покрутиться на глазах у Лота. А то он, небось, думает, что Лена до сих пор сидит у него дома.

Почему-то Лена испытывала совершенно необъяснимый, но мощный протест при мысли о том, чтобы стоять у костра, на котором будут обугливаться кости Карла и Брюн.

— Это мерзко, — сказала она в пустоту комнаты.

Но и сидеть в темноте было глупо. Лена пошарила по прикроватной тумбочке, нашла пульт и включила телевизор. Местные каналы предсказуемо оказались забиты кадрами, полными черноты, в которой плясало оранжевое пламя. На канале, принадлежавшем Конфедерации, обнаружилась неплохая комедия. Старая, но по-настоящему веселая.

Лена остановила свой выбор на ней.

Шмеллинг не смог бы пилотировать флаер в бою — не та была специальность. Но на то, чтобы поднять машину в воздух и задать курс на Тверь автопилоту, навыков Карла хватило. Пока он нажимал клавиши на пульте, а тот в ответ мигал разноцветными огоньками, Брюн сидела рядом с Дашей. Крэк и Кати уже устроились на полу. Они легли ногами к пульта, и теперь Крэк мог любоваться звездным небом и сияющим диском луны. Кати отвернулась к стенке. Девушку очень утомила передача энергии в батарею флаера. Судя по ровному сопению, Кати уже спала. Даша думала, что Джонсы залезут в свои спальники и станут словно закуклившиеся гусенички. Но вместо этого парочка использовала один из спальников в качестве матраса, а вторым укрылась как общим одеялом. Брюн и Карл, очевидно, собирались поступить так же. «Я одна здесь гусеничка», подумала Даша. Мысль позабавила девочку — ей достался спальник зеленого цвета. Такого, какого Даша всегда себе и представляла закуклившихся гусениц.

Мать погладила ее по голове.

— Чему ты смеешься? — спросила Брюн.
— Мне кажется, что я гусеница в коконе, — ответила дочь.
— Да, — улыбнулась Брюн. — А когда вылупишься, будешь прекрасной бабочкой.
— «Мертвой головой», — рассеянно заметил Карл от пульта. — Очень красивая бабочка.

— Можно, я лучше буду махаоном? — спросила Даша.
— Можно, — кивнула Брюн.
— А я помогала Кати перекачивать энергию в батарею! — явно гордясь собой, сообщила Даша.

Брюн посмотрела на Кати.
— Это не опасно, не беспокойтесь, — заверила ее Кати.
— Молодец, — сказала Брюн.
Карл закончил программировать курс и повернулся лицом к остальным пассажирам.
— Если бы ты знала, как тоскуют руки по штурвалу, — улыбнулась Брюн, глядя на него.

Даша думала, что не сможет уснуть в таком необычном месте, но она ошиблась. Девочка заснула раньше, чем Карл лег рядом с Брюн. Шмеллинг некоторое время стоял рядом и ждал, пока Брюн устроится на их общем ложе.

— Это строчки из какой-то старой русской песни? — спросил он между прочим.
Брюн кивнула.
— Признайся, ты тоже любила старину, — сказал Карл.
— Да, — согласилась Брюн. — Мои сестры и братья любили носиться по замку или лесу вокруг. А мне нравилось читать старые книжки и смотреть фильмы времен республики. Я знала, что все это разрушили телхассцы. Мне эта утраченная страна, единая и могучая, казалась невыразимо прекрасной.

— Ну, если бы она была такой могучей, так легко она не развалилась бы, — возразил Карл и юркнул к подруге под спальник.

— Зато вы можете воплотить вашу мечту в реальность и заново создать эту могучую и прекрасную страну, — сказал Крэк.

— Я знаю, — ответила Брюн. — И очень рада этому.
— Мы прибудем в Тверь утром? — негромко спросил Крэк.

Мужчины оказались лежащими с краю, и могли переговариваться, не тревожа своих подруг.

— Да, — сказал Карл. — Да ты не волнуйся. Я посажу флаер рядом с каким-нибудь мотелем на въезде в город. Выспимся, а там видно будет.

— Отлично, — произнес Крэк, и добавил осторожно: — Тоня, вы еще не спите? Можно спросить вас кое о чем?

Брюн приподнялась на локте и выглянула из-за Карла.
— Конечно, можно, — сказала она.
— Это вы сделали ловца снов, который висел в той комнате, где вы заперли Лота и Ирвинга?

— Ловца снов? — непонимающе переспросила Брюн.
— Он похож на ловца снов, потому что я помогал его делать Брюн, — лениво сказал Карл. — Моя мать делала такие штуки. Они отгоняли кошмары. На самом деле это нечто вроде надгробия, памятный знак.

— Надгробие? — удивился Крэк.
— Там я убила... ну, съела... своего первого человека, — ответила Брюн. — Я считаю, что несмотря на положение, в котором мы оказались, убивать людей неправильно. Можно ведь откусывать по чуть-чуть. Я сделала этот знак, чтобы помнить об этом и сдерживать свои наклонности. Сначала у меня не очень-то получалось. Я всегда старалась вспоминать об этом знаке, когда... И у меня стало получаться.

— Я понял, — сказал Крэк. — Вы меня все сильнее восхищаете, Тоня. Я очень рад, что

мы будем работать вместе.

— Да ладно, — засмеялась Брюн. — Спокойной ночи.

— Добрых снов.

Крэк отвернулся к Кати. Брюн опустилась на спину.

— Тоня? — тихонько осведомился Карл.

— Ну да. Антонина — это мое настоящее имя.

— Я должен был догадаться, — пробормотал Карл. — Имена всех твоих братьев и сестер начинаются на «А», почему ты должна быть исключением?

— Да, — согласилась Брюн. — У папы была фамильная серебряная ложка, там были выгравированы две буквы — А и Ф.

— Ну, теперь буду знать, — сказал Карл.

— Кстати, — сонно сказала Брюн. — Фридрих тоже вполне подходящее имя для мальчика.

Карл Фридрих Шмеллинг молча улыбнулся в темноте.

Эпилог

Секретарь главы Новгородской области, Никита Боголюбский, покосился на посетителя. Тот явно маялся.

— Не желаете телевизор посмотреть? — сочувствуя, предложил Никита настоятелю.

Настоятель Петр принял предложение с явной радостью и облегчением. Мешанина из новостей, рекламы и какая-нибудь легонькая передача, вроде «Водонагревательный котел — своими руками» — как раз то, что нужно, чтобы скрасить томительное ожидание.

Боголюбский достал пульт из ящика своего стола. Никита прицелился на прикрепленный к стене плоский телевизор пультом и включил его. Телевизор в приемной главы Новгородской области всегда был настроен на федеральный канал «Вместе», и сейчас по нему передавали новости. Шла нарезка с итогового годового заседания правительства. Выступала министр культуры и образования Антонина Покатигорошек — невысокая полная брюнетка, женственность которой не мог скрыть даже строгий деловой костюм. Настоятель Пётр поморщился. Как и многие, он не одобрял участия женщин в политике.

В этот момент дверь в приемную открылась. Это прибыл господин Лотар Покатикамень, старший брат главы Новгородской области. Вместе с Лотом в приемную вошла и его очаровательная молодая жена. Герой достался положительной блондинке, как и должно быть. Энергичная развратная брюнетка была отвергнута мужем и окончательно уничтожена экзорцистом.

Пётр поспешно поднялся. Они обменялись приветствиями с Лотаром. Секретарь хотел убрать звук, чтобы телевизор не мешал наметившейся беседе. От старания Никита перепутал кнопки и наоборот увеличил громкость.

— Реформа образования идет успешно, — оглушительно прозвучало с экрана. — Хотя некоторое противодействие реформам в провинции оказывает церковь. В этом году в школу пошло почти восемьдесят процентов девочек, которым по возрасту пора идти в первый класс. Страна выползает из средневековья.

Кадр сменился — показывали ведущих в студии. Никита наконец справился с пультом, и экран погас.

— Ваш-то сыночек в этом году тоже в школу пошел? — спросил отец Пётр, чтобы сгладить неловкость.

Госпожа Покатикамень улыбнулась.

— Да, — сказала она. — Дети быстро растут. Вы представляете, в этом году с ними в классе будут учиться и девочки!

— Ужас, ужас, — покачал головой настоятель. — Куда мы катимся? Вся развратность от излишних знаний.

На шум из кабинета выглянул Ирвинг. Он был самым молодым среди руководителей регионов Федерации. Но все, даже его противники, сходились на том, что он по праву занимает свое место. И дорога, соединившая три года назад Новгород и Санкт-Петербург несмотря на «некоторое противодействие» таможенных лоббистов, была лучшим тому подтверждением.

— Привет, Лот, — сказал Ирвинг. — О каком разврате речь?

Лот добродушно усмехнулся:

— Лена и отец настоятель сокрушаются, что теперь девочки будут учиться в одном классе с мальчиками. Говорят, это не приведет ни к чему хорошему.

— Вы, госпожа Покатикамень, тоже учились в одном классе с мальчиками, — сухо заметил Ирвинг. — Так что не вам разбрасывать камни, как говорится.

Лена поджала губы и промолчала. «Сколько лет назад они разошлись, а все еще болит старая рана», подумал наблюдательный Петр.

Несмотря ни на что, Лот выдержал траур по первой жене. Лена стала второй женой Лотара через год после казни проклятой упырицы, почти сразу после того, как старший Покатикамень передал бразды правления областью Ирвингу. Лот оставил брату не только должность, но и дом. Для себя и новой жены он выстроил другой, в предместьях Новгорода, на берегу сонной речушки Питьбы.

Настоятель чувствовал, что назревает ссора, и ломал голову, как бы увести разговор на что-нибудь нейтральное. Однако в голову ничего не приходило. Петр досадовал на себя, что поднял эту скользкую тему. Но кто бы мог подумать, что так все обернется.

— Проходите, — сказал Ирвинг брату и его жене.

Настоятель Пётр умоляюще посмотрел на Лотара.

— Да мы на минутку, — сказал Лот. — Ты придешь к нам на Новый Год, или где-то отдельно отмечать будешь?

— Приду, — кивнул Ирвинг.

— Ну, вот и все, — сказал Лот. — Мы поехали тогда. Будем ждать.

Отец Пётр благодарно кивнул Лотару. Чета Покатикамень покинула приемную. Ирвинг приглашающе махнул рукой настоятелю. Петр вошел в кабинет вслед за его хозяином. Дверь плотно закрылась за ними.

Ирвинг остановился у своего стола. Пётр увидел лежащую там свою рукопись. Сердце его бешено застучало. Ирвинг в глубокой задумчивости побарабанил пальцами по крышке. Затем решительно опустил на стул.

— Садитесь, — сказал он, указывая на кресло для посетителей.

Петр устроился в кресле. Оно было довольно удобным. Единственный его недостаток, на взгляд Петра, заключался в том, что кресло было обито темно-красной кожей. Она немилосердно скрипела при каждом движении сидящего. Это поневоле вынуждало гостя сидеть тихо, как мышка.

Ирвинг откашлялся.

— В общем и целом, мне понравилось, — сказал он.

Петр облегченно вздохнул. Заметив это, Ирвинг улыбнулся.

— Но вы слишком сгущаете краски, — продолжал он. — Ну, какой из меня святой? Я, может быть, отшельник, подвижник, но не святой. Нет, не святой...

— Скромность — одна из самых главных добродетелей. Жаль, вот только встречается она не часто, — ответил ободренный настоятель.

Ирвинг засмеялся и протянул рукопись Пётру.

— Администрация области готова финансово поучаствовать в издании этой, несомненно, богоугодной книги, — сказал он.

Увидев обрадованное лицо Петра, Ирвинг предупреждающе поднял ладонь:

— Этот год выдался для нас не самым удачным. Поэтому много мы выделить не сможем. Не больше тридцати процентов от общих издержек, я думаю. Больше — не потянем.

— Да что вы, что вы! — воскликнул счастливый настоятель. — Этого больше, чем

достаточно! Благодарю вас!

Ирвинг отпустил его великодушным жестом.

Петр удалился, пятась и крепко прижимая рукопись к груди.

Ирвинг снова подошел к окну. Он смотрел на заснеженный лес. За березками в белой паутине топорщилось крестами кладбище, где Ирвинг когда-то разминул со смертью. Он зябко передернул плечами.

Повесть отца Петра растревожила не только те, давние воспоминания.

В голове Ирвинга прокручивалась его последняя беседа с Крэком, которая произошла всего месяц назад.

Из пятнадцати членов Совета Федерации «за» назначение Кирилла Иванова президентом Федерации проголосовали одиннадцать. Ирвинг находился в числе тех четверых, кто голосовал «против». Он уже отлично понимал все тонкости политического процесса в этой стране, и знал, на что идет.

Однако бежать за границу, как это сделали двое других членов совета, голосовавших «против» Ирвинг не собирался.

Некуда было бежать; вся его жизнь была здесь.

Ирвинг в очередной раз порадовался, что не завёл семьи. Сейчас пострадала бы ни в чем не повинная женщина, и, возможно, дети.

Но президент не торопился с ответом. Сначала Ирвинг думал, что Крэк ждет вступления в должность, и сейчас ему не до мелочей. Но на третий день после инаугурации ожидание стало невыносимым. Тачстоун не выдержал и явился в Красный Дом. Так называлась резиденция президента. Крэку предстояло жить здесь на протяжении всего срока полномочий. В этом же здании проводились заседания правительства и Совета Федерации.

Тачстоуна впустили в присутственную часть здания. На аудиенции с президентом Ирвинг настаивать не стал. Он сидел в курилке и собирался с духом.

Но Крэк сам нашел Тачстоуна. Президент появился в курилке вместе с Карелом Шеиным, министром иностранных дел. Шеин был самым старшим членом в новом кабинете министров. Ирвинг не знал точно, сколько ему лет. Но на вид Шеину можно было дать никак не меньше сорока пяти. Шеин недаром возглавлял дипломатический корпус. Он сразу понял, кого Ирвинг ждал в курилке. Министр отошел в сторону, чтобы не мешать беседе.

— Привет, — сказал президент и улыбнулся старому другу. — Рад тебя видеть.

— Сомневаюсь, — сказал Ирвинг.

— Мне сейчас анекдот рассказали, — произнес Крэк. — Старый, еще от коммунистов остался. Собирает хозяин фермы своих работников и говорит: «Ребята, у нас прогнила крыша на коровнике. Есть два варианта развития событий. Реальный — прилетают инопланетяне и чинят нам крышу. Фантастический — мы справимся сами».

Ирвинг расхохотался. Несколько нервно, надо признать. Но он не ожидал, что Крэк так глубоко и полно поймет, почему он, Ирвинг Тачстоун, голосовал против того, чтобы Крэк Джонс стал президентом Российской Федерации.

И не ожидал, что президент теперь оставит ему жизнь.

— Ведь знали, а? — сказал Крэк, то же улыбаясь. — Знали!

И продолжал очень спокойно и серьезно:

— Возможно, иррипане надеялись и впрямь сделать с Землей что-нибудь такое, что повредит людям.

— Да, — сказал Ирвинг.

Он испытал невыразимое облегчение от того, что можно говорить вот так прямо, в открытую.

— Ведь они столько в вас вложили, в тебя и твоих одноклассников, — продолжал Ирвинг. — Бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

Джонс кивнул:

— Но они тогда не знали того, что я знаю теперь.

— И что же это?

— Любая система, — сказал Крэк. — Чья надежность зависит от людей — ненадежна. Да, они дают мне советы и иногда даже прямые приказы, что делать. Как и остальным кэнменам. Но следовать им или нет, решаю я. Они никак не могут нас заставить, вот в чем дело.

Ирвинг покачал головой:

— Если твои учителя поймут, что вы не делаете того, ради чего это все затевалось — а я уверен, что это что-то очень низкое и грязное — они постараются уничтожить вас.

— Пусть попробуют, — пожал плечами Крэк.

Тачстоун вздохнул. Джонс ходил без охраны, и Ирвинг знал, почему.

— Они объявят, что выучили вас, — сказал Ирвинг. — Сделают контролируемый слив. И тогда люди сами убьют вас, как ставленников инопланетян.

— Именно это они и собираются сделать, — кивнул Крэк. — Но у них ничего не получится. О чем, как ты думаешь, я хочу сказать в завтрашнем обращении к нации?

— Ты хочешь... сам признаться... — пробормотал ошеломленный Ирвинг.

— Да. Иначе они будут шантажировать меня всю жизнь, — сказал Крэк. — Приходи посмотреть.

— Я приду, — сказал Ирвинг.

Президент докурил и выбросил окурок в урну. Ирвинг понял, что аудиенция стремительно близится к концу.

— Крэк, а можно личный вопрос? — спросил он.

— Ну, спросить-то ты можешь, — усмехнулся президент.

«Но никто не обещает тебе ответа», явно слышалась невысказанная часть фразы.

— Почему ты не позвал меня с собой? — спросил Ирвинг. — Ведь ты знал, что я... или именно поэтому? Поэтому и не хотел оживлять меня тогда, когда я валялся в этом подвале, а Лот уговорил тебя?

— Знал, — кивнул Крэк.

В глазах его что-то мелькнуло.

— Видишь ли, я ведь тогда только что прикончил двух упырей, — продолжал Джонс. — Это весьма утомляет, надо признать.

Шеин как-то странно чихнул. Словно хотел замаскировать удивленный возглас. Очевидно, он не был знаком с этой частью бурной биографии президента.

— Я боялся, что мне не хватит сил на то, чтобы вернуть тебя к жизни, — серьезно сказал Крэк. — А если бы я забрал тебя с собой, это вызвало бы кризис власти в Новгородской области. Ведь Лот собирался уйти на покой. Карла я убил... Оставался только ты.

Они расстались почти друзьями.

Но сейчас Ирвинг думал, что президент ему солгал.

И даже понимал, почему.

«Ты видел, что я хотел сожрать Лота», думал глава Новгородской области, глядя в сад за окном. — «И решил, что такой человек тебе не нужен».

— Идеалист, — сказал Ирвинг вслух. — Моей страной правит чертов идеалист.

В душе Тачстоуна медленно вскипала невыносимая горечь обиды, зависти и унижения.

«Тебе легко быть идеалистом, Крэк Джонс. Тебя семь лет учили в Дзюканге на сверхчеловека. Легко оставаться чистым, если ходишь меж людей, как бог — сильнее и мудрее всех. А вот попробовал бы ты, как я, как все остальные... когда либо брата сожрать, либо погибнуть, погаснуть, как свечка... Да никто не поступил бы иначе, никто! Лот сам хотел, чтобы я остался.

Все от силы твоей немерянной. А был бы обычным человеком — живо бы слетел с тебя весь твой идеализм и чистоплюйство. И нельзя требовать от человека, чтобы он был мудр и сдержан, как бог. А живешь-то ты, Крэк Джонс, среди людей, а не среди ангелов с черными

крыльями».

Ирвинг вздохнул и отвернулся от окна.

«И чего это мне про ангелов подумалось», усмехнулся он про себя. — «Да еще с черными крыльями, надо ж ты».

Глава Новгородской области сел за стол и придвинул к себе черную кожаную папку.

У него не было времени на пустые философствования. Самого молодого из руководителей регионов Федерации ждали дела.